

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ IV

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1930

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Март 1930 г.

И. о. Непременного Секретаря академик *В. Комаров*

Редактор издания академик В. В. Бартольд

Начато набором в марте 1929 г. — Окончено печатанием в марте 1930 г.

Тит. лист + 4 нел. + 298 стр. (1 рис.) + 2 табл.

Ленинградский Областлит № 32017. — 19 печ. л. — Тираж 850
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА

Статьи и заметки

	стр.
Полвека испанской арабистики. — И. Ю. Крачковский	1
Формула $m\ n-k$ — М. Э. Матье	33
К вопросу о судебных оракулах в Древнем Египте (с 1 рис.). — И. М. Лурье	51
Варваризмы в башкирской речи. — Н. К. Дмитриев	73
Материалы по османской диалектологии. Фонетика кармалицкого языка (§§ 9—22) (с 1 табл.). — Н. К. Дмитриев	107
Манефон и его время. Глава II (с 1 табл.) — В. В. Струве	158

Критика и библиография

а) На русском языке:

Проф. Н. В. Кюнер. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры (В. М. Алексеев)	265
Правдивое жизнеописание. Повести и рассказы. Перевод с китайского Редакция и вступительная статья А. Хархатова (серия «Худо- жественная литература современного Китая») (Б. А. Васильев).	286
Г. Шараф. Палятограммы звуков татарского языка (В. А. Богоро- дицкий)	249

б) На восточных языках:

Ии инь Сюй Гуи цуншу. Эр ши чжун: 影印續古逸叢書二十 種 (В. А.)	282
Лао цзе Лао. Лао-цзы Дао Дэ цзин. Цай Тингань бьянь. 老解老。道 德經。蔡廷幹編。(В. А.)	283
Чжун Го женьмин да цыдянь: 中國人名大辭典 (В. А.)	278

в) На европейских языках:

Fourth Pacific Science Congress. Java 1929. Excursion Guides. 35 №№. Science in the Netherland East Indies. Ed. by L. M. Rutten (С. Ф. Ольденбург)	263
Ernst Kühnel. Die islamische Kunst. Handbuch der Kunstgeschichte, B VI. Die aussereuropäische Kunst (В. А. Крачковская)	295
C. F. Lehmann-Haupt. Corpus Inscriptionum Chaldicarum (И. И. Мещанинов)	251
M. Rostovtzeff. L'Art Gréco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des Han (В. А)	274
M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu (um 750 v. Chr.). Ein Beitrag zur Entzifferung des Haldi- schen (И. И. Мещанинов)	255
Arthur Waley. The Temple and other poems, translated by — (В. Але- ксеев)	275

SOMMAIRE DU TOME QUATRIÈME

Articles et Notes

	PAG.
Un demi-siècle d'études arabes en Espagne. — Ign. Kračkovskij	1
La formule m rn-k. — M. Matthiew	33
Sur les oracles judiciaires dans l'Egypte Ancienne. — I. Luria	51
Les barbarismes dans la langue tartare. — N. Dmitrijev	73
Matériaux pour la dialectologie ottomane. Phonétique de la langue «karamalite» (§§ 9—22) (avec une planche). — N. Dmitrijev	107
Manéthon et son temps. Chapitre II (avec une planche). — W. Struve	158

Critique et Bibliographie

a) Langue russe:

Prof. N. Kühner. Cours sur le développement historique des principes de la culture matérielle et intellectuelle chinoise (B. Aleksejev)	265
Une biographie véridique. Nouvelles et récits. Traduit du Chinois. Sous la rédaction et avec une introduction de A. Harhatov. La litté- rature de la Chine moderne (B. Vasiljev)	286
G. Šaraf. Paléogrammes des sons de la langue tartare (B. Bogorodickij)	249

b) Langues orientales:

Chung Kuo jen ming ta tz'u tien. 中國人名大辭典 (B. Aleksejev)	278
Lao chieh Lao. Lao-tzu Tao te ching. Ts'ai T'ingkan pien. 老解老。 道德經。蔡延幹編。(B. A.)	283
Ying yin hsü kuyi ts'ung shu. Erh shi chung 影印續古逸叢 書二十種。(B. A.)	282

o) Langues de l'Europe occidentale:

Fourth Pacific Science Congress. Java 1929. Excursion Guides. 35 №№.
Science in the Netherland East Indies. Ed. by L. M. Rutten
(S. d'Oldenbourg) 263

Ernst Kühnel. Die islamische Kunst. Handbuch der Kunstgeschichte.
B. VI. Die aussereuropäische Kunst (V. Kračkovskaja) 295

C. F. Lehmann-Haupt. Corpus Inscriptionum Chaldicarum (I. Meščaninov) 251

M. Rostovtzeff. L'Art Gréco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des
Han (B. A.) 274

M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von
Urartu (um 750 v. Chr.). Ein Beitrag zur Entzifferung des Haldischen
(I. Meščaninov) 255

Arthur Waley. The Temple and other poems translated by — (B. A.) 275

Полвека испанской арабистики.

За последние годы на ряду с обычными сборниками ученых статей, выходящими в связи с юбилейными датами в жизни крупных специалистов, по такому же поводу было выпущено несколько сборников с переизданием более мелких работ самих юбиляров. Этот обычай можно только приветствовать; он является, быть может, более рациональным способом почтить ученого, чем сборник статей, в большинстве случаев не объединенных никаким внутренним принципом. Сборники статей одного автора дают возможность специалистам иметь под рукой произведения, разбросанные в различных редких и малодоступных изданиях, не всегда представленных даже в больших библиотеках; они помогают получить ясное представление в одной картине о всем ходе научной эволюции юбиляра.¹

В области арабистики и исламоведения за последние годы появились два таких сборника,² имеющих выдающееся значение и отмечающих приблизительно одну дату — 70-летие жизни. В 1927 г. закончено шеститомное издание *Verspreide Geschriften* знаменитого голландского исламоведа С. Snouck Hurgronje,³ в 1928 г. вышло двух томное издание *Disertaciones y opúsculos* испанского арабиста Julián Ribera y Tarragó по случаю сорокалетия его профессорства.⁴ Несмотря на одновременное почти

¹ Приходится пожалеть, что из посмертных сборников не удалось до сих пор осуществить предположенное переиздание *Kleinere Schriften* I. Goldziher'a, которое намечалось фирмой Heinz Lafaire. Теперь, при наличии прекрасной библиографии, составленной В. Heller'ом (*Bibliographie des oeuvres de Ignace Goldziher avec une introduction biographique de M. Louis Massignon, Paris, 1927*), оно было бы особенно полезно.

² Я не говорю о неоконченном (двухтомном) сборнике работ С. Н. Becker'a, *Vom Werden und Wesen der islamischen Welt. Islamstudien*, первый том которого вышел в Лейпциге в 1924 г.

³ С. Snouck Hurgronje, *Verspreide Geschriften (Gesammelte Schriften)*. I — VI. Bonn-Leipzig-Leiden, 1923-1927.

⁴ Julián Ribera y Tarragó. *Disertaciones y opúsculos*. Edición colectiva que en su jubilación del profesorado le ofrecen sus discípulos y amigos (1887—1927) con una introducción de Miguel Asín Palacios. I — II. Madrid, 1928. CXVI + 640 + 808.

появление обоих сборников, разница между ними очень велика. Конечно, в сборнике Снука, как в сборнике Риберы, перепечатан ряд статей из мало известных изданий на не всем доступном голландском или испанском языке, но тем не менее, если не все работы, то большинство их и во всяком случае общий характер деятельности Снука был и до этого хорошо известен широким кругам специалистов, справедливо признавших его после Гольдциэра главой современного исламоведения. Имя Риберы, по заслугам популярное и известное в Испании,¹ мало кому знакомо за ее пределами и едва ли даже среди арабистов найдется хотя бы десяток таких, которые имеют представление о главнейших трудах этого выдающегося ученого.²

Сборники имеют и другие существенные отличия. В издание, посвященное Рибере, так же как посвященное Снуку, естественно не вошли большие труды, напечатанные отдельными книгами, но в то время как в сборнике Снука представлено четыре языка, на которых появлялись его произведения, работы Риберы — и крупные и мелкие — написаны исключительно по-испански; только в последнее время заходит речь о переводе некоторых из них на другие языки Европы и востока. В его сборнике перепечатаны не только работы, связанные непосредственно с арабистикой или исламоведением, но и другие, входившие в круг его интересов и по существу возникавшие из его научных исканий на такие темы, как философия истории, марроканская проблема, педагогические вопросы, общественная жизнь Сарагоссы и вообще Испании. Благодаря такому составу, личность испанского ученого обрисовывается во всех ее проявлениях. Этому содействует и другое важное преимущество последнего сборника: он начинается с большого (116 страниц) введения крупнейшего ученика Риберы Miguel Asín Palacios, которое посвящено всесторонней характеристике деятельности юбиляра и представляет громадное значение для истории испанской арабистики и востоковедения вообще.³

В связи со всем этим сборник приобретает особо знаменательное значение: он дает возможность ясно представить себе характер испанской арабистики и всю планомерность, методичность и большие результаты ее

¹ О популярности его теорий в Испании можно судить по новейшей книжке Ángel González Palencia, *Historia de la literatura árabe-española*, Barcelona-Buenos Aires, 1928, passim. (Более кратко его основные теории формулированы в ранней книжке того же ученого *Historia de la España musulmana*, Barcelona-Buenos Aires, 1925, стр. 99—175 passim).

² Несколько слов о его работах см. у Д. К. Петрова в рецензии на издание хроники ат-Хушани (Восток, № 3, 1923, 201).

³ Это введение, помещенное в первом томе с римской пагинацией, в дальнейшем цитруется по имени автора со ссылкой на страницы, но без упоминания каждый раз о томе.

работы за последние пятьдесят лет. Сборник настойчиво говорит нам, что отношение европейских специалистов к испанской науке должно перемениться, что отсутствие знакомства с испанскими работами вредно отражается на поступательном движении арабистики вообще.¹ Есть все основания предполагать, что такое отношение теперь уже отошло в прошлое, но с наследием его приходится считаться еще и теперь. Нельзя отрицать, что над испанской арабистикой долгое время светила несчастная звезда:² суровый приговор Доzi над некоторыми ее представителями оказался роковым образом распространенным на все труды на испанском языке. Потребовалась работа почти двух поколений ученых, чтобы отменить этот приговор.³ Только произведения Аcина, ученика Риберы, вызвали, на наших глазах, редко с такой силой вспыхивавший интерес к арабистическим работам и в Европе, и в Америке, и на востоке;⁴ строго говоря, лишь теперь, с выходом сборника статей Риберы, можно оценить, как упорно и методически интересно шла работа испанской арабистики за несколько десятилетий до появления работ Аcина, шла почти без всякой поддержки внутри и почти в полной изолированности от ученых других стран. Если первым родоначальником новой школы испанских арабистов является Codera y Zaidín,⁵ то ее основателем и наиболее энергичным деятелем выступает его ученик Рибера.

Дать полную характеристику его разносторонней деятельности в пределах статьи невозможно: самым лучшим приемом для этого был бы перевод «введения» Аcина и той речи, в которой сам Рибера окинул взором (Examen retrospectivo) разные этапы своей работы в 1925 г. при избрании

¹ Ср. слова D. B. Macdonald'a в «The American Historical Review», цитуемые Asín'ом, СХ.

² Чувствуется, что современные испанские ученые испытывают на себе это особенно болезненно, как можно видеть по частым замечаниям Asín'a, XXXV, XL, CI.

³ Суждения Dozy теперь вообще рассматриваются иначе, чем в предшествующие полвека. См. В. В. Бартольд, Памяти Р. Доzi. 1820—1920. ИАН 1921, 229—244.

⁴ Ближайшим образом это надо сказать о его работе «La escatología musulmana en la Divina Comedia» (Madrid, 1919), история полемики по поводу которой и разбор более чем 80 рецензий занимает 102 страницы в изложении самого автора (La escatología musulmana en «La Divina Comedia». Historia y crítica de una polémica. Madrid, 1924. Несколько сокращенное изложение в «Revue de Littérature comparée», IV, 1924, 169—198, 389—407, 537—556). Эта работа переведена на английский и французский язык и вышла в популярном изложении автора Dante y el Islam (Collección Hispania), Madrid, 1927. Основные выводы повторяет A. González Palencia, Historia de la literatura arábigo-española, Barcelona-Buenos Aires, 1928, 298—305.

⁵ Общую оценку научной деятельности Кодеры дал E. de Saavedra в сборнике в честь первого Homenaje á D. Francisco Codera en su jubilación del profesorado, Zaragoza, 1904, IX—XXVII; список его работ до 1903 года, там же, XXIX—XXXVIII. Несколько слов, характеризующих начало нового периода испанской арабистики, у Asín'a, XVII.

директором *honoris causa* Общества Культуры Валенсии.¹ Однако, всякому арабисту необходимо ознакомиться и с основными этапами его научного развития и с существенными выводами его работ. Я попытаюсь сделать это в общих чертах, руководствуясь как сборником, так и не вошедшими в него работами Риберы, а в равной мере упомянутой статьей Асина и трудами некоторых других испанских ученых.

Еще при первом беглом ознакомлении с работами Риберы в хронологическом порядке останавливает внимание самый ход развития тем, далеко не всегда с такой ясностью вырисовывающийся у ученых: ход от частного к общему, от детального анализа к широкому синтезу и соответствующим выводам. Останавливает внимание и то, что специальный интерес постепенно заставляет затрагивать основные проблемы связанных с ним областей, расширяя круг внимания: исторические частичные изыскания влекут в область философии истории, исследование системы образования в исламе вызывает пересмотр ряда педагогических теорий нового времени и современности. Тесно и органически в работе Риберы прошлое оказывается связанным с вопросами современности: не только проблемы Марокко в их настоящем, но даже и жизнь Испании теперь совершенно естественно входит в круг горизонта его анализирующего ума. Поэтому, несмотря на большое по внешности разнообразие затрагиваемых им тем, они генетически между собой связаны и естественно вытекают одна из другой. Это разнообразие имеет такой же внешний характер, как различные наименования кафедр, занимавшихся им. С 1887 г. он был в Сарагоссе профессором арабского языка, с 1905 г. в Мадриде профессором по кафедре истории культуры евреев и мусульман, с 1913 по 1927 г. там же профессором по кафедре арабско-испанской литературы.² Эти разные кафедры связаны между собой так же тесно и органически, как личностью Риберы объединяется не только его чисто научная, но и руководящая деятельность, распространившаяся плодотворно и на создание ряда периодических серий, и на усовершенствование арабской типографии и на руководство школой своих учеников. Во всех этих областях успех его неизменно сопровождал; в создании школы быть может не малую роль сыграло то обстоятельство, что ему выпало счастье иметь хорошего учителя и с первых же шагов преподавания найти хороших учеников.

И редкий случай в жизни ученого: он мог вести совместную научную работу со своим учителем более тридцати лет, а теперь тоже более трид-

¹ II, 336—362.

² Asin, XXIII примеч.

цати лет ведет такую же совместную работу со своими старшими учениками. Теплое чувство всегда сквозило в словах Риберы, когда ему приходилось говорить о своем учителе. В 1904 г. его стараниями был издан сборник ученых статей, посвященных Кодере по случаю его юбилея;¹ число испанских участников говорило о силе уже созданной школы, а самое издание сделало бы честь любому востоковедному центру, не только провинциальному городу Испании. На склоне лет в 1915 г. Кодере было поручено приветствовать Рибера при его вступлении в Королевскую Академию Истории: в торжественной для обоих обстановке они могли в своих речах высказать, насколько в научной работе они обязаны друг другу.² В 1919 г. Рибера помянул уже покойного шефа школы, общего учителя, в блестящей характеристике их талантливого ученика Асина, приветствуя его при вступлении в Королевскую Испанскую Академию.³ С таким же теплым чувством, оглядываясь на свою прошлую научную работу в 1925 г., Рибера помянул и своего старшего ученика, рано умершего Pons y Voigues.⁴

Основные темы работ Риберы производят, с первого взгляда, впечатление большого разнообразия. Двигаясь в хронологической последовательности, их можно разбить на следующие группы: история образования у мусульман, история библиотек, история юридических установлений, история философии; история романского языка среди арабов Андалусии, происхождение средневековой лирики и эпоса, история арабской музыки и ее влияния на европейскую. Большинство этих тем у него всегда рассматривается в аспекте связи востока и запада, представляя одинаковый интерес и для арабистов и для медиевистов в широком смысле. История мусульманского образования выясняет вопрос о начале высших школ

¹ Homenaje á D. Francisco Codera en su jubilación del profesorado. Estudios de erudición oriental con una introducción de Eduardo Saavedra. Zaragoza, 1904. 8° XXXVIII + 656.

² Слова Риберы в его перепечатанной в сборнике речи (I, 94—95); соответствующее место у Кодеры см. в «Discursos leídos ante la Real Academia de la Historia en la recepción pública del Sr. D. Julián Ribera y Tarragó el día 6 de junio de 1915», Madrid, 1915, 71—75.

³ I, 470. Обе речи, произнесенные Риберой при аналогичных случаях в 1919 и 1924 году (I, 457—476 и 477—488) дают ценнейший материал не только для характеристики Асина, но вообще для истории и «философии» всей испанской школы арабистов. Не в меньшей степени то же можно сказать об упомянутом уже Examen retrospectivo самого Риберы.

⁴ II, 338—339. Кроме ряда мелких работ и перевода произведения Ибн Туфейля, о котором будет речь ниже, ему принадлежит капитальная, хорошо известная арабистам работа «Ensayo bio-bibliográfico de los historiadores y geógrafos arábigo-españoles», Madrid, 1898; неизданным остался его аналогичный труд о медиках и натуралистах.

в Европе и системе экзаменов, история судебных учреждений проливает свет на своеобразные юридические установления Арагона и выдвигает интересную теорию подражания в истории, которая уже нашла дальнейшее применение в трудах испанской школы арабистов. Изучение Ибн ал-'Араби освещает неясные до тех пор источники философии Р. Люллия; происхождение средневековой лирики, эпоса и музыки теперь представляется в совершенно другом виде, чем до работ Риберы. Если добавить про те отвлеченные от арабистики вопросы, как сущность педагогики, научность истории, то Риберу придется назвать не только арабистом, не только исследователем — историком мусульманской культуры в широком смысле, но и оригинальным мыслителем.

Его внимание к педагогическим вопросам и к постановке высшего образования, быть может, отчасти объясняется тем, что он не сразу нашел свою специальность. Уже после получения степени доктора юридических наук¹ он подпал под влияние профессора Кодеры и, начав у него занятия арабистикой 24 лет в 1882 г.,² уже через пять лет в 1887 г. мог занять кафедру.³ Первые годы занятий у Кодеры сразу ввели молодого юриста в научную арабистическую работу: он принял живое участие в подготовке первых трех томов предпринятого Кодерой издания *Bibliotheca Arabico-Hispana*, известного собрания капитальных источников для истории арабского владычества в Испании — серии в десять томов, которая делает такую же честь испанской науке, как *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* голландской. Эта работа дала ему не только основательную филологическую подготовку и большую палеографическую опытность, но и ближайшее знакомство с типографской техникой: в последней области он достиг не малого совершенства. Дело в том, что, не располагая в Испании ни одной подходящей типографией с арабским шрифтом, Кодера рискнул начать набор *Bibliotheca* в своей собственной квартире, небольшим запасом приобретенного им на собственные средства шрифта. Первыми наборщиками были студенты — ученики Кодеры;⁴ благодаря энергии Риберы дело удалось поставить более прочно и последние тома *Bibliotheca* могли выйти при помощи все той же оригинальной типографии в 1893—1895 гг.⁵ Любовь к типографским занятиям у Риберы осталась навсегда: благодаря его остроумному проекту касса арабского набора была сведена до 24 пун-

¹ Предисловие к *La Enseñanza entre los Musulmanes Españoles*³, Cordoba, 1925, 6.

² Выбор специальности, как он говорил впоследствии, был для него самого неожиданностью — I, 94.

³ *A sin*, XXIII примеч.

⁴ См. благодарность Кодеры в предисловии к первым двум томам *ВАН* I, 20.

⁵ *A sin*, XXVIII—XXIX.

сонов. Проект, являющийся известной революцией в арабском типографском деле, был введен в жизнь с 1909 г. и с этого времени все арабские тексты в Испании печатаются шрифтом, связанным с именем Риберы.¹

Работа над *Bibliotheca Arabico-Hispana* дала ему не только методическую подготовку во всех отношениях: она доставила ему материал для первых научных исследований. С 1886 по 1890 г. появляется систематически ряд его мелких статей по истории, культуре и исторической географии родной ему провинции Валенсии за арабский период;² в большинстве случаев данные извлекались из подготовляемых к печати томов *Bibliotheca Arabico-Hispana*. И впоследствии, занятый более широкими темами и работая уже в Мадриде, а не Сарагоссе, он периодически возвращается к вопросам местной истории в различных провинциальных изданиях.³ В 1925 г. избранный директором *honoris causa* в обществе *Centro de Cultura Valenciana* он произнес обширную речь ретроспективного характера, в которой не только выяснил связующую нить в собственных работах по местной истории, но и дал интересную характеристику постепенной эволюции своей научной деятельности вообще.⁴ Можно, наконец, отметить, что в одной из статей, рецензируя испанскую книгу, он на ее примере показал достаточно сурово, как не следует писать местную историю. Статья относится к 1906 г. и в сборнике, очевидно в параллель к оценке научной деятельности Асина (*El arabista español*), названа «*El pseudo arabista*».⁵

Не все работы его за ранний «сарагосский» период увидели свет. Поездка в королевский архив в Барселоне открыла богатый фонд арабских дипломатических документов по сношениям Арагонского королевства с мусульманскими владениями на востоке, в северной Африке и в Гренаде. Систематический каталог был составлен, но не опубликован: в настоящее время его учениками готовится полное издание и перевод всего фонда.⁶ Кроме Барселоны еще одно местное собрание доставило ему материал для отдельного труда. Не за долго до этого времени, в 1884 г. в небольшом арагонском местечке было обнаружено ценное собрание арабских и альха-

¹ Asín, CXIII—CXIV. Система была усовершенствована по указаниям Риберы испанским нумизматом и инженером Prietou Vives (II, 334).

² Статьи объединены в сборнике под общим названием «*Historia árabe valenciana*» (II, 177—362).

³ Статьи на эти темы появляются в 1906—1909, 1911, 1913 г. (II, 300—330).

⁴ II, 336—362. И после этого темы из родной истории продолжают его привлекать, как видно по статьям 1926 и 1927 г. — II, 244 и 326.

⁵ I, 489—492.

⁶ Asín, XXV—XXVI.

миадских рукописей: Рибера занялся исследованием их вместе с владельцем — своим коллегой по профессуре в Сарагоссе и еще одним местным ученым. В результате в 1888 г. им была собственноручно отлитографирована «*Collección de textos aljamiados*», которая почти в течение 30 лет служила «начальным катехизисом» всех испанских арабистов при ознакомлении с красочной и оригинальной литературой морисков.¹ В 1898 г. им, на основании материалов этого собрания, был прочитан ряд лекций о «предрассудках морисков»,² и в 1912 г., после перехода собрания в библиотеку *Junta para ampliación de estudios*, совместно со своим учеником Асином, дан полный каталог³ с обстоятельным, написанным им введением.⁴

Отсутствие в испанских и вообще в европейских собраниях целого ряда источников по истории Испании, несомненно существующих на востоке, подали Рибере идею, аналогичную с той, которую осуществил в 40 гг. Френ: составить для распространения на востоке и среди путешественников по востоку список тех сочинений, открытие и приобретение которых представляло бы интерес для науки.⁵ Так как в данном случае список предназначался, главным образом, для распространения среди антикваров и библиофилов в Фесе, которые отнеслись бы отрицательно ко всякому произведению, исходившему из Европы, то его нужно было издать литографски, по возможности замаскировав происхождение.⁶ С этой целью список, составленный по указаниям Кодеры, был переписан для литографии Риберой с соблюдением всех тонкостей магрибинской палеографии.⁷ О мастерстве и больших знаниях переписчика говорит неожиданный побочный результат. Из Марокко один экземпляр этого списка попал случайно в руки известного немецкого знатока Марокко G. Kampffmeyer'a, который принял его за воспроизведение старой рукописи и опубликовал под соответствующим

¹ Asín, XXVI—XXVII.

² I, 493—523.

³ *Manuscritos árabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta. Noticia y extractos por los alumnos de la Sección árabe bajo la dirección de J. Ribera y M. Asín.* Madrid, 1912.

⁴ С некоторыми сокращениями введение перепечатано в сборнике I, 417—433.

⁵ *Institutions bibliographiques relatives pour la plupart a la littérature historico-géographique des arabes, des persans et des turcs, spécialement destinées a nos employés et voyageurs en Asie.* St. Pétersbourg, 1845. (С русским текстом en regard.) Френом же еще в 1834 г. был составлен список ста восточных рукописей для той же цели.

⁶ Арабский титул: *فهرست الكتب في تاريخ الاندلس و المغرب*. Экземпляры с обложкой имеют французское заглавие: *Catalogue de quelques livres d'Histoire d'Espagne dont on désire l'acquisition ou au moins la connaissance de leur existence pour en tirer copie.* Madrid, 1888. Брошюра содержит перечень 153 произведений, относящихся ко времени до эпохи Ибн Халдуна.

⁷ Asín, XXVII—XXVIII.

заглавием «Eine alte Liste arabischer Werke zur Geschichte Spaniens und Nord-West-Afrikas»¹ с детальным палеографическим анализом «архаического» письма и обстоятельными историко-литературными комментариями, не подозревая, что переписчик списка мало кому известный современный испанский арабист.

Издание *Bibliotheca Arabico-Hispana* было закончено в 1895 г.; оно закрепило за школой Риберы арабскую типографию, которая позволяла теперь печатать научные работы с арабским шрифтом. Параллельно с этим у Риберы возникает идея о необходимости создания популярной серии научного характера, в которой можно было бы опубликовывать серьезные труды, имеющие широкое значение. Такая серия постепенно могла вызвать в испанском обществе интерес к востоковедению, в частности арабистике, и тем самым придать ему более прочное положение. Идея была осуществлена, при чем, как и типография, путем исключительно частной инициативы. В новой серии «*Collección de estudios árabes*» томиками небольшого формата между 1897 и 1909 гг. вышло семь работ самого Риберы, его учителя Кодеры и трех ближайших учеников.² Уже после смерти Кодеры в 1917 г. серия была дополнена двумя томиками посмертных работ патриарха испанской школы.³

Collección была предназначена для помещения отдельных крупных работ. Более мелкие статьи научно-популярного характера, попрежнему, не находили себе приюта. В связи с этим Рибера задумал еще одно периодическое издание. Осуществить периодический орган специально по востоковедению для Испании этой эпохи было немислимо; поэтому Рибера, в компании с профессором истории в Сарагоссе, основал журнал общенаучного характера *Revista de Aragon*, в котором солидное место уделялось работам его школы. Издание просуществовало с 1910 г. шесть лет и постепенно замерло с переходом Риберы в Мадрид;⁴ в нем было помещено большинство общих работ и самого основателя за этот период — его статьи по педагогическим вопросам (1899—1903), о марроканской

¹ *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen* (Berlin), IX, 1906, *Westasiatische Studien*, 74—110.

² О работе Риберы в этой серии будет речь впереди; из трудов его учеников здесь особенно ценно капитальное исследование Асина об ал-Газали (том VI) и перевод произведения Ибн Туфейля, данный Ронс у Voignes (том V). О последнем см. замечания Д. К. Петрова, Одна из испано-арабских проблем, *ЗКВ*, II, 75—76. О дальнейшем развитии проблемы Ибн Туфейль — Gracián, см. мою статью в *Litteris*, vol. IV, March 1927, 28—33 и формулировку A. González Palencia, *Historia de la literatura árabe-española*, 321—323.

³ Asín, XXX, прим. 1.

⁴ Asín, XXX—XXXII.

проблеме (1901—1905), по философии истории, по общественной жизни Испании и Сарагоссы (1900—1905).¹

Трудно себе представить, как при наличии трех серий, организация и ведение которых требовали систематического наблюдения и большой затраты как энергии, так и времени, Рибера находит возможность заниматься и чисто-научными трудами, кроме непосредственного участия в руководимых им изданиях. Между тем и сарагосский период ими так же богат, как мадридский. Особенное значение имеют здесь два ряда его исследований.

Началом первого из них служит его первая работа по истории культуры, которая вышла в 1893 г. в Сарагоссе под названием «Образование у испанских мусульман».² Без всяких предшественников в арабской и арабистической литературе, основанная на систематическом просмотре первоисточников, изданных и рукописных, она и до сих пор является единственной в своем роде. Как исходный пункт Рибера ставит вопрос о вмешательстве государства в образование и решает его положительно для восточного ислама, отрицательно для мусульманской Испании. В последней государственное воздействие чувствуется только в эпоху упадка, или под прямым восточным влиянием или из подражания христианам. В индивидуальной или социальной инициативе частных лиц при полной свободе Рибера находит объяснение организации всего образования и расцвета культуры в Испании. Он подвергает последовательному анализу начальную школу, различные дисциплины высшего образования, дает характеристику учителей, школьной жизни и учеников, разбирает вопросы о месте, языке и длительности обучения, об ученых степенях и переходе их в христианскую Испанию, о библиотеках и образовании женщин.

Эта работа в научной деятельности Рибера оказалась особенно плодотворной по своим результатам. С одной стороны, вопрос о вмешательстве государства в образование и его система, привлек его внимание к педагогическим теориям вообще. Их анализ вызвал ряд статей по вопросу о современном высшем образовании в Испании, об экзаменах, горячим противником которых Рибера является³ и, как завершение их, большой двухтомный

¹ Последняя серия статей помещалась им под псевдонимом D-г Вгауер, представляющей своеобразную анаграмму к фамилии Ribera (II, 639—796). В дальнейшем к этой серии я не возвращаюсь.

² В основе лежит вступительная лекция в курс 1893—1894 г. Второе издание опубликовано Королевской Академией в Кордове в 1925 г. В сборнике работа перепечатана I, 229—359. Краткая формулировка ее A. González Palencia, Historia de la España musulmana, 118—119.

³ II, 483—635.

труд «Педагогический предрассудок».¹ Он посвящен анализу приемов современного обучения педагогами и их результатам; вторая не опубликованная, но готовая часть анализирует приемы изучения.² С другой стороны, работа об образовании в мусульманской Испании явилась только одной частью большого целого: «История учебных установлений в мусульманских государствах востока». Работа полностью не закончена, хотя материал для нее — гораздо более обширный и разбросанный чем для первой темы — собран годами. О плане работы можно судить по первой. Особенное внимание в ней посвящено вопросу о происхождении школ, при чем вывод, к которому приходит Рибера, таков: организация учебных учреждений в восточном исламе не является местным продуктом. Она — подражание или копия других сходных организаций, существовавших в древних государствах дальнего востока, ближайшим образом Китая. Осуществлено это подражание через связь с промежуточными цивилизациями, особенно персидской. Последняя главным образом содействовала прогрессу мусульманской культуры, но она же внесла в политическую и административную организацию ту систему государственного вмешательства, которое характерно для монархий дальнего востока.³ Из этой большой работы до сих пор опубликована только одна глава — о происхождении Медресе Низамие в Багдаде.⁴ Начало этого медресе он ставит в связь с медресе в Нишабуре, которое, в свою очередь, возникло под влиянием различных медресе толка каррәмитов, имевших прототип в буддийских ученых монастырях.⁵ Помимо этого основного источника в организации можно уловить некоторые следы христианско-византийских влияний.

Развитием одной из глав исследования об образовании в мусульманской Испании явилась через два года интересная работа «Библиофилы и библиотеки мусульманской Испании». Монография захватывает вопрос широко: анализирует причины распространенности книги среди арабов, дает обзор главных библиотек, как халифских, так и частных в Кوردове и других городах, рисует тип библиофила и выдвигавшие его социальные классы, указывает на любовь к книге среди женщин и мозарабов, перечисляет наиболее известных каллиграфов, выясняет организацию библиотек и

¹ La superstición pedagógica. Madrid, 1910. I—II, 236 + 262 стр.

² Asín, LXXIII примеч.

³ Asín, XXXV—XXXVII.

⁴ Первоначально в сборнике в честь F. Codera в 1904 г. (стр. 4—17), перепечатано здесь I, 361—383. Работа, повидимому, не известна автору новейшей статьи об этом медресе Reuben Levy, The Nizamiya Madrasa at Baghdad, JRAS, 1928, 265—270.

⁵ Ср. аналогичный, сделанный независимо от Риберы вывод В. В. Бартольда, Ислам, II. 1918, 52.

в заключение производит приблизительный подсчет книжных богатств мусульманской Испании. Работа представляет образчик изящной научно-популярной монографии и явилась одной из наиболее известных в Испании работ Риберы. Она выдержала четыре издания,¹ причем для перепечатки в настоящем сборнике автором дополнен научный аппарат в виде извлечений и цитат из источников, отсутствовавший в первоначальном издании.²

Наряду с вопросами образования в мусульманских странах Рибера в сарагосский период усиленно занимался историей мусульманских юридических установлений. Толчок исходил из условий местной среды. В Арагоне существовала должность верховного судьи (*Justicia Mayor*) со специфическими полномочиями, которая не находила себе параллелей в организациях древности и средневековья, и поэтому считалась оригинальным продуктом местного самостоятельного происхождения.³ Ближайшее ознакомление с мусульманским миром показало Рибере, что истоки этого учреждения находятся в известном институте *назар ал-мазъмим*, председатель которого *сәхиб ал-мазъмим* является прототипом *Justicia Mayor*. Сопоставление уже само говорило за себя, но приходилось для установления факта бороться с вековым предубеждением испанских ученых против всего мусульманского, которое особенно болезненно сказывалось в вопросах заимствования. Поэтому работа Риберы под скромным заглавием «Происхождение арагонской хустисии»⁴ приняла характер диалектического произведения с принципиальным обоснованием теории подражательности в истории. Большая часть книги посвящена не столько конкретному факту, сколько развитию этой теории.⁵ Работа в этом аспекте приобретает уже не специальное, а общее значение; плодотворность основной идеи была доказана последующими трудами и самого Риберы и его школы.⁶ Одной из иллюстраций этой теории явилась его статья 1899 г. «Происхождение философии

¹ Первоначально в сарагосском журнале *La Derecha* и отдельным оттиском оттуда, второе издание вышло уже в 1896 г. там же, в 1925 г. перепечатана в Кордове Королевской Академией вместе с исследованием *La Enseñanza...* В сборнике занимает I, 181—228. Краткое изложение работы у *A. González Palencia, Historia de la España musulmana, 139—142.*

² В сборнике опущено однако предисловие к кордовскому изданию, в котором автор излагает (стр. 99—101) историю возникновения работы и свои дальнейшие планы в этом направлении.

³ Ср. Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, III, 312.

⁴ *Orígenes del Justicia de Aragón. Colección de Estudios Arabes. II. Zaragoza, 1897, Ср. A. González Palencia, Historia de la España musulmana, 105—107, 169.*

⁵ Изложение ее у *Asín'a XLVI—LII.*

⁶ Капитальное значение в этом смысле имеет упоминавшаяся уже работа «*La escatología musulmana*» *Asín'a.*

Р. Люллия»,¹ в которой ему удалось установить непосредственную связь этого «христианского суфия» с произведениями известного мусульманского мистика Ибн ал-'Араби.² По инициативе Риберы³ эта тема была обстоятельнее разработана Асином,⁴ было найдено заявление самого Люллия, что книгу *El Amigo y el Amado* он написал в подражание мусульманским мистикам, но и через много лет, с горечью видя медленное проникновение идей своей школы в среду специалистов, Рибера говорил, что «люллисты отрицают то, что заявлял открыто сам Люллий».⁵

Формулировка теории подражания увлекла Риберу еще глубже в вопросах об историческом исследовании: в своей работе «Научное в истории» он проводит анализ самой сущности истории, которую нет возможности без оговорок вводить в обще принятое понятие науки.⁶ Ближайшим толчком к этой работе послужило создание в 1900 г. во Франции журнала «*Revue de Synthèse Historique*», в котором между прочим был помещен ряд работ по вопросу о том, что такое история. Особенно близкое участие в обсуждении приняли румынский профессор Xenopol (автор «*Les principes fondamentaux de l'histoire*»), француз Lacombe (автор «*De l'histoire considerée comme science*»), швейцарец Ricker и италиец Pascual Villari.⁷ Полагая в основу анализ, главным образом, двух первых работ, Рибера проводит ту мысль,⁸ что история ни по своему объекту или материи, ни по своей специальной точке зрения, ни по методам и логическим приемам не может составить специальной науки, отличной от других наук; она представляет собой только поле наблюдения, необходимое для сбора тех колоссальных материалов, которые питают и оживляют все науки. Эта мысль основана на том, что по его мнению всякое прошлое, как всякое настоящее, необъятно и индивидуально; и то, и другое представляет одинаковый объем изучения; исследование прошлого требует тех же методов и логических построений, как и настоящего; и то, и другое представляет область общую и для художников и для ученых. Таким образом, по определению Риберы,⁹ история, изучаемая с научными целями, единственно состоит в знаниях, которые сами по себе не представляют науки, располо-

¹ I, 151—179.

² I, 176.

³ Ibid., 179.

⁴ Ibid., 473.

⁵ II, 40. Основные выводы работ Риберы и Асина о Люллии изложил A. González Palencia, *Historia de la literatura arábigo-española*, 293—297.

⁶ I, 529—637. Ср. Asín, LXII—LXV.

⁷ I, 529—530.

⁸ I, 567—568.

⁹ I, 588—589.

женных и систематизированных в форме, наиболее пригодной для того, чтобы человеческий ум мог находить сходство и соотношения, которые или обогащают фонд наук уже существующих, или вызывают из лоно истории другие, еще неродившиеся, науки. В техническом отношении история может быть определена, как искусство наблюдать прошлые события не непосредственным образом и на соответствующем расстоянии, с целью открыть не установленные еще принципы или подтвердить уже принятые истины. Таковы принципиальные выводы этого исследования «о научном в истории», которое в своей основе вытекло из работы Риберы над арагонским судом.

Только один раз Рибере удалось побывать в арабских странах: зиму 1893 г. он провел в Марокко, будучи прикомандированным к специальной дипломатической миссии,¹ и работал над изучением местного населения и библиографическими изысканиями. И, много еще лет спустя, чувство благодарности к правительству, которое дало возможность осуществить эту поездку, было живо у Риберы.² Ближайшее ознакомление с испанской политикой и действиями дипломатии на севере Африки вызвало у него в 1901—1905 г. ряд статей по марроканскому вопросу³ и идею создания особой школы арабистов, как ученых, так и практиков «Centro de Estudios arabes».⁴ Эта идея, подробно и обстоятельно развитая, не нашла своего осуществления, в связи с постоянными колебаниями политики испанского правительства. Значительно позже, уже в 1910 г. она отразилась в создании «El Centro de Estudios Historicos»,⁵ где арабистическая секция, руководимая Риберой, оказалась наиболее жизненной и энергичной, благодаря трудам его самого и его учеников, выпустивших двенадцать капитальных изданий и исследований за пять лет существования секции.⁶

Ко времени неудавшейся попытки создания школы арабистов относится переход Риберы на кафедру в Мадрид. И здесь ему пришлось прежде всего думать о создании широкого органа для распространения идей своих и своей школы. «Revista de Aragon» приобретала характер преимущественно местного органа; теперь Рибера задумал центральный орган для работ, относящихся к различным отраслям отечественной культуры. С участием других ученых он начал в 1906 г. издавать журнал «Cultura Española»;

¹ См. данные, сообщаемые Кодерой в «Discursos leídos . . . el día 6 de Junio de 1915», Madrid 1915, 70.

² II, 400.

³ II, 365—480.

⁴ Asín, LVII—LIX.

⁵ Asín, LXV—LXVIII.

⁶ Перечень их у Asín'a, LXVI—LXVII.

в шестнадцати вышедших томах ее (1906—1909) не мало арабистического материала, обязанного и самому Рибере и его ученикам.¹

К 1912 г. заканчивается тот, почти 25-летний этап в научной деятельности Риберы, который преимущественно характерен различными исследованиями по вопросам образования и образованности на востоке и западе. Занявший около этого времени кафедру арабско-испанской литературы и выбранный членом Испанской Академии он посвящает теперь преимущественное внимание вопросам языка и литературы. Появляется серия исследований, часто носящих характер открытий; освещается до-история романского языка в Испании, происхождение провансальской лирики, происхождение европейского эпоса, природа арабской музыки и ее влияние на средневековую европейскую. Эта серия еще больше, чем в первом периоде, представляет органическое целое; все звенья тесно связаны между собой и каждое, с логической последовательностью, влечет следующее. Для общих выводов науки работы этого периода, быть может, имеют наибольшее значение и поэтому на них полезно остановиться несколько обстоятельнее.

Исходным пунктом всей серии можно считать вопрос о языке или даже о национальности мусульманской Испании.² В 1919 г. в одной торжественной речи Рибера сказал:³ «Я повторяю (и буду повторять до сыта, так как этого требует справедливость), что испанцами были мусульмане полуострова: испанцами по расе, испанцами по языку, испанцами по своему характеру, вкусам, тенденциям и гению». Еще за семь лет до этого в начале своей речи об Ибн Къузмане в шести сжатых положениях он высказал свой взгляд на нацию, язык и поэзию мусульманской Испании:⁴

1) Семитизм входил, как составной элемент в расу испанских мусульман в минимальной дозе; это не позволяет называть их ни семитами, ни восточными людьми уже с третьего или четвертого поколения после завоевания.

2) Даже мусульманские фамилии, которые гордились своим арабским происхождением, в семейном обиходе пользовались обычно европейским языком — испанской ветвью романского, во всяком случае до половины XII в.

3) В арабской Испании существовало два народных языка — арабский и романский, на котором говорили одни и те же лица: романский

¹ Asin, LX—LXI.

² I, 13.

³ I, 468; ср. I, 26.

⁴ I, 10—11.

в семейной жизни, арабский язык, как официальный, в школах, в общественных учреждениях и т. д.

4) Благодаря такому сосуществованию могла возникнуть и действительно возникла смешанная поэтическая система, в которой ясно проявились влияния европейские и восточные.

5) Эта поэзия, презиравшая теми, кто следовал за классической традицией, была понятна не только андалусскому народу, но и тем европейцам, которые проводили некоторое время в Андалусии, хотя и не так понятна теперь, через восемь веков, нам. Интимная и культивировавшаяся сперва в семье и высших социальных слоях, она постепенно открыла себе путь в верхние классы общества и стала литературной.

6) Эта поэзия, не пользующаяся образами пустыни, а основанная на тех популярных темах, которые в позднейшие века повторяются в европейских литературах, облекается в поэтические формы, отличные от классически-восточных. В ней появляются целые стихи и рифмованные строфы на романском диалекте, очень похожем на галлегский и португальский язык, свойственный наиболее архаичной испанской лирике.

Таким образом, исследованиями Рибера выясняется, что, уже с третьего или четвертого поколения после завоевания, мусульмане в Испании, как арабского происхождения, которые составляли меньшинство, так и из местных христиан были билингвами: кроме арабского, который был официальным языком, они пользовались романским в домашней жизни и даже в общественных сношениях. Сожительство победителей и покоренных вызывало сохранение романского языка у последних (которых было большинство) и усвоение его первыми (которых было меньшинство). Языковая картина получается достаточно сложной и Рибера обрисовывает ее в той же речи в следующих тезисах:¹

1. В мусульманской Испании существовали параллельно два литературных языка — классический арабский и классический латинский и два народных: арабский народный и вульгарная латынь или зарождавшийся романский.

2. Классическая латынь сохранялась, как язык религии (а в некоторые периоды и в некоторых областях и литературы), христианами, которые оставались в Андалусии во время мусульманского владычества, в особенности клиром, в руках которого было сосредоточено обучение.

3. Арабский классический язык, как литературный, не являлся исключительным достоянием мусульман; им пользовались и андалусские христиане.

¹ I, 28—29. Cp. A. González Palencia, *Historia de la España musulmana*, 116—118.

На это горько жаловался Альваро Кордовский, говоря что его единовѣрцы бросают чтение латинских книг, увлекаясь арабскими, и, забывая свой язык, на арабском сочиняют даже стихи.

4. Арабский народный язык и вульгарная латынь были языками, которыми одинаково пользовались одни и те же лица — не только христиане мусульманской Испании, но и мусульмане Андалусии.

Обоснования для этих тезисов более чем достаточны. В изданной Риберой хронике ал-Хушани¹ нашелся ряд подтверждений того, что романский язык появлялся во всех слоях населения Кордовы, даже в трибуналах и халифском дворце. Известный нам по уникаму Азиатского Музея Ибн Қузман² ввел этот романский язык в литературу, сочиняя свои строфы на арабском разговорном диалекте и пользуясь романским. Это открытие очень важно для до-истории кастильского языка. Романисты в своих изысканиях дошли до второй половины X в. и обнаружили там лишь жалкие образцы зарождающегося романского языка, так как латинский, в более или менее классической форме, был тогда единственным письменным языком. В письменных документах могли только спорадически попадаться образцы кастильского разговорного языка; испано-арабская литература открывала здесь новый и неожиданный источник, указав романистам на большой запас романских слов, которые были в ходу и у мусульман, и у христиан Андалусии. Они одинаково интересны с точки зрения и фонетики и семантики, устанавливая первые этапы эволюции романского языка в этот еще бесписьменный период. Романисты оценили это открытие и Menéndez Pidal в работе «Orígenes del Español» пошел по пути, указанному Риберой; для систематического и полного исследования здесь предстоит еще много работы романистам.³

Строфы дивана Ибн Қузмана под внимательным анализом Риберы повлекли и к другому неожиданному открытию: разъяснению вопроса о происхождении провансальской лирики. «В диване Ибн Қузмана», заявил Рибера в речи в 1912 г.,⁴ «я вижу целую поэтическую систему, которая озаряет очень живым светом темную эпоху средневековой европейской лирики: эта лирическая система связана теснейшими нитями с европей-

¹ Historia de los jueces de Córdoba por Aljoxani. Texto árabe y traducción española por Julián Ribera (Madrid 1914). Введение к ней перепечатано в Сборнике I, 385—416. О капитальном значении этого труда см. замечания Д. К. Петрова в журнале «Восток», № 3, 1923, 201—202.

² См. о нем суммирующую статью С. F. Seybold, Enzyklopaedie des Islām II, 1918, 423—424.

³ Asín, LXXVIII—LXXIX.

⁴ I, 5.

скими системами, которые зародились несколькими веками позже». Выяснилось, что его стихотворения гибричны не только по языку: Рибера открыл другие не арабские элементы и в метрике и в сюжетах. Как известно, арабская поэзия — и до-исламская, и более поздняя, однорифмна, подчиняется законам квантитативной метрики и в каждом стихе включает одинаковое количество стоп. Наоборот, стихотворения Ибн Къузмана, хотя иногда и подчиняются законам той же метрики, не состоят обязательно из стихов одинаковой длины. Другим нововведением является распределение рифм по строфам. Каждая строфа состоит из одинакового числа стихов — от 4 до 15, которые рифмуют между собой, подчиняясь богатой системе комбинаций, восходящей к основному типу четверостиший *аааб*. Аналогичная гибридизация видна и в сюжетах стихотворений:¹ темы до-исламской поэзии отсутствуют совершенно, редко попадаются специфически мусульманские образы, с другой стороны — очень часто встречаются такие, которые своим откровенным сенсуализмом могли нравиться населению космополитического города. Встречаются, наконец, формы, которые впоследствии стали типичными для европейских лирик, как *albada (aubade)*.² Все стихотворения носят чисто-народный характер не только по стилю своих зротических сюжетов, но и по языку — смеси арабского и романского; все они снабжены припевом для пения хором слушателей.

Таким образом, диван Ибн Къузмана дает нам возможность установить, что в первой половине XII века в Кордове существовала метрическая система с разнообразными ритмическими комбинациями, каденциями и паузами, примера для которой не существует в классической традиции арабов. Однако, совершенство рифм таково, что в нем легко чувствовать влияние лиц ученых и привыкших к арабской традиционной технике. Арабским является язык, арабским является тип созвучий, может быть арабским является требование общей рифмы в завершении строф, арабским является двойственность сюжета (*тагъзул и мадйх*). По всей вероятности не арабского происхождения внутренняя рифма всех строф, богатая комбинация рифм. Не от арабов идет силлабический прием и ритмическая система, давняя для Европы; не арабского происхождения строфическая система с припевом, равно как некоторые сюжеты этих песен.³

При такой гибридности естественно встает вопрос, как могла возникнуть эта лирическая система на арабском языке и в мусульманской области?

¹ I, 45—46.

² Ср. Hugo Riemans, Musik-Lexikon,² Leipzig, 1907, 62.

³ I, 48—49.

Как гипотезу в ответ на это Рибера высказывает,¹ что не арабские элементы этой поэзии могут быть объяснены влиянием галлего-португальской лирики, древнейшей из европейских, которая, в свою очередь войдя в соприкосновение с арабской поэзией в Андалусии, заимствовала из подражания элемент рифмы, отсутствовавший в греко-римской классической поэзии.

Оставляя это хотя бы только гипотезой, важно подчеркнуть другое обстоятельство: что эта лирика существует уже в начале X в., то есть за двести лет до появления древнейшего провансальского трубадура. Это обстоятельство позволяет Рибере объяснить происхождение поэзии трубадуров, иначе говоря всех придворных школ в Европе до XVI в.; объяснение дается в форме диаметрально противоположной той, которая принята у романистов. У них аксиомой является оригинальность провансальской лирики, так как техника ее стихотворений, в особенности сложные и богатые комбинации рифмованных строф не находят себе precedентов, могущих дать объяснение, в греко-латинских классиках. Эта лирика трубадуров возникает неожиданно во Франции в XII в. и оттуда распространяется, согласно теории романистов, по остальной Европе, включая Кастилию. Рибера как бы переворачивает этот тезис, применяя к новым, установленным им фактам теорию подражания, которая управляет всеми феноменами при передаче культуры. Детальный анализ древнейших провансальских стихотворений обнаруживает, что комбинации с рифмами в их строфах по существу совпадают с типом *заджал* у арабов в Андалусии. Случайные отступления объясняются необходимостью приспособить хоровую и народную систему Испании к одностопной и придворной лирике.² Типичное и близкое сходство между обеими лириками — андалусской и провансальской, большая древность первой при наличии несомненной связи между обеими заставляют сделать вывод о том, что андалусская является моделью для провансальской, а значит и всех европейских более поздней даты. Так как андалусская, с другой стороны, распространилась по всему мусульманскому миру — через северную Африку на восток, то диван Ибн Кузман, отражающий эту андалусскую лирику, является тем ключом, который объясняет механизм всех лирических систем культурного Средиземноморья.³

Эта теория, сформулированная Риберой в его речи об Ибн Кузмане при вступлении в Испанскую Академию в 1912 г., не сразу нашла себе отклик в среде специалистов; разразившаяся вскоре война с перерывом

¹ I, 51—54.

² I, 62 след.

³ I, 71.

сношений помешала ознакомиться с нею другим странам. Только в 20 годах она проникает, например, в Германию;¹ если ее и нельзя считать принятой окончательно, то, во всяком случае, специалисты согласны в необходимости пересмотреть весь вопрос с точки зрения, выдвинутой Риберой.²

В этой работе Рибера высказал гипотезу о существовании чисто романской поэзии в мусульманской Испании, которая явилась предшественницей смешанной романско-арабской поэзии, отраженной диваном Ибн Кузмана. Через три года, в своей речи при вступлении в Королевскую Академию Истории он мог подтвердить эту гипотезу уже фактическими данными. Эта речь имела своим сюжетом «сохранившиеся у ранних мусульманских историков полуострова источники из области эпической романской поэзии, которая должна была процветать в Андалусии в IX—X в.»³ Исходным пунктом исследования послужил один отрывок из истории поэзии Ибн Бассама (XII в.), который говорил с определенностью о том, что в конце IX в. н. э. действительно существовала в мусульманской Испании народная, чисто романская литература, создателем которой считался слепец Мукаддим ал-Кабри.⁴ У испано-арабских историков никаких непосредственных образцов этой поэзии нет: ее народный и не-арабский характер вызвал с их стороны презрительное отношение. Для выяснения ее облика Рибера прибег к логическому построению: если существование народной арабской лирики дает возможность заключить о существовании народной лирики романской, почему нельзя предполагать существование народного романского эпоса, исходя из современного ему арабского эпоса, составленного народными размерами с сюжетами характерно-испанскими? Научные основания для такого логического вывода на лицо: арабы до-исламской эпохи эпоса не знали, эта поэзия процветала только в персидском и испанском исламе; первыми произведениями испанских арабов являются две поэмы ал-Газали и Темма ибн 'Алкамы (IX в.) — эпические по своему сюжету (завоевание Испании), народные по своему метру (*реджез*) наиболее прозаического характера и испанские даже по происхождению авторов.⁵ Для своих поэм они пользовались преданиями, распространенными в народе, а так как народным языком в Андалусии был зарождающийся испанский,

¹ Ср. замечания о ней Werner Mulertt, *Der Islam* XIII, 1923, 170—175.

² *Asín*, LXXXII. В испанской науке теорию Риберы можно считать принятой окончательно, см. A. González Palencia, *Historia de la literatura arabigo-española*, 105—112, 329—336.

³ I, 98. Общие замечания об этой речи см. Werner Mulertt, *Der Islam*, XIII, 1923, 175—177. Формулировка теории Риберы у A. González Palencia, *op. cit.*, 323—329.

⁴ I, 99 след.

⁵ *Asín*, LXXXIII.

то несомненно, что народные предания и легенды прибегали к нему, а не к арабскому. Действительно, арабские историки Испании определенно говорят, что они пользовались местными латинскими хрониками и народными сказаниями *ал-'аджамийя*, что в эту эпоху обозначало романский язык.¹ Таким образом, в первые века после завоевания устанавливается тройной цикл легенд—арабский восточного происхождения, латинский ученого типа и романский национально-народного характера.

От этого последнего сохранились следы или, говоря языком Риберы, источники, которые им собраны для выяснения основного типа этой примитивной андалусской эпикки, впоследствии погибшей. Он исследует три главных легенды, которые сохранились в прозаической передаче историка Ибн ал-Кутыйи, переведенного им:² щедрость Артобаса, первый граф Андалусии и история Изра́қа из Вади. В основе всех лежит идеализация исторического факта, переработанного фантазией народа со всякими гиперболами. Некоторые из них общим тоном очень напоминают позднейшие *chansons de geste* или испанские романсы с неизбежными разговорами и диалогами, вкрапленными в рассказ, и с параллелями в образах и выражениях. Эти легенды, как и многие другие, которые Рибера усматривает в основе различных хроник, говорят о том, что в первых веках после завоевания существовал народный романский эпос, сохранявшийся до арабизации населения.³ Но и тогда, теряя своих слушателей в мусульманских слоях, он продолжал сохраняться в многочисленной колонии рабов, состоявшей из европейских христиан разного происхождения, которые часто играли очень важную роль в войске и администрации. Эти рабы из всех стран Европы, знакомые с зарождавшимся романским языком своей родины, были живой связью между андалусским романским эпосом и романскими литературами христианской Европы.⁴ Через несколько веков после первого появляется неожиданно эпос французский и кастильский. Большинство исследователей (G. Paris, L. Gauthier и J. Bédier) признают французский за оригинальный, из подражания которому возник весь европейский эпос, включая и кастильский. Новые данные заставляют, по мнению Риберы, несколько перевернуть построение. Французский эпос зародился на севере Франции в XII в. и, несмотря на далекое расстояние от Испании, воспекает борьбу с испанскими мусульманами. Не является ли он поздним отра-

¹ I, 113—114.

² Historia de la conquista de España de Abenalcotia el Cordobés. Traducción de D. Julián Ribera. Madrid, 1926. Предисловие перепечатано в сборнике I, 435—456.

³ Asín, LXXXIV.

⁴ I, 138.

жением андалусского эпоса? Сравнение их говорит о глубоком и типичном сходстве, как в общем характере, так и в мельчайших деталях, которые Рибера внимательно анализирует.¹ Хронологические даты — IX и XII в. ясно говорят о заимствовании при возможности постоянной и близкой связи между элементом чисто андалусским и испанским вообще. Как скоро доказано существование популярной романской литературы в Андалусии IX в., становится затруднительным утверждать полную оригинальность французского эпоса.² Еще до Риберы Menéndez Pidal отстаивал, в противоположность французской теории, местное происхождение кастильского эпоса, считая его в основе вестготским (германским). Соглашаясь с ним в признании местного происхождения, Рибера указывает на большую сложность состава испанского общества. На ряду с элементом германским, далеким и почти вымершим потомком вестготов, не следует забывать более живой и близкой модели в культурном элементе андалусского ислама, эпос которого представляет такие сходные черты с кастильским. Не будучи потомком французского, так же мало он может происходить исключительно из германской традиции. Он — сложный продукт различных тенденций испанской расы, в психологии и культуре которой слились элементы мусульманские и христианские, романские и германские, еврейские и арабские.³

Эту сложность составных элементов испанского общества в первые века Рибера еще раз подчеркнул в предисловии к своему переводу хроники Ибн ал-Кутыйи, сопоставляя автора с анонимными компиляторами хроники *Ахбар Маджмӯ'а*. Последние, происходя из благородного арабского племени корейшитов, с презрением относятся к местной исламизованной расе.⁴ Ибн ал-Кутыйя, потомок Витицы, «сын готянки», на страницах своей хроники помещает народные легенды — зерно примитивного эпоса, отражение тех чувств, которые оставили в душе этой покоренной расы печальные картины завоевания Испании. Но, с другой стороны, этот историк, родом гот, сердцем испанец, в то же время убежденный мусульманин, традиционалист — фақих, ученый арабский филолог и апологет омейядов, клиентом которых является.⁵ Эта сложная картина позволяет нам легче воспринять и ту сложность происхождения европейского эпоса из Испании, как то выдвигает Рибера.

¹ Asín, LXXXV.

² I, 141.

³ Asín, LXXXVI.

⁴ I, 439—445.

⁵ I, 445—452.

Диван Ибн Кузмана решил для Рибера вопрос о происхождении европейской лирики и натолкнул на мысль о происхождении европейского эпоса. Он же послужил исходным пунктом для не менее важных исследований о природе и происхождении средневековой музыки, как христианской церковной, так и народной, распространенной в Испании и у большинства европейских народов. Двенадцать лет работал Рибера до того времени, пока решил выступить с формулировкой своей теории; на это время он приостановил даже печатание других своих работ «с бенедиктинским терпением и с германской настойчивостью», по выражению Асина, трудясь над одной задачей.¹

Задача эта была еще сложнее предшествующих. Нужно было обладать не только даром историка, не только знакомством со сравнительной историей литературы, но владеть всем материалом различных гипотез и теорий по средневековой музыке, быть знакомым с палеографией сложных средневековых нотных записей, быть хорошо подготовленным по теории музыки и не лишенным дара исполнителя. Нужно было в одно и то же время быть и серьезным музыкантом, и основательным историком. По счастью всеми этими данными Рибера обладал еще до того, как стать перед новой задачей, двенадцатилетние специальные занятия еще более его к этому подготовили. Количество карточек на музыкальные произведения, собранных и сличенных им, колоссально: едва ли найдется какое-нибудь собрание народных песен испанских и европейских, которое не было бы им систематически обследовано для этой цели.²

В основе его изысканий лежит та мысль, что всякая мелодия имеет право на такое же систематическое изучение как любой факт живописи, скульптуры или архитектуры. Историк изобразительного искусства никогда не станет сопоставлять особенностей стиля, школы и эпоху памятников по одному внешнему сходству, повинувшись простому инстинкту. Для этого требуется систематическое изучение собранного и зарегистрированного материала. В истории музыки должен быть применен тот же прием и лишь тогда можно будет избавиться от национальных и местных предрассудков, под влиянием которых многие всегда склонны отстаивать местное и оригинальное происхождение своих народных песен. Предварительно нужно произвести разыскания двойного порядка — с одной стороны за пределами данной территории, а с другой — в более или менее отдаленном прошлом протекших веков. Музыкальный архив, который составил себе Рибера, и

¹ Asín, LXXXVIII.

² Asín, LXXXIX.

преследует эту двойную задачу, первоначально поскольку это касалось народной испанской музыки, ближайшим образом галлегской, андалусской, и арагонской. На каждую мелодию заведена особая карточка, куда заносится тема мелодии и технические особенности, которые ей присущи. Распределенные по своим типичным аналогиям эти карточки, уже сами по себе, бросают неожиданный свет. Выясняется часто, что песня, которая считается местной в какой-нибудь области или стране, совпадает в существенных чертах мелодии, тональности и каденций с другими народными песнями, популярными или в других областях полуострова или даже вне его. Такой сравнительный метод, систематически применяемый в истории литературы, в истории музыки до Риберы не проводился в сколько-нибудь значительном объеме.¹

С самого начала, однако, возникает вопрос, как можно проследить какую-нибудь мелодию глубже XVI в., с которого только и начинается приобретать свой характер современная музыкальная нотация? Как сравнивать народную песню наших дней или мелодии в *Cançionero de Palacio* (XVI в.)² с песнями трубадуров, труверов и миннезингеров (XIII—XIV в.) или *Cançtigas* Альфонса Мудрого (XIII в.), если музыкальная нотация в последних настолько бедна, что регистрирует только одни ноты мелодии без всяких указаний на ритм, гармонию, тон и экспрессию? Если же пойти дальше XIII в., в котором появляется квадратная музыкальная нотация, и еще дальше до невматической нотации, там отсутствуют уже и такие документы. И в данном случае Рибера должен был прибегнуть уже не впервые к некоторому логическому построению.³

Исходным пунктом для его длительных и сложных изысканий послужил, с одной стороны, *диван* Ибн Кузмана, а с другой — *Cançionero de Palacio*. Строфы первого, хотя и предназначенные для пения, лишены как вся арабская лирика музыкальной нотации; несмотря на это, их метрическая форма, вероятно с соответствующими мелодиями, распространилась по всему арабскому миру и вызвала подражание у христианских лириков, как на полуострове, так и в Европе. Мелодии последнего сборника, несомненно предназначенные для пения, сохраняют текст и музыку, естественно тесно между собой связанными. Построение строфы, иначе говоря, приспособлено по возможности к музыкальной мелодии. Отсюда и был сделан первый, ока-

¹ *Asín*, LXXXIX—XC.

² Общие сведения об этом сборнике см. Hugo Riemanns, *Musik-Lexicon* 7, Leipzig 1909, 218. Характерно, что Riemann, подчеркивая выдающееся значение этого изданного Barbieri в 1890 г. памятника, отмечает, что он «unbegreiflicherweise» остался совершенно незамеченным в музыкальном мире.

³ *Asín*, XCI.

завшийся плодотворным, вывод о том, что архитектоника *музыки* этих испанских песен XV в. по существу идентична с архитектуроникой *текста* в испанско-арабских строфах Ибн Кузмана, что и подтвердилось в большинстве случаев (85 на 100): мелодические части как бы рифмуют между собой, подчиняясь строфической схеме испанского *заджаля* *аааб* или персидского четверостишия *ааба*. Одна из популярнейших песен этого сборника — о трех мавританках — оказалась чисто арабским *заджалем*, историю которого можно проследить очень глубоко по письменным источникам, так как он восходит к песне, сочиненной для Хāруна ар-Рашида (нач. IX в.).¹ Отсюда естественно было перейти к гипотезе о том, что музыка этого сборника в такой же мере, как его метрика и содержание, арабского происхождения. Для дальнейшего продвижения по наметившемуся пути Рибера перешел к анализу *Cantigas del Rey Sabio* (XIII в.); в тексте их строф обнаружилась та же метрическая комбинация андалусского *заджаля*. Это еще более усиливало вероятность того, что и музыка сборника более архаичная, чем в *Сансионего*, тоже арабского происхождения.²

Проблема вырисовывалась все яснее и заставила Рибера направить внимание на изучение истории и природы арабской музыки — прототипа, как ему казалось, средневековой. Подойти к этому вопросу в полной широте никто не решился раньше еще и потому, что в арабской, как и в греческой музыке, отсутствует всякая нотация. Рибера попытался воспользоваться современной музыкальной техникой для анализа арабских литературных источников, которые говорят о музыке или описывают ее. В таких источниках недостатка нет; во главе их стоит монументальная антология *Китāб ал-алāйнī*. Она не только дает материал для внешней истории музыки и музыкантов, которая и раньше отчасти привлекала внимание исследователей, но, пользуясь специальной технической терминологией, сообщает много данных о различных школах, стилях, тенденциях, описывает форму песен, их структуру и распространение. Из этих данных, благодаря исследованиям Риберы, выясняется, что арабская музыка и вокальная, и инструментальная, так же, как и наша, пользовалась диатонической гаммой, обладала гармонией, а не была одноголосна, отличалась ритмом и экспрессией. Этот вывод Риберы, имеющий капитальное значение для всех его дальнейших исследований, шел в разрез с теорией большинства историков музыки, утверждавших, что средневековая музыка до XVII в., церковная и светская,

¹ Asin, XCII.

² Asin, XCII.

так же как греческая, была лишена гармонии. Противоположный вывод Рибера был получен из детального анализа упоминаний о шести музыкальных арабских ритмах — единственных, которые называются в источниках, — из изучения природы главного аккомпанирующего инструмента *ал-'уд* и, наконец, некоторых описаний концертов в исполнении оркестров. Если таким образом восточная арабская музыка, не обладающая нотацией, имела технические особенности современной музыки, то нельзя отрицать этих особенностей за средневековой только на том основании, что в ее нотации нет о них упоминания. Это становится само собой ясным, коль скоро документально доказывается, что средневековая происходит от арабской. Как последний этап исследования арабской восточной музыки Рибера дает историю ее перехода в мусульманскую Испанию, который произошел в эпоху омейядов благодаря Зирьябу, знаменитому певцу времен Харуна ар-Рашида. Им была в Испании создана школа, которая на западе сохранила с ббльшей чистотой художественные особенности этой музыки, пришедшей в упадок на востоке.¹

Теперь с полной ясностью определяются этапы дальнейшего исследования. Музыканты и певцы Андалусии, историю которых Рибера доводит в деталях до XIV в., не были конечно, простым эхо восточной музыки. Сохраняя ее технические принципы и особенности, они ее популяризировали — сделали народной, превратили из одноголосной в хоровую и приспособили структуру мелодии к строфической форме *заджаля*, сохраненной диваном Ибн Кузмана. С этими особенностями арабско-андалусская музыка проникла в христианскую Испанию, при чем, даже при исполнении религиозных обрядов, пользовались иногда услугами мавританских певцов и музыкантов. Христианские поэты сочиняли стихи в строфах для пения по тому же типу четверостишия *заджаля*, который оставался популярным во всей Испании до середины XVII в. Инструменты, принятые в мавританской музыке, почти все перешли в Европу обыкновенно с теми же названиями, ряд технических музыкальных или связанных с музыкой терминов оказался заимствованным из арабского языка.

Все эти данные более чем достаточны, чтобы признать арабскими многие народные песни, включенные в *Cancionero de Palacio* (XV—XVI в.); текст их сохраняет строфический тип *заджаля*, а мелодия, уже в современной нотации, сохраняет все особенности тех арабских мелодий, которые были анализированы Риберой в его исследованиях на основании арабских источников. И действительно, дальнейшее детальное изучение пьес в сбор-

¹ Asín, XCIII—XCIV.

нике показало, что музыка в них арабская: об этом говорит метрическая линия мелодии (*аджаль ааб* или персидское четверостишие *ааб*), преимущественно вокальный характер, тональность, ритмические и экспрессивные особенности и система гармонии. Конечно, эта музыка Сансьонего не является народной в том смысле, что она сочинена народом; против этого говорит ее большое техническое совершенство. Но ее арабская основа после произведенного анализа не может подлежать сомнению.¹

В следующей стадии возникал вопрос, каким образом заполнить пробел между XVI в., к которому относится Сансьонего, и XIII в., знаменующим апогей арабской музыки Испании, историю которой можно проследить еще на востоке халифата. Связующим звеном в исследованиях Риберы явились, с одной стороны, *Cantigas del Rey Sabio*, с другой—песни трубадуров, труверов и миннезингеров, которые дошли в нотной записи в немногих рукописях уникального значения. Уже было сказано, что эта запись отмечает только ноты мелодической линии без обозначения тональности, ритма и гармонии, которыми обладала арабская музыка в такой же мере как и Сансьонего del Palacio. Большинство теоретиков, пытавшихся до тех пор дешифровать эти записи, держались того мнения, что их музыка была сходна с церковной. Упускалось из виду, что на ряду с последней существовала в средневековой христианской Европе другая, носившая характерное наименование *musica ficta*, особенности которой, судя по описанию современных ей авторов, совпадают с арабской. После изобретения церковной нотации последнюю стали применять и к этой *musica ficta*; усваиваемая на память, музыка могла вспоминаться со всеми деталями, хотя бы они и не обозначались на письме полностью. Нотная запись являлась своего рода конспектом или мнемонической схемой. Поэтому, транскрибировать ее только на основании палеографических данных так же не основательно, как транскрибировать какой-нибудь текст на семитическом языке без восстановления опускаемых в шрифте гласных значков или диакритических точек. Чем более скудна графика, тем сложнее интерпретация. Здесь приходилось восполнять те аксессуары мелодии, которые на письме не обозначались. Рибера не сразу нашел правильный путь. После целого ряда безуспешных попыток ему все же удалось открыть ключ, верность которого была доказана возможностью его применить во всех нужных случаях.²

¹ Asín, XCV—XCVI.

² Asín, XCVI—XCVII.

Рибера исходил из факта, признанного теоретиками, что эти музыкальные рукописи средневековья содержат *musica ficta*. Им установлено, что она такого же порядка, как предшествующая арабско-андалусская или позднейшая народная испанская — и записанная на современный лад в *Capitono de Palacio*, и существующая еще теперь в различных областях полуострова. Указания тональности, ритма и гармонии, существующие в последних мелодиях, должны существовать и в средне вековых, хотя бы обозначения их не было на письме. Ритм, наиболее жизненный элемент музыки, оказался первым, что удалось Рибере установить. Быстро затем выяснилось, что эти средневековые песни сходны с народными XVI в. и современными; сходство обнаруживается, конечно, не во всей сумме художественных элементов, что противоречило бы закону эволюции, а в основных линиях, характерных для жанра, во вкусе единой школы, в тех же мелодических фразах и, что особенно важно, в одинаковых ритмических типах; последние типы авторы средневековых трактатов считали присущими *musica ficta* и они оказались совпадающими с арабской музыкой. Первый успех облегчил путь для других открытий: постепенно были установлены тональность, гармония и мелодические приемы.

Подтверждением метода Риберы явились результаты его применения. Средневековая нотация, если ее читать так, как она написана, не дает настоящей музыки; если ее читать восстанавливая то, что не написано, получаются художественные произведения определенного жанра и органически входящие в известную музыкальную систему.¹

Единственное возражение, которое может быть сделано и которое Рибера предвидит, касается закона эволюции: средневековые мелодии, как более ранние, должны быть менее художественными, чем пьесы XVI в. и современная народная музыка. В таком случае можно ли последними пользоваться для интерпретации первых? Отвечая на это возражение, Рибера указывает, что он не толкует прошлого непосредственно через настоящее, механически накладывая одно на другое. Ключ дешифровки основывается на средневековой графике, объясняемой историческими данными, совпадающими с данными современными. Систематическая и постоянная однородность средневековых песен и современных народных служит хорошей гарантией верности гипотезы, которая восстанавливает связь музыкальной традиции, не прибегая к кельтскому миру, как иногда делается, или к теории спонтанного зарождения. Историки музыки обыкновенно пред-

¹ *Asin*, XCVIII.

полагают, что до XVII в. человечество не могло осуществить в музыке того идеала красоты, который в других искусствах был найден Грецией. Рибера, реконструируя средневековую музыку с художественным совершенством ее тональности, гармонии, выразительности, восстанавливает тем самым и историческую связь культуры; он показывает, что и в музыке, как в других изящных искусствах, как в философии и точных науках, арабы — в особенности испанские — были наследниками классической культуры, которую и передали средневековой Европе. Историческая линия в этом построении не обнаруживает никаких прорывов: Греции наследовали Византия и Персия, культуру обеих унаследовал ислам, влияв в нее многое из культуры Индии и Дальнего Востока. Несколько обогатив ее в постепенном развитии, он передал это достояние в Испанию. Оттуда, оплодотворенная местными элементами, эта культура перешла в средневековую Европу, которой наша музыкальная жизнь обязана гораздо больше, чем обыкновенно думают.¹ Дешифровка записей этой средневековой музыки в рукописях *Las Cantigas*, у трубадуров, труверов и миннезингеров объясняет исторические факты с естественностью и ясностью, которая до тех пор была не достижима.²

Музыкальные теории Риберы еще не нашли доступа в широкие круги историков музыки: большую роль здесь играет известная рутинная, национальные предрассудки и малое знакомство с испанским языком. Быстрее всего они проникли в среду французских и испанских ученых, где их можно считать принятыми.³ Ожидаемые переводы некоторых его произведений на английский и немецкий язык⁴ вероятно не мало будут содействовать распространению этих теорий.

Результаты исследований Риберы по истории арабской и средневековой европейской музыки, изложенные здесь на нескольких страничках, были им опубликованы в целом ряде крупных и мелких, общих и специальных работ. Первым внешним толчком к сообщению о них послужил, праздновавшийся торжественно в Испании в 1921 г., семисотлетний юбилей со дня рождения короля *Alfonso el Sabio*. В своей речи в объединенном заседании испанских академий «Значение музыки *Las Cantigas*»,⁵ Рибера впервые формулировал результаты своих изысканий; речь сопровождалась музыкальными иллюстрациями, Через год вышел и основной его труд «*La música*

¹ *Asín*, XCIX—C.

² II, 72.

³ *Asín*, CI.

⁴ *Asín*, CII.

⁵ II, 3—16.

de las Cantigas» — большой том in folio в полтораста страниц с приложением 350 страниц музыкальных приложений и девяти миниатюр с воспроизведением музыкальных сцен. С 1923 по 1925 г. тремя выпусками было издано продолжение этой работы «La música andaluza medieval en las canciones de Trovadores, Troveros y Minnesinger», тоже заключающее текст и музыкальные приложения.¹ Общие идеи последней работы формулированы были в речи «Музыка миннезингеров и ее связь с народной испанской», произнесенной в Немецко-Испанском Обществе в Мадриде в 1925 г.² тоже с музыкальными иллюстрациями. Попутно выходили и отдельные статьи: «О галлегской музыке и метрике» (1925),³ «Арабское происхождение романских слов, связанных с музыкой» (1928),⁴ «Об испанских песнях в Калифорнии» (1927).⁵ В 1927 г. в популярной серии Colleccion Hispania Рибера изложил результаты своих специальных исследований отдельным томиком в 355 страниц под заглавием «La música araba y su influencia en la española»; эта работа с наибольшим интересом читается и не специалистом и наиболее пригодна как введение в его сложные и широко захватывающие разные области теории.⁶ Недавно вышло в свет его исследование об арагонской хоте,⁷ особой форме испанского народного танца, который и в нашей музыке нашел отражение еще у Глилки.

Таковы в основных чертах главнейшие этапы научной деятельности Риберы. Одним из характернейших свойств его, как ученого, является то, что ни один из них он не считает для себя законченным и продолжает свою работу по всем линиям. Можно надеяться, что ему удастся завершить свои планы и выпустить то, что подготовлено к печати. Мы уже видели, что к таким трудам принадлежит, задуманная в самом начале ученой деятельности, «История образовательных учреждений в мусульманских государствах востока».⁸ Кроме нее ожидают окончания и опубликования работы о восточном происхождении средневековых европейских университетов,⁹ вторая часть труда «Педагогический предассудок»,¹⁰ «Арабско-испанское

¹ Отдельные части предисловий ко всем трем выпускам перепечатаны в сборнике (II, 17—74) под общим названием «La música andaluza medieval en Europa».

² II, 75—88.

³ II, 89—132.

⁴ II, 133—149.

⁵ II, 151—174.

⁶ Ср. краткую формулировку A. González Palencia, *Historia de la España musulmana*, 152—155.

⁷ *La música de la jota aragonesa. Ensayo historico.* Madrid. 1928.

⁸ *Asín*, XXXVI.

⁹ *Ibid.* XXXVII, XL.

¹⁰ *Ibid.*, LXXXIII, прим.

происхождение народной музыки»,¹ равно как и ряд более специальных трудов, как описание арабского архива Арагонии.²

Несмотря на все, что можно ожидать в будущем, труд жизни Риберы и теперь представляет органически законченное целое в таком стройном виде, который редко удастся создать ученому. Ознакомиться с этим трудом в полном объеме наука получает возможность только благодаря изданию юбилейного сборника его статей. Понятно, насколько надо быть благодарным ученикам и друзьям испанского арабиста, осуществившим это издание, и в особенности Асину, своей вступительной статьей давшему прекрасную руководящую нить для обзора многочисленных работ своего учителя, как вошедших в сборник, так и напечатанных отдельными книгами.

Кто много дает, от того обыкновенно хочется получить еще больше. Так и в данном случае некоторые пожелания остаются неудовлетворенными. В статье, посвященной научной деятельности и занимающей более ста страниц, хотелось бы видеть больше биографических подробностей, чем одно лаконическое примечание;³ если внешние данные нежелательны для юбиляра, как можно заключить по одному намеку,⁴ то следовало бы осветить больше роль Кодеры в начале занятий арабистикой с более конкретными подробностями.⁵ Совершенно необходим полный список работ юбиляра в хронологическом порядке, как помещенных в сборнике, так и изданных отдельными книгами. В статье Асина они, конечно, все упоминаются, но в систематическом порядке в разбивку. В систематическом порядке по темам статьи распределены и в сборнике. Список в хронологическом порядке дал бы возможность охватить деятельность Риберы в каждый данный период и картина с этой точки зрения получилась бы не менее поучительная. Наконец, есть еще одно пожелание внешнего порядка, которое удовлетворено в сборнике статей Snouck Hurgronje: при переиздании статей крайне желательно указывать (на полях или в тексте) соответственно страницы первого оригинального издания. Это сильно упрощает всякую работу при отыскивании цитат по первоначальному изданию, которое не всегда может быть под руками.

¹ Ibid., XVI.

² Ibid., XXV.

³ Asín, XXIII.

⁴ Ibid.

⁵ Биографические данные с большей подробностью приводятся даже в речи Pidalu Mon при вступлении Риберы в Королевскую Испанскую Академию (Discursos leídos... el día 26 de mayo de 1912, стр. 74—84) и в предисловии к 3 изд. La Enseñanza... (Cordoba, 1925, стр. 6—10).

Все эти мелкие пожелания можно высказывать, повторяю, только из стремления получить больше от того, кто дает и без того много. А дано действительно много. Впервые фигура скромного испанского арабиста встает в настоящем свете перед глазами западных коллег и едва ли какое-нибудь другое издание последних лет рисует столь яркую картину работы испанской арабистики за истекшие полвека.¹

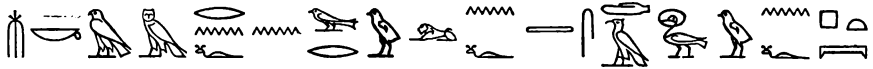
И. Крачковский.

Кух-и-Бут.
Август 1928.

¹ До настоящего времени (февраль 1929 г.) мне известны только две заметки об этом сборнике: арабская Н. Lammens'a, *al-Machriq*, XXVI, 1928, 903-907 и итальянская С. А. Nallino, *Oriente Moderno*, IX, 1929, 54—55.

Формула m gn-k.

В египетских религиозных и магических текстах часто встречается хорошо знакомое всем египтологам выражение m gn-k, напр.:

«Ты родил Гора в имени его „Тот, для кого дрожит земля и сотрясается небо“» (Пир. § 143 а).

«Пеи влезает на нее (Нут) в имени ее этом лестница» (Пир. § 941, в).

«Беспокоится сердце матери твоей о тебе в имени твоём Геб» (Пир. § 1615, в).

До сих пор эта формула не подвергалась специальному исследованию и на нее обращали мало внимания, отзываясь о ней обычно, как о Namensspielerei.

Однако, достаточно вспомнить ту роль, которую играло значение имени в религии и в тесно с ней связанной магии в древнем Египте, чтобы усомниться в верности этого взгляда. Имя — вещь слишком сложная и опасная, чтобы с ним могла производиться какая бы то ни было Namensspielerei.

Я не буду сейчас касаться магии имени вообще, это завело бы нас слишком далеко, к тому же это вещь давно известная и засвидетельствованная для многих народов. Остановлюсь поэтому вкратце только на магическом значении имени для египтянина. Для того, чтобы получить власть над человеком или богом, по верованиям египтян, требуется знание его имени. Вспомним известный рассказ о том, как Исида, желая узнать у Ра его настоящее, тайное имя, делает из земли и слюны Ра червя, который кусает Ра во время прогулки. Ра отравлен ядом укуса и созывает на помощь всех

богов. Исида соглашается его вылечить, если он откроет ей свое тайное имя. Ра знает, что тем самым он вообще отдает себя во власть Исида и пробует обмануть ее, перечисляя ей множество своих имен, но утаивая настоящее. Однако Исида не уступает, и только после того, как Ра передает ей свое имя (причем имя это не названо в тексте), Исида заклинаниями и заговорами исцеляет Ра.

Это один из очень ярких примеров важности знания имени объекта для египетского мага. Намеки на эту важность знания имени разбросаны по всей религиозной и магической литературе. Укажу хотя бы на главу 32,2 Книги Мертвых: «Да защитит он этого великого от этих восьми крокодилов здесь, которые пожирают мертвых, ибо я знаю их по именам... и я защищу моего отца от них».

Знание имен крокодилов дает в данном случае власть над ними и возможность защитить от них покойного (ср. также главу 71,12).

В главе 72,3 покойный, требуя от двух богов дарования ему обладания магическими чарами и спасения от крокодилов, говорит: «Дайте мне то-то и то-то, ибо я знаю ваши имена». Нечто подобное мы имеем и в главе 79,5.

Покойный хвалится знанием имени змея горы (глава 108,3) и знанием имени 42 богов в зале Суда (глава 125, 1—2), а, следовательно, и своей властью над ними.

Очень характерен текст в пирамидах Пепи и Меренра, где покойный заставляет богов исполнять его требования, угрожая в противном случае оглашенном их тайных имен:

«Если вы не повезете ладьи для Пепи (Меренра), он скажет ваше имя человеческое, которое он знает, всем людям и вырвет ваши волосы с ваших голов, подобно цветам лотоса в садах» (§ 1223).

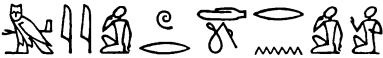
Таким образом знание имени богов или демонов дает покойному власть над ними. И, наоборот, покойный не подвергается никакой опасности от этих демонов, когда они не знают его имени.

Насколько страшно было знание имени бога, хорошо показывает гимн Нефертуму (ÄZ, 57, 98): «Эннеада в ужасе вскричала, когда узнала имя его».

При магических действиях имя объекта чар надписывается на восковой статуэтке, изображающей этот объект и превращающейся благодаря этому в данное лицо, как мы это имеем в книге низвержения Апопа IX, 4 и IX, 19.

Мы знаем также великое значение написанного имени, сохранявшегося для вечности в качестве части души покойного; худшее мщением врагу

было уничтожение его имён на памятниках и, наоборот, пребывание имени, «процветание», как выражались египтяне, имени давало возможность душе продолжать загробное существование.

«Я Ибис снова живущий! Зовут меня в имени моем живом и боги все произносят мое имя во веки веков», говорит покойный (Que mon nom fleurisse; Pap. Brit. Mus. № 10108, II, 7—8); имеется специальный ритуальный текст, названный по часто повторяющейся в ней формуле «Да процветает имя мое» (Le livre égyptien: Que mon nom fleurisse. Libléin. Lpz. 1895).

Я надеюсь, что приведенные несколько примеров (а их можно привести гораздо больше) достаточно убедительно показывают, какую огромную роль играло для египтянина имя, бывшее для него такой же частью его существа, как тело, душа, двойник, тень.¹

А поскольку имя человека или бога является сущностью этого человека или этого бога, то нам станет понятен и смысл формулы m gn-k.

«Гор несет тебя (Сокар) в имени своем (барка) Хену», (Пир. § 620) т. е. «в качестве барки Хену», «будучи баркой Хену», таким образом Гор является баркой Хену и несет Сокара. Но когда тот же Гор рождается от Осириса — покойного, то он уже является «в имени его: тот для кого дрожит земля и сотрясается небо» (Пир. § 143 а), т. е. в качестве могучего солнечного божества. Таким образом первоначальный смысл выражения m gn-k есть: «в качестве такого-то, будучи таким-то».

В подтверждение моего толкования m gn-k я могу указать на весьма интересный в данном отношении текст, встречающийся в пирамидах Унаса и Нефериркара (Spr. 219, §§ 167—192), имеющий целью путем магического отождествления с Осирисом умершего фараона дать возможность «последнему не умереть, не погибнуть». Форма текста — ряд обращений к различным богам:

«Атум! Это твой сын этот, которому ты дал, чтобы существовал он и чтобы жил он. Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . . Шу! это твой сын, которому ты дал, чтобы существовал он и жил он. Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . . Геб! это твой сын, которому ты дал, чтобы существовал он и жил он. Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . .»

¹ Например, Pap. Salt, IX, 2.

Нут! это твой сын, которому ты дала, чтобы существовал он и жил он...» и т. д. Следуют аналогичные возвания к Исиде, Сету, Нефтиде, Тоту, Великой Эннеаде, Малой Эннеаде, Нут, а затем мы читаем такие обращения (§§ 181—192):

«В имени твоём — „Находящийся в Илиополе“, пребывает он в вечности его! Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . . В имени твоём „Находящийся в 'nd-t, начальник номов своих!“ Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . . В имени твоём „Находящийся в доме Скорпиона с довольным Ка!“ . Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . . В имени твоём „Находящийся в Капелле, Находящийся в тайне!“ Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „imj ḥḏ p;ḥr!“ Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „Находящийся в Орионе!“ . . . Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „Находящийся в Буто!“ . . . Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „Находящийся в Доме Великом Тельца Города!“ . . . Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „Находящийся в Гермополе Южном!“ . . . Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „Находящийся в Гермополе Северном!“ . . . Если живет он — Унас живет и т. д. В имени твоём „Находящийся в Номах!“ . . . Если живет он — Унас живет; если не умирает он — Унас не умирает; если не погибает он — Унас не погибает. . . ». Таким образом в нашем тексте мы имеем выражение *m ḥn-k* в виде обращения; оно заменяет собою имя божества. Это хорошо подтверждает предложенное выше основное понимание смысла *m ḥn-k*, как «в качестве такого-то, будучи таким-то».

Но это только смысл; значение же этой формулы более важное и объяснение его мы найдем в магии.

Мы уже видели выше, какую огромную силу имеет произнесение имени. Произнеся имя и получив таким образом власть над существом, носящим это имя, можно, с одной стороны, произвести над ним магическое действие, превратив его во что-либо. С другой же стороны, маг, произнеся имя бога, может заставить его исполнить молитву.

Примером таких магических действий может служить текст из пирамиды Унаса (Spr. 215, §§ 145—147), очень древний, относящийся, по видимому, еще к эпохе вражды осирической и солярной религий и трактующий Осириса, как врага Атума и умершего фараона: «Ра-Атум не отдал тебя Осирису, он не знает твоего сердца, он не овладевает твоим сердцем... Осирис, ты не овладел им! Твой сын не овладел им! И ты пребываешь,

этот бог, о котором говорят обе дочери Атума: „Восстань, говорят они, в имени твоём — бог“, и ты становишься Атумом».

Магическое значение нашей формулы здесь очевидно. Дочери Атума произносят, обращаясь к умершему фараону: «Восстаешь, в имени твоём бог» — фраза, имеющая целью не только оживить фараона, но и обоже- ствить его, превратив его в Атума, и это превращение совершается вслед за произнесением формулы — фараон восстает в качестве Атума. Перед нами здесь магическое действо: путем произнесения слова бог мертвый фа- раон превращается в бога, т. е. в Атума.

Другим примером может служить хорошо известный эпизод из папи- руса Весткар: бог Хнум и четыре богини Исида, Нефтида, Месхент и Хе- кет приходят помочь мучающейся в родах Ред-дедет, жене жреца Ра-Усера, которая должна родить трех младенцев, зачатых ею от самого бога Ра. Младенцы эти — будущие пары V династии. Так как Ред-дедет не может разрешиться, то Исида, великая волхвованиями богиня, прибегает к маги- ческим чарам и говорит, обращаясь к первому из трех младенцев, находя- щихся в чреве Ред-дедет:

«Не будь силен (wšr) в чреве ее в имени твоём этом Усерреф. И тогда мла- денец выскользнул на ее руки».

Также точно обращается она ко второму:

«Не приставай (š;h) к ее чреву в имени твоём этом Сахура». И опять младенец тотчас же рождается.

Третье обращение:

«Не будь семен (Kkw) в чреве ее в имени твоём этом Kkw» имеет также результатом непосредственное рождение третьего ребенка.

Здесь, как и в Пир. Spg. 215, только что приведенном нами, мы имеем магическое действо, с той разницей, что здесь при помощи произнесения имени маг (в данном случае Исида) заставляетносящее это имя существо

исполнить предъявленное к нему требование. В примере папируса Весткар чары Исиды усилены еще созвучиями имен младенцев с требующимися от последних действиями: «Не будь силен — wśr в имени твоём Усер-реф; не приставай — śiḥ в имени твоём Сахура; не будь темен Кkw — в имени твоём Кkw».

Таким образом, мы установили употребление формулы m gn-k в магическом действе, и притом в центре его.

Магическое значение этой формулы объясняет и присутствие ее в ритуальных текстах, где мы уже с ней встречались. Первоначальный ритуал, вырастая из магии, и в своем дальнейшем развитии продолжает быть теснейшим образом с ней связанным. Естественно поэтому, что мы и должны искать употребление нашей формулы m gn-k в древнейших ритуалах, а, следовательно, обратиться сначала к Текстам Пирамид. Действительно, в Текстах Пирамид она употребляется очень часто.

Мы уже видели, что в древнейшем солярном тексте (Spr. 215) имеется выражение m gn-k. Весьма возможно, что этот текст относится к древнему солярному заупокойному ритуалу и что фразу «восстань в имени твоём бог», действительно, произносили перед мумией фараона два лица, изображавшие дочерей Атума.

К солярным же ритуальным текстам принадлежит и следующий, говорящий о загробном пребывании на небе у бога Ра (Пир. Spr. 606, §§ 1691—1695):

«Посадили тебя на престол Гора, как старейшего их. Они поместили Шу с левой стороны твоей, а Тефнут с правой. . . Они поместили Меренра на их престолах. . . дали они, что живешь ты. . . как Ра, как его заместитель. Они делают (šhpr) тебя подобным Ра в имени твоём Хепра (hprg); ты поднимаешься к ним, как Ра, в имени его Ра; ты отступаешь (tm) от их лиц в имени твоём Атум».

Таким образом здесь фараон, становясь Атумом, магически отождествляется с тремя фазами солнца: утренней, дневной и вечерней, Хепрой, Ра и Атумом, при помощи произнесения формулы m gn-k. Древность этого текста не подлежит сомнению. Rusch (*Die Stellung d. Osiris in d. Heliopolitanische System*, 1924) правильно относит его к началу развития илиопольского культа в виду имеющейся здесь не Эннеады, а исконной древней Илиопольско-Леонтопольской Триады: Атум, Шу и Тефнут.

Для нас важно установить, что наша формула m gn-k имела уже в древнейшем солярном ритуале. Мне кажется, что приведенные выше примеры достаточно ясно подтверждают это. Я укажу еще на Пир. Spr. 568, § 1431; Spr. 301, § 4520; Spr. 660, § 1871 а; Spr. 570, § 1449 а;

Spr. 600, § 1655, с, и, наконец, на солярный гимн (Пир. Spr. 587, § 1587 a—d).

Религия Осириса, вытесняя постепенно загробные учения религии Ра-Атума, вероятно, широко воспользовалась уже имевшимся солярным заупокойным ритуалом. Blackman, в своей статье «Sacramental ideas and usages in Ancient Egypt» (Rec. XXXIX, livr. 1—2, pp. 44—78, 1920), достаточно убедительно выделив принципиальные различия сходных внешне ритуалов, правильно указал, как часто встречаются формулы и гимны, являющиеся результатом слияния обеих религий. К тому же, в силу консерватизма египетского религиозного мышления, в одном и том же тексте могут уживаться в корне противоположные представления обоих учений — солярного и осирического. Вполне понятным является поэтому и присутствие формулы *m gn-k* в осирическом ритуале, где она получает широкое развитие.

В своей статье «Ein Osirisritual in den Pyramidentexten» (ÄZ, 60, 1925 г.) Rusch выделяет два больших осирических ритуала: «Wasser-ritual» и «Horusritual», которые он в свою очередь разделяет на несколько литаний. Если пересмотреть тексты, составляющие, по мнению Rusch'a, эти осирические заупокойные ритуалы, невольно бросится в глаза частое повторение в них формулы *m gn-k*. Так, в *Isis-Nephtys Litanei*, при совершении обряда нахождения и оплакивания тела Осириса, мы имеем следующие примеры:

«Нефтида собрала для тебя все члены твои в имени ее этом *ššt-t*, владычица архитекторов, и они сопровождают тебя и отдают матери твоей Нут в имени ее „гробница“, она обнимает тебя в имени ее „саркофаг“, и ты поднимаешься к ней в имени ее „усыпальница“» (Spr. 364, § 616). «Исида с Нефтидой защищают тебя в Сиуте, ибо владыка их в тебе в имени твоём „владыка Сиута“, ибо их бог в тебе в имени твоём „бог“» (§ 630 и § 1634). «Они сопровождают тебя, не гневайся против них в имени твоём „гневный“» (§ 631 b). «Сестра твоя Исида схватила тебя, найдя тебя черным и великим (*km wt*) в имени твоём Кемуэр. Ты окружаешь все (*h-t nb. t*) в объятиях твоих в имени твоём „Круг, окружающий Хау-Небу“» (§ 1630 — 31) (см. также § 1636 а и b, принадлежащий тоже к *Isis-Nephtys Litanei*).

Цитируемые тексты вполне подтверждают наше понимание формулы *m gn-k*: покойного отдают матери его Нут в имени ее «гробница», т. е. Нут является гробницей («будучи гробницей»), Осириса умоляют не гневаться в имени его гневный (т. е. будучи гневным) и т. д.

В *Seth-Litanei*, где Сет по принуждению Гора, или Тота, или же Эннеады нес на себе Осириса, мы также встречаем нашу формулу (см. Пир. §§ 581, 625 b, 1855, 649).

В Socaris-Litanei (заимствованной в сущности осирическим ритуалом из ритуала Сокара) также имеется формула $m \text{ gn-k}$:

«Гор несет тебя в имени своем барка Хену» (§ 620). «Ты поднимаешься на металлические канаты, на руки Гора, в имени его: Находящийся в Хену-барке» (§ 138). «Гор поднял тебя в барку (Сокара), он вознес тебя, как бога, в имени твоём «Сокар» (§ 1826 а — b, 1824 b). «Он поднимает тебя в имени твоём Сокар» (§ 620). Здесь опять ясно чувствуется, с одной стороны, понимание $m \text{ gn-k}$, как «будучи Сокаром», «являясь Сокаром», а с другой — магическое превращение умершего фараона в Сокара, благодаря чему он получает возможность быть поднятым Гором в священную барку Хену.

Также находим мы употребление $m \text{ gn-k}$ в остальных ритуалах: *Nurusritual* (Пир. §§ 585 а—b, 645 d, 614 а, 650 с, 25 с = 7679, 589 а, 7676 = 580 а, 640 b), *Augenritual* (Пир. §§ 643 а = 1806 а—b, 614 d) и *Nutritual* (Пир. § 25 b и var. 1607 b; 638 b, 765 с, 580 b, 638 а = 1607 а = 580 с).

Кроме ритуалов, отмеченных Rusch'ом, я могла бы указать еще несколько текстов, несомненно, ритуального характера, где мы также встречаем формулу $m \text{ gn-k}$. Так, § 1331 b, текст, относящийся к известному ритуалу «отверзания рта», дает:

«Пеги это сын возлюбленный отца своего, в имени своем этом Сын любимый его».

В текстах, читаемых при совершении ритуального возлияния и каждения, имеем:

«Осирис N, приносят тебе возлияние ($k\bar{b}h$) твоё в имени твоём „вышедший из $k\bar{b}h$ “» (Пир. § 24 а—b = § 765 а—b).

В ритуале одевания (см. Erman, *Hymnen an das Diadem der Pharaonen*, S. 17) опять находим нашу формулу:

«Одевает тебя мать твоя Таит; она несет тебя на небо в имени своем этом „Птица“» (Пир. § 731 b—с), т. е. будучи птицей, превратясь в птицу.

В ритуале возложения урея, заимствованном из солярного ритуала, имеем:

«О Осирис N, Гор поставил око свое на лоб твой в имени его великое чарам» ($wrt \text{ } h\bar{k}w$) (§ 1795 а; ср. § 453 а и 454), т. е. в качестве богини Урт-Хекау.

Таким образом мы проследили употребление формулы $m \text{ gn-k}$ в Текстах Пирамид и выяснили, что, возникнув на почве магического овладения кем-либо при помощи знания имени, формула эта получила большое употребление в ритуале, как солярном, так и осирическом.

Переходя теперь к другим ритуальным текстам, остановимся на так называемых «Гимнах Диадемам» (Erman, *Hymnen an das Diadem der Pharaonen*, Abh. Berl. Akad. 1911). Это гимны, воспевавшие обожествленные короны фараона и затем примененные к ежедневному утреннему ритуальному облачению статуй богов в храмах. В частности гимны, дошедшие до нас и написанные на папирусе, хранящемся в голенищевском собрании Московского Музея Изыщных Искусств, обращены к фаюмскому крокодилоголовому богу Собеку. Как по религиозно-мифологическому материалу, так и по форме «Гимны Диадемам» близко примыкают к Текстам Пирамид. Еще Erman (op. cit., S. 10) отметил глубокую древность этих гимнов, ввиду почти полного отсутствия мотивов осирического цикла и наличия очень раннего варианта мифа о солнечном оке.

Для нас доказательство древности этого ритуала крайне важно ввиду того обилия случаев употребления формулы, которое мы в нем встречаем. И здесь, как и в Пирамидах, мы видим, что смысл ее понимается как «в качестве», «будучи»:

«Ты поднимаешься к нему перед его членами в имени твоём этом Урей» (с 14), т. е. будучи Уреем. «Возьми ее на себя, зеленую, в имени ее этом Уаджит» (е 3), т. е. «в качестве Уаджит». «Создавшая страх свой в тех, кто хулил ее — в имени ее владычица страха» (g 4), т. е. «будучи владычицей страха». «Краснота ее в врагах ее в имени ее Красная и зелень ее (для) Гора ее в имени ее Зеленая» (b 20; ср. Пир. § 901).

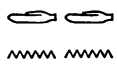
Принимая во внимание, что в египетской магии красный цвет, цвет крови, означает несчастье, а зеленый — благополучие,¹ мы поймем, что диадема, будучи красной, опасна для врагов ее, а будучи зеленой, защищает Гора. Этот пример интересен еще и тем, что он снова подчеркивает близкую связь m gn-k с магией.

Цитуемый ритуал «Двух Диадем» настолько пестрит формулой m gn-k, что я лишена возможности привести все примеры — пришлось бы приводить почти весь текст, поэтому ограничусь ссылками: с 14 (4 примера) d 2, g 3, g 5 (ср. с 12 и Пир. 453 а, 454, 1795 а), с 16, С 3, К 2, i 1, e 7, E 5, 2, 2.

В приведенных примерах очень распространен прием усиления чар путем аллитерации, как мы это уже неоднократно встречали в Пирамидных Текстах. С именем бога или богини аллитерирует обычно или глагол фразы, как например: «Поднимаешься ты (‘r. t) к нему... в имени твоём Урей (i‘r. t)» (с 14) и др., или же приводятся однозвучные с именем свойства:

¹ Moret, *Le rituel journalier*, 1902; Maspéro, *Papyrus du Louvre*, p. 2.

«Краснота (dšr. t) ее в врагах ее в имени ее красная (dšr. t)» (b 20): «Прекрасна ты (*n· t) на голове Собака в имени твоём Мирра (*ntjw)» (с 14) и т. д.

Любопытно, что иногда созвучия, употребленные как бы для объяснения имени, на самом деле являются словами, ничего общего с данным именем не имеющими и часто происходящими совсем от другого корня; так в примере «приди к нему, рассекающая (dn·t) врагов его в имени ее этом Денденит», эпитет Dndnj·t, означающий «грозная» происходит от (в Ср. Ц. Δ) «грозить» и к dn — «резать» никоим образом не относится (см. Eрман, *Hymn. an das Diadem*, S. 52).

Продолжая наши поиски в ритуальных текстах, переходим к Текстам Саркофагов. Занимая хронологически промежуточное место между Текстами Пирамид и Книгой Мертвых, Тексты Саркофагов неразрывно связаны как с первыми, так и с последней. На основании текстов, дошедших до нас на саркофагах Ассиута, Саккара, Эль-Берше и других некрополей, мы можем установить известное изменение и развитие, которое претерпевали различные главы со времени Пирамид до позднейших эпох.

И по поводу употребления нашей формулы m gn-k мы можем сделать некоторые заключения. Продолжая сохранять тот же смысл и то же магическое значение, она употребляется, тем не менее, далеко не так часто, как в Текстах Пирамид. С другой стороны, можно отметить, что те главы, в которых имеется на Саркофагах употребление m gn-k, уже не встречаются впоследствии в Книге Мертвых или встречаются в измененном, сокращенном виде. В этом смысле весьма интересен текст, который мы находим написанным в двух вариантах на саркофаге (Lacau, *Textes religieux*, № 28083), происходящем из Эль-Берше. Текст этот восходит к Пирамидным Текстам (§ 1255 и сл.) и является, по видимому, частью ритуала, совершавшегося при бальзамировании трупа (Kees, *Totenglauben*, S. 405). Вариант саркофага Эль-Берше сильно отличается от текста, имеющегося в Пирамидах. Содержание текста — заклинание, произносимое Исидой и Нефтидой над трупом Осириса и имевшее целью предохранить труп от разложения. В Пирамидах происходит предварительное нахождение мертвого Осириса богинями-сестрами, летящими в образе птиц, при Недите, после чего следуют заклинания, среди которых видное место занимают формулы m gn-k. На саркофаге же из Эль-Берше описание нахождения трупа отсутствует, вместо чего имеется несколько фраз о неподвижности членов покойного, уподобляемого Осирису, а затем идут заклинания; в части фор-

мул m gn-k они совпадают с пирамидным вариантом, далее же совсем с ним не совпадают, очень кратки и менее значительны. Привожу формулы m gn-k:

«Да не испортишься (hwi) ты в имени твоём Нi, да не будешь ты испускать зловоние (fnt) в имени твоём червь (Fnt), да не будешь ты связан (gwi) в имени твоём Jgij, да не сгниешь ты в имени твоём Анубис, да не прольешься (šib) ты на землю в имени твоём Шакал (šib)». (Т. Р., XXV—XXVI). Как указал еще Lасаи (op. cit., p. 73), первые строчки текста данного саркофага, как раз до начала заклинаний с m gn-k, представляют собой главу XLV Книги Мертвых, как известно очень древнюю и крайне редкую в Фиванской Книге Мертвых (она встречается только один раз у Naville). Таким образом мы получаем, что здесь m gn-k относится к древнейшей части древнейшей главы XLV, отпавшей и не вошедшей в состав Книги Мертвых, но восходящей зато к Текстам Пирамид.

Другим подтверждением того, что формула m gn-k, существовавшая в древнейшем ритуале, постепенно как бы отмирает и исчезает, может служить следующий текст (Т. Р., XLXII, p. 94):

«Ты существуешь (hpr), став (hrg) в имени твоём Хепра». Мы уже встречали в Текстах Пирамид (§ 1695) то же сочетание hrg в связи с именем Хепра; приводимый текст написан полностью на саркофаге из Ассиута IX—X династии, и он же, но только частично, до формулы m gn-k, имеется на трех саркофагах XII династии из Эль-Берше.

На одном саркофаге из Саккара (Quibell, Saqqara, II, p. 54, XLII) мы имеем m gn-k в тексте, восходящем к Seth-Litaneî (ср. Пир. § 581, 627 b, 649, 1885), и второй пример в тексте из ритуала возложения урея (Quibell, ibid., p. 52), известного нам уже в двух вариантах, солярном и осирическом, из Пирамидных Текстов (ср. Пир. §§ 453 a, 454, 1795 a). На другом саркофаге из Саккара имеем m gn-k в тексте ритуала, также известного нам из Пирамид, а именно — Isis-Nephtys Litaneî.

Все эти три примера на саркофагах из Саккара принадлежат, следовательно, к текстам, восходящим к пирамидным, но ни один из них не вошел в Книгу Мертвых. И остальные примеры в Текстах Саркофагов приходятся на главы, не вошедшие в состав Книги Мертвых (Т. Р. XVIII, p. 41, Пир. 1778; Т. Р. LXXIV, p. 121; XVIII, p. 42; LXXVIII, p. 128; CXXIV, p. 121, XII, p. 29).

Таким образом мы видим, что формула m gn-k находится уже в древнейших ритуальных текстах, входящих в состав Текстов Пирамид; с течением времени, с развитием религии, постепенно изменяется и развивается и ритуал. Сейчас я не могу останавливаться подробнее на этом вопросе,

может быть, одним из интереснейших в истории египетской религии и поэтому я ограничусь лишь указанием на те наблюдения, которые можно сделать из приведенных примеров формулы $m\text{ gn-k}$. Мы видели, что древнейшие тексты, с которых мы начали рассмотрение нашей формулы, видоизменяясь с течением времени, постепенно отмирают и исчезают; мы видели, как осирический ритуал, наслаиваясь на солярный, иногда заимствует готовые формы и вкладывает в них свое содержание. Мы видели, что ритуал нахождения Осириса Исидой и Нефтидой в Текстах Саркофагов в значительной степени отличался от того же обряда эпохи Пирамид; то же самое можно сказать и о ритуале бальзамирования. Мы видели, наконец, характерное отсутствие в Книге Мертвых тех глав, развитие которых мы могли проследить от Пирамид до Саркофагов.

Переходим к Книге Мертвых. Имеющиеся здесь случаи употребления формулы $m\text{ gn-k}$ сравнительно очень немногочисленны:

«О, Осирис, ты пришел, и твоё k ; с тобою, ты спокоен ($\text{h}tp$) в имени твоём этом k ; $\text{h}tp$, он сделал тебя Яхом в имени этом Ях, восхваляет он тебя в имени твоём этом $\text{H}w$, открывает он тебе пути в имени твоём этом «Открыватель путей» (Книга Мертвых, 128, 6—7; ср. Пир. § 647 d и § 582 d). «Я могучий Ях, о Ра, в имени твоём Ра» (Книга Мертвых, 101, 2, 101, 3, 101, 4 (ср. Пир. § 1695 b; см. также: 57, 1, 62, 1—2; 85, 2—3; 160, 2—3).

От эпохи XIX—XXII династий до нас дошло несколько списков ежедневного ритуала, совершавшегося в различных храмах Египта. Мы имеем фиванскую версию этого ритуала на папирусах №№ 3055, 3014 и 3053 Берлинского Музея (Hieratische Papyri d. K. Museum zu Berlin, I. Lemm, Rituale für den Kultus d. Amon und für d. Kultus d. Mwt, 1901) и абидосскую на стенах храма Сети I в Абидосе (Mariette, Abydos, t. I).

Связь этих ежедневных храмовых ритуалов с ритуалами Пирамидных Текстов уже давно была подмечена и указана Moret (Le Rituel du culte divin journalier en Egypte). Однако, он не мог в то время в своем прекрасном исследовании установить настоящий источник храмового ритуала позднего времени и предполагал, что он восходит целиком к погребальному осирическому ритуалу, принимавшемуся им за первооснову. Теперь, после работ Rusch'a, Kees'a и Blackman'a, я думаю, взгляд Moret можно несколько уточнить; а именно, ввиду того, что осирический ритуал мы находим уже наслоившимся на ритуал солярный, остатки которого мы отмечали выше, говоря о Пирамидных Текстах, можно сказать, что и храмовой и осирический ритуалы, вероятно, много заимствовали из древнейшего солярного ритуала (при чем, конечно, следует оговориться, что и осирический ри-

туал, по мере его развития и широкого распространения, в значительной степени повлиял на ритуал храмовой).

В тексте ежедневного храмового ритуала мы опять находим *m gn-k*. Так, в гимне Амону, который пели во время церемонии открытия наоса со статуей бога, читаем:

«Образ Амона, пребывающий (*mn*) в вещах всех в имени твоём Амон» (Рар. 3055, VI, 5).

В тексте, читаемом при совершении каждения во время открытия наоса и также при заключительном каждении, встречается следующее:

«Совершил фараон каждение тебе в имени твоём этом „ладан“» (Р. 3055, VIII, 4 и XXXVII, 1 — Рар. 3014, VI, 7). (Параллели см. у Schiaparelli, *Libro dei funerali* 1, 48—49, II, 124; Пир. Spr. 200; Virey, *Rechnira*, p. 125).

В гимнах, исполнявшихся при вторичном открытии наоса, после преклонения и каждений, мы имеем пример, напоминающий приведенный выше текст Пир. §§ 1587, 1695:

«Ты делаешься (*hpr*) начальником их в имени твоём Хепра, и они поднимаются (*s'g*) к тебе в имени твоём Ра, и лица их обращены (*tm*) к тебе в имени твоём Агум» (Р. 3055, XIV, 10—11). В другом гимне, певшемся при той же церемонии, находятся следующие примеры:

«Обратись в имени твоём этом Истребляющий злых» (Р. 3055, XVIII, 5). «Ты был один в Нуне в имени твоём этом Творящий, сердце которого не устаёт» (Р. 3055, XVIII, 7).

В тексте, произносимом во время помазания статуи различными благовониями, говорится, между прочим:

«Оно (око) тебя зеленил (*šwꜥd*), оно тебя украшает в имени его этом «Уаджит»; приятен тебе запах его в имени его этом «приятное запахом» (Р. 3055, XXXI, 2 — Р. 3053, XXVI, 5).

И в текстах, читавшихся при совершении других ритуальных церемоний, также повсюду мы встречаем нашу формулу (Р. 3055, VI, 6; VII, 6; XXVIII, 10; XXX, 5 = Р. 3053; XXV, 7—8; ср. Virey, *op. cit.*, p. 128, l. 10; Р. 3055, XXXII, 34 = Р. 3053; XXIII, 8—9). Смысл формулы в приведенных примерах так же объясняется «будучи», «в качестве», как это было и раньше («Обратись в имени твоём этом «Истребляющий злых», т. е. будучи Истребляющим злых и т. д.).

Таков, следовательно, материал, даваемый нам храмовым ритуалом Нового Царства. К нему примыкают, в сущности, и религиозные гимны (как то: Каирский, Берлинский и др.); гимны эти пелись во время богослужения.

жения, и если мы будем иметь ввиду ритуальное их назначение, нас не удивит и наличие в них нашей формулы m gn-k.

С другой же стороны нас не должно удивить и то, что она гораздо менее употребительна здесь, чем в текстах с ярко выраженным обрядовым характером. Это гимны, в которых в значительной степени отразилось личное творчество и которые дальше стоят от первоисточников ритуала — магии, чем тексты обрядовые. Встречающиеся в этих гимнах примеры по большей части не новы и не ярки, а являются перепевами хорошо известных нам текстов; аллитерации их также стары и заурядны. Так в Каирском гимне Амона мы имеем:

«Скрыто (imn) имя его от детей его в имени его этом Амон». «Создавший людей (tmw), сотворивший (šhpr) все сущее в имени твоём этом «Атум-Хепра».

Несколько интереснее два других:

«Владыка пищи, телец жертв, в имени твоём этом Амон, телец матери своей». «Водитель богов, праведный, владыка Карнака в имени твоём этом «владыка Правды».

Лейденский гимн Амону дает всего три примера:

«Прцветающая (wḏ;tj) в имени её Wḏ; t» (глава 10). «О как сильна она, говорят о ней (Фивах) в имени её „Фивы, город суций“» (глава 10). «Сияющая на месте (íst) своим в имени её Ипт-Сут» (глава 10).

Три интересных примера из Туринского гимна Тоту (XIX династии), к сожалению, испорчены и мало понятны.

Чрезвычайно характерно отсутствие m gn-k в тех текстах, где мы менее всего чувствуем связь с ритуалом и где сильнее ощущается момент личного поэтического творчества. M gn-k не встречается в гимнах Эхнатона (заглавие гимна

не может быть принято во внимание в виду того, что этот эпитет целиком заимствован Эхнатонам из прежнего религиозного материала, как указал еще Sethe в «Beiträge zum Geschichte Amenophis IV»), не встречается также и на фиванских остраконах Нового Царства, где мы имеем множество кратких гимнов личного, а не ритуально-храмового типа. Т. е. отсутствие ритуала (магии) влечет за собой и отсутствие нашей формулы.

От эпохи Птолемея до нас дошел на стенах храмов Эдфу, Дендера и Филе ритуал так называемых мистерий Осириса, восходящий еще к глубокой древности (Junker, Die Stundenwachen in den Osirismysterien).

Как и следовало ожидать, мы находим здесь многочисленные случаи употребления формулы $m\text{ gn-k}$, при чем многие из них мы уже встречали в Текстах Пирамид, входящими в состав той или иной литании (по терминологии Rusch'a).

К Horusritual принадлежат:

«Ты свеж, ты свеж в имени твоём „свежая вода“» (St. E. XVII, S. 106, 63, ср. Руг., 25 с). «Осирис Хенти-Аменту, возьми себе эту твою воду прохладную, твоя вода прохладная тебе от Гора в имени твоём „выходящий из $q̄bh$ “» (Stundenwachen, 105, E XVII, 45—48 — Пир. § 24—а—b). «Я поднимаю. . . великий трон с холодной водой, выходящей из Элефантины, да будет сердце ваше прохладно ($q̄bh$) в имени их, то, что выходит из $q̄bh$ » (St. E XVI, 9—10).

Очень интересен вариант E XIV, 69—72, восходящий к Götterlitanei Пирамидных Текстов (Руг., § 577 b). Stundenwachen дают нам:

«О Осирис Хенти-Аменту, обнимают тебя боги и соединяются ($śnśn$) они с тобой и становится имя их $śntj$ », а в Пирамидах имеем: «в имени твоём $śntj$ ».

Остальные примеры слишком многочисленные, чтобы их привлечь полностью, даю в ссылках: E XVII, 28—29; E XIII, 131; E XIII, 135—136; E XIII, 16—20; E XIII, 11; E XIII, 12; E XIII, 13; E XI, 43—44; E V, 31—32; E I 40; E V, 55—56 и E III, 45—46 и восходящие к Nutritual E V, 46—48 (ср. Пир. § 638 в), E V, 53—54 (ср. Пир. §§ 580 с и Totb. 138, 32); E VI, 39—40 и E XVII, 60—61 (ср. Пир. § 25 в).

В знаменитом Берлинском папирусе № 3008, известном под названием «Призывания Исида и Нефтиды» (Horrack, Les lamentations d'Isis et Nephthys, 1866. Коцеёвский, Призывание Исида и Нефтиды, 1913), представляющем речи жриц, изображавших Исида и Нефтиду во время осирических мистерий, также имеется формула $m\text{ gn-k}$, с тем же смыслом «в качестве», «будучи», с каким мы ее встречали повсюду (IV, 2, 4—5).

Точно так же встречается наша формула и в ритуалах на стенах храмов позднейшего времени, в Дендера и Эдфу. Как примеры, укажу хотя бы Rochemonteix, Edfou, I, 276; Dümichen, Hist. Inschr., II, 57 d, Den-dera.

Перехожу к текстам магическим.

То, что принято называть «магическими» текстами (заговоры, заклинания и т. п.), является в своей основе такими же обрядовыми текстами, как и тексты ритуальные. Разница только в том, что последние содержат обряды официальные, выработанные, храмовые; тексты же «магические» — это

обряды неофициальные, народные, отнюдь не менее распространенные и употребительные. Основа та же: и тут и там — магия. Ведь при всех этих неофициальных, обиходных заклинаниях, заговорах и пр. — так же совершаются определенные действия (знахарем, колдуном, магом), как соответственно совершаются официальные действия при заклинаниях храмового ритуала (жрецом, магом). Поэтому, поскольку мы видели, что *m gn-k* является и развивается в официальном ритуале, мы должны найти ее и в текстах «магических», текстах обряда неофициального (живущего в постоянной и непосредственной близости с примитивной магией). Действительно, мы ее там находим и притом весьма часто. Я не буду сейчас приводить этого материала полностью, поскольку употребление в нем нашей формулы аналогично с употреблением ее в ритуальных текстах. Ограничиваюсь несколькими ссылками: 1) Pap. 3027 d. Berlin Mus. (Erman, Zauberpr. f. M. u. K. (F., 5, 10; Rs. 5, 6); 2) Lange, Der Magische Papyrus Harris: Recto, II, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9—10, 11; III, 1, 2, 3; 3) Ebers, Ein stroph. angeordnete Text (ÄZ, XV, 50).

Скажу еще несколько слов о формальной конструкции. Обычно все формулы представляют собою отдельную строфу, которая, как это обычно бывает в египетской поэзии, делится на две части. В формуле *m gn-k*, конечно, не может быть места параллелизму членов обеих частей строфы, но тем не менее деление на две части сохраняется, при чем первая часть кончается обычно перед словами *m gn-k*. В пунктированных текстах точки ставятся перед словом *m gn-k* и в конце формулы.

Что же касается аллитераций, то я не раз уже указывала, какие именно части формулы обычно аллитерируют с именем. Аллитерация не обязательна, как это мы уже видели; в особенности в древнейших текстах она часто отсутствует. Ее цель — двойная; во-первых, усиление чар созвучием, во-вторых, объяснение непонятого имени божества.

Примеры:

«Беспокоится (дрожит?) (*igbgb*) сердце матери твоей о тебе в имени твоём Геб» (Пир. Spr. 592 et 1615 b).

«Ты терпишь кораблекрушение (*g!!*) в имени твоём *Jg:j*» (Пир. 662 b).

«Подкрепляет (šrkt) он сердце свое в ней в имени ее Серкет» (Hymnen an d. Diadem, с. 14).

Здесь мы тесно соприкасаемся уже с Volksetymologie.

Как и другие ритуальные формулы, m gn-k представляет интерес еще в одном направлении,—при выборе аллитерации, при попытках объяснить то или иное божественное имя, широко употребляли и привлекали мифологию. И много обрывков мифов, часто неизвестных и малопонятных, рассеяны в формулах m gn-k. Но здесь уже требуется специальное исследование в каждом отдельном случае.

Резюмирую сказанное. Формула m gn-k не есть поэтический прием и не есть Namenspielerei; это есть в основе своей неотъемлемая часть магического действия. Возникая на почве магического ритуала, она и по смыслу, и по значению объясняется им. Мы видели из примеров Пирамидных Текстов и заклинаний папируса Westkar, что она непосредственно употреблялась в заговоре (не словесном только, а действенном). И это ее исконная роль. Вырастая вместе с ритуалом из магии, она удерживается в нем, переходя через все развития и изменения, которые он претерпевал благодаря сменам или эволюциям богословских систем. Тексты, в которых она встречается, — ритуальные или так называемые магические. В гимнах ритуальных мы ее находим, тогда как в гимнах, являющихся плодом индивидуального творчества (и, следовательно, более или менее свободных от ритуальных образцов), — ей места нет.

М. Матье.

К вопросу о судебных оракулах в Древнем Египте.¹

По вопросу об египетских оракулах до настоящего времени не существует ни одной сводной работы, обобщающей весь имеющийся материал. Те же работы, которые в той или иной степени этот вопрос затрагивали, по существу своему, являются изданиями и переизданиями текстов, с небольшими комментариями к ним, в которых, иногда вскользь, бросались те или иные обобщающие указания.² Это обстоятельство, еще в 1899 г., было отмечено W. Spiegelberg'ом в его статье о стеле из оаза Dachei,³ где им было высказано пожелание о том, чтобы по этому вопросу была написана специальная монография. До сих пор, однако, это пожелание выполнено не было, и настоящая работа, по замыслу автора, должна явиться попыткой выполнения задачи, поставленной Spiegelberg'ом.

Оракулы или упоминания о них мы встречаем в следующих памятниках:⁴

1) Надпись Хатшепсут об отправке экспедиции в Пунт, Urk. d. 18. Дуп., S. 342 ff.

2) Надпись Тутмеса III о его восшествии на престол, Urk. d. 18. Дуп., S. 158 ff.

¹ Пользуюсь случаем выразить свою признательность проф. В. В. Струве и М. Э. Матье, под руководством которых я начал свои занятия египтологией. Особую же благодарность выражаю моему товарищу Д. А. Ольдерогге, чьей любезности я обязан рядом справок и советов. Настоящая работа, в начале 1928 г., в виде доклада была прочитана на заседании Комиссии Древнего Мира ИЛЯЭВ.

² Отмечу наиболее важные из них: A. Moret, Un jugement de dieu, Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1917, p. 157 sq.; G. Legrain, Un miracle d'Ahmes I, Annales du service des Antiquités de L'Égypte, v. XV, p. 140 sq.; A. Blackman, Oracles in Ancient Egypt, Journal of Egyptian archaeology, v. XI, part 3—4 и v. XII, part 3—4; A. Erman, Zwei Aktenstücke aus d. Thebanischen Necropolis, Abh. d. Preuss. Akademie d. Wissensch. hist.-philol. Klasse, 1910 и др.

³ Recueil de Travaux Égyptiens, v. XXI (1889), p. 20, rem. 2.

⁴ В дальнейшем, для сокращения примечаний, ссылки на памятники будут даваться на номера, под которыми они в списке значатся.

3) Надпись Тутмеса III о построенных им памятниках, *Urk. d. 18. Dyp.*, S. 833 ff.

4) Стела Тутанхамона, G. Legrain, *La grande stèle de Toutankhamon à Karnak, Rec. de Trav.*, v. XXIX, p. 162 sq.

5) Надпись в храме Сети I, LD. III 140b = Golénischeff, *Une excursion à Berenice, Rec. de Trav.*, v. XIII.

6) Бентреш-стела, E. de Rouge, *Etude sur une stèle égyptienne.*

7) Надпись верховного жреца Херихора, H. Brugsch, *Rec. de Monum.*, v. I, Taf. XXI.

8) Оракул Изиды, F. Petrie, *Koptos*, p. 15—16 и pl. XIX.

9) Туринский папирус 126, W. Spiegelberg, *Correspondances du Temps des Rois-Prêtres, Notices et extraits de la Bibl. Nationale à Paris*, v. 34 (1895), p. 207 sq.

10) *Pap. Bibl. Nat. à Paris* № 197, фрагмент I, *ibid.*, p. 250 sq.

11) Каирская стела № 43649, A. Moret, *Un jugement de dieu.*

12) Папирус Британского Музея № 10335, A. Blackman, *Journal of Egyptian Archaeology*, v. XI, part. 3—4, p. 249—255.

13) Остракон Британского Музея № 5624

14) Остракон Британского Музея № 5625

15) Остракон Британского Музея № 5637

16) Папирус Британского Музея № 10410

} *ibid.*, XII p. 3—4,
p. 176—185.

17) Папирус Ли, Th. Devéria, *Le pap. judiciaire de Turin, Bibliothèque Egyptologique*, v. V, p. 166 sq. и pl. XI и X.

18) Стела изгнанников, H. Brugsch, *Reise nach der Grossen Oase el Kharge*, p. 86 ff. и Taf. XXII = *id.*, *Rec. de Monum.*, v. I, pl. XXII.

19) Стела Шешонка, E. Naville, *Inscription historique de Pinodjem*, III.

20) Надпись Пианхи, *Urkunden d. Älteren Äthiopienkönige*, S. 1 ff.

21) Надпись коронавания, *ibid.*, S. 81 ff.

22) Стела из оаза Дахель, W. Spiegelberg, *Eine Stelle aus d. Oase Dachel, Rec. de Trav.*, v. XXI, S. 12 ff.

23) Каирская стела № 45327, G. Daressy, *Trois stèles de la période Bubastide, Annales du service des Antiquités*, v. XV, p. 140—143.

24) Остракон Каирского Музея № 25234, G. Daressy, *Ostraca*, p. 58, pl. XLVI.

25) Остракон Каирского Музея № 25242, *ibid.*, p. 62, pl. LI.

26) *Annales Osorkona*, A. Erman, *ÄZ*, 45, S. 1 ff.

27) Декрет в пользу Верховного жреца, G. Legrain, *Deux stèles*

trouvées à Karnak, *ÄZ*, 35, s. 12—16 = A. Erman, Zu den Leგრaин'schen Inschriften, *ÄZ*, 35, S. 19—24.

28) Декрет в пользу верховного жреца Пиноджема, G. Daressy, *Le décret d'Amon en faveur du grand Prêtre Pinozen*, *Rec. de Trav.*, v. XXXII, p. 175 sq.

Не все они говорят об оракулах по судебным делам: 12, по своему содержанию, являются историческими и, в настоящей работе, играют роль подсобного материала, значение которого ясно уже из того обстоятельства, что во всех случаях обращения к богу за оракулом внешняя, обрядовая сторона одна и та же.

Несколько особое положение, по сравнению с вышеперечисленными текстами, занимают тексты, содержащие так называемые оракулы *ex eventu*: «Оракул горшечника»¹ и «оракул ягненка»,² по существу являющиеся не оракулами, а прорицаниями. Их настоящая работа не касается. Точно так же текст, изданный W. Spiegelberg'ом, *Der Sagenkreis des Königs Petubastis*,³ и представляющий оракул *ex eventu*, в настоящей работе не использован.

Таким образом, работа рассматривает только те случаи, когда бог на поставленный ему вопрос решает дело в ту или иную сторону.⁴

Первые указания на решения дел (правда не юридических) посредством совета бога мы встречаем в надписи Хатшепсут по поводу отправки экспедиции в Пунт,⁵ в надписи Тутмеса III о его восшествии на престол,⁶ в его же надписи по поводу построек новых зданий, где царь говорит:

¹ Gressman, *Altorientalische Texte und Bilder*, S. 207. Этот текст, как доказал уже проф. В. В. Струве в своей статье: *Zum Töpferorakel*, *Raccolta Lumbroso*, переведен на греческий язык с египетского. Содержание текста — оракул горшечника царю Аменофису; но так как мы знаем, что Аменофис (= Аменхотеп) (см. тексты № 13, 14, 15, 24 и 25, а также демотический остракон с оракулом, изданный Н. Thompson'ом, *PSBA*, v. XXXV (1913), p. 95—96), это одно из тех локальных божеств, к которому довольно часто обращались за оракулом, то может быть, и это представляется достаточно вероятным, что греческий текст дал **неправильный** перевод с египетского и что речь идет, следовательно, об оракуле, данном царем Аменофисом горшечнику.

² Gressman, *ib.*, S. 206.

³ *Demotische Studien*, III, Lpz. 1910.

⁴ В стороне также остаются демотические памятники, упоминающие об оракулах.

⁵ *Urk. d. 18. Dyn.*, 342, S. 5; A. Erman, *Religion*, S. 166.

⁶ *Urk. d. 18. Dyn.*, S. 158, 159 Самые существенные части текста, вернее те строки, где идет речь о божеском волеизъявлении, отсутствуют, и поэтому текстом пользоваться трудно.

«Сам царь приказал речи сделать в ^② письме, соответственно сказанному оракулом, относительно создания памятника перед лицом живущих на земле», и на стеле Тутанхамона (текст 4), где говорится о проявлениях гнева богов, во время господства культа Атона:

«Если прибегали к богу за советом, — не выходил он;
Если призывали богиню . . . также не приходила она».¹

Эти тексты указывают на существование уже в это время обычая обращаться к богу за оракулом. Позднее, этот обычай получает большое распространение: очень показательно, как по временному признаку располагаются имеющиеся в нашем распоряжении тексты:

от XVIII	дин.	мы	имеем	4	упоминания	оракула
» XIX	»	»	»	8	»	»
» XX	»	»	»	6	»	»
» XXI	»	»	»	4	»	»
» XXII	»	»	»	3	»	»
» XXIII	»	»	»	2	»	»
» XXVI	»	»	»	1	»	»

Это, конечно, не статистический материал, но тем не менее показательно, что больше всего оракулов сохранилось от периода расцвета жреческого влияния и, как мы видим на ряде примеров (текст 4 — избрание богом царя; текст 21 — избрание богом царя; текст 18 — решение оракула о возвращении изгнанников — приверженцев Рамессидов в Египет) жречество умело пользоваться этим популярным среди населения способом для решения, в благоприятную для себя сторону, важнейших политических вопросов. Знанием этого обстоятельства, вероятно, и объясняется поездка Александра Македонского в Большой Оаз для получения оракула Амона о своем божественном происхождении. Это в глазах египтян, знавших подобные случаи, должно было придать внешнюю законность владычеству Александра над Египтом.²

¹ Urk. d. 18. Dyn., S. 833.

² Отмечу, между прочим, что в описаниях греческих авторов (Арт. Анаб. Alex., сар. IV, lib. III; Plut. Al., XXVIII; Diod., XVII, 51 и др.) посещения Александром святилища Амона есть много общего с коронационной стелой Аспарута (текст 21).

В ряде надписей и датировок текстов с оракулами мы находим следующие указания на то, когда обращались к богам со своими делами:

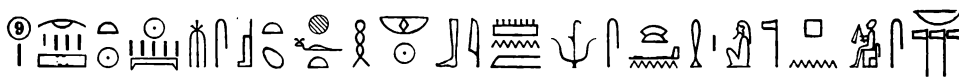
Рамзес II обратился к богу Хонсу за оракулом:

⑬ «В 26 год, 9 месяц (в) праздник Амона» (текст 6).

Обворованный человек Аменемуиа обращается к Амону:

④ «В праздник его (т. е. Амона) прекрасный — праздник Карнака» (текст 12).

Оракул о возвращении изгнанников был дан в:

⑧ «4-й месяц лета, 5-й добавочный день, (день) рождения Исиды, предпраздник Амона новогодний; вынесено (было) величество бога этого почтенного, владыки богов, Амона-Ра, царя богов» (текст 18).

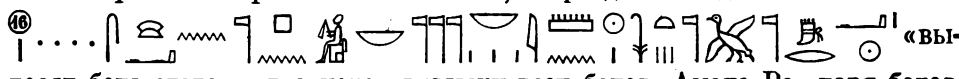
Князь Уаихаст, посланный в оаз Дахель для разбора земельных неурядиц, советует одному из жалобщиков обратиться со своим делом к богу:

⑦ «Стань перед Сутехом ⑧ и [скажи] это в день этот, когда выносят величество [бога] этого почтенного Сутеха, великого мощью, сына Нут, великого бога, в год 5-й, 4-й месяц жатвы, день 25-й в праздник его прекрасный *Wršw*» (текст 22).

Каирская стела 45327 датируется:

④ «Год 16-й... (Осоркона II)... в праздник Птаха, владыки его благого, в праздник его прекрасный...» (текст 23).

В своих анналах, наряду с другими событиями, Осоркон описывает, что во время его пребывания в Фивах, в праздничный день:

⑩ «вынесли бога этого почтенного, владыку всех богов, Амона-Ра, царя богов, бога изначального» (текст 26).

Заметим также, что на ряде памятников¹ (см. рис. на стр. 60) мы находим изображения священных барок с наосами, переносимых иногда довольно большим количеством людей.²

Думается, что сопоставления этих надписей с рисунками вполне достаточно, чтобы с полной уверенностью сказать, что к богу за оракулом обращались во время выноса священной барки. Причем это происходило только в праздничные дни,³ во время шествования процессии, как будто, устраивались народные празднества. Об этом мы узнаем из каирского остракона № 25234, где говорится что:

 «Рабочие в радости перед ним (т. е. перед культовым образом Аменхотена) . . . вместе со своими детьми и женами» (текст 24).

Точно так же не случайно замечание остракона Британского Музея № 5625, что оракул был дан в присутствии ряда свидетелей, а также:

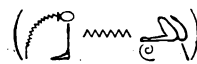
 «Всех рабочих, у входа в шахту гробницы начальника рабочих Каха» (текст 14).

И эта гласность «божьего суда», вероятно, явилась причиной его большой популярности.

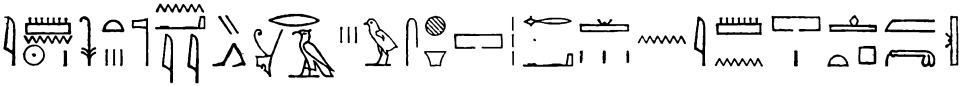
Точно так же надо думать, на это указывает только что цитированный текст, что культовая статуя бога могла запрашиваться во время своего передвижения. Вместе с тем мы находим указания и на то, что к богу обращаются и во дворе храма, но опять-таки в те же праздничные дни. Стела о возвращении изгнанников говорит:

¹ Бентреш-стела (текст № 6); надпись Пиноджема (19); надпись Херихора (7); оракул Исиды (№ 8); каирская стела № 43649 (11); ср. также рис. 1 и 3 в статье Spiegelberg'a, Aus der ägyptischen Sammlung, OLZ, 1928, Lief. 5.

² Барка переносилась уабами передней стороны () и уабами задней стороны (). См. Annales du Service des Antiquités, v. XVI, p. 162, таблицу к ней и статью Spiegelberg'a, Aus der ägyptischen Sammlung, OLZ, 1928, Lief. 5.

³ Ср. Blackman, Oracles in Ancient Egypt, но им не было обобщено это замечание.

«4-й месяц лета, 5-й добавочный день, (день) рождения Исиды, предпраздник Амона новогодний; вынесено (было) величество бога этого почтенного, владыки богов, Амона-Ра, царя богов, чтобы отправиться ко двору великому дома Амона и упокоиться перед стеной (?) дома Амона» (текст 19), после чего только верховный жрец обратился к богу с вопросами.

Это позволяет думать, что было безразлично, где обращались к богу — на его пути, или во дворе храма, по окончании процессии, но в тот же праздничный день. Затем, как мы увидим дальше, очень любопытно указание остракона Британского Музея № 5625 о том, что оракул был дан у входа в шахту могилы. Это указывает как бы на то, что процессия направлялась в места, населенные беднейшими слоями египетского населения.

Наряду с оракулами, дававшимися во время процессий, мы находим указания иного порядка. Хатшепсут в своей надписи пишет:

«Услышала (я) приказ в месте великом, совет самого бога» (текст 1). Здесь мы, таким образом, видим указание на то, что парика обращалась к богу в самом святилище. И это очевидно было не случайностью. Пианхи пишет, что один он вошел в святилище (),

«Увидел отца своего Ра в h.t

bhbn•t,

утреннюю барку Ра

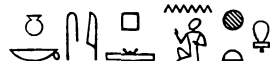
и вечернюю барку Атума

.....

(и) приказал жрецам:

я сам проверил запоры,

не войдет никто другой

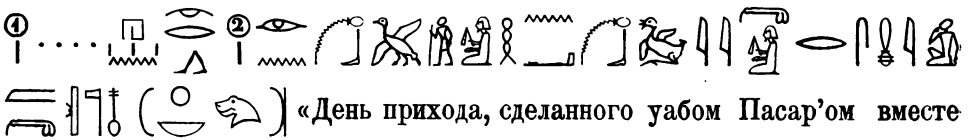
из царей последующих: (текст 20).

Если понять это запрещение входить в святилище как запрещение входить другим претендентам на престол (а иначе, как будто, это понять нельзя), то мы приходим к заключению, что только царь, как живой бог, мог получать ответы бога «в месте великом», все же остальные лица должны были обращаться к богу в особо установленное время — во время процессий.

В ряде случаев, тексты содержат заявления, с которыми одна из сторон обращалась к богу. Посмотрим некоторые из них:

«Год 4-й, месяц 4-й наводнения, последний день. В этот день свидетельствовал рабочий Кенна, сын Сауджет, царю Аменхотепу, владыке, Ж. З. С. города говоря: помоги мне мой благой владыка» (текст 14).

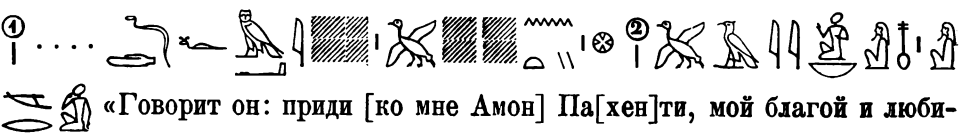

«День прихода, сделанного уабом Пасар'ом вместе с уабом Чаи, чтобы свидетельствовать перед благим богом Nebrehtir'» (текст 11).

«Прихождение, сделанное уабом Пасар'ом (при говорении)» (текст 11).

«Год 29-й, месяц 4-й наводнения, день 20-й. Свидетельствование рабочего. . . . царю Аменхотепу, Ж. З. С. при говорении. . . .» (текст 25).

«Говорит он: приди [ко мне Амон] Па[хен]ти, мой благой и любимый владыка» (текст 12).¹

¹ См. также тексты 6, 7, 18, 19, 22 и 23, где обращение к богу также формулировано от первого лица. Но здесь может быть эта формулировка была вполне законной, т. е. к богу действительно обращались с непосредственной речью те лица, от имени коих тексты были составлены.

Эти обращения могут создать впечатление, что во время процессии всякий желающий мог подойти к богу, изложить ему свое дело и тут же получить ответ. В действительности дело обстояло не так. Уже А. Moret в своей статье «Un jugement de dieu» высказал блестящее предположение, что обращение к богу формулировала жреческая коллегия. Это предположение, которое Moret, к сожалению, не подкрепил никакими ссылками, можно вполне подтвердить рядом текстов.

В одном из них судья, посланный для разбора земельных неурядиц в оаз Dachei, советует обратившемуся к нему лицу — Несубасту передать свое дело на решение богу. С этим, очевидно, Несубаст согласился и тогда:

③ «Князь Уаухаст (судья) стал перед [богом], говоря: о Сутех, мой великий бог» (текст 22).

В других мы читаем:

③ «Положил я рукописи перед этим богом великим, чтобы судил он их судом праведным» (текст 9).

④ «Положены эти два свитка перед [богом великим]» (текст 19).

⑤ sic! «Стоял (я) перед Аменхотепом при говорении ему: дай (мне) гробницу моих предков — и он дал мне гробницу Хаи свитком» (текст 13).

③ «Я кладу тебя перед Аменхотепом Ж. З. С. в каждую его процессию» (текст 16).

③

«Тогда слуга Аменемуа повторил (перечислил) ему весь город. Тогда бог кивнул¹ на земледельца Петауемдиамон'а говоря: это он украл это» (текст 12).

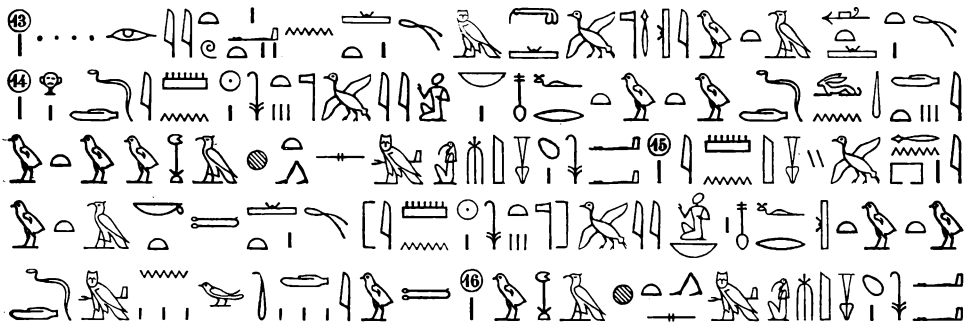
Из этого ясно видно, что дело предварительно излагалось какой-то судебной инстанции, которая должна была его сформулировать, богу же

Рис. 1.

оно читалось по свитку, который принимался или отвергался богом (и на изображении переносимой барки на Бентреш-стеле² мы действительно видим как жрец держит в руках развернутый свиток, который он очевидно читает богу, см. рис. 1). В действительности же дело иначе обстоять и не могло. Ведь изложение должно было быть совершенно ясным, так как каждое лишнее слово могло затем дать повод для оспаривания оракула. Кроме того дело

надлежало еще изложить в двух редакциях: за и против, т. е. так, как мы это видим в стеле Шешонка:

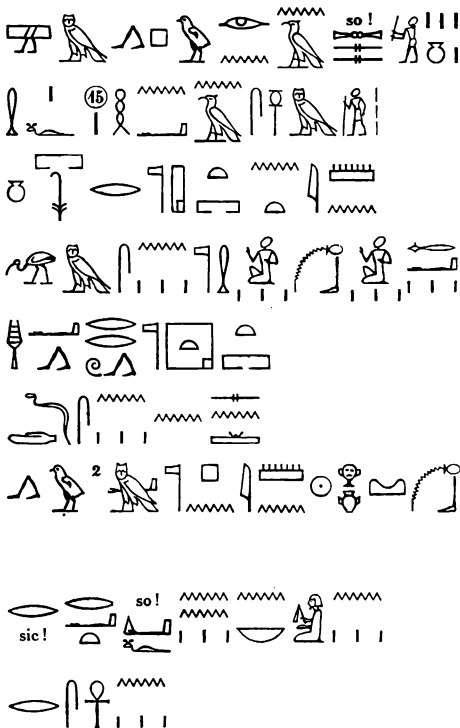

«Дали два свитка документов перед богом великим. Один свиток⁴⁴ говорит: О Амон-Ра, царь богов, мой благой владыка! Говорят: есть слова, которые есть требование от Тутмеса правоюгосого, сына Судидиамона, ¹⁵ правоюгосого, начальника дома. Другой свиток (говорит):

¹ Слова, обозначающие оракул бога (о них см. ниже, стр. 63 сл.), следуя обычному переводу, я перевожу как «кивнул», хотя правильнее было бы переводить «сделал движение».
² Текст № 6.

[О Амон-Ра, царь богов, мой благой владыка]. Говорят: нет слов, ¹⁴⁹ которые есть требование от Тутмеса правоюгосого, сына Судидиамона правоюгосого» (текст 19).

Формулировка текста должна была быть такой, чтобы не оставалось никакой возможности для произвольного его толкования, т. е. должны были быть соблюдены все юридические тонкости. Текст, таким образом, мог быть составлен только лицом, в юридических делах вполне компетентным. А что этими компетентными людьми не могли быть сами жалобщики, явствует из того факта, что в некоторых случаях¹ ими являются простые рабочие, о которых, в лучшем случае, можно сказать, что они были грамотны, но не больше того. И, конечно, им не приходится приписывать составление юридически точных документов. Это нас приводит к нашему исходному пункту: жалобу богу формулировала какая-то судебная инстанция или же ее представитель. И на вопрос о том, какая же это была судебная инстанция, нам, пожалуй, может ответить коронационная надпись Аспарута (текст 21), которая в виду своей значительности заслуживает того, чтобы она была приведена, в интересующих нас частях, почти целиком:

«Прихождение это сделано военачальниками его величества, ¹⁴⁹ вместе с семерами царского дома к храму Амона.

Нашли они жрецов и уабов великих, стоящими у ворот храма.

Сказали они им:

(мы) пришли к богу этому Амону-Ра, находящемуся посреди горы чистой, чтобы дал он нам владыку нашего, чтобы жили мы,

¹ Текст № 14 и 25.

² вместо . См. Maspero, Etudes de Mythologie, v. 3, p. 141, rem. 2.

чтобы строил храмы богам ¹⁶
и богиням всяким севера и юга,

чтобы клал жертвы им.

Не произносили¹ мы речей негодных богу этому.

Он — руководитель наш.

Вхождение это сделано жрецами и уабами великими в храм.

Сделано это для владыки (т. е. бога), сделано возлияние его и воскурение его.

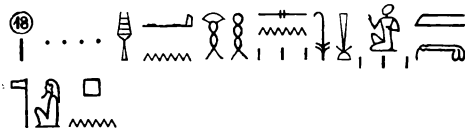
Вхождение это сделано военачальниками ¹⁷ его величества вместе с семерами

царского двора в храм.

Дали они себя на животы их перед богом этим.

Сказали они».

Затем они повторяют богу то, что уже сказали жрецам, после чего читаем:

«Тогда положили⁴ они (т. е. посланцы) царских братьев перед богом этим.

¹ Собственно: «не делали».

² Δ стоит вместо Δ .

³ $\sim\sim\sim$ должно стоять перед \cup .

⁴ Может быть, это нужно понимать как то, что перед богом были положены свитки с именами претендентов на престол (сравни текст 16, где вместо отсутствующего человека перед богом кладут свиток с его именем), но скорее всего это случай идентичный с тем, что имел место при избрании богом Тутмеса III на царство (см. текст 2).

Не взял он ни одного из них.

(Тогда) положили во второй раз царского брата Сиамона, рожденного Мутнебетпет, сына Ра... живущего вечно.

Тогда сказал бог ⁽¹⁹⁾ этот Амон-Ра, владыка Карнака,

Это он царь ваш».

Из текста видно, что жрецам храма, которые находились у ворот,¹ было изложено дело, затем они отправились в храм, где приготавливали бога к посещению (подготовление, вероятно, состояло не только из поднесения жертв богу, но и из обсуждения изложенного дела), после чего посланцы были допущены к богу. Вероятно, обсуждение дела имело место не только в этом случае, так как трудно предполагать, чтобы жрецы допускали к богу всех желавших, предварительно не ознакомившись с их жалобами или просьбами, тем более, что и сам способ давания оракула как бы требовал уже заранее принятого жрецами решения.

Для обозначения самого оракула египетские тексты употребляли различные выражения, в некоторых случаях — специальные термины, в других — прибегали к описательной речи. К числу первых — специальных терминов — следует отнести:

а) Глагол *hn*, имеющий различные написания: ²;
  ³   ⁴   ⁵ Ряд ученых,⁶ в том числе Н. Brugsch, G. Maspero, A. Erman, A. Moret, A. Blackman, понимают это слово как обозначение кивка руки или головы. Maspero⁷ предположил, что были культовые статуи, руки и ноги которых жрецы по своему желанию могли приводить в действие. Другие ученые: Daressy, Legrain,

¹ Ср. замечание А. Moret, L'appel au roi en Egypte, Actes du X Congrès des orientalistes, p. 141—155, что суд принимает жалобы у ворот города.

² Текст 12.

³ Тексты 12 и 25.

⁴ Тексты 6, 11, 18, 7 и 23.

⁵ Тексты 6 и 8.

⁶ См. их работы в списке использованных текстов.

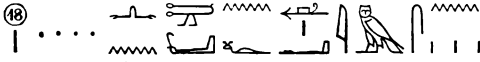
⁷ G. Maspero, Comment Alexandre devint dieu en Egypte, Etudes de Mythologie et d'Archéologie, v. VI, p. 271.

Thomas¹ понимает это слово как обозначение внезапного отяжеления священной барки, переносимой на плечах носильщиков.

Старое понимание этого выражения как *terminus technicus* для обозначения какого-то движения руки или головы культовой статуи бога представляется все же более вероятным, тем более, что сопоставление этого слова с коптским *ꝛꝛꝛ*, движение руки или головы, сделанное еще Brugsch'em,² до сего времени остается непровергнутым.

Довольно существенными доводами против понимания *hn* как обозначения внезапного отяжеления барки, как будто, можно считать следующие указания текстов.

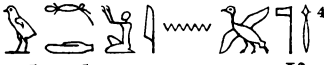
Ⓐ «Положены эти два свитка рукописей перед богом великим. (II) великий бог схватил один свиток, который говорит» (текст 19).

Ⓑ «Не взял он (т. е. бог) одного из них» (текст 21).

Странной кажется возможность понимания выражения «схватывать (гесп. касаться) свиток» как выражения, относящегося к барке; такое выражение можно только применить к статуе с двигающимися членами. Точно так же непонятно, как может барка, которая

Ⓒ «упокоилась перед стеной³ дома Амона» (текст 18) и к которой после этого обращаются с вопросами, «отяжелевать» в виде ответа на плечах у носильщиков?

Но, конечно, окончательное решение вопроса принадлежит еще будущему — тому времени, когда будет найдена культовая статуя.

б) *wšd* 'in p; ntr ' ; ⁴. Новый берлинский словарь переводит это как: «бог был согласен». К сожалению, это выражение встречается только в одном тексте, так что материала для выяснения сущности этого термина крайне мало. Но, вероятно, это выражение идентично с *hn*. На это, как будто, указывает основное значение слова *wšd* «отвечать, кивать».

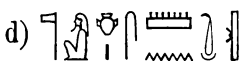
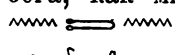
¹ Oracular responses, Ancient Egypt, 1921, p. 76.

² Wörterbuch, V. VI, S. 754. Новый большой берлинский словарь, т. II, стр. 494—495, также дает этому слову перевод: «соглашаться киванием».

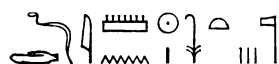
³ Brugsch, Wörterbuch, V. VII, S. 1396.

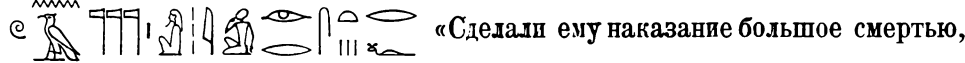
⁴ Текст 19.

с) *ndw. t-r*; ¹ «оракул». Первоначальное значение слова — «совет». Как понятие «оракул» встречается только в текстах 18 дин. Возможно, так как все привлекаемые примеры характеризуют время от XIX дин. и позднее, что действие, скрывающееся под этим термином, и не является движением руки или головы.

д) «Бог остался недвижим».² Это выражение указывает на несогласие бога и вместе с тем, как будто, подтверждает правильность понимания *hn* и *wšd* как обозначения какого-то движения. Несогласие бога, как мы видели уже раньше, может также выражаться и через «не взял он».

В других текстах мы находим упоминания об оракулах, в которых для обозначения решения бога употреблены описательные выражения, при чем так, что не сразу можно уловить кроющиеся в них указания на оракулы. Мы читаем:

 «Сказал Амон-Ра, царь богов» (тексты 27 и 28).

 «Сделали ему наказание большое смертью, о котором боги сказали: сделайте его ему» (пап. Ли 1,7, текст 17).

⑩ ... «Сказал этот бог великий» (текст 22).

⑩ ... «Сказал Сутех» (текст 22).

Из этих примеров, пожалуй, можно было бы, как это и делают некоторые исследователи,³ заключить, что ответ бога в этих случаях действительно давался словами. Но такому пониманию этого выражения противоречат имеющиеся в нашем распоряжении иные примеры:

④ ... «Тогда бог кивнул... говоря» (текст 12).

④ ... «Тогда бог кивнул, говоря» (текст 25).

¹ Текст 1 и 3.

² Текст 11, стр. 2.

³ Ср., напр., Maspero, Comment Alexandre devint dieu en Egypte, *Etudes de Mythologie*, v. VI, p. 271.

⑩ «Тогда кивнул бог этот своему жрецу, говоря» (текст 6).

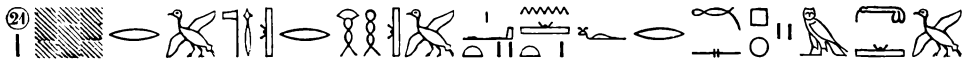
Здесь *dd* является лишь передачей того с чем согласился бог кивком, и поэтому приводившиеся раньше примеры также приходится считать передачей того, с чем бог согласился, причем те тексты, из которых они взяты, не передавали всей сцены обращения к богу, так как не это было их основной целью.¹

Точно так же нельзя понимать, как это делает А. Егман,² что текст «Дал он (т. е. бог) мне гробницу Хам свитком (текст 13, см. выше стр. 59) является указанием того, что ответ бога давался либо знаком, либо свитком.³ Как мы уже видели раньше, эта фраза указывает лишь на то, что бог согласился с тем, что было написано в свитке, который затем в виде юридического документа выдавался выигравшей дело стороне.

Очень интересно отметить встречающееся во многих текстах указание на повторное обращение к богу:

⑪ ... «Тогда повторил он приближение к богу великому, говоря» (текст 18).

⑫ ... «повторил он приближение к богу, говоря» (текст 11).

⑬ «(испорчено) ... к богу великому, чтобы положить два свитка его во второй раз перед богом великим» (текст 19).

⑭ «[Тогда] писец некрополя [Гор-]шери повторил (это) ему (т. е. богу). И он (т. е. бог) сказал» (текст 14, verso).

⑮ «[Тогда] писец некрополя [Гор-]шери повторил (это) ему (т. е. богу). И он (т. е. бог) сказал» (текст 14, verso).

Это можно объяснить только в том случае, если признать, что ответ бога давался знаком. В этом случае, для того чтобы не дать повод усу-

¹ Это, конечно, вовсе не означает, что все те бесчисленные тексты, в которых употребляется выражение «сказал» такой-то бог, являются указаниями на имевшее место обращение к богу за оракулом. В подавляющем большинстве случаев это выражение является только образным, и только в нескольких случаях, которые распознаются по контексту, употребление этого глагола указывает на то, что перед нами указание на оракул.

² Zwei Aktenstücke, S. 346.

³ Ср. А. Blackman, Oracles in Ancient Egypt.

мниться в правильности понимания знака, богу задавался вопрос дважды, причем, иногда, задавался еще вопрос и в противоположной формулировке, (см. тексты 11 и 19) и одинаковый ответ бога давал жрецам право утверждать, что он был понят правильно. При ответе же в форме речи надобности в повторении вопроса не было бы, так как голос бога, вероятно, был бы услышан всеми присутствовавшими, и сомнений в правильности толкования решения не могло бы возникнуть.

Уже выше указывалось на то обстоятельство, что обращение за орakулом к богу было обычаем, пользовавшимся большой популярностью. Попробуем найти причины этого явления. Если мы займемся выяснением тех социальных кругов египетского общества, чьи представители фигурируют в тех, очень немногих, случаях передачи судебного дела на решение «божественного» правосудия, которые до нас дошли, мы увидим, что это в большинстве случаев некропольские рабочие,¹ слуги² (нечто вроде приказчиков), интенданты,³ низшие ступени жрецов,⁴ писцы,⁵ т. е. представители низших слоев Египта. И то, что среди этих слоев «божественное» правосудие действительно имело большую популярность, мы узнаем из стел, происходящих из Фиванского некрополя и относящихся ко 2-й половине XIX дин.⁶

Эти стелы, как указали уже некоторые ученые,⁷ сооружались в виде благодарности богам за оказанную ими помощь. И характер последней ясен из самих текстов, которые содержат обращения к богам.

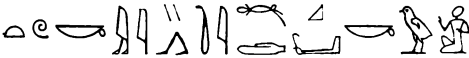
Обращение к Амону (стела Берлинского Музея 23074):

«... Который приходит на зов бедняка;

(когда) я зову тебя, когда я при-
нижен, приходишь ты, чтобы
спасти меня».

¹ Тексты 13, 14, 15, 25.

² Текст 12.

³ Тексты 19, 8.

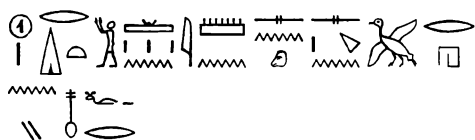
⁴ Тексты 16, 11.

⁵ Тексты 16, 10.

⁶ Эти стелы, теперь разбросанные по различным музеям, подверглись изучению ряда исследователей: G. Maspero, *Rec. de Trav.*, II, 105 sq. и III, 103 sq.; A. Erman, *Denksteine aus d. Thebanischen Gräberstadt*, *Sitz. d. Preuss. Akad. d. Wissensch., hist.-phil. Kl.*, 1911; B. Gunn, *The religion of the poor in Ancient Egypt*, *Journ. of Egyptian Archaeology*, v. III, 81 sq.; И. Г. Франк-Каменецкий, *Памятники Фиванской религии* и М. Э. Матьё, *Религия египетских бедняков*, Сборник «Религия и Общество».

⁷ A. Erman, *op. cit.*, p. 1086; A. Moret, *Un jugement de dieu*.

Обращение к Амону (стела Туринского Музея 181):

«Славословие Амону, преклонение хорошо поддерживающему».

Обращение к Шу и Горяхути (стела Туринского Музея 309):

«... который внимает жалобам,
который внимает бедняку, зовущему его;
который приходит на голос призывающего его имя».

Обращение к Гор-уру (стела Британского Музея 276):

«Славословие *Hr-wr'a*, преклонение слушающему жалобы».

Обращение к Амону-Ра (стела Берлинского Музея 23077):

«... который внимает жалобам,
который приходит на голос приниженного бедняка».

Обращение к Аменофису I (стела Туринского Музея 48):

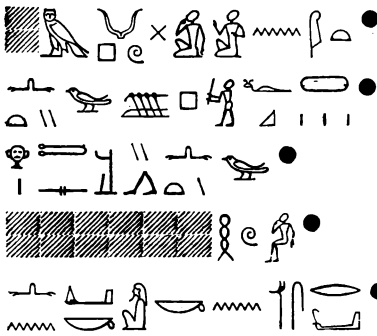
«... кто приходит к тебе с опечаленным сердцем,
выходит он, радуясь и веселясь».

1 А. Егман, ib., пишет: может быть   .
2 А. Егман, ib., пишет: может быть .
3 А. Егман, ib., пишет: читать *nhm*.

Из этих цитат¹ ясно, что милость бога, в благодарность за которую были поставлены эти стелы, выразилась в помощи, оказанной им при решении судебных дел.² И очень может быть, что эта помощь была не абстрактной, а самой реальной, что все упоминания богов, «внимающих жалобам» и затем помогающим обездоленным, таят в себе не отвлеченные представления о вездесущем и всеведующем божестве, а конкретные образы богов, их культовые статуи, перед которыми лица, прибегавшие к божественному правосудию, излагали свои жалобы и от которых получали решение.

¹ Аналогичные обращения можно найти и в некоторых гимнах. Список их приведен у А. Ерман'а, Grabdenkm. aus d. Theb. Gräberstadt.

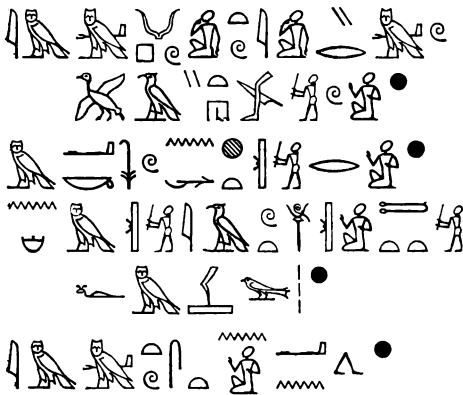
² Бог как судья, праведный судья, упоминается в текстах довольно часто. См., напр., Молитва солнечному божеству (ÄZ, 38, S. 24):

«(Ты) праведный судья,
 который не берет подношений,
 который поднимает неимущего

 Не даешь ты руку твою сильному».

Молитва солнечному божеству (ÄZ, 38, p. 21):

«.. Дай судиться с этим обидевшим меня,
 Смотри! Он сильнее меня,
 который отнял мое звание, захватил он неправдой,
 пусть отдадут мне его обратно».

Обращение к Амону-Ра (папирус Bologne, 1904, II, p. 3—4 и др.):

«... Это судья обездоленных,
 он не берет подношений от неправедных».

Если согласиться с этим довольно вероятным предположением, то имеющиеся у нас указания на обращения за оракулами по юридическим делам представителей низших слоев египетского общества численно сильно увеличиваются, и вместе с тем мы узнаем причины, побуждавшие именно эти слои предпочитать «божественное» правосудие — обычному, светскому. Приведенные примеры содержат не только косвенные, но и прямые указания на подкупность судей. И суд бога, суд оракулом, совершавшийся в присутствии широких масс, являвшийся вместе с тем судом жречества, в это время усиливающего свое влияние, должен был считаться с теми слоями, которые составляли подавляющее большинство египетского населения. Не малую роль в популярности этого суда играла и сравнительная скорость разбора дел, в противоположность светскому, где дела разбирались годами, а иногда и столетиями (например, известный процесс Меса, который был завершен оракулом бога).¹ Также, может быть, обращение к суду бога вызывалось и тем, что этот суд, как будто, не требовал стольких данных, как светский. Это как-бы подтверждается тем, что в папирусе Британского Музея 10335 (текст 12) мы видим, что бог сам указывает вора, который не уличается свидетелями, тогда как светский суд, даже по особо секретным делам, для признания виновности требует двух свидетелей.² И, наконец, безусловное значение имел уже отмечавшийся выше маршрут праздничного выхода бога — то, что процессия направлялась в кварталы бедных.

Круг тех богов, к которым обращаются за оракулами, довольно обширен. Это Амон-Ра и его локальные разновидности, Ра и Атум, Изиды, Птах, Шу, Сутех, Аменхотеп I, Яхмес I. Вероятно, этим список богов, дававших оракулы, не ограничивался. Можно почти с уверенностью сказать, что все боги имели свои культовые статуи, которые могли давать оракулы.

Юридические дела, по которым испрашивались оракулы, главным образом, являлись имущественными. Во всяком случае, из 15 известных нам решений богов по судебным делам тринадцать касаются имущественных. Остальные три это дело о государственной измене (текст 17), по должностному спору (текст 8) и одно непонятное (текст 24). К сожалению, материала слишком недостаточно, чтобы сделать какие-либо выводы относительно вопросов, подсудных «божественному» суду, но, очевидно, он по преимуществу разбирал дела гражданские.

¹ См. A. Moret, Un jugement de dieu.

² A. Erman, Ein Fall abgekürzter Justiz, Abh. d. Preuss. Akad. d. Wissenschaft, hist.-phil. Klasse, 1913, Lief. 1.

Судя по приведенным выше благодарственным стелам, по эпитету Яхмеса, являющегося тем богом, к которому обратились за оракулом, на стеле Каирского Музея № 43649,

«О судья, который правильно судит»
(текст 11),

по фрагменту I папируса Парижской Национальной Библиотеки № 197,

«Вот делаю я, вот делаю я, согласно сказанному мне Амоном-Ра, царем богов, согласно сказанному мне владыкой моим. ⑧ Не подхожу я к полю, относительно которого сказал мне мой владыка, так как услышал я (его)» (текст 10) — решение бога, его оракул имел определенную юридическую силу.

Решение бога приводилось, как будто, в исполнение обычными судебными органами. На это указывает папирус Британского Музея 10335, где с обвиняемого требуют клятву в том, что он не откажется от своего признания, после чего он, очевидно, передается в руки чиновника:

«Тогда ⑭ инспектор (*rw*) дома носилок царя Сетнахта Пен-хор-ур ⑮ повторил ему давание 100 ударов пальмовой ветки и дал ему повторить клятву и сказать: если я ⑯ поверну рот мой обратно, — дай меня крокодилу» (текст 12). Точно так же по смыслу Dachei стелы¹ и Каирской стелы 43649² ясно, что решение могло проводиться в жизнь только светскими властями.

Интересно отметить, что божеское решение можно было оспаривать. В стеле из оаза Dachei³ мы видим, что через 14 лет, вероятно, по ходатайству недовольной стороны, бог изменил свой прежний оракул. Папирус

¹ Текст 22.

² Текст 11.

³ A. Blackam, *Oracles in Ancient Egypt*. Там же и остальная литература.

Британского Музея 10335 указывает, что обвиненный, прежде чем сознаться в своей вине, трижды обращался к богу. Вероятно, так же, как решение светских властей (ср. например, историю красноречивого крестьянина), можно было кассировать и божеское, причем как будто не только перед богом, но и перед светскими органами. Это явствует из папируса Берлинского Музея 10496, где через 3 года после божеского решения дело вновь встало перед светским судом.¹

И. Лурье.

¹ Неоднократно употреблявшееся выражение: «светский суд» нужно понимать как суд, который решает не по оракулу. Это может быть и храмовой суд.

Варваризмы в башкирской речи.

Мои наблюдения, сделанные летом 1928 г. во время работы Башкирской Экспедиции Академии Наук в составе ее Лингвистико-Фольклорного подотряда, территориально охватывают северо-западную часть Тамьян-Катайского кантона, именно волости: Усмангалинскую, Катайскую, Тептяро-Учалинскую и Тунгатаровскую; в редких случаях я делал записи в тех районах, которые не являлись центром работы подотряда. Кроме того, научный сотрудник подотряда М. М. Билялов охотно предоставил в мое распоряжение свои материалы по варваризмам, собранные им во время работы в подотряде, а также в Кубелек-Тилевской волости Тамьян-Катайского кантона, где весь подотряд *in corpore* не был. Под словом «варваризмы» я понимаю все те инородные лексические элементы, которыми наводнена современная башкирская разговорная речь и которые признаются, как нечто чуждое, как самими башкирами, так и исследователями башкирского языка. Это не относится к старым заимствованиям (арабским, персидским и очень немногим русским), которые получили право гражданства в языке и подверглись обработке в духе его фонетики. Гораздо многочисленнее заимствования последних лет, революционного периода: они не вполне усвоены языком, зачастую противоречат его духу и представляют собою своего рода непереваренный материал. Процесс их акклиматизации, несомненно, затрудняется тем, что вслед за одним потоком словарных заимствований жизнь бросает другой: все это клокочет, кипит и представляет такую же сумбурную картину, как процесс словотворчества в современном русском языке, который является теперь главным источником башкирских варваризмов.

Все, кому приходилось иметь дело с современной литературой и прессой на языках национальных меньшинств, в один голос подтверждают, что эта беллетристика и пресса до крайних пределов насыщена варваризмами— как собственно руссизмами, так и теми инородными элементами, которые

«поток жизни» (*die Flut des Lebens*) выбрасывает на берег самого русского языка, как такового. Совершенно естественно, поэтому, в известной книге А. М. Селищева,¹ трактующей о современном русском языке, встретиться с особой главой под названием «Руссизмы в языках национальных меньшинств» (*op. cit.*, стр. 219-224). Глава эта могла бы разростись до объема не одной книги, если к примерам А. М. Селищева, взятым из финно-угорских языков, присоединить бесконечное количество материала по руссизмам в турецких языках. Одна только тема о руссизмах в татарском языке могла бы занять не один том: по странной иронии судьбы поволжско-татарский язык никогда не подвергался такой руссификации, как в наши дни. Отчеты, доклады, газетные статьи на татарском языке наводнены руссизмами, перед которыми совершенно бледнеют когда-то властные — арабские элементы и формы. Основываясь на письменном материале башкирских газет и журналов, можно было бы таким же образом составить себе довольно полное представление об аналогичном процессе в башкирском языке. Но нельзя не признать, что полученный нами в этом случае материал был бы до некоторой степени односторонним. В самом деле: язык прессы отражает собой говор той части населения, в руках которой находится эта пресса, т. е. той его части, которая в известный момент направляет государственную жизнь страны. Для большей же части населения, малограмотной и неграмотной, язык литературы и прессы или мало понятен, или совершенно непонятен. В лучшем случае тот или иной термин будет признан за такой, который употребляется, но содержание его останется совершенно неясным. Иными словами: язык литературы и прессы есть хорошее мерило для так называемого «пассивного словаря», который опознается лицами известной национальности, но не применяется ими в обиходе. Что же касается «активного словаря», то он ярко выступает единственно в живой разговорной речи, которая является для него основным источником. Все это в полной мере относится к словарю варваризмов. Поэтому, если поучительно и полезно дать анализ пассивного словаря башкирских варваризмов на основании газет, журналов и книг, — то еще более важно вести учет варваризмов активного словаря. Эту цель я и поставил себе, когда летом 1928 г. попал в Катайскую и Усмангалинскую волости, которые, по отзывам местных башкирских работников, являются наиболее глухими и дикими во всей Башкирии. И действительно: отгороженные хребтами южного Урала с востока и запада, крайне суровые по своей природе

¹ Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. М. 1928.

(непрерывные леса, переполненные медведями и змеями), лишённые каких бы то ни было путей и средств сообщения (дорог и мостов), а также школ, больниц и почты — эти волости казались идеальными для изучения русского языкового влияния, которое а priori предполагалось тут в минимальных размерах.

Это предположение оправдалось, и потому, если усмангалинское наречие наводнено варваризмами, то в остальных башкирских наречиях их значительно больше. В процессе своего усвоения варваризмы подвергаются известной дифференциации, что позволяет говорить о подразделении варваризмов на категории. Эти категории обусловлены с одной стороны значением варваризма: если данное понятие доминирует в известный момент жизни, то слово, выражающее это понятие, заимствуется безапелляционно и поступает в состав пассивного словаря. С другой стороны, популярность варваризма, иными словами, — переход его из пассивного газетного и административного словаря в активный словарь определённого языкового коллектива всецело зависит от характера этого последнего. Здесь необычайно существенны различия в возрасте, поле и общем развитии отдельных членов коллектива. В самом деле: на собранном мной материале башкирских варваризмов с учётом местностей и лиц можно убедиться в том, что: 1) процент варваризмов возрастает по мере приближения к заводам (Зиганский, Инзерский) и административным центрам; 2) процент варваризмов в словаре отдельного лица прямо пропорционален общественному положению данного лица: в этом отношении речь башкира-крестьянина противопоставляется речи башкира, служащего в исполкоме и т. д. Язык детей усваивает варваризмы стихийно; зато язык женщин в силу слабого знания ими русского языка наиболее недоступен для варваризмов: женщины усваивают почти исключительно так называемые «бытовые» варваризмы.

Если мы попробуем классифицировать варваризмы не по субъекту речи, а по её объекту, то мы, основываясь на нашем материале, придём к следующему. В отношении основных функций речи¹ башкирские варваризмы реагируют лишь на коммуникативную и эмоционально-экспрессивные функции; номинативная функция речи, за отсутствием в современном башкирском языке стихийного процесса словотворчества, не имеет прямого отношения к нашему сюжету. Коммуникативная функция осуществляется особенно энергично, так как вся революционная и политически-административная терминология нашей эпохи полностью передается и в башкирский.

¹ См. статью М. Н. Петерсона, Язык, как социальное явление. Ученые записки Института языка и литературы, т. I, 5, М. 1928.

язык. Особенно любопытно, что башкиры заимствуют не только терминологию, но и целый ряд русских эмоциональных выражений, некоторые из которых имеют башкирские эквиваленты. Это говорит о том, что в процессе взаимодействия русского и башкирского языков настоящей эпохи башкирскому принадлежит почти исключительно пассивная роль. Блестящее усвоение русских ругательств, как результат сношения с заводами, в настоящей статье не может быть иллюстрировано примерами, носящими совершенно неакадемический характер. Отметим здесь только одну любопытную черту из области языкового мышления башкирских «ругателей». Сотрудник подотряда З. Ш. Шакиров спросил одного из башкир, почему они не прибегают к национальным ругательствам, если уж чувствуют такое влечение к этому словесному жанру; башкир ответил, что башкирские ругательства не дают ему такого удовлетворения, как русские. Кроме ругательств, усваивается масса эмоциональных выражений более нейтрального типа, причем некоторые из них по своей *couleur locale* явно противоречат идеологии башкир: так, весьма любопытно слышать от башкира (мусульманина) в середине потока башкирской речи выражение *захгал'и-бу̀г* при наличии своих — типа «сохрани Аллах».

Заимствуется также масса служебных морфологических элементов¹ и, особенно, наречия и союзы, которыми башкирский язык, как и все турецкие, весьма беден. И потому, если османский язык нашел здесь выход в акклиматизации бесчисленных арабизмов, то башкирский язык пошел в сущности по тому же пути, усвоив вместо арабизмов — руссизмы. Продолжим нашу аналогию дальше: османский язык, как известно, изобилует составными глаголами типа *قتل ايتيك*, где арабское *قتل* 'убийство', сочетаясь с турецкой формой *ايتيك* 'делать', выражает вместе с нею одно понятие 'убивать'. Тот же процесс глагольного образования действует и в башкирском, только его действие сказывается на ином материале. Отсюда — громадное количество таких русско-башкирских глагольных образований аналитического типа: *x + 'делать'*, число которых, в виду гибкости этой формулы, можно увеличить до бесконечности. Русский глагол заимствуется обыкновенно в форме инфинитива, слегка измененного лишь в фонетическом отношении: *aristawajt itũ* 'арестовать', *atkazajt itũ* 'отказать', *arganizawajt itũ* 'организовать' и т. д., т. е. собственно 'арестовать делать', 'отказать делать', 'организовать делать'. Не приводя других примеров, так как они в достаточном количестве имеются в словаре, заметим только, что в некоторых случаях русские форманты абстраги-

¹ Примеры на все морфологические категории см. в словаре.

руются и участвуют в оформлении башкирского корневого материала. Например: от корня *małaj* 'парень' образуется уменьшительная форма по русскому типу и с русским суффиксом *-ka*: *małaj-ka* 'парнишка'; превосходная степень (реальная) от слова *qijın* 'трудный' образуется не по башкирской, а по чисто русской аналитической схеме: самый *qijın* — 'самый трудный'. Но не только в отделе словоизменения, но и в отделе словообразования мы встречаемся с подобными явлениями: заимствованное у русских крестьян выражение *bitstınaj* <'пятистенная' — scil. изба, создает по аналогии форму *altıstınaj* 'шестистенный' из башкирского *altı* 'шесть' и элемента — *stınaj* — 'стенный', абстрагированного из предыдущего слова.

Что касается синтаксиса, то и здесь, несмотря на естественную трактовку руссизмов по законам башкирских сочетаний (ср. *sej tudà-ła s'juda* — 'чай [еще] — туда-сюда'; *nid'el'ü tamù nazat- dâ* 'неделю тому назад'; *nırma xlibi* 'норма' — 'хлеб ее',¹ т. е. 'хлеб по норме', *tedere* (sic!) *remk'ehi* 'окно' — 'рамка его', т. е. 'оконная рама' и т. д.), можно отметить черты русского влияния. Таково выражение *mıltıq-bilen ata* собств. 'ружьём (ср. русскую предложную конструкцию 'из ружья') стреляет' при нормальном обще-турецком: *mıltıq* (*casus indefinitus*) *ata*. Далее отметим, что при нормальном, обусловленном, порядке слов в предложении русские заимствования *b'it* <'ведь', *tözı* <'тоже' и *tülka* ~ *tülk'e* <'только' обладают, как и по-русски, способностью находиться в любом месте предложения; таким образом здесь подрывается традиционный обще-турецкий синтаксис. Особенность эта, царящая не только в живой, но и в книжной речи, одинаково свойственна как башкирскому, так и поволжско-татарскому языку; хронологически эти заимствования восходят к дореволюционному времени. Но, быть может, самый характерный отдел из синтаксиса заимствований — это обработка родовых окончаний в русских прилагательных. Башкирский язык, как и все турецкие, формально не выражает рода; единственным исключением являются монгольские реминисценции на *-žin*: *qonažin* 'кобылица трех лет' (при мужеском роде: *qona*) и *dünežin* 'кобылица четырех лет' (при мужеском роде: *dünen*). Естественно, поэтому, что, усваивая русское прилагательное в целом словосочетании, башкирский язык не различает в нем родового признака, а потому и не изменяет его, в результате чего русские прилагательные в словаре башкирских варваризмов сохраняют разнообразные формы: мужеского рода, женского рода или отрицательную (нулевую) форму прилагательных — сказуемых.

¹ Так называемая конструкция «турецкого изафета».

Последняя наиболее подходила бы к духу башкирского языка, но в результате неумения выделить русскую морфему башкирский язык (даже официальный) заимствует русские прилагательные в той случайной форме, в какой они стоят. Примеры: а) прилагательные муж. р. с «полным окончанием»: baɖxad'ášij < 'подходящий', bagùnaj < 'погонный', basl'itnej < < 'последний', mirawùj < 'мировой', bastajànaj < 'постоянный', bìrwaj < < 'первый', zakaznùj < 'заказной', gaɭðdnaj < 'голодный', drugùj < 'другой', katòrij < 'который', jaɭ'vɯj < 'яловый', kaz'ðnaj < 'казенный', kùgawàj < 'кубовый', kùrinùj < 'куренной', nastajàšij < 'настоящий', n'igùdnaj < 'негодный', rabùšij < 'рабочий', n'inarmàlnaj < 'ненормальный', pa'p'yg'òšnaj < 'поперечный', ràznaj < 'разный'; zàmaj ~ sàmij < < 'самый', tèmnaj ~ tùmnaj < 'темный', trajnùj < 'тройной', stanawàj < < 'становой', stàrgj < 'старый'. По аналогии к ним образовано: bi_wàj < < 'пивн-ая' и quhàj < 'кос-ая', т. е. 'косая' scil. сажень; б) прилагательные женск. и средн. р. с «полным окончанием»: bur'jamàja darùga < 'прямая дорога', glàvnaja d'èla < 'главное дело' (аналогия с формами женск. р.); в) прилагательные в форме сравнительный степени: dàl'iji < 'далее', dišèvl'i < 'дешевле'; д) прилагательные в «краткой» форме: g(i)ɭux < 'глух-ой', znakùm < 'знаком-ый'. Сюда же относятся наречия, формально совпадающие со средними родом «краткой» формы: sav'iršina < 'совершенно', saznàt'ilna < 'сознательно', saɭlàsna < 'согласно', kanèšna < 'конечно'. Существует, как известно, искусственная переходная форма от формы с «полным окончанием» к краткой: она, распространенная всюду, где русский язык встречается с другими языковыми мирами, представлена и в башкирском; хронологически — это одна из более древних. Примеры: akrùžni sut < 'окружный суд', g'iràmutni < 'грамотный', gaɭànsk'i < 'голландский', ɭstalàrni < 'столярный' и новобразование: sewi'tskɭ (w(i)ɭàs < 'советская власть'.

Не менее любопытны и семантические факты, связанные с историей башкирских руссизмов. Сюда относятся такие случаи, как обратное заимствование в башкирский язык восточных слов (art'ɭ < 'артель', qaznà < < 'казна', miltè < 'фитиль', sègèn < 'чугун', k'irb'is < 'кирпич', jaɭawùɭ < < 'есаул', но уже с измененным на русской почве значением; особенно характерно слово baɭwàn, обычно возводимое к персидскому بهلوان, которое в башкирском понимании не включает в себе ничего 'героического' и вполне соответствует русскому ругательству 'болван'. Иногда в башкирской трактовке русского слова заметна тенденция к этимологическому сближению с башкирскими корнями: так, kùgawàj 'кубовый' вместо ожидаемого *kù_wawàj объясняется не только фонетической диссимилиацией, но

и контаминацией с kük (كوك 'синий') [предположение М. М. Билялова]; в основе формы kürşik < 'ковшик' хотят видеть ассоциацию с башк. kür كوب 'много' и т. д. Любовь к «народным этимологиям» сильно развита у башкир, как и у всех турок: каждое название племени (qatàj, quwaqan, bağın и т. д.) имеет свою «этимологию». Некоторые семантические переходы связаны с культурно-исторической жизнью башкир: так, ırewis (означает не 'ревизия', а 'перепись', которая в старые времена связывалась с 'ревизскими сказками'); büzığ < 'пузырь' в значении: 'стекло', говорит о тех временах, когда стекла заменялись бычачьими пузырями; uqad < < 'указ', означает 'диплом', так как на дипломах мусульманского духовенства начальные слова апеллировали к императорскому указу; далее; b'isük < < 'песок' означает непременно 'сахарный песок' и размежевалось с чисто башкирским словом qım (قوم 'песок' вообще) так же, как kınıg'è < 'книга' обозначает только 'кооперативную' или 'записную' книжку, а за 'книгой вообще' сохранилось традиционное название k'itap (کتاب); baławık < полвик' означает 'ковёр вообще', так как это — самый доступный тип ковра; ırğayıka < 'проулок' ~ 'переулок' означает: 'усадебка'; sislà < 'число' означает не 'число', а 'месяц' и т. д. Безотносительно такого сужения значения, которое иллюстрировано последними примерами, башкирский словарь варваризмов, естественно, отражает и все те семантические процессы, которые восходят к русской почве. Ср. такие случаи, как: maşına < < 'машина' в значении 'поезд' (русск. народн. 'машина'), barn'ik (чайник) при русском диалектическом 'парник' в том же значении (ср. выражение 'запаривать чай' у русского населения Башкирии), ležènk'e (в смысле: 'сани' — то же), šišk'è 'важная персона', žar'it' itü ('жарить' что-нибудь, т. е. делать скоро, опрометчиво и безцеремонно).

Последняя категория отражает важный и а priori предполагаемый факт, что в основе башкирских варваризмов лежит русская 'народная' или диалектическая форма, так как башкиры естественно имели дело с живым разговором, а не с нормами русской литературной речи. Достаточно привести такие формы, как: p'lant (план) < 'плант', duxtır (доктор) < 'дохтур', dumnàj (доменная печь) < 'домна', bastrük (тюрьма) < 'вострог', başburt (паспорт) < 'пачпорт', ıstram (срам) < 'страм', ıstapàn (Степан) < 'Стяпан', jarmàn (германец) < 'ерман', jaraflan (аэроплан) < 'ероплан', k'eresin (керосин) < 'карасин' (иначе было бы: *k'irusin), k'erwèt (кровать) < диалектич. 'карвать', padajımka (недоимка) < 'недоёмка', rušta и rušti (почта) < 'пошта', seǰün (чайник) < 'чаегон'(?), stırumın (инструмент) < 'струмент', şalmır (шарнир) < 'шалнир'. Черты местных русских диалектов естественно отражаются и на фонетике башкирских варваризмов, к обзору которой следует

перейти. Соответственные рефлексы русского безударного о (детали ниже) заставляют предположить, что в основе башкирских варваризмов лежат формы «окающих» говоров,¹ к каковым принадлежит русское население Белорецких, Инзерского и Зигагинского заводов, а также служащие железных дорог. Тем не менее у лиц, знающих русский язык из более широкой практики, чем только сношения с местными заводами, не замечается подобных рефлексов: интеллигентные башкиры, бывавшие в Москве и далее, совершенно свободны от уз «окающих» русских говоров и ориентируются на русскую «столичную» речь. Необычайно существенно отметить еще раз, что говор этих образованных башкир весьма резко отличается от говора местных крестьян-башкир: говор башкирской интеллигенции и полуинтеллигенции уже не поддается такой определенной локализации в отношении русских диалектов. С другой стороны, отрываясь от родной языковой стихии и входя в русло русской речи, названная категория башкир не только загромаждает свой язык множеством ненужных руссизмов, но и мало-по-малу отходит от башкирской артикуляционной базы. Отметим здесь два весьма важных факта из области вокализма. В виду того, что вокализм башкирского языка в отношении основных фонем тот же, что и в поволжско-татарском, мы воспользуемся той принципиальной характеристикой поволжско-татарского вокализма сравнительно с русским, которую дал В. А. Богородицкий.² Особенности этого вокализма: а) отсутствие фонем о и е б) наличие в неударных слогах редукции по количеству, а не редукции и по качеству одновременно, как в русском (звуки, фонетически транскрибируемые, как ъ и ь). Между тем в речи образованных башкир мы встречаемся как с о и е, так и с редуцированными гласными типа ъ и ь. Ср. *šort* < 'чорт', *uslòv'ije* < 'условие', *gajòni* < 'районы', *dògoburli* < имеющий 'дòговор', *dòst'f'k'* < 'дòставка', *pròs'nt* < 'прòцент', *gògn'p' - l'isn'ni* < 'горно-лесные', *naibòl'sij* < 'наибольший'. Далее, башкирскому, как и татарскому (Богородицкий, *op. cit.*, стр. 881), консонантизму свойственна палатализация согласных не перед 'мягким' гласным, как по-русски, а после него; исключение составляют лишь *k'*, *g'*, *š'*, *ž'* и *l'*. Поэтому, в нормальном башкирском произношении русские палатализованные согласные должны утратить палатализацию, т. е.

¹ Подробнее об истории колонизации обследованного нами края см. в книге М. Ф. Чурко, Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона АБССР, Уфа, 1927, а также у Ф. Тухватуллина, Материалы к истории башкир, Уфа, 1928. Специально о русских говорах района см. краткие указания в «Трудах Московской Диалектологической Комиссии», вып. 5, стр. 17 и 25.

² Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковой системой общерусского языка, ИАН, 1919, стр. 873 сл.

brıǰsıdätıǰ ‘председатель’, а не: brıǰsıdätıil и т. д. Между тем в выговоре образованных башкир варваризмы сохраняют русскую палатилизацию согласных, что неграмотному башкиру дается с трудом. Кроме того, в речи образованных встречаются чуждые башкирской фонетике звуки v (губнозубной), p (в Anlaut’e), c и č. Таким образом фонетический облик руссизмов в устах образованных башкир иной, чем в устах неграмотных. С этой целью я ввел в прилагаемый к работе словарь образцы речи интеллигентных башкир Б., М. и Ш. и ответственного работника Ф. Если выписать отдельно их произношение и противопоставить это остальным записям, то разница выступит очень рельефно. Конечно, и остальные объекты изучения не слишком однородны, и некоторые из них тяготеют к «образованному» выговору в большей или меньшей степени, но тем не менее всем им принципиально свойственны следующие фонетические черты, в духе которых обрабатываются руссизмы. Это: а) замена (субституция) ударного о через у. Примеры: kantür < ‘контора’, badwüda < ‘подвода’, bagüñaj < ‘погонный’, bagüm < ‘паром’, m’irawüj < ‘мировой’, bastrük < < ‘вострог’ ≠ лит. ‘острог’, bastüj < ‘постой!’, batmüs и patnüs < ‘поднос’, bab’irüs < ‘папироса’, b’irük < ‘пирог’, b’isük < ‘песок’, biraхüt < ‘пароход’, bıñmüt < ‘пулемёт’, bul’ej nibul’ej < ‘волей-неволей’, bulğa < ‘Волга’, bulıs < ‘волость’, bulsı < ‘больше’, barawüz < ‘паровоз’, parüt < ‘порода’, daхüt < ‘доход’, drugüj < ‘другой’, düхtir < ‘дòхтур’ ≠ лит. ‘доктор’, ðaprüs < ‘допрос’, fistün < ‘пистон’, gut < ‘год’, g’ärşük < ‘горшок’, nürma < ‘норма’, istraхüfka < ‘страховка’, kałüş < ‘калоша’, kantün < ‘кантон’, kartüf и kartük < < ‘картофель’, łütka < ‘лодка’, nałük < ‘налог’, nigüdnaj < ‘негодный’, ramüšnik < ‘помощник’, put < ‘пот’, rabüşij < ‘рабочий’, samagün < ‘самогон’, spalküm < ‘исполком’, stüriš < ‘сторож’, subüta < ‘суббота’, š(i)tübi < < ‘чтобы’, trajnüj < ‘тройной’ tülk’ä < ‘только’, zajüm < ‘заём’, zakün < < ‘закон’, zawüt < ‘завод’, znaküm < ‘знаком-ый’, bagün < ‘вагон’, üpšistwa < < ‘общество’. Факт этой субституции отмечался В. А. Богородицким (op. cit., стр. 875 и в других его работах passim) для татарского языка, а для башкирского М. А. Кулаевым в его работах: Основы звукопроизношения и азбука для башкир (Казань, 1912, стр. 12—13), О звуках башкирского языка (Казань, 1928, стр. 54—55).

Другой важной особенностью является замена русского ударного е через і (Богородицкий, op. cit., стр. 875), как например: atwıt < ‘ответ’, bałažın’je < ‘положение’, banıdılñik < ‘понедельник’, baslıtnej < ‘последний’, b’is’ < ‘весь’, b’irwaj < ‘первый’, bitstınaj < ‘пятистённый’, xlıp < ‘хлеб’, išlıñ < ‘член’, l’isas’ik < ‘лесосека’, nawırna < ‘наверно’, sepsım < ‘совсем’, sav’ırşına < ‘совершенно’. Реже вм. ожидаемого і появляется башкирский

редуцированный звук i^1 (terɪk'e < 'тарелка', artɪl < 'артель'), а в м. о. и в других позициях специфические поволжско-турецкие гласные: θ и θ^1 . Примеры bet < 'пуд', beɫtərəfka < 'баллотировка', ɟerər < 'дробь', sɛgən < 'чугун', tɛmnaɟ < 'тёмный', tɛk'ɛmɪnt < 'документ', ɛʂk'ɛl < 'школа', ɛttɛl < 'стол'. Последние 2 примера указывают на появление протетического гласного в начале слова, так как в такой позиции группа согласных принципиально не допускается (исключения возможны для согласных $\rightarrow \rightarrow$ плавный: brizɪw < 'призыв', brikàʂik < 'приказчик', blɪmɪt < 'пулемет'). В качестве протетического гласного чаще, чем θ , выступают i и i^1 . Примеры: i -rewɪs < 'ревизия', i -rezɪnkɪ < 'резинка' (значение: калоша), i -spɪsk'e < 'спичка', i -spurɫaʂa < $\sqrt{\text{спор}}$, i -stalarnɪ < 'столярный', i -sterʂine < 'старшина', (i)stine < 'стена', i -stram < 'страм' \neq лит. 'срам', i -straxufka < 'страховка', i -ʂli:n < 'член', i -zwàniɟe < 'звание', i -stapàn < 'Стяпан' \neq лит. 'Степан', (i)ʂkar < 'шкан'. Иногда соответствующий гласный вставляется между согласными начальной группы: tirùdna < 'трудно', g(i)ɫux < 'глух-ой', b(i)ràwɟa < 'правда', b(i)ròsta < 'просто', ʂ(i)tùbi < 'чтобы', stirumìn < 'струмент' \neq лит. 'инструмент'. Многие из этих гласных кратки, т. е. редуцированы по количеству и обозначаются нами в скобках: (i), (i)

¹ См. Etude sur la phonétique bachkire, JA, 1927, p. 193 sq., где дана характеристика этих звуков (см. § 7, 5 и 6). В настоящей работе м. θ и θ^1 приняты θ и θ^1 , как более удобные, чем латинские символы. Все же остальные положения данной статьи сохраняют силу. В виду того, что при печатании названной статьи я не имел корректур, в текст вкрались помимо редакций и меня существенные опечатки, которые я, пользуясь случаем, исправляю здесь. На стр. 196, 3-я строка сверху м. $\underline{d} > \underline{d}$ должно быть: $\underline{d} > \underline{d}$; стр. 203 последнюю строку: baw باو поед — вычеркнуть; стр. 206, прим. 3, последн. строка: м. l'a должно быть: l'a; стр. 210, 4-я строка м: mənʂa надо: mənʂa; стр. 210, 5-я строка сверху: м. əʂa надо: əsa; стр. 210, 16-я строка сверху: м. qəndəz надо: qəndəd; стр. 215, 20-ю строку сверху: вычеркнуть; стр. 218, § 10 м.: saW-«vain, droit» должно быть: haW; стр. 219, прим. 3, м.: kilmäyhîñ надо: kilmäyîñ; стр. 220, әу, м.: həydäwsi надо: həydäwsi; стр. 222, § 12 м. «rassemble» надо: un-e; стр. 223, прим. 1): м. tösä надо: tösä; стр. 223, прим. 2): м. ašanîm надо: ašanîm; стр. 225, 4-я строка сверху перед: (interdental sound) вставить t; стр. 225, γ, м. بئسن надо: بئسن; стр. 227, β, м. تئله надо: تئله; стр. 227, δ, м. قئمد надо: قئمد; стр. 227: последнюю строчку вычеркнуть; стр. 232, § 18, последн. строка, м. pezdman надо: bɪzdmän; стр. 233, прим. 1), м. hiɫiw надо: hiɫiw; стр. 234, прим. 1), м. kilmäyüñ, qaytmäyüñ надо: kilmäyüñ, qaytmäyüñ; стр. 235, remarque 1, м. چارجنبه надо: چارشنبه; стр. 237, 4-я строка сверху: м. ğ > Z надо: ğ > ž; стр. 238, β, м. yɪɟ надо: yɪɟ; стр. 242, 2-я строка сверху: м. l' у initial надо: le ğ initial; стр. 242, предпосл. строка: м. (гас. durd) надо: (гас. dörd-); стр. 243, § 35 м. Vocalisation des voyelles надо: des consonnes; стр. 243, последн. строка: м. kürawɪd надо: kürawɪd; стр. 248, 4°, м. ئسانما надо: ئشانما; стр. 248, 5°, м. kiñ kım надо: hiñ kım; стр. 249, 6-я строка сверху м. taɫtiq надо: taɫtiq.

и т. д. В области консонантизма следует указать на замену русского начального р через b в духе башкирской фонетики. Примеры: bastuj < пистой, babirüs < 'папироса', badwüda < 'подвода', bašbürt < 'пачпорт' ≠ ≠ лит. 'паспорт', baqxad'äšij < 'подходящий', bašumuka < 'почём мукà', batp'iska < 'подписка', baławik < половик, bagunaj < 'погонный', bawiska < 'повозка', bažaluj < 'пожалуй', banidilnik < 'понедельник', bet < 'пуд'. bært'ije < 'партия', b(i)rösta < 'просто', b(i)l'eš < 'плешь', bagum < 'паром', b(i)lün < 'плен', basl'itnej < 'последний', bastajanaaj < 'постоянный', büg'ösöw < < 'Пугачев', bürsetk'e < 'перчатка', b'iriisk'i < 'прииски', bumala < 'помело' (значение: 'малярная кисть'), b'irük < 'пирог', b'isük < 'песок', b'irwaj < 'первый', bur'jamaja < 'прямая', bušta < 'пошта' ≠ лит. 'почта', b'isir < < 'писарь', butklatka < подкладка, büzir < 'пузырь', b'i^bnäj < 'пивная', bira-xüt < 'пароход', blimüt < 'пулемет', bürsidätl < 'председатель', b'itragrad < < 'Петроград', b'it-karık < 'пять-копеек', bi(j)änst(i)wat' < 'пьянствовать', b(i)räwda < 'правда'. Кроме того, b может выступать, как замена чуждого башкирам русского v, чаще всего в начальной позиции, например: bagun < 'вагон', b'idrä < 'ведро', bül'ej < 'волей', bülga < Волга, bülis < < 'волость', sastab'it' < 'составить', bastrük < 'вострог' ≠ лит. 'острог'. Реже русское v заменяется башкирским губо-губным w (примеры см. в словаре в отделе w).

К типичным особенностям башкирского консонантизма принадлежит замена общетурецкого ğ через s. Этот закон распространяется и на русские слова. Примеры: bürsetk'e < 'перчатка', sisla < 'число', dajsa < < 'дача' (башкирская — земельный термин), kasałka < 'качалка' (значение: тарантас), nasal'n'ik < 'начальник', rupisitl < 'попечитель', sögön < 'чугун', mijjs < 'печь'. Так как татаро-башкирское ğ имеет очень слабую смычку, т. е. ('ш') (Богородицкий, ор. cit., стр. 880) и склонно переходить в спирант, т. е. ('ш') > ш', то ğ русских заимствований башкиры иногда передают через палатализованное š, напр. rüşamü < почему, zašim < 'зачем', gabüşij < рабочий. Русское щ воспринимается башкирами на «московский лад», т. е., как долгое š палатализованное (т. е. š̄). Примеры: br'ikäšik < < 'приказчик', ješe < 'еще', šitajt < 'считать', üpšist(i)wa < 'общество', nastajäšij < 'настоящий', badxad'äšij < 'подходящий', v'yarše < 'вообще'.

Согласно общему закону башкирской фонетики, общетурецкое s в начальной позиции переходит в h. Из русских слов этот закон распространяется только на старые заимствования, так что переход s > h в руссизмах служит показателем их хронологии для башкирского словаря. Сюда относятся: quhaj < 'косая' (значение: сажень), hałdät < 'солдат', hewtımse < < 'совет' (значение: мирно). Интересно, что слово 'совет' в новом значении

звучит у башкир с сохранением *s*, равно как и производные от этого слова: *sewıt* ('совет') и *sewıtskı* ('советский').

Другим признаком давнего усвоения руссизмов служит переход начального *p* в *m* по старо-турецкой схеме: *miset* < 'печать', *mijıs* < 'печь', *mıgır* < 'погреб'. Любопытны формы *min'žäk* и *min'žäk* (пиджак), свойственные речи женщин; в говоре мужчин это слово звучит с начальным *b*.

В немногих русских словах фигурируют башкирские интердентальные спиранты: *ɖ* (< *d* и *z*) и *ʈ* (< *s*). Например: *b'idrä* < 'ведро', *širda* < 'жердь', *v(i)rawda* < 'правда', *buradna* < 'борозда', *jedıre* < 'ядро', *ejed* < 'уезд', *ötöl* < 'стол'.

В словах *b'i^bpaı* < пивная и *i^ban* < 'Иван' отмечен особый звук, средний между *b* и *w* (его наблюдал Богородицкий и в татарской речи: *op. cit.*, стр. 880).

Русское *c* (= *п*) обычно заменяется у татар и башкир через *s*, а в новых заимствованиях иногда разлагается на составные элементы, т. е. *t* + *s*. Примеры: *bal'nis* < 'больница', *pal'is* < 'палец', *fransus* < 'француз', *tiransa* < 'драница', *atr'isat'* < 'отрицать', *küpıs* < 'купец', *milisä* < 'милиция', *k'ir-bıs* < 'кирпич', *difisıt* < 'дефицит', *sewıtskı* < 'советский', *ribalütside* < 'революция', *ablig'etsije* < 'облигация'.

В отношении русского *к* с гласными заднего ряда башкиры, как и татары, поступают следующим образом. Созная, что по месту артикуляции это звук — более передний, чем их собственное *q* (Богородицкий, *op. cit.*, стр. 874,2), они на письме изображают его через *ç*, а в произношении артикулируют, как русское *к* в слове камень. Таким образом, этот комбинаторный вариант фонемы *q* (*q* → *k*) обусловлен обилием русских заимствований с 'твердым' *к*; с другой стороны его развитию благоприятствует в самом башкирском и татарском языках появление новой фонемы *ı* (среднее между *u* и *ü*), которая развилась из поволжского *ü*, являющегося рефлексом старотурецкого *ö*. Т. е. старо-тур. *ö* > поволжск. *ü* > ново-башк. и ново-тат. *ı*.¹

Не останавливаясь на этом интересном вопросе, приведем примеры на *к*: *kaptu'g* < 'контора', *b'iruk* < 'пирог', *kaıuš* < 'калоша', *kantun* < 'кanton', *parku'm* < 'нарком', *kato'rij* < 'который', *karık* < 'копейка', *kartuf* < 'картофель', *karmıt'* < 'кормить', *как* < 'как', *spalku'm* < 'исполком', *zaku'n* < 'закон', *kaz'öpaı* < 'казенный', *(i)škar* < 'шкап', *kasalka* < 'качалка',

¹ Вкратце об этом см. в статье О. И. Шацкой, ДАН-В, 1929.

ḡaska < 'доска', butklatka < 'подкладка', karıratif < 'кооператив', pı-
rau'ıka < 'проулок', tak < 'так', zuwanok < 'звонок', skazat' < 'сказать', pa-
ıuk < 'налог', bektərə'fka < 'баллотировка'.

Сообразно тому, что в 'усмангалинском' наречии¹ имеются mediae
lenes b, ḡ и g, они спорадически встречаются и в русских заимствова-
ниях. Примеры: а) ḡani < 'бани', ḡatı'nkı < 'ботинки', ḡıdnıj < 'бедный',
ḡutılka < 'бутылка' ḡaprus < 'допрос', ḡerər < 'дробь', ḡaska < 'доска', ḡı-
gıt < 'деготь', ḡuxtır < 'дохтур' < 'доктор', ḡurur = ḡerər, ḡıwı'z'j' < 'ди-
визия', lādna < 'ладно', ḡadnik < 'родник', erhəndıl < 'Архандел' (народн.)=
Архангельский завод; ḡ'arşuk < 'горшок', ḡ'ır < 'гиря'.

В дальнейшем прилагается алфавитный словарь башкирских руссизмов
со всеми дублетами и вариантами одной и той же формы.² Транскрипция
для башкирских слов взята та же, которая принята в ориентирующей
статье М. М. Билялова о башкирской фонетике (ЗКВ, III, 2); от принятой
в Journal Asiatique (op. cit.) она отличается знаками ɵ и ɵ̇ вм. э и ɵ̇ в со-
гласии с прежней системой Н. Ф. Катанова и В. В. Радлова. Для зад-
него ü, возникшего из ö через ступень нормального ü (см. выше), принят
знак ü̇. Редуцированное і обозначается обычно через і̇; ы — как і̇. Редуци-
рованные русские гласные — типа ы и ь проставлены там, где они слыша-
лись в башкирской речи. То же касается и палатализации согласных (').
В противоположность знаку ('), ударение, если оно не на последнем слоге,
обозначено знаком gravis'a (˘). Интердентальные спиранты (звонкий и глу-
хой) обозначены: ḡ и ʈ. Оглушение звонких (т. е. образование mediae lenes)
отмечено знаком ˘: ḡ, ḡ, g. Значение $\frac{b}{w}$ пояснено выше. Долгота гласного
означена значком (—) над буквой, долгота согласного, как обычно, тем же
значком под буквой (n). Редуцированные по количеству башкирские звуки
заключены в скобки: (ı) и т. д. Различие между j и j̇ иногда было очень
трудно провести на практике. Далее q означает ʒ, ḡ — ğ и ğ, причем в рус-
ских словах в pendant к звуку k (см. выше) возникает оглушенный
звонкий (взрывной), который мы обозначаем через ḡ. Среднеязычные

¹ Пока о нем см. в Бюллетене Башкирского Областного Бюро Краеведения 1928 г.,
№ 3, стр. 11 и Oriente Moderno, 1929, февраль.

² Таковы дублеты семантического порядка: (səmij iñ izal'ır'vıanaj, досл. 'са-
мый' (русск.) + 'самый' (башк.) изолированный — и целый ряд фонетических дублетов в зависи-
мости от места их появления и среды: təmnaıj и tumnaıj < 'темный', kartuf, kartuk
и k'ertük < 'картофель', zəmaıj и səmij < 'самый', terılk'e и terık'e < 'тарелка',
ḡıgıt и ḡıgıt < 'деготь', pııın и bııın < 'илен', batmus и patnus < 'поднос', bušta
и puštı < 'почта', ḡerər и ḡurur < 'дробь', и многие другие.

к и g отмечены, как k' и g'. Кроме гортанного спиранта h, встречается и заднеязычный глухой спирант; его обозначаем русским х. Знак ñ употребляется для ڤ.

Знак [Б], стоящий после транскрипции, обозначает, что данный варваризм заимствован из записи М. М. Билялова. Далее при возможности дать точный русский перевод, таковой и приводится после знака: < ; иначе дается реальный русский перевод и комментарий. Филологическая интерпретация заключена в квадратные скобки []; в круглых скобках () помещено все то, что касается документации формы, т. е. места ее записи и лица, от которого записано, с указанием возраста данного лица. К этому следует добавить, что вообще объектами изучения были старики, поскольку они сохранились в деревнях после голодного 1921 г., и что, во-вторых, деревни Шырышкы, Худайбердино, Ново-Хасаново, Гумбино, Маньшты и Махмудово находятся вблизи от заводов и волостных центров (не далее 20 верст); остальные, по большей части, удалены от таких центров и прямо не соприкасаются с русским населением.

Процедура записи обставлялась обычно так. Я старался занять роль молчаливого слушателя и предоставлял интеллигентным башкирам-сотрудникам или местным жителям вступать между собой в оживленные беседы. Не имея меня в числе оппонентов, они подвергались минимальному соблазну употреблять излишние руссизмы, что обычно в разговоре с русскими, даже говорящими по-башкирски. Остальное, что, казалось, звучало естественно, я фиксировал, будь это отдельные слова или целые фразы. В таком же виде они и приводятся в нашем глоссарии.

Ноябрь 1928.

Алфавитный перечень башкирских заимствований из русского.

а.

abaždi $\bar{\leftarrow}$ обожди! (Худайбердино, Давлет-бай Сахаудинов, 45 лет).

ab'jazàtil'na $\bar{\leftarrow}$ обязательно (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

kanturđan ałdıq ablig'ètsijeŋi из конторы взяли (мы) облигацию [ablig'ètsije $\bar{\leftarrow}$ облигация] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

min axòtnik tũg'ıl я не охотник [axòtnik $\bar{\leftarrow}$ охотник] (Сафаргулово, Ш. Азнабаев, 50 лет).

akružni sutqa в окружной суд [akružni $\bar{\leftarrow}$ окружной] (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

ałtistinaj [Б] шестистенный [из ałti шесть — stinaj $\bar{\leftarrow}$ 'стенный' по аналогии с bitstinaj $\bar{\leftarrow}$ пятистенный — см. это слово] (Куюково).

arpužd'èn'iđ $\bar{\leftarrow}$ обсуждение (из речи интеллигентного башкира Ш.).

arganizawajt itır организовав [дословно: 'организовать сделал'; arganizawajt $\bar{\leftarrow}$ организовать] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

artıl $\bar{\leftarrow}$ артель [в новом, современном значении это слово представляет обратное заимствование из русского] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

atkaz-itü отказать [собственно: 'отказ сделать'; atkaz $\bar{\leftarrow}$ отказ] (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет);

fs'otaki atkaz itken все-таки от-

казал (Махмудово, из речи проживающего здесь тептяря).

f-gracèntnız atnašèn'iđi в процентном отношении [atnašèn'iđ $\bar{\leftarrow}$ отношение] (Арышпарово, речь местного уроженца, ответственного работника Ф.).

min anı atr'isat' itmejmin я этого [собств. 'его'] не отрицаю [досл. 'отрицать не делаю'; atr'isat' $\bar{\leftarrow}$ отрицать] (из речи интеллигентного башкира Б.).

atwit itk'en ответил [досл. 'ответ сделал'; atwit $\bar{\leftarrow}$ ответ] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

б.

bab'igüs $\bar{\leftarrow}$ напироса (кочевка Шырышкы, из речи мальчика).

bađxad'äšij $\bar{\leftarrow}$ подходящий (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

badwüda $\bar{\leftarrow}$ подвода (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

bađpisët' itken подписал [собств. 'подписать сделал'; bađpisët' $\bar{\leftarrow}$ $\bar{\leftarrow}$ подписать] (Асы, М. Аскарров, 60 лет).

bagün $\bar{\leftarrow}$ вагон (имеет всеобщее употребление).

bagünaj [Б] $\bar{\leftarrow}$ погонный (Кубелек-Тилевская волость).

baławık ковер или дорожка русского производства [baławık $\bar{\leftarrow}$ половик] (Ихсаново, Хамид Зарипов, 63 лет; Бурангулово, Мухаммедша Алляров, 61 г.; кроме того во всеоб-

- щем употреблении в Тептяро-Учалинской волости).
- bałažin'je < положение (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).
- bal'nis [Б] < больница (Кубелек-Тилевская волость).
- balwàn [Б] < болван [обратное заимствование с русского, так как в современном башкирском языке слово это употребляется, как аналогичное русское ругательство, и совершенно не связывается говорящим ни с перс. بهلوان — этимология Ф. Е. Корша, ни с орхонским балбал — этимология П. М. Мелиоранского] (Арышпарово).
- banidilmik [Б] < понедельник (Кубелек-Тилевская волость).
- barnik чайник [barnik < русск. диалект. 'парник'; ср. у местных русских уроженцев выражение 'запаривать чай'] (Аисово, А. Габдул-Халиков, 77 лет; Асы, М. Аскарров, 60 лет; во всеобщем употреблении в Усмангалинской волости, в остальных конкурирует со словом sejn'ik < чайник).
- bartije [Б] < партия [политическая] (Кубелек-Тилевская волость).
- barùm < паром (Махмудово, Ахмедийэ Мырзакаев, 69 лет).
- basl'itnej < последний (Байхакалово, Ярулла Девлетшин, 74 лет).
- m'irawuj basg'idnik < мировой посредник (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет; во всеобщем употреблении, как старый административно-судебный термин).
- bastajànaj [Б] < постоянный (Худайбердино).
- bastrük [Б] острог [bastrük < русск. народн. 'вострог'] (Кубелек-Тилевская волость).
- bastuj [Б] остановись! [bastuj < стой] (Кубелек-Тилевская волость).
- bašbùrt паспорт [bašbùrt < русск. народн. 'пачпорт'; возможно, что здесь контаминация с башкирским باش baš 'голова'] (Куюково, Хайдер Галий Керимов, 64 лет).
- bašùmuka [Б] < почём мукà? (Габдюково).
- batmùs < поднос (Куюково, Девлетша Мухаммедиев, 46 лет; во всеобщем употреблении).
- batpìs buła подписка бывает [собств. batp'is < подпись] (Ново-Хасаново, Ш. Сулейманов, 66 лет).
- batpìska < подписка (Худайбердино, Девлет - кильдиев Селим-Кирей, 28 лет).
- bawìska [Б] < повозка (Арышпарово).
- bažàluj < пожалуй (Аисово, А. Гиззетуллин, 25 лет; Асы, Шай-Мердан Ихсанов, 80 лет).
- bažàlujsta daj < пожалуйста дай (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).
- bełtoreška [Б] < баллотировка (Куюково).
- bet [Б] < пуд (Шырышкы).
- b(i)ròsta-b'idà < просто беда! (Куюково, Девлетша Мухаммедиев, 46 лет).
- b'idrä < ведро [характерно появление интердентального спиранта d̪ вм.

- русск. d] (Карагужино, Х. Хисамединов, 63 лет).
- b(ɪ)'eš̄ <плешь (Ново-Хасаново, Ш. Сулейманов, 66 лет).
- bɪɫɪn [Б] плен ~ пленный¹ [bɪɫɪn < плен] (Кубелек-Тилевская волость; имеет широкое употребление и в других волостях, ср. особенно выражение *توشكەن بۇلنگە* bɪɫɪŋ'e tœšk'eŋ попал в плен).
- b'inʒäk пиджак [собств. b'inʒäk < русск. народн. 'пинжак'] (Аисово, А. Габд-уль-Халиков, 77 лет).
- b'inʒäk [вариант предыдущей формы] (Зюяково, Б. М. Мухарремов, 16 лет; Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет; слово имеет широкое распространение среди мужчин).
- b'iprüs [Б] < папироса (Кубелек-Тилевская волость). Ср. выше форму bab'igüs.
- b'igxuräl [Б] Верхнеуральск [интеллигентные башкиры стараются удерживать в этом слове трудный для них звук v: Vɪgxuräl см. в соответственном месте] (Куюково, Габдюково и всюду в пределах б. Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии).
- b'iriisk'i < прииски [в сочетании alʒin b'iriisk'i 'золотые прииски', собств. 'золото — прииски' в духе обще-турецкого синтаксиса] (Бурангулово, Мухаммедша Аллаяров,
- 61 года, и всюду в окрестностях Миаса).
- b(i)röstä-b'idä < просто беда! (Куюково, Девлетша Мухаммедиев, 46 лет).
- birsèt'k'e < перчатка (Маньшты, Х. Кемалединов, 51 год).
- b'igük < пирог (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 лет).
- b'igwaj [Б] < первый (Куюково, Зюяково); b'igwaj-da — во-первых [башкирский местный падеж с аффиксом -da] (Гумбино).
- b'is' [Б] < весь (Кубелек-Тилевская волость).
- b'isig < писарь (Куюково, Хайдер-Галий Керимов, 64 год).
- b'isùk сахарный песок [b'isùk < 'песок', народн. форма вм. полной; 'сахарный песок'. Обычный песок в русском смысле называется побашкирски своим словом قوم qum] (Ихсаново, Хамид Зарипов, 63 лет).
- b'it < ведь (старое заимствование,² ныне употребляемое повсеместно) [фонетически почти совпадает со своим словом بیت bit 'лицо' — в отличие от بت bit 'вошь'].
- b'it-karìk [Б] пять копеек [< разгов. 'пять-копеек'] (Гумбино).
- b'it-päl'is [Б] пять пальцев [< 'пять палец' — башкирский синтаксис] (кочевка Шырышкы).
- b'itragràt [Б] < Петроград (Арышпарово).

¹ Обычное для турецких языков отсутствие границы между категориями существительных и прилагательных.

² То же и в поволжско-татарском и его диалектах.

bitst'inaj [Б] < пятистенный (Куюково).

b'i^b_wnàj [Б] < пивная (Кубелек-Тилевская волость).

bijànst(i)wat' itü [Б] пьянствовать [собств. 'пьянствовать делать'; bijànst(i)wat' < пьянствовать] (Аисово).

bīgaxūt [Б] < пароход (Кубелек-Тилевская волость).

b(i)rāwda < правда [d < русск. d] (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 лет).

blīmùt [Б] < пулемет (Куюково и всюду; вошло в обиход со времени войны 1914-18 гг.).

bridsidàtl < председатель (Байхакалово, Хайрулла Девлетшин, 53 лет; вошло во всеобщее употребление с 1920 г.).

brikāšik [Б] < приказчик (Кубелек-Тилевская волость).

brizīw < призыв [воинский] (Байхакалово, Хайрулла Девлетшин, 53 лет; слово вошло во всеобщее употребление со времени мобилизаций в германскую и гражданскую войны).

bisen bašlarga kak bũ'd'im taper' 'сено начинать как будем теперь?' [bũ'd'im < русск. 'будем'] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

bũdta-bi < будто бы (из речи интеллигентного башкира Ш.).

bũgösöw [Б] < Пугачев [Емельян] (Худайбердино).

bũ'ej-n'ibũlej < волей-неволей (Ново-Хасаново, Ш. - Я. Мурадшин, 56 лет).

bũlga < Волга (Габдюково, Мухаммед

Садык 84 год; Бришево, Сейфеддин Мухаммедов, 65 лет; то же во всеобщем употреблении).

bũšis [Б] < волость [интеллигентные башкиры стараются произносить: vũšis] (Гумбино и повсеместно).

bulši-rek < больше [с башк. كور] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

bumała [Б] кисть малярная [собств. bumała < помело; об русской эволюции значения см. в словаре Даля] (Худайбердино).

buradna [Б] < борозда (Кубелек-Тилевская волость).

bur'jamàja daguga < прямая дорога (Маньшты, Х. Кемаледдинов, 51 года).

bušta [Б] почта [собств. bušta < русск. народн. 'пошта'] (Субханкулово).

buštī [Б] < почта (кочевка Шырышкы).

butklàtka [Б] < подкладка (Кубелек-Тилевская волость).

bũzīg ламповое стекло [bũzīg < пузырь] (Бришево, Сейфеддин Мухаммедов, 65 лет; Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

b.

bàni < бани (Шырышкы, А. Гисмадуллин, 47 лет).

bağawüz < паровоз (Худайбердино, Девлет - кильдиев Селим - Кирей, 28 лет).

bağut [Б] < порода [скота] (Куюково).

baštī < почти (Шырышкы, А. Гисмадуллин, 47 лет).

batì·nkı̄ < ботинки (Асы, М. Аска-
ров, 60 лет).

bıd bıdnıj s'im'ja bar мы бедные, семья
есть [bıdnıj] < бедный (Ново-Хаса-
ново, Ш. Сулейманов, 66 лет).

bın'zäk < 'пинжак' < лит. 'пиджак'
(Худайбердино, Девлет - кильдиев
Селим-Кирей, 28 лет).

bıstäk < пустяк (Шырышкы, провод-
ник Хафиулла, 48 лет).

bütılka < бутылка (Ново-Хасаново,
Ш. Сулейманов, 66 лет).

d.

daxùt joq дохода нет [daxùt < доход]
(Арышпарово, из речи местного
уроженца, ответственного работ-
ника Ф.).

bažalujsta daj пожалуйста дай [daj <
дай] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Му-
радшин, 56 лет).

dajsa [Б] < дача [башкирская —
исторический земельный термин]
(Арышпарово).

dało'j < долой (Куюково, местный
мулла, 35 лет).

i tak dàl'ii < я так далее (Арышпа-
рово, из речи местного уроженца,
интеллигентного башкира Ф.).

xat'ja ni-dàg'ım birđi хотя не даром
дал [dàg'ım < даром] (Ново-Хаса-
ново, Ш. Сулейманов, 66 лет).

dastàt' bik qıjın достать очень трудно
[dastat' < достать] (Арышпарово,
из речи местного уроженца, ответ-
ственного работника Ф.).

dawaj < давай! (Худайбердино, Дев-
лет-бай Сахаудинов, 45 лет).

dawaj [Б] < давай! (Худайбердино).

uı dāži sej ismej он даже чая не пьет
[dāži < даже] (из речи интеллигент-
ного башкира Б.).

glavnaja d'èla < главное дело (Ново-
Хасаново, Ш. - Я. Мурадшин,
56 лет).

v'id'-ındı na-sàt'ım-d'èl'i šıfaj 'ведь
теперь на самом деле так' [na-
sàt'ım-d'èl'i < на самом деле] (из
речи интеллигентного башкира Б.).

dökömt [Б] < документ (Бугаево).

difis'ıt dāxùt joq дефицит, дохода нет
[difis'ıt < дефицит] (Арышпарово, из
речи местного уроженца, ответ-
ственного работника Ф.).

dıgıt [Б] < деготь (Арышпарово).

no-v'id' jađarğa k'erek dijstvi't(i)'n'ı
'но ведь писать надо, — действи-
тельно' [dijstvi't(i)'n'ı < действи-
тельно] (из речи интеллигентного
башкира Б.).

dılèn'ke [Б.] < делянка (Кубелек-Ти-
левская волость).

dırèwne [Б] < деревня (Кубелек-Ти-
левская волость).

dışèwli ikmek hatarğa дешевле хлеб
продавать [dışèwli < дешевле]
(Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин,
56 лет).

dò·goburlı имеющий 'дóговор' [dò·go-
burlı < русск. соврем. 'дóговор'
башк. аффикс обладания -lı]
Арышпарово, из речи местного
уроженца, ответственного работ-
ника Ф.).

dòl'zin šıwo-n'ıbüt' işlerge 'должен
чего-нибудь делать' [dòl'zin < дол-
жен] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Му-
радшин, 56 лет).

ḍòstʔkʔ̄ < соврем. 'дòставка' [= до-
стàвка] (Арышпарово, из речи ме-
стного уроженца, ответственного
работника Ф.).

ḍrugùj ejte < другой говорит (Ново-
Хасаново, Ш. - Я. Мурадшин,
56 лет).

ḍumnaʔ̄ доменная печь [ḍumnaʔ̄ < русск.
народн. форма 'домна'] (Шырышкы,
Малийэ Селим - кызы, 51 год).

ḍumuxuʔ̄ain < домохозяин (Аисово,
А. Гиззетуллин, 25 лет; довольно
сильно распространено и во всем
округе, как административный тер-
мин).

ḍurak < дурак! (Куюково, Д. Мухам-
медиев, 46 лет).

ḍurak jigit 'дурак [= глупый] парень'
(Асы, из речи мальчика).

ḍurak k'ij̄i 'дурак [= глупый] чело-
век' [на этом сочетании, которое
пользуется необыкновенной попу-
лярностью в Башкирии, отразился
обще-турецкий синтаксис с его
формальным неразличением суще-
ствительных и прилагательных]
(Бришево, Сейфеддин Мухаммедов,
65 лет).

ḍ.

ḍarɣùs [Б] < допрос (Куюково),
vaz'm'om ḍaskà 'возьмем доску'
[ḍaskà < доска] (Ново - Хасаново,
Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

ḍөгөр < дробь (Зюяково, И. Ханна-
нов, 56 лет).

ḍiwiz'j̄ [Б] < дивизия (Куюково).

ḍigit < деготь (Куюково, Хайдер Га-
лий Керимов, 64 год).

ḍùxtir [Б] < 'дòхтур' < лит. 'доктор'
(Субханкулово).

ḍurùp < дробь [вариант ḍөгөр (см.
выше) этого повсюду распростра-
ненного слова встречается чаще]
(Бришево, Сейфеддин Мухаммедов,
65 лет).

e.

eblig'ètsije [Б] < облигация (Кубе-
лек-Тилевская волость), см. выше
вариант: ablig'ètsije.

erèt [Б] < опять (Худайбердино, Кую-
ково).

erhèndi [Б] Архангельский завод
Уфимского кантона [erhèndi < 'Ар-
хангел' — народн. русск. название
этого завода; см. birxugał в.
Верхнеуральск] (Арышпарово).

èsl̄i < если (Арышпарово, из речи
местного уроженца, ответственного
работника Ф.).

f.

fistòn < пистон ружейный (Зюяково,
И. Ханнанов, 67 лет).

fistùn [Б] < пистон [вариант преды-
дущей формы] (Калышты).

fransùs [Б] < француз; род материи
(Кубелек-Тилевская волость).

fs'òtak̄i < всетаки (Махмудово, А. Мыр-
закаев, 69 лет; Арышпарово).

na-fs'ej awuʔ̄ga на весь аул [fs'ej <
всей] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Му-
радшин, 56 лет).

g — ḡ.

gaʔ̄à·nsk'i mij̄s голландская печь [ga-

la·nsk'i < голландский] (Махмудов, А. Мырзакаев, 69 лет).

z-gaʎavòj jùgaʎsìn 'с головой пусть пропадет!' [gaʎavòj < головой] (Махмудов, из речи проживающего здесь тепляря).

galòdnaj gutða в голодный год, т. е. 1921 [galòdnaj < голодный] (Ново-Хасаново, Ш. - Я. Мурадшин, 56 лет).

gasudàr < государь [= Николай II] (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 лет).

gasudàrsw'innþj [Б] < государственный (Ново-Хасаново) [это слово, как определяющее национализированные имущества, вошло в обиход в революционное время].

gewin [Б] < гавань [= название пристани для сплава леса на реке Мал. Инзере, под Инзерским заводом; порусски тоже 'гавань'] (Гумбино).

g'ir < гиря (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 лет; распространенное повсюду слово).

g'igà·mutni tũgìl 'грамотный не есть', т. е. неграмотен [g'igà·mutni < грамотный] (Маньшты, Х. Кемалединов, 51 год).

g'irmàn [Б] германец [g'irmàn < русск. народн. 'г'арман'; вошло в обиход со времени войны 1914 г.] (Аисово).

g(i)ʎux [Б] глухой [собств. g(i)ʎux < 'глух'] (Куюково).

glàvnaja d'el'a главное дело [glàvnaja < главное] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

gòrñ-l'isnĩj rajòñi < горно-лесные районы (Арышпарово, из речи

местного уроженца, ответственного работника Ф.).

katòrij graždàn aʎa который гражданин берет? [graždàn < граждàн(ин)] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

grit'it [Б] < кредит (Аисово).

grũm't' [Б] < греметь [контаминация с gurũm < гром] (Бришево).

gurbùn < горбун (из речи интеллигентного башкира Ш.).

gurũm < гром (Бришево, Сейфеддин Мухаммедов, 65 лет).

guspr'ital [Б] < госпиталь (Кубелек-Тилевская волость).

galòdnaj gutða в голодный год, т. е. в 1921 [gutða < русск. 'год' + -da — башкирский аффикс местного падежа с согласным d, оглушенным по закону усмангалинского наречия] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

g̊.

g̊äršũk < горшок (Аисово, А. Габдуль-халиков, 77 лет).

g̊'ir < гиря (Аисово, А. Габдуль-халиков, 77 лет). См. выше вариант g'ir.

h — x.

haʎdàt [Б] < солдат (Худайбердино).

xarašò < хорошо! (Худайбердино, Девлет-бай Сахаудинов, 47 лет; Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

xarašo aqsam bulha 'хорошо [если] у меня деньги будут' (Ново-

Хасаново, Ш. - Я. Мурадшин, 56 лет).

xaɣaʃo ʒaɣaj 'хорошо' [русск.] + хорошо [башк. 'jaɣaj'] (Худайбердино).

xat'ja ni dɑɣɨm bɨɣdɨ хотя не даром дал [xat'ja < хотя] (Ново-Хасаново, Ш. Сулейманов, 66 лет).

hewɨtɨ'mse [Б] мирно [собств. 'по (моему) совету': hewɨtɨm-se; форма эта—заимствование дореволюционной поры, и потому русск. s > h, тогда как принятое в наши дни слово 'совет' с конкретным значением (государственный орган) сохраняет s—sewɨt] (Куюково).

xɨɣatajɨt itɨ хлопотать [собств. 'хлопотать делать'; xɨɣatajɨt < хлопотать] (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

nɨɣta xlibɨ хлеб по норме¹ [собств. 'норма + хлеб ее' — синтаксис башкирский; xlib(p) < хлеб] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

i.

i tak dɑl'iɨi < и так далее (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

i^b_w ɑn [Б] < Иван (Кубелек-Тилевская волость).

imbirɑ'tur < император (Бришево, Сейфеддин Мухаммедов, 65 лет).

vot imɨna < вот именно (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

iret < ряд (во всеобщем употреблении, как и в поволжско-татарских диалектах).

iʃlɨn-nɨɣ < члены [учреждения или организации] [iʃlɨn² < член] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

iʃtraf itelɨɣ штрафуют [собств. 'штраф делают'; iʃtraf < штраф] (Сафаргулово, Ш. Азнабаев, 50 лет).

sɑmɨɣ ɨn izal'i'ɣvɑnɨɣ < самый изолированный [izal'i'ɣvɑnɨɣ < изолированный] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

izvɨsnɨj < известный (из речи интеллигентного башкира Б.).

ɨ.

ɨɣewɨs [Б] < ревизия [= перепись; старый дореволюционный термин] (Куюково).

ɨɣezɨnkɨ калоша [собств. ɨɣezɨnkɨ < 'резинка'; переход значения еще на русской почве: см. Даль и др. словари] (Бришево, из речи мальчика).

(ɨ)skluʃitɨl'na < исключительно (из речи интеллигентного башкира Б.).

(ɨ)zɨɨsk'e [Б] спичка (Кубелек-Тилевская волость).

ɨspurɨʃɑ on спорит [ɨspurɨ < спор; образование при помощи башкирских аффиксов: ʃɑ — формант деноминативных глаголов, ɨ — форманг verbi reciproci, и a — фор-

¹ Так назывались порции муки (10 ф. ежемесячно), которые летом 1928 г. получали башкиры, пилившие лес для нужд Инзерского завода.

² Более обычная, народная форма iʃlɨ'n — см. ниже.

мант основы настоящего времени. Формы типа *isruŋlaša* в современной речи более редки, чем аналитические типа **isruŋ itū*, собств. 'спор делать'] (Манышты, Х. Кемалединов, 56 лет).

bašqert (i) *squadroni* башкирский эскадрон¹ [*squadron* < эскадрон] (Байхакалово, Ярулла Девлетшин, 74 лет).

istal'ə.rnɨ *išk* внутренняя дверь дома [собств. 'столярная дверь'; *istal'ə.rnɨ* < столярный] (Бришево, местный мулла).

istäršine < старшина [должность до революции] (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет).

isteršine < старшина [фонетический вариант предыдущего всюду распространенного термина] (Татлибетово, Хажи-Ахмет, 72 лет).

(i) *stine* < стена дома (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет, и повсюду в округе).

istraxufka-bilen со страховкой [*istraxufka* < страховка] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

istrām-b'it [Б] 'срам ведь' [*istrām* < народн. 'срам'] (Худайбердино).

išlī.n < член [учреждения или организации] (из речи интеллигентного башкира Б.).

izwāniçe birg'en < звание дал (Татлибетово, Хажи-Ахмет, 72 год).

i.

istarān [Б] < 'Стяпан' ≠ лит. 'Степан' (Кубелек-Тилевская волость).

(i) *škar* < шкап (Асы, М. Аскар, 60 лет).

j.

kɨmɨn jə'ɨvɨj hi'jig баг у кого яловая корова есть? *jə'ɨvɨj* < яловый] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

jə'ɨwan'je [Б] < жалованье (Габдюково).

jaŋarɨan [Б] < аэроплан (Кубелек-Тилевская волость).

jaŋman [Б] германец [*jaŋman* < русск. народн. 'ерман'; слово появилось с 1914 г.] (Кубелек-Тилевская волость).

jaɨawuɨ [Б] < есаул [обратное заимствование из русского: старый казначий чин] (Зюяково).

jebɨɨ'k картофель [собств. *jebɨɨ'k* < яблоко; по вопросу о семантике см. русские диалектологические словари. Интересно, что это слово в ходу только в Кубелек-Тилевской, Тептяро-Учалинской и Тунгатаровской волостях; в Усмангалинской всюду встречаем искаженную форму слова 'картофель'] (Бурангулово, Мухаммедша Аллаяров, 60 лет; Ихсаново, Хамид Зарипов, 63 лет).

jeɨɨe < ядро (Асы, Мехди Захидуллы, 74 лет).

ješɨɨk [Б] < ящик (Кубелек-Тилевская волость).

ješe < еще (Манышты, Х. Кемалединов, 56 лет).

¹ Термин старого происхождения: старик Девлетшин служил в «башкирском эскадроне» в Оренбурге во времена губернатора Крыжановского.

jewne [Б] объявление [собств. jèwne < явно; см. словарь Даля s. v.] (Куюково).

к.

как-ràz < как раз (Худайбердино, Девлет-бай Сахаудинов, 47 лет).

как-bùd'im taper' < как будем теперь? (Ново-Хасаново, Ш. Я. Мурадшин, 56 лет).

kàk kilrhig'ìd kàk приедете? (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

как-n'ibùt' < как-нибудь (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 год).

как-skazàt' < как сказать?! (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

koj'i-как < кое-как (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

куj-kàk < кой-как (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

канèшна < конечно (Куюково, Д. Мухаммедиев, 56 лет).

канèшна tèt'k'ìp < конечно, возможно (Маньшты, Х. Кемаледдинов, 51 год).

калуш < калоша (Ихсаново, Хамид Зарипов, 63 лет).

кaпту'n < кантон [административная топографическая единица, введенная при Екатерине II и возобновленная в революционную эпоху; орфография этого старого заимствования — **كانتون**] (имеет повсеместное употребление).

кaптурдан ақдiқ ablig'ètsijenì из конторы взяли мы облигацию [кaптуr < контора] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

каp'ìk [Б] < копейка (Габдюково). См. также b'it-каp'ìk.

каp'ìratif < кооператив (Арышпарово, Г. С. Гаффаров, 55 лет).

каpmit' itken кормила ['кормить делала'] (Байхакалово, Я. Девлетшин, 74 лет).

картùf [Б] < картофель (Ново-Хасаново).

картùk < картофель (Худайбердино, из речи мальчика).

касàлка тарантас [собств. kasàлка < качалка] (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

катò'rij graždan ала который гражданин берет [катò'rij < который] (Ново-Хасаново, Ш. Я. Мурадшин, 56 лет).

каз'òпaj mìltiq-bìlen ата из казенного ружья стреляет [каз'òпaj < казенный] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

к'eres'ìn < керосин [к'eres'ìn < народн. 'карасин'] (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

к'erniç < карниз (Сафаргулово, Ш. Азнабаев, 50 лет).

к'ertùk [Б] < картофель (Аисово).

к'eršùk < горшок (Асы, М. Аскар, 60 лет).

к'erwèt кровать [к'erwèt < русск. диал. 'карвать'] (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

к'ewiç [Б] < ковер (Зюяково).

к'ir < гиря (Худайбердино, Девлеткильдиев, Селим - Кирей, 28 лет).

к'irbìç < кирпич (Арышпарово, Г. Сейид Гаффаров, 55 лет).

kıñg'e < книга (Шырышкы, Селим Айтбаев, 65 лет).

kıñšk'e < книжка [только о записной, кооперативной и проч. 'книжках'; печатная 'книжка' называется китаб] (Шырышкы, Селим Айтбаев, 65 лет); k(ı)ñške bire < книжку дает [кооператив] (Шырышкы, проводник Хафиулла).

köji-kak < кое-как (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

küğawäj [Б] кубовый [контаминация с كوك] (Кубелек-Тилевская волость).

kuj-kak < кой - как (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

küris [Б] < купец (Кубелек-Тилевская волость).

kürşik < ковшик (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет).

kürinuj [Б] куренная печь [kürinuj < куренной].

küwşik < ковшик (Бришево, Сейфеддин Мухаммедов, 65 лет).

q.

qadıne¹ rğ'in'imat' itmeğ казна¹ принимать не будет [qadıne < казна] (из речи интеллигентного башкира Б.).

qarawul'şik [Б] < караульщик (Худайбердино).

qazna¹ karmit' itken казна¹ кормила (Байхакалово, Я. Девлетшин, 74 лет).

quhaj косая сажень [башк. quhaj ≠ тат. qusaj < 'косая', с подразумеваемым 'сажень'] (отмечено М. М. Биляловым без точного указания деревни).

l — ɣ.

sej tuda-ɣa s'juda чай туда-сюда [башкирский союз ɣa] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

lādna svāl'ivj mīnḍa ладно, сваливай сюда! (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

nu-lādna šunan Hemze muɣa... — ну ладно, после этого Хемземулла... (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

ɣafka [Б] < лавка; магазин (Кубелек-Тилевская волость).

ɣafka-ɣa в лавке [ɣafka-ɣa — местный пад. от ɣafkà < лавка] (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 лет).

ɣambi < лампа (всеобщее употребление).

ɣarşalıq un мука на лапшу [прил. ɣarşa - ɣıq 'лапшёвый' < русск. 'лапша' и аффикса '-ɣıq'].

leženke [Б] сани [leženke < лежанка; по вопросу семантики см. русские диалектологические словари и Даля] (Кубелек-Тилевская волость).

l'isas'ik [Б] < лесосека (Худайбердино).

l'isn'ik n'igūdnaj ağas bire лесник негодный лес дает [= 'отпускает']

¹ В настоящем своем значении слово взято у русских. Форма qadıne (при народной qadna или: qazna) есть плод «ученого» произношения башкир, знающих арабский язык.

(Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

tol'ka-l'is̄̄̄ только лишь (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

lūtka < лодка (из речи интеллигентных башкир Б. и Ш.).

sāt̄t̄jī lūč̄š̄jī < самое лучшее (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

м.

maj sis̄lah̄nda в мае месяце [maj < май] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

mał̄ajka¹ парнишка [из башк. mał̄aj 'мальчик', 'парень' — и русского суффикса -ка] (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

maš̄ina поезд [maš̄ina < русск. народн. 'машина' в смысле 'поезд'] (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет).

mōtr̄eš̄ [Б] богородичная трава [< петрушка?] (Худайбердино).

mij̄is̄ < печь (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет; слово встречается повсеместно в северо-восточной части обследованного района).

mili'sā [Б] < милиция (Кубелек-Тилевская волость).

milte фитиль [повидимому, заимствование через русское посредство] (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

minž̄äk пиджак [см. выше варианты с b; наша форма принадлежит жен-

щине] (Зюяково, Гель Шерифе Абзалова 60 лет).

min'žek пиджак (Бришево, Хекиме Девлет-кильдиева, 49 лет).

mirawūj bas̄riđnik < мировой посредник [общераспространено, как старый термин] (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет).

mis̄et < печать [= штамп] (Маньшты, Х. Кемалединов, 51 года).

m'iš̄ajt itme не мешай [собств. 'мешать не делай'; m'iš̄ajt < мешать] (из речи интеллигентного башкира Ш.).

mō'žim < можем (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

mūgr̄ip̄ < погреб (Бурангулово, М. Аллаяров, 60 лет).

mūžikk'e q̄j̄in buła мужику трудно приходится [mūžik < мужик] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

п.

pa-fsej awuł̄ga на весь аул (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

pa-sāt̄m̄ d'el'i на самом деле (из речи интеллигентного башкира Б.).

padaj̄umka [Б] недоимка [русск. диалект. недоёмка?] (Куюково).

naibōš̄ij̄ gr̄ōs̄yāt̄ < наибольший 'процент' (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

nał̄ük < налог [свое слово ^{هالئم} — не употребляется] (одно из на-

¹ В устах тамошних русских «малайка» (= башкирская девушка) есть образование жен. род. от муж. род. 'малай'.

более широко распространенных слов).

nasàl'n'ik [Б] < начальник (Куюково; то же в речи Ф., уроженца Арышпарова).

nastajàšij < настоящий (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет).

nawìgna < наверно (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

nènke [Б] < нянька (Худайбердино).

n'id'èl'u tamu - nazat - dâ неделю тому назад [при слове nazat < назад — башкирский аффикс местного падежа -dâ].

n'ikval'if'icig'vaučj < неквалифицированный (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

n'il'z'à < нельзя (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

ùlrg'e n'iaxòt' < умирать . неохота (Ново-Хасаново, Ш. Сулейманов, 66 лет).

nì-f-kòjem slùčej' < ни в коем случае (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

bùl'ej-n'ibùl'ej < волей-неволей (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

l'is'n'ik n'igùdnaj aǵas bire < лесник негодный лес дает (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

n'ikak n'iwazmòžna < никак невозможно! (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 59 лет).

n'ikałaj [Б] < Николай (Кубелек-Тилевская волость).

ps'ixałag'ìšisk'i ninarma'l'naj < 'психологически ненормальный' (из речи интеллигентного башкира Б.).

n'išivò b'ig muǵallım k'ildı < 'ничего учитель приехал' (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

n'iznàj [Б] < не знаю! (Худайбердино).

nu-làǵna < ну ладно! (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

n'urta xlibı хлеб по норме [см. на x] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

nužna [Б] нужда [собств. nužna < <нужно; повидимому, здесь контаминация из двух русских слов — 'нужда' и 'нужно'] (Худайбердино; то же — Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

b'idin nužna'iq < наша нужда [образование от предыдущего корня с башкирским аффиксом отвлеченности لِق] (Ново-Хасаново, Ш. Сулейманов, 66 лет).

Р.

pa-p'jàt' rublèj ałham > по пять рублей если куплю (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

pačt'ı < почти (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

pal'is — см. b'it-pal'is.

ramùšnik k'ig'en < помощник [ramùšnik < русск. разгов. 'памòшник'] пришел (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет); ramùšnik (Татлимбетово, Хажии-Ахмет, 72 лет.).

pa·p̄r̄g'òšnaj b̄isq̄i поперечная пила
pa·p̄r̄g'òšnaj < нар. 'пап̄рь'ошн̄ъ'
поперечный — муж. род] (Асы,
Мехди Захидулла-улы, 74 лет).

pašol inz'er̄dè < пошел в Инзер (sic!)
(Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурад-
шин, 56 лет).

pa·tkr'̄p̄r̄it iterg'e k'erek подкрепить
надо [собств. 'подкрепить сделать
надо'; pa·tkr'̄p̄r̄it > подкрепить]
(из речи интеллигентного башкира
М.).

patnùs < поднос (Махмудово, А. Мыр-
закаев, 69 лет). См. выше bat-
mus.

p̄iḷng'e t̄ešk'̄ep в плен попал [p̄iḷn =
b̄iḷn — см. выше] (из речи интелли-
гентного башкира Б.).

p̄iḷawaj [Б] первый (Арышпарово).

p̄iḷgr̄à·va < приправа [к кушанью —
sic!] (Куюково, Д. Мухаммедиев,
46 лет).

p̄iḷaḷka усадьба [собств. p̄iḷaḷka <
< переулк] (Бурангулово, М.
Алляров, 60 лет).

p̄lant [Б] план [p̄lant < русск.
народн. 'плант'] (Шырышкы).

j̄eśl'i p̄rà·vil'na k'̄ilg'̄e nse < если пра-
вильно пришлось (Арышпарово, из
речи местного уроженца, ответ-
ственного работника Ф.).

pramat̄aj̄t iterg'e < промотать [собств.
'промотать + сделать чтобы'; pra-
mataj̄t < промотать] (Ново-Хаса-
ново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

zakunga pratista·waj̄t it̄mejb̄id̄ про-
тив закона мы не протестуем
[собств. 'протестовать + не де-
лаем'; pratista·waj̄t < протестовать]

(Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурад-
шин, 56 лет).

qaḍine p̄r̄in'imàt' itmeḷ казна при-
нимать не будет [собств. 'прини-
мать + не делает'; p̄r̄in'imàt' <
< принимать] (из речи интеллигент-
ного башкира Б.).

paibòl'šij̄ p̄r̄òs̄p̄nt̄ < наибольший 'про-
цент' (Арышпарово, из речи мест-
ного уроженца, ответственного ра-
ботника Ф.).

f-pracènt̄p̄m̄ at̄našènīj̄i < в процент-
ном отношении (Арышпарово, из
речи местного уроженца, ответ-
ственного работника Ф.).

ps'ix̄aḷag'i·šisk'̄i n'ina·ḡmal'naj̄ < 'психо-
логически ненормальный' (из речи
интеллигентного башкира Б.).

p̄ip̄is̄i t̄iḷ < попечитель [старый адми-
нистративный термин] (Татлимбе-
бетово, Хажы-Ахмет, 72 лет).

p̄išt̄i < почта [< русск. народн. 'поп-
та'] (общераспространенное слово;
см. варианты с b).

put < пот [на лбу — sic!] (из речи
интеллигентного башкира Ш.).

p̄r̄š̄at̄ū < почему? (из речи интелли-
гентного башкира Б.).

p̄r̄š̄im̄ū < почему? (из речи интелли-
гентного башкира Ш.).

г.

gabùšij̄ [Б] < рабочий (Худайбердино).

gaḍn'ik < родник (Куюково, Хайдер
Галий Керимов, 64 лет).

gòḡp̄n̄ - l'isn̄īj̄i gaj̄ònī < горно-лесные
районы (Арышпарово, из речи
местного уроженца, ответственного
работника Ф.).

ram̄ рама [оконная] (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

rasxùd-ittik̄ <расход сделали> (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин 56 л.).

rasxùt̄ расход (Аисово, А. Гиззетуллин, 25 лет).

ràznaj̄ uĭ̄ <разные они (sic!) [ràznaj̄ <разный]> (Бурангулово, М. Аллаяров, 60 лет).

remetiz̄ [Б] <ревматизм (Зюяково).

tedere (sic!) gemk'eĭ, оконная рама [собств. 'окно + рама его' — турецкий синтаксис; gemk'ē <рамка>] (Асы, М. Аскарлов, 60 лет).

stàrgj̄ rìzìm̄ <старый режим (Ихсаново, Хәмид Зарипов, 63 лет; распространенное выражение).

řibal'ù'tsiĭe [Б] <революция (Худайбердино; слово всеобщего употребления).

rubàtn'ik̄ [Б] <работник (Арышпарово).

pa-p'jàt' rubelej̄ aĭham̄ по-пять рублей если куплю? [rubelej̄ <рублей — в сочетании со словом 'пять', как одно целое] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

minim̄ janim̄ðā tül'k'ē ad'in̄ rubl'òfka-bar̄ 'a со мною только одна рублевка' [rubl'òfkā <рублевка>] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

s.

sabràniĭē <собрание (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет; слово входит во всеобщее употребление).

sagĭasin̄ aĭrgā согласен взять (Ново-

Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

sagĭàsna [Б] <согласно [чего-нибудь — канцелярский оборот] (Куюково).

samagùn̄ <'самогон' (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет; слово получило широкое распространение).

samawàr̄ <самовар (всеобщее употребление).

na-sàmĭm̄ d'ìĭ'ī šuĭaj̄ на самом деле так [sàmĭm̄ <самом] (из речи интеллигентного башкира Б.).

sàmij̄ nasar̄ самый плохой (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

sàmij̄ qij̄in̄ tømëš̄ самая трудная жизнь (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

sàmij̄ in̄ izal'ig'vañcĭj̄ самый изолированный (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

sàmĭĭĭ̄ ìùčšij̄ī <самое лучшее (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

sastàb'it' iterg'ē составить [собств. 'составить + сделать чтобы'; sastàb'it' <составить] (из речи интеллигентного башкира М.).

safs'ì'm̄ <совсем (Куюково, из речи местного муллы).

uqĭ̄ sav'irsĭnā jòq̄ ученья совершенно нет (sav'irsĭnā <совершенно) (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

- bılp saznàtilna $\bar{\leftarrow}$ 'сознавая (башк.) + сознательно' (русск.) [saznàtilna $\bar{\leftarrow}$ $\bar{\leftarrow}$ сознательно] (из речи интеллигентного башкира Б.).
- sàžın [Б] $\bar{\leftarrow}$ сажень (Кубелек-Тилевская волость).
- sej $\bar{\leftarrow}$ чай (слово всеобщего употребления).
- sejgùn [Б] чайник [$\bar{\leftarrow}$ русск. 'чайгон?'] (Кубелек-Тилевская волость).
- sejnik $\bar{\leftarrow}$ чайник (Ихсаново, Х. Зарипов, 63 лет; слово распространено повсюду в северо-вост. районе округа).
- sepsim [Б] $\bar{\leftarrow}$ совсем (Субхангулово).
- min s'er'edn'ak šitajt itk'en меня середняком считали [s'er'edn'ak $\bar{\leftarrow}$ $\bar{\leftarrow}$ середняк] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).
- sewıt $\bar{\leftarrow}$ совет (государственный орган) (слово распространено всюду).
- sewıtskı w(i)las [Б] $\bar{\leftarrow}$ советская власть [sewıtskı $\bar{\leftarrow}$ советский] (Худайбердино).
- sөгөн жул 'чугунная дорога; чугунка' (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 л.).
- s'ikl'itâr [Б] $\bar{\leftarrow}$ народн. 'секлетарь' $\bar{\leftarrow}$ лит. секретарь (Куюково).
- s'im'jà bar $\bar{\leftarrow}$ семья есть (Ново-Хасаново, Ш. Сулейманов, 66 лет).
- asułandım sirditsi ittım 'рассердился (башк.) + рассердился' (русск.) [собств. 'сердиться сделал'; sirditsi $\bar{\leftarrow}$ сердиться] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).
- maj sisłahında в мае месяце [собств. 'в числе-ах мая'; sisła $\bar{\leftarrow}$ число] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).
- sej tudà-ła s'judà чай еще туда-сюда [s'judà $\bar{\leftarrow}$ сюда] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).
- kak-skazat' $\bar{\leftarrow}$ как сказать?! (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).
- sk'em'jè $\bar{\leftarrow}$ скамья (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).
- ni-f-kòjym slùçeşj $\bar{\leftarrow}$ ни в коем случае (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).
- sprałkum tózi šulaj исполком тоже так [sprałkum $\bar{\leftarrow}$ исполком] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет; слово входит во всеобщее употребление).
- sgàzu $\bar{\leftarrow}$ сразу (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).
- stanawaj [Б] $\bar{\leftarrow}$ становой (Арышпарово).
- stâr'ej gižim $\bar{\leftarrow}$ старый режим (Ихсаново, Х. Зарипов, 63 лет).
- stirumın [Б] инструмент [stirumın $\bar{\leftarrow}$ $\bar{\leftarrow}$ русск. народн. 'струмент'] (Худайбердино).
- stüriš [Б] $\bar{\leftarrow}$ сторож (Гумбино).
- subüta [Б] $\bar{\leftarrow}$ суббота (Кубелек-Тилевская волость).
- akružni sutqa в окружной суд [sutqa = sut $\bar{\leftarrow}$ суд + башк. аффикс дат. падежа -qa] (Куюково. Д. Мухаммедиев, 56 лет).
- ładna svàl'iv'ej mında $\bar{\leftarrow}$ ладно, сваливай сюда [svàl'iv'ej $\bar{\leftarrow}$ сваливай]

(Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

š.

šalmi'g < шарнир (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

šášškè < чашка (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

šerp'è [Б] < шапка [слово, в коренном башкирском быту неупотребительное — скорее обратное заимствование из русского: šerp'è < шапка] (Худайбердино).

šes'kɨ < чашка (Асы, М. Аскарров, 60 лет; Сафаргулово, Ш. Азнабаев, 50 лет).

šin'il < шинель (Зюяково, Гель Шерифа Абзадова, 60 лет).

širdà [Б] < жердь (Куюково).

uɫ bɨg šiš'k'e bar-ik'en он ведь шишка был [šiš'k'e < 'шишка', т. е. важная персона; семантика русская] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

min s'er'edn'ak šitajt itk'en меня середняком считали [собств. 'считать делали'; šitajt < считать] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

dðłžin šiwò-nibut' ɨšlerg'e 'должен чего-нибудь делать' (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

šiwò d'èłajt taper' 'чего делать теперь?' [šiwò < чего] (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет).

šort bɨle чорт знает! [šort < чорт] (из речи интеллигентного башкира Б.).

šort ɨivo znàjit чорт его знает! (из речи интеллигентного башкира М.).

šort-t'e aɫar ɨddɨ чорт-те вас возьми! (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

šin < шина (Шырышкы, И. Айтбаев, 65 лет).

š(i)tùbì [Б] < чтобы [š(i)tùbì < 'штобы'] (Худайбердино).

šuwáš [Б] чувашин [< русск. 'чуваш'] (Куюково).

t.

i tak-dàl'ii < и так далее (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

baɫaɫar tak jöŋj дети так ходят [tak < так] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

taper' теперь [taper' < народн. 'таперь'] (Куюково, Д. Мухаммедиев, 46 лет; Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

terɫk'è < тарелка (Аисово, А. Габдульхаликов, 77 лет).

terɫk'e < тарелка (Махмудов, А. Мырзакаев, 69 лет; Асы, М. Аскарров, 60 лет).

təmɲaj qaɫdɨq [Б] 'темными остались' [təmɲaj < темный] (Худайбердино).

tékəmɨnt [Б] < документ (Куюково).

tirànsa [Б] дранка [tirànsa < 'дранница'] (Худайбердино).

tirùdna [Б] < трудно (Аисово).

tòži < тоже (Асы, Мехди Захидуллы, 74 лет; из речи интеллигентного башкира Ш.).

tòži joq тоже нет (Байхакалово, Х. Девлетшин, 53 лет).

bašqert aġar tòži 'башкиры они тоже' (Махмудово, А. Мырзакаев, 69 лет).

sraġkum tòži šuġaj исполком тоже так (Ново-Хасаново, Ш. Я. Мурадшин, 56 лет).

tòži < тоже (Зюяково, И. Ханнанов, 67 лет).

tòl'ko-l'iš < только лишь (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

trajnùj haq aġir 'тройную цену взяв [trajnùj < тройной] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

sej tudà-la s'judà 'чай — туда-сюда' [tudà < туда] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

túlka uġ только он [túlka < только] (из речи интеллигентного башкира Ш.).

túlk'e [Б] < только (Куюково, Худайбердино).

tumnàj [Б] < темный (Зюяково).

и.

uv'il'išivat' k'erek увеличивать надо [uv'il'išivat' < увеличивать] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

udòbna-raq удобнее [$<$ udòbna = удобно + -raq — башкирский аффикс сравнительной степени] (из речи интеллигентного башкира Ш.).

ùpšistwa [Б] < общество (Куюково).

uqađ < 'указ' (Габдюково, Мухаммед Садык, 84 лет); uqađ [Б] свидетельство, аттестат [семантический

переход обусловлен тем, что в начале известных башкирам аттестатов мулл ставились в прежнее время слова: 'По указу его величества'] (Аисово).

šuġ usġòv'iġe-bilen на тех условиях [usġòv'iġe < условие] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

v.

vaz'mòm ðaska возьмем доску [vaz'mòm < возьмем] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

no-v'id' jađarga k'erek dijstvi't(i)l'pъ 'но ведь писать надо — действительно' (из речи интеллигентного башкира Б.).

v'id'-indı на sàtmъm d'èl'i šuġaj 'ведь теперь на самом деле так' [v'id' < < ведь] (из речи интеллигентного башкира Б.).

v'es' zawut-bilen всем заводом [v'es' < < весь] (Асы, Мехди Захидуллулы, 74 лет).

viġxuraġ Верхнеуральск [более 'образованная' форма, чем birxuraġ — см.] (слово всеобщего употребления).

vòfsı < вовсе (Бришево, Сейфеддин Мухаммедов, 65 лет).

vъarşè < вообще (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

vs'agda < всегда (из речи интеллигентных башкир Б. и Ш.).

vùġis < волюсть (слово всеобщего употребления).

в.

wes'ilej [Б] < Василий (Кубелек-Тилевская волость).

wet [Б] < вот (Бришево).

w(i)ʎad'inije [Б] < владение (Кююво).

w(i)ʎas < власть (слово имеет широкое употребление).

з.

z-gaʎavòj juǵaʎsin с головой [< 'з-главой'] пусть пропадет! (Махмудово, из речи проживающего здесь тептяря).

aqsa zajmà zan'imàt' 'деньги займы занимать' [zajmà zan'imat' — образование в духе башкирского синтаксиса] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

zajùm [Б] < заём (Кююково).

zakriwajt itɔr закрывая [собств. 'закрывать делаю'; zakriwajt < закрывать] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

zakunǵa pratistawajt itmejbid против закона мы не протестуем [zakunǵa = zakun (< закон) + башк. аффикс дат. пад. -ǵa] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 л.).

zàmaj [Б] < самый (Худайбердино).

zàrabatka joq заработка нет [zárabatka < заработка] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

zan'imàt' см. aqsa zajmà zan'imàt'.

zastàv'it' itk'en заставил [собств. 'заставить сделал'; zastàv'it' < за-

ставить] (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

zašim < зачем (из речи интеллигентного башкира Ш.).

zawùt < завод (слово распространено повсюду).

zbiɔùj [Б] < сбруя (Худайбердино).

zerè [Б] < зря (Субханкулово).

znakùm [Б] < знакомый (Кубелек-Тилевская волость; то же — Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

znàšit < значит (Ихсаново, Х. Зарипов, 63 лет; то же в речи интеллигентного башкира Б.).

zuwanok < звёнок (Асы, Мехди Захидулла-улы, 74 лет).

ž.

žàr'it' itebid 'жарим' [в метафорическом смысле; собств. 'жарить делаем'; žàr'it' < жарить] (Ново-Хасаново, Ш.-Я. Мурадшин, 56 лет).

fs'òtak'i-že < все-таки же (Арышпарово, из речи местного уроженца, ответственного работника Ф.).

žilat' itken пожелал [собств. 'желать сделал'; žilat' < желать] (Асы, Мехди Захидулла-улы 74 лет).

ö.

öjed [Б] < уезд (Гумбино).

öšk'öl [Б] < школа (Гумбино).

öttel < стол (слово всеобщего употребления).

Материалы по османской диалектологии.

Фонетика „карамалицкого“ языка.¹

КОНСОНАНТИЗМ.

§ 9. Согласные. j (i).

Приступая к этому отделу, приходится оговориться вслед за А. М. Селищевым (op. cit., стр. 89), что орфография «карамалицкого» текста, как и всей «солунской книги», не содержит в себе никаких твердых данных о том, имеем ли мы дело с «i» неслоговым (i) или со среднеязычным фрикативным звонким согласным (j). В другом месте (ДАН-В, 1926, стр. 102, прим.) нам приходилось указывать на то же затруднение в одном транскрипционном тексте. Затруднение увеличивается еще в силу того, что османисты, повидимому, еще не решили данного вопроса применительно к живым османским говорам: в одних изданиях систематически встречаемся с «j», в других — с «i̇». Один из новых исследователей Т. Ковальский, в своих «Zagadki» (введение) упрекавший предшественников за слабую фонетическую подготовку и ставивший всюду «j», в новой работе (Volklied. . .) неожиданно принял систему исключительного употребления «i̇» и не дал этому факту никакого теоретического обоснования. Один из самых наблюдательных авторов — Räsänen является сторонником «i̇»; знак «j» попадает в его работе всего один раз на стр. 28: bojüdi. Система исключительного предпочтения «j» или «i̇» представляет, однако, крайность, как это явствует из сравнения с другими турецкими языками; обе они чисто условны: система «j» возникла, например, в виде реакции против неудачного обозначения В. В. Радловым дифтонгов — ai (вм. ai) — и, вводя начертание типа «aj», смешала «i̇» с «j» в слове «jar» и др. Bergsträsser в своем фонетическом очерке различает «i̇» в дифтонгах и «j» в остальных случаях; практически он пользуется почти одним

¹ См. ЗКВ, т. III, в. 2, стр. 417.

«j», так как признает интенсивную монофтонгизацию дифтонгов (eĭ > ē) и широкую утрату «j» и «j» между гласными вообще.

Признавая положение А. М. Селищева о том, что констатировать тот или иной звук можно только при помощи сопутствующих обстоятельств (стр. 90), мы можем воспользоваться общетурецким законом чередования в Anlaut'e: j ~ ğ ~ ğ̣ ~ ğ̇ и т. д., которые указывают на наличие здесь спиранта, а не неслогового гласного. Это подкрепляет утверждение А. М. Селищева о том, что в болгарско-турецком слове jemíšite мы скорее имеем «j», а не «j̇»: ср. волжско-татарское: ж'имш, казак-киргизское: ж'емис и т. д.

Приняв в расчет эти немаловажные обстоятельства, мы можем на практике сохранить систему «j», которое встречается чаще, помня однако, что распространение его на все случаи является чисто условным.

В «карамалицком» тексте мы имеем следующие случаи употребления «j (j̇)»:

1) Начальное «j (j̇)» сохраняется: юктеръ < *jук-тыр < jок-тур *يوقدر*, иолдылари < jылдылары *ييلدزلرى*, юзеймъ < jўзејм *يوزهيم*, юмуруклень > < *jмурук-ilen > jумрук-ла, илк'азъ < ilk' jaz *ايلىك باز*, юкари < jукары ~ jокары *يوقارى*, юканер < jыканыр¹ *بيقانير*, апракларе < jапраклары *ياپراقلىرى*.

Примечание. Следует отметить одну орфографическую особенность «карамалицкого» текста, которая указывает на то, что между ним и турецкой речью стояло греческое посредство: это — употребление «γ» для передачи «j»: гюрумелисьнь < jўрўmeli-sin *بوروملى سينك*, гемеклькъ < jемекlik *يملك*.

Форма геме < *ينه* может иметь фонетическое значение, так как нам известны османские дублеты: г'еме ~ jеме и г'ине ~ jине (см. у Бартоломея Георгиевича, ДАН-В, 1926, стр. 102). Ср. *gene* (Räsänen, 183).

Слово гургананеда < jорганыны-да *بورغاننى ده* в болгарском тексте Дидаскалии почему-то написано *брганот* (фонетический вариант без «j»), что побудило А. М. Селищева доказывать наличие здесь «j» (ор. cit., стр. 91).

Huart (ор. cit., стр. 466) указывает тройное употребление «γ» для турецких транскрипционных текстов:

1) γ = غ перед «а, о, у», 2) γ = ك и 3) γ = j.

Примеры Huart'a для языка ангорских греков вполне соответствуют начертаниям балканских греков, которые находим у Ronzevalle'я

¹ Или: jыканыр.

(ор. cit., 462) и в которых также «γ» = «j»: γ'ασακ' = ياساق, γιλάρι = ==بولار и др.

2) Начальное и срединное «j», способствуя продвижению вперед артикуляции гласного (переднего и среднего ряда) и сливаясь с ним, дает «i»: 'икалцаксын < jыjкајацаксын, имушакъ < *jымушак < жумушак, 'ииликъ < ejilik, 'иисынде < ejisinde.

3) Начальное «j» утрачивается:

ѣр < jер ير, ѣтмышъ < jетмиш يتمش, ѣтсынъ < jетсин يتسون, ѣмурта < < jемурта < жумурта يومورطه (форма жемурта засвидетельствована в Крыму, в говоре Бахчисарая; см. JA, 1926, avril-juin, p. 344).

ѣтишенце < jетiшинце يتشانه, ѣтишеимъ < jетiшејим يتشهيم, ѣни < jени, ѣмьшлерè < jемiшлерi بشلري, ѣсьнлеръ < jесинлер يسونلر, ѣрми < jирми بكرمي.

Отпадение начального «j» широко известно из диалектов. Припомним хотя бы азербайджанские формы: ѣк < jок يوك, ѣуз < jюз يوز; уд < jуд يود (см. Ашмарин, ор. cit., стр. 55), кашкайские (Ромаскевич, ор. cit.): ѣglánip < < jюклноб يوكلنوب, ѣragim < jорккم بوركم, улдъз < jилдиз ييلدиз, а из османских диалектов: трапезунтское ogari < jофари يوفاري (Bonelli, ор. cit., стр. 66), то же у Räsänen'a (стр. 186); из Ада-kale (Kúnos, ор. cit.): ylanlar < jиланлар (стр. 50), iyit < < jикт يكت (стр. 37), уканын < jыкансон يقانسون (стр. 72); в македонских говорах Ковальского: ikilsin (Volkslieder, стр. 31) < jикилсон يقلسون, idiz (стр. 29) < < jилдиз ييلدиз; то же в Боснии, по Blau (ор. cit., стр. 27). Наконец, .د.غ. фиксирует те же формы в обычной орфографии: яبلغين на ряду с jبلغين (стр. 50), بالاو < jало الو (стр. 17). Отпадение начального «j» наблюдается и в сербских турцизмах. Старая турецкая тенденция дублировать слова с начальным «j» и без него, восходящая к чагатайскому языку, отмечалась в литературе неоднократно: см. «Араб-филолог» Мелиоранского (отдел Anlaut'a), Foу (Südtürk., стр. 190; Denu, Gramm. § 78; Pedersen, ор. cit., стр. 534).

Такое дублирование, естественно, вызвало аналогические формы с лишним «j»: трапезунтское jалдатмак < jалдатмак (Писарев, ор. cit., 177) и то же у Räsänen'a для Ризе (стр. 33): jaldatt'i; ср. также довольно частую форму: jесip (Giese, стр. 4, 54) при jасипر, известную в Азербайджане и у туркмен и отмеченную турецкими источниками: .د.غ., стр. 199 — jасипر; см. также словарь Сами-бея s. v. jасипر; Huart, 471 — γιατσip. «Карамалицкие» начертания: ѣра < jара с отпавшим «j» стоят на месте ожидаемого : ѣра.

Начертания: нее < неје نهه, шее < шеје شيه, геделен < гедеlejiv. jеделин. jеделен, ѣмьснь < jемејесин يميهسك приводят нас к вопросу о выпадении.

«j» между гласными. В то время как большинство исследователей считают такое явление спорадическим (см. Kraeletz для армянско-турецкого, *op. cit.*, стр. 17) и нормальным признают формы с «j», Bergsträsser настаивает на абсолютном выпадении междугласного «j» в pendant к «غ»; сохраняется «j» только перед «а, о, у» (dalgaja, bujur), после дифтонга на «i» (sejjah) и после нескольких гласных, не разделенных согласными (tabiije). Формы «ei» ابي, geğeí كيجههه, dēil دكل, ziade زياده и т. д. Bergsträsser считает таким образом нормальным и для современного константинопольского произношения. Нельзя однако не указать, что подобная тенденция в такой степени другими теоретиками не отмечается и что здесь Bergsträsser слишком доверился схеме, пытаясь отстоять полную аналогию «j» и «غ». А в том, что склонность междугласного «j» к выпадению в некоторых диалектах существует — в этом не приходится сомневаться; одним из подтверждений этого являются, между прочим, только что приведенные нами примеры из «карамалицкого» текста.

§ 10. Согласные «к» и «г».

В начале слова «к» и «г» сохраняются:

кюлчеден < күлчеден, кехле < кеһле, гюзледыр < гөзедір, гюзель < гүзел, кечелары < кечелери, гитерурь < гетірір, кеклькь < кеклік, киречь < кіреч, гецеде < геҗеде, гютураимь < гөтүрејім, гюнлерде < гүнлерде, кендинь < < кендін, геми < гемі, гиреймь < гірејім, гелмекь < гелмек, кирес < кірес ~ ~ кірас < кіраз, гетерсьнде < гетірсін-де, геҗелен < геҗелејін, гиндусан < < гүндүз-үн, гомлекта < гөмлекте, гирерь < гірер, геинмек < гіјинмек, гуч < гүч, кесер < кесер, гечь < геч, кюреклень < күрек-ле.

В виду того, что в османском языке, как и в русском, «к» и «г» выступают только в палатализованном виде, естественнее было бы обозначать их последовательно, как «к'» и «г'». По традиции, однако, подобное обозначение применяется только перед гласными заднего и среднего ряда (особенно лабиализованными), на том условном основании, что перед названными гласными акустический эффект палатализации «к» и «г» заметнее. См. об этом в грамматике Deny (§ 51). Дань этой традиции отдает и автор «карамалицкого» текста, который обозначает палатальность согласного последующей буквой «и».

Гюһюсь < г'өк жүзү, кіоктеда < к'өкте-де, һюнешь < г'үнеш, һіолара < < г'өллере, кишлерә < к'өрлере, гиюнда < г'үндә (на ряду с гунь < г'үнү), гнордумь < г'өрдүм, гіормекь < г'өрмек, гиюксу < к'өксү, гюзлерь < г'өзлер, гикте < г'өкте, в других случаях имеем однако: гомлекта < г'өмлекте и измекар < һизметк'ар.

Отмеченная выше традиция неполного обозначения (к, г — вм. к, г) находит себе оправдание еще в том, что в османском литературном языке заметно выражен процесс утраты палатализации там, где она, повидимому, была в старом языке и сохраняется в диалектах. Известно, например, что смягчение конечных «к» и «г» ныне служит чисто факультативным отличием индивидуального произношения: *çiček'* при более обычном — *çiček* и *gelmek'* при более частом — *gelmek*. По Bergsträsser'у, палатализация возможна в турецких словах перед огубленными гласными (к'öj, г'öз) и в арабских перед «е» (к'емал); необходимо еще добавить такие случаи, как «к'ар» < کار и г'ун < перс. گون. Но, прибавляет Bergsträsser, в обоих случаях она весьма слаба и иногда совсем пропадает.

В азербайджанском языке, по Ашмарину (стр. 20), и в гагаузском, где почти все согласные 'смягчаются', палатализация «к» и «г» сохраняет полную силу. То же наблюдается и в османских диалектах за немногими исключениями: так, Максимов (op. cit., стр. 38—9) отрицает палатализацию «к» и «г» для диалектов Карамании и Худавендгяра; в первом ك даже стремится к «غ». Между тем, не говоря уже об армянско-турецком, где «к» и «г» перед арабо-персидскими долгими «ā» и «ū» изображаются, как «kj» и «gj» (Kraelitz, op. cit., 18—18), — в говоре Эскишехира, по Мартиновичу, развита сильнейшая палатализация по схеме: г > gj > 'j > j: jidār < کيدر, jit < کيت, jidäjim < کيدهيم и т. д. В азербайджанском языке (Ашмарин, стр. 20) сильно палатализованное «к'» приближается и почти сливается с «т' > ч'» — физиологическая черта, известная и из других языков. Это совпадение двух артикуляций объясняет «карамалицкие» начертания: гиоһюсь и һиулар, где һ = т' ~ ч'. В диалектах Ризе и Эрзерума переход «к' > т'»¹ делается законным; смягченное «г'» в силу близости в укладе артикулирующих органов речи переходит здесь в «д' ~ д'ж'». Вот примеры из текстов Räsänen'a: d'äl < گل, t'äsä < کيسه, t'änarinä < کنارينه (op. cit., стр. 17), d'äzä < کچه, t'imin < کيک, d'uzäl < کوزل, d'ämi < کسی, d'ordum < کوردم (стр. 18), it'i < ابکی (стр. 19), d'ul < گل (стр. 20), dit'ene < ديکنه (стр. 26), ast'er (стр. 27). Изолированное djaour < گاور — у Куноша (Chans. pop., 238). Заслуживает упоминания, что в боснийских говорах (Blac, op. cit., 28—33) и в сербских турцизмах мы имеем последовательный переход турецких «к'» и «г'» в «һ (тj)» и «һ (dj)», но этот факт не имеет ничего общего с аналогичным явлением в турецких диалектах, так как распространяется и на славянские

¹ Ср. произношение iči ایکی в восточной Армении, цитируемое Фоем (Azerb. St., стр. 145, прим. 3). Подробнее см. ДАН-В, 1929, стр. 91.

корни и принадлежит к типичным особенностям сербской фонетики.¹ Здесь таким образом, как иногда случается, факторы, действующие с разных сторон, приводили к одинаковым результатам.

Довольно давно различными авторами установлено, что южно-турецкая группа отличается от остальных и от старо-турецкой схемы наличием в Anlaut'e шумных звонких «г» и «д», которые спорадически возникали вместо общетурецких «к» и «т» в качестве явления, повидимому, вторичного. Надеюсь со временем разобрать этот интересный вопрос особо, остановимся только на том, что касается чередования «к» и «г» в османском Anlaut'e. Прежде всего надо иметь в виду, что процесс озвончения начального «к» до его полного перехода в «г» не представляет собой чего-либо законченного, а действует и поныне, попутно создавая пеструю картину аналогических образований и изолированных слов. Во-вторых, османский литературный язык не является здесь образцом, наиболее далеко ушедшим от старо-турецкой схемы, так как есть диалекты, более радикальные в этом отношении, чем литературный язык. К таким относится кастамунийский диалект (см. тексты Thury), который признает почти исключительно начальное «г»; большой процент «г» встречается в Конии (Giese). Другие диалекты представляют спорадические отклонения от нормы литературного языка. Форма «генді» < گندی, узаконенная, например, в языке ангорских греков (ср. Huart, op. cit., стр. 467: γεντινε — гендіне گندینه). отмечена еще Менинским (g'endüden — op. cit., стр. 143) и Viguier (op. cit., стр. 53 — gendi ~ kendi) в качестве факультативной. С другой стороны в Эски-шехире имеем: gälläni (Мартинович, Сказка) < kelleni; у Гордлевского (Образцы): gimi < گیشی (стр. 4), гендін (стр. 129) < گندک, геміклерім (стр. 140) < گیمیکلرم. В общем, зона усиленного «к > г» соответствует, повидимому, зоне «k > ɟ» (положение это нуждается в детальном исследовании).

Вкратце отметим здесь обратные отклонения от литературной нормы, т. е. «г > к», что является спорадически: k'ah k'ah (Гордлевский, Образцы, стр. 51) < گاه گاه или, чаще, в комбинированном положении, в Sandhianlaut: ешек-кібі (ib., стр. 22), іт-кібі (ib., стр. 127), кѳпек-кібі (ib., стр. 20).² В качестве индивидуальных примеров отметим: gim < < kim (Räsänen, стр. 225), и ɟыцä < геце (Мартинович, Сказка).

Что касается «к» и «г» в среднем положении, то здесь «карамалицкий» текст дает такие примеры:

¹ См. Leskien, Serbokroatische Grammatik, p. 41.

² Т. е. вместо: ешек-гїбі, іт гїбі, кѳпек-гїбі.

рузарларданъ < *рузъарлардан < рузг'арлардан, измекар < hіzметк'ар < خدمتکار, рузаръ < *рузъар < рузг'ар.

В первом и третьем примерах «г'» переходит в «j». То же происходит при «г'» между гласными (норма литературного языка). Сюда относятся из нашего текста:

беенерлер < бејенілер بکنرلر, дююнлерде < дүжүнлерде دوگونلرده, дермеңи < дејирменңи دکرمنجي, ипеи-да < ипеји-де ده ايپکي.¹

Здесь «г» дает «j», которое далее выпадает (ср. формулировку Bergsträsser'a в отделе «j (i)»). Описанный переход — довольно позднее явление, как можно заключить из данных Vambéry (Altosm., стр. 40), Deny (§ 122 add.). Диалекты² сохраняют старую стадию,³ т. е. «к» и «г». Ср. Blau, op. cit., стр. 31d; Максимов, op. cit., стр. 40 (в Худавендгяре здесь «г», в Карамании — «б»); в армянско-турецком «г» гораздо чаще сохраняется, чем переходит в «j» (Kraelitz, op. cit., стр. 21). Сербские турцизмы, отражающие довольно старую стадию османской речи, почти не знают перехода «г > j». В «карамалицком» тексте имеем: егер < егер ~ ~ ејер اکر — формы, обе возможные в литературном языке. Спорадических примеров на «к > j» перед согласным вроде боснийского и сербского: мејтеф < مکتب и ејсік < اکسیک (Гордлевский, Образцы, 53) «карамалицкий» текст не знает.⁴

§ 11. «ق».

Если принять в расчет данные большинства турецких языков, где қ артикулируется как глубокий заднеязычный взрывной глухой, то придется признать, что в османском литературном языке еще давно начался процесс продвижения вперед артикуляции ق. В результате этого процесса разница между ق и ك почти стерлась; все же они сохраняют положение фонем и не различаются лишь комбинаторно в зависимости от соседних гласных — заднего и переднего ряда. Последний исследователь константинопольской фонетики Bergsträsser настаивает на том, что между двумя османскими «к» разница более значительная, чем между немецкими в словах Kunst и Kind. Если так обстоит дело в Константинополе, то в диалектах, особенно азиатских, о совпадении двух «к» не может быть и речи (ср. Максимов и др.). В балканских диалектах средневекового

¹ Ср. интересное указание بویو < بویو (غ. د), стр. 63).

² А также крымско-татарский, туркменский, гагаузский и азербайджанский языки.

³ В говорах Румелии, по данным Куноша, переход существует.

⁴ Как не знает и появления «х» или «х'» из конечного «к», ср. у Räsänen'a (op. cit.): сійсех < چیچک и ісезех < ایچهچک (стр. 41); см. также Ашм. 21 и 43.

периода эти звуки также сильно различались по месту артикуляции, вследствие чего сербские турцизмы имеют совершенно особую проекцию для каждого из них (ق > к, но ك > ħ). В более позднем «карамалицком» тексте различие это проводится в том смысле, что дивергенты каждого звука, естественно различные фонетически, в тексте передаются различно. Для сохранившегося қ и его дивергентов в карамалицком тексте имеются следующие примеры:

1) кокаръ < قوقار, чокъ < چوق, акыле < عتلى, качмакъ < قاجيق, бакмаасынь < باقميسك, калабалькъ < калабалык < лит. غلبه لك; 2) гачарларъ < قاجارلر; 3) ахшамъ < آخسام.

В османских диалектах, в туркменском и азербайджанском языках қ дивергирует в заднеязычные звонкие типа «г» (взрывной, более глубокий, чем русский) и «б» (спирант = غ) с целым рядом промежуточных ступеней. О переходе қ > г см. Ашмарин, *op. cit.*, стр. 19 и 40. В восточно-анатолийских диалектах (Эрзерум,¹ Ризе, Трапезунт) Räsänen наблюдал такие формы, как gajmak' (*op. cit.*, стр. 7), gijz (стр. 164, 165) < قيز, gonar (стр. 220) < قونار, gadar (стр. 172) < قدر, agluma (стр. 183) < عقلمه. В районе Кутахьи Ковальский (Piosenki) отмечает: gutulmasun (стр. 348) < قورتلماسون, gurtam (ibidem) < قيرمام, galmyš (стр. 347) < قالمش, gajalary (ibidem) < قايالرى, galbim (стр. 352) < قلبم, gyz (стр. 349) < قيز, gaštylar (стр. 345) < قاچدىلر, gonā'a (стр. 344) < قوناغه, gajmaqamlar (стр. 349) < قانماقاملر; вообще в произношении его сказителя «q» > «g» перед «а» и «и» (стр. 45). По данным Giese для конийского диалекта, там обычные формы: yušatdiler < قوشاندىلر, yugatym < قير آتم, yuvan < قوغان, yus < قز при более редких случаях типа: qateleg < قارهلر; материалы . . . подтверждают эти наблюдения при помощи арабско-турецкого шрифта: آغ (стр. 20) < آق, ابراغ (стр. 5) < ابراق, غازلر (стр. 190) < قازلر. О начальном «γ > q» в Айдыне и Кастамуни см. Foy, *Aid. Tk.* 292—7. E. Littmann (*op. cit.*) в северной Сирии отметил: govduklar (стр. 145) < قوغدىلر, goğa (стр. 149) < قوجه. По описанию Максимова (*op. cit.*, стр. 36—7), худавендгарское қ склонно к «гк»; ср. об азербайджанском произношении «гг» (почти «кг») у Ашмарина, *op. cit.*, стр. 19—20. Фольклорные записи В. А. Гордлевского отмечают в разных местах Анатолии: гаранлык (Образцы, стр. 124), < قارا كلق, бајгушлар (стр. 116) < قاجوشلر, гудретім (стр. 156) < قدرتم. В диалекте ангорских греков (Huart, *op. cit.*, стр. 466) қ всюду передается как «кк», этим последова-

¹ По Balhassan-oğlu, в этом диалекте начальный «q» также дает «γ» (*Kel. Sz.* V, 126).

тельно отличаясь от **ك**. Наконец, в лежащем на краю азербайджанско-анатолийских говоров кашкайском диалекте общетурецкое **ق** или сохраняется или переходит в звонкий спирант: **кўрхма** (Ромаскевич, *op. cit.*) < **قورقه**, **фунды** (*ib.*) < **قوندى**, **фунлар** (*ib.*) < **قوشلر**.¹

Значительно реже в османских диалектах М. Азии находим указания на второй случай дивергенции **ق**, именно: **ق > x (h)** — заднеязычный глухой спирант. Помимо разницы в сдвиге артикуляции (в случае **ق > غ** эволюция шла по линии озвончения, которая иногда осложнялась переходом **ق** в спирант, а иногда — нет: **ق > г**), второй случай дивергенции проявляется по общему правилу в **Inlaut'e** и **Auslaut'e**. Только в говоре южного бережного Крыма каждое **ق** (в том числе и начальное) переходит в «**h**» (см. JA, 1926, avril-juin, p. 344). О переходе **ق > x** в азербайджанском **Anlaut'e** и **Auslaut'e** см. Ашмарин, *op. cit.*, стр. 46; у кашкайцев (Ромаскевич, *op. cit.*) находим: **âx < آق**, **bâx < باق**, **jûx < يوق** и **кўрхма < قورقه** совершенно в духе азербайджанского языка. В Эрзеруме конечное **ق > x** (**Balhassan -oγlu**, *op. cit.*, стр. 126), для Трапезунта Писарев (*op. cit.*, стр. 174) отмечает в виде исключения: **бахмак** и **сырмак** при обычно сохраняющемся **ق**. У Гордлевского (Образцы) находим лишь спорадически: **бахтым** (стр. 105) < **باقتم** и др. И только Максимов формулирует «склонность караманского **ق** к «**x**» в качестве общего положения» (стр. 36—7).² В балканских диалектах (а также в Крыму) наоборот, переход «**ق > г ~ غ**» является спорадическим: ср. **gurdelasi** (Kowalski, *Volkslieder*, стр. 182) < **قوردلهسى**;³ здесь **ق** дивергирует в «**h ~ h**». Ср. общеизвестные случаи типа **آقшам < آقشام**, канонизованные и в литературном языке, и также **hasd < قصد** у **Кувюша** (Ада-кале, стр. 10). Для Боснии и ее говоров **Влаи** выставляет **ق > غ** в качестве общего правила (*op. cit.*, стр. 28). Интересно, что литературный язык, отставывая чистое **ق**, старательно избегал и этой дивергенции. Это прямо отмечено у **Meninski** (*op. cit.*, стр. 133 — **چوقه čoka**, *vulg. čoha*). С этой же точки зрения **Bilguer** восстает против формы «**ахшам**» в пользу **آقшам** для говоров Македонии (*op. cit.*, стр. 1). Тем не менее вульгарные формы все же проникали в старые грамматики и рукописи. Ср. **ahdjè آچه** у **Viguiet** (p. 300), и параллельно **اويغو** и **اويغو** у **Pfizmaier'a** (стр. 199).

¹ По формулировке **Фоя**, начальный «**q**» последовательно переходит в «**g**» в Азербайджане, Брусе, Айдыне, Ковии, Кастамуни и у юрюков (*Südtürk.*, стр. 166).

² **Фой** считает **q > x** (в **Inlaut'e** и **Anlaut'e**) нормальным для Азербайджана и спорадическим для Анатолии (*Südtürk.*, 167).

³ Займованное итальянское слово.

Мартинович (Султан-Велед, стр. 5) говорит о графической замене *ق* через *غ* в рассмотренной им рукописи.

В армянско-турецком диалекте F. Kraelitz подметил обратную тенденцию — к переходу турецкого *غ* в «к» (op. cit., стр. 21). Для чисто османских говоров указания на это можно найти в материалах В. А. Гордлевского: *кајрет* (Образцы, стр. 135) < *غيرت*, *куфран* (ibid., стр. 141) < *غفران*.

Остается сказать о «карамалицкой» форме *объвет* < *قوت*. Она может быть объяснена из схемы *куввет* > *хуввет* > *һуввет* > *уввет* (т. е. по типу балканских говоров).

§ 12. «غ».

Фонетические тексты живых говоров и транскрипционные записи на других алфавитах в прошлом указывают на те изменения, которым подвергалась артикуляция этого звука (заднеязычный звонкий спирант) в османском языке. Процесс этот, охвативший не только литературный язык, но и диалекты, сводился к одному из следующих фактов: 1) выпадение *غ* с последующим удлинением предыдущего гласного (так наз. вторичная долгота) в середине и конце слова и 2) замена *غ* через взрывный соответствующего ряда. В связи с удлинением гласного, предшествующего *غ*, стоит вопрос о вокализации *غ* (предыдущая стадия).

В «карамалицком» тексте все эти случаи представлены следующими примерами:

баламальсьнь < *باغلاملى سىك*, аоръ < *آغير* и аьрь < *آغير*, доурулар < *دوړورلار*, баьрьларъ < *ба'ырырлар*, арьрьъ < *а'рырь*, *Ағрир*, *ѣмуръ* < *жә'мур* ~ *жә'мур* *бағмор*, памбууда < *памбү'у-да* *памбуу'у-да*, *ѣтааце* < *жәтә'ыны* *ятанагкы*, баарьрьъ < *ба'ырыр* (см. выше), ааце < *а'ацы* *ааҗы*, аазъ < *а'ыз* *аағыз*, ааша < *ашә'а* *ашаҗы*.

В закрытом слогe гласный, удлинившийся в результате утраты *غ*, иногда изображается на письме двоякой буквой:

саа < *са'* *сағ*, баа < *ба'* *бағ*, даада < *дә'дә* *дағдә*.

По Bergsträsser'у (op. cit.), *غ* в современном литературном языке исчезает абсолютно, исключая того случая, когда он стоит в начале слова. По выпадении *غ* гласные разного типа или образуют отдельные слоги: *а'ыр*, *а'ыз* — или дифтонги, если *غ* стоял в неударном слогe: *ба'ырыр* (см. ibidem, стр. 257). При одинаковых гласных получается стяженный монофтонг, в смысле ударения резко распадающийся акустически на две

части, т. е. нечто вроде «прерывистой долготы», по терминологии акад. Ф. Ф. Фортунатова, или «нисходящий циркумфлекс», по Bergsträsser'у (ср. *ibidem* его формулировку положения о *Zweigipfligkeit*): а́пы < а'апы < < а̄'апы آجایی (тоже в формах типа алдӱ آلدیغی, олдӱндан اولدیгенден и т. д.).

Но ғ, в столичном произношении выпадающий между гласными и в исходе слога (*Silbenauslaut*), удерживается в диалектах — особенно Карамании и Худавендгяра, точнее сохраняющих этот общетурецкий звук (ср. Максимов, *op. cit.*). Для конийского диалекта достаточно сослаться на работу Giese, буквально испещренную знаком Ү (Ү = ғ). У Мартиновича (Сказка) находим следующие формы для говора Эскишехира: ажабына (стр. 92) < آیاغنه, вардыбымы (*ibidem*) < واردیغیمی, хоҗаҗабым (*ibidem*) < خواهه جهم, чабырыллар (*ibidem*) < چاغر لر لر и мн. др. Случаи типа җыңа (*ibidem*) < کچه указывают на җ вторичного происхождения (< г), что свойственно местному диалекту. Räsänen (*op. cit.*) дает для восточно-малоазийских диалектов формы: јагауна (стр. 35) < یاتاغکه olduуun (стр. 38) < اولدیغак, funduуun (стр. 20) < فندیغم, јастуҗа (*ibidem*) < یاصدغه, k'onduуun (*ibidem*) < قوندیغم, җомаҗи (стр. 53) < چوماغی.

Для Македонии Т. Kowalski устанавливает хорошее сохранение ғ в положении между гласными (см. его введение к *Volkslieder*, стр. 168). То же подтверждается данными Куноша по Ада-кале: ајаҗи آیاغی, јаҗ баг (стр. 68 и *passim*).

Если старый литературный язык сохранял ғ между гласными, судя по примерам Meninski (*op. cit.*, стр. 123): boghazi (стр. 123) < بوغازی, saghlyghyni (стр. 114) < صاغلغنی, urdughumüz (стр. 144) < اوردیغمز — то новая тенденция выбрасывания ғ, отраженная в турецкой орфографии (бар بار) вм. баҗр баҗр, по объяснению. *д. г.*, стр. 53), также распространилась на ряд диалектов. Ср. тексты Писарева для трапезунтского диалекта и примеры из Räsänen'a для Эрзерума, Ризе и Трапезунта: ааҗлар (стр. 6) < آچاچلر, раҗмааті (стр. 38) < پارماغی, јар'гаа (стр. 43) < یاپراغی. Звук ғ, сохраняющийся, по общему правилу, в говорах Крыма и Азербайджана (см. Ашмарин, *op. cit.*, стр. 47) и выпадающий в наречии бессарабских гагаузов (см. тексты Мошкова в т. X «Образцов» В. В. Радлова), в ряде османских диалектов Анатолии и Балкаи не имеет твердого характера, а находится в различных стадиях развития. Поэтому диалекты Худавендгяра и Карамании, приведенные нами в качестве сохраняющих ғ, могут быть названы и для иллюстрации выпадения ғ в *Inlaut'e* (Максимов, *op. cit.*, стр. 57). То же следует сказать и о македонских текстах Ковальского.

Все это говорит о том, что процесс трансформации غ, ныне законченный в диалекте Стамбула (ср. Bergsträsser), далеко еще не завершился в других диалектах, которые удерживают промежуточные стадии процесса и едва ли поддаются в этом смысле какой-либо планомерной классификации.¹ Пестрота картины осложняется тем, что в диалектах встречаются не только дублеты с غ и без него, но и слова с различного рода заменами غ. Заменой служат или разные виды «h» — «x» заднеязычный спирант и «h» гортанный, смотря по диалекту — или «h», который фонетически иногда развивается в «j» (см. в отделе «h»); «h», фонетически склонное к полной качественной редукции (см. там же), является таким образом предшествующей ступенью полного исчезновения غ.

Примеры: в Карамани «غ > x»: бахча < باغچه, бохча < بوغچه (Максимов, *op. cit.*, стр. 38); в восточно-анатолийских диалектах Räsänen (*op. cit.*) дает формы, начиная от jaʔdi (стр. 47) < ياغدى до b³ahčā (стр. 3) < باغچه. Замену غ через «h» считает допустимой для современной ему литературной речи Viguiet (*op. cit.*, стр. 53). Ср. также Deny, *Gramm.* § 62 и Jakob, *Vulg. Tk.*, стр. 708. Другой заменой является «j (j)» — одна из стадий развития «h»; Ковальский устанавливает эту замену для обыденной речи Македонии не только в положении между гласными, но и перед согласными: см. его введение к *Volkslieder*, стр. 168—69, и примеры оттуда: bajlējor (стр. 200) < باغلابور, ailejor (*ibid.*) < آغلابور, daļer (стр. 214) < داغلاغر.²

При соседстве, по общему правилу, с губными гласными غ лабиализуется по схеме: غ > w ~ u.

Примеры из «карамалицкого» текста:

ковмакъ < ковмак < kowmak < коѳмак قوغمق, суанларъ < сованлар < < сованлар < соѳанлар صوغانلр, саварсьнь < саварсын < саварсын < саѳарсын < صاغارسك.

Подобные же примеры находим в сербских турцизмах; см. также Deny, *Gramm.*, § 46, Максимов, *op. cit.*, стр. 38. У Räsänen'a находим форму карадац (стр. 40) < قاره طاع. Если это, по Räsänen'у, собственное имя (см. перевод) не является пережитком из языка другой турецкой группы (ср. Беш-тау), то мы имеем здесь сходство с так называемыми «тау»-

¹ Наиболее консервативными в смысле сохранения старого غ являются все же южно-азиатские диалекты (Кония и к югу от нее).

² Этим же объясняется, по-нашему, новое литературное произношение алмажа آلمغه и сатмажа صانمغه из «алмаг» и т. д. (ср. тексты Räsänen'a и работу Kraelitza), встречаемое также и в Крыму (JA, 1926 avril-juin, стихотв. VIII, стр. 360).

диалектами, где старо-турецкий غ лабиализуется не только в середине, но и в исходе слова и где эта черта является типичной.

Что касается غ в начале слова, то здесь его эволюция обусловлена чисто физиологическими причинами — замена сравнительно трудной артикуляцией غ более простой. В качестве замены выступает «г» (заднеязычный звонкий взрывной) или соответствующий глухой — «к (q)». Эта эволюция наблюдается, помимо начала слова, также и в середине слова перед «р (r)». Bergsträsser (op. cit.), исходя из того, что результаты эволюции غ в данном случае отличны от разобранных выше (в Inlaut'e), предполагает, что первоначально здесь был не غ, а звук другого качества, который «должна разъяснить сравнительная грамматика». Так он предполагает на основании нового константинопольского произношения. Нам кажется однако, что разные проекции غ в обоих случаях зависят от неодинакового фонетического положения: в одном случае — ассимиляция с соседними звуками (комбинаторное изменение), в другом — отсутствие каких бы то ни было факторов комбинаторного изменения. Кроме того, известно, что غ в южно-турецком Anlaut'e не имеет прототипа в древне-турецкой фонетике; чисто турецкие слова с начальными غ принадлежат к отделу так называемой мимологии (подражательные слова), и здесь, по нашим наблюдениям, мы имеем дело с обычным غ: это одна из тех особенностей, которые отличают своеобразную мимологическую категорию в смысле фонетики.¹ Большинство же османских слов с начальным غ — арабского происхождения,² и здесь нужно апеллировать к данным арабской фонетики.

Примеры из «карамалицкого» текста:

гаеть < гает < غابت < арабск. غابت, карга < карга < карға < قارغا, даргын < даргын < даргын < دارغين, ёсергань < ысырган < ысырған < اصرغان.

В диалектах начальное غ заменяется также через «к» (заднеязычное): ср. Максимов, op. cit., стр. 46—7, Kúnos из Ada-kale: kajb (стр. 4) < < غائب, Viguier (стр. 53) и Pfizmaier (стр. 196) отмечают это sporadически в литературном языке. Ср. из разговорного языка такие узаконенные случаи, как: кавга < غوغا, калабалык < غلبه لك и др. Ср. также у Гордлевского из диалектов: куфран (Образцы, стр. 141) < غفران, кайрет (стр. 135) < غيرت (то же у Pfizmaier'a, l. c.), qajri (Viguier, стр. 53) <

¹ См. мои Beiträge zur osmanischen Mimologie, WZKM, V. XXXIV, стр. 108, 3 и глоссарий.

² См. отдел на «غ» в словаре Сами-бея. Ср. близкое к нашему мнению Фоя о появлении «γ» в Anlaut'e в румелийских говорах (Aid. Tk., стр. 293 сл.).

< غيرى. Это же явление типично для турецко-армянского диалекта (Kraelitz, op. cit., стр. 21).

§ 13. «h» и «ḥ (x)».

Вопрос о типах «h» в османской фонетике является одним из наиболее сложных. Причиной этому служит расхождение между графическими символами и реальными фонемами, а также сильная варьация этих последних в индивидуальном произношении. Исследователи сходятся на том, что из трех заимствованных у арабов обозначений для «h» (ه, ح и خ) среднее не ассоциируется для турка с какой-либо действительной величиной из его фонетики и, чуждое народным говорам, встречается спорадически в «ученом» произношении. Знаки ه и ح соответствуют фонемам «h» и «x (h)»; в большинстве современных османских диалектов наблюдается распространение первой за счет второй, но если в константинопольском говоре звук «x» ныне почти не встречается, в диалектах эта нивелировка далеко еще не закончена. Bergsträsser (op. cit., стр. 254) устанавливает для Константинополя следующие нормы: ه — очень слабый звук, доходящий до полного исчезновения, если не стоит в исходе слова; ح и خ в Anlaut'e и между гласными — h (немецкое), перед согласными — «ach-Laut» (x) и «ich-Laut» (x̣), после согласных — редуцированное «h».

По сравнению с «карамалицким» текстом эта формулировка слишком консервативна: наши материалы идут дальше в смысле частичной и полной редукции «h»:

1) В начале слова:

ачап < начан هاجان ~ качан قاجان, ѐм < нем هم, ѐр < бер هر, ѐпсындень < неписинден هېسندن, анги < хангы هانگی, измекар < hizmetkar خدمتکار, ичъ < ич هېچ, асталъклен < хасталык-илен خستهلفلن, ѐпесье < неписине هېسینه;

в особую группу выделяются:

хекимъ < неким هکیم (< حکیم), хастелара < хасталара خستهلاره, хьрсъзлеръ < хьрсызмар خرسزلر.

В смысле утраты начального «h» (всякого) говор «карамалицкого» текста примыкает к балканским (не-столичным) говорам и южному Крыму, (JA, 1926, avril-juin, стр. 345). То же явление широко распространено в Боснии (Blau, op. cit., стр. 28 b) и Македонии: по Ковальскому (Volkslieder, стр. 167) «Schwund jeder Art von Hauchlaut im Anlaut» стоит на первом месте в ряду особенностей македонских говоров.¹ То же самое мы

¹ Приводимые Bilguer'ом (op. cit., стр. 2) chosch خوش — angenehm — такое же изолированное слово, как «карамалицкие» хекимъ, хастелара, хьрсъзлеръ.

наблюдаем в сербских турцизмах. Ср. также Deny, Gramm., § 61, 68, 69, 83; Jacob, Vulg. Tk., стр. 711. В армянско-турецком в Anlaut'e имеем «h»; в других положениях различие между «h» и «x» сохраняется (Kraelitz, op. cit., 20—21). Филоненко (Кр. песни, 7) приводит рукописный пример утраты начального «h» для Крыма: *أوا* вм. *هوا*.

2) В середине слова:

заметь < zahmet *زحمت*, даа < daħa *دها*, сабахлаин < сабахлајын *صباحلين*, чча < чоħа при лит. чука *چوقه*, тоумъ < тоħум *تخم*, пейрис < *пейрис < < пейрис < перһиз *پرهيز*, (ср. *د. غ.* стр. 71: *پهريز*).

В следующих словах «h» сохранилось:

рахметъ < раħмет *رحمت*, ихтиаръ < ihtijar *اختيار*, тезгахлень < < тезг'ah-len *دستگاهلن*.

По Ковальскому, всякое «h» между гласными в македонских говорах выпадает; спорадическое появление его надо объяснить влиянием других диалектов; перед согласными появляется даже заднеязычное «x» (op. cit., 168). Ср. в языке ангорских греков *μασλαατη* < *مصلاحتي* (Huart, op. cit., стр. 467), *μασαατλαρινα* < *نصحتلرندن* (ib., стр. 475), в диалектах Худавендгяра и Карамании: мапус < *محبوس* (Максимов, op. cit., 57).

В результате выпадения «h» между гласными возникает «i (j)» (Kowalski, Volkslieder, стр. 224): aĭeste < *آهسته*, sabajaħa (ib., стр. 178) < < sabaha-qadar *صباحه قدر*; в сербских турцизмах: чоја < чоħа < лит. *چوقه*. Но переход «h > j», проходящий, повидимому, через ступень «x'» — «ich-Laut» Bergsträsser'a (см. выше), наблюдается не только между гласными как это определяет Ковальский: ср. трапезунтское *ġajfe* < *قهوه* (Bonelli, стр. 60), ġajfa (Giese), кастамунийское — *gajfe* (Thury, op. cit., стр. 55)¹ и ряд однородных случаев из говора Ada-kale: *kajve* (Kúnos, стр. 4), *kajvalty* (ib., стр. 9) < *قبوالتي*, *kajve* (ib., стр. 60), *kajvesini* (ib., стр. 23), *kajveje* (ib., стр. 27).

Иногда выпадающее «h» вызывает удлинение предшествующего гласного (см. Bergsträsser): māмузу (Гордлевский, Образцы, 109), zāmetleri (Kúnos, Ada-kale, стр. 55) < *زحمتلري*, māpus (Giese, op. cit.) < *محبوس*, tāta (Ковальский, Piosenki, стр. 354) < *تخته*. Реже «h» переходит в «k» (в отдельных словах): makšere (Ковальский, Volkslieder, 190) < *مكشسر*. Ср. о том же у Blau (op. cit., стр. 27d). Максимовым (стр. 56) отмечен единичный случай: тауфид < *توحيل*.

¹ Наличие «h > j» в анатолийских говорах мешает сопоставить это явление со славянским, широко известным в говорах Македонии. О нем см. А. М. Селищев, op. cit., стр. 120 сл.

Выпадение срединного «h» иногда отмечается традиционной орфографией: *بدوا* бедава < *باد هوا* (.د.غ., стр. 57), *قطلاشقق* < *قطلاشقق* (ib., стр. 171), *همشیری* при *همشیری* (ib., стр. 198).¹

«Карамалицкий» текст не дает примеров на выпадение «h» в исходе слова, в роде: мет (Гордлевский, Образцы, стр. 15) < *مدح* (то же в *Ada-kale*, *Kúnos*, стр. 9); *sabā* (ib., стр. 2) < *صباح*, *nikā* (ib., стр. 49) < *نکاح*, *fellā* (ib., стр. 71) < *فلاح*, *фāt* (Максимов, стр. 57) < *فتح*. *Huart*, приводящий для ангорских греков пример *σαχή* < *صحيح* (op. cit., стр. 471) — то же в *Ada-kale*, стр. 36 — считает утрату конечного «h» принадлежностью вульгарной речи;¹ см. также *Jacob, Vulg. Tk.*, 711; в азербайджанском это «h», как и во всех других положениях, сохраняется (Фоу, Ашмарин); гагаузское «h», всюду сохраняемое,² Мошков передает во всех положениях через «x» (см. его тексты и словарь). Особые случаи представляет: *h > f*: *сулф* (Максимов, стр. 56) < *صالح* и *h > q*: *sabaq* < *صباح* (Ковальский, *Piosenki*, стр. 348); последнее, повидимому, скорее обусловлено рифмой — *tabaq*, хотя издатель утверждает, что это — диалектическое.

Единственный пример на *Auslaut* из «карамалицкого текста»: *кадай* < *kadeh* *قدح* — говорит о переходе «h > j», о котором упоминалось выше. Ср. *Blau*, 27с.

Случаев прибавочного (нефонетического) «h» в роде: *helbette* при *elbette* (*Bonelli, Volg.*, 217), *хатъшь* < *آتش* (Максимов, стр. 47), *ھیامولا* при *ایام اوله* (.د.غ., стр. 198) — «карамалицкий» текст не знает; см. об этом Ковальский, *Volklied*, стр. 168.

Звуки «x — h» вторичного образования (*x < ق*, *χ' < ك*) рассматриваются нами в соответственных отделах.

В заключение отметим весьма любопытный факт, что турецкие слова, вошедшие в болгарский язык, пишутся в болгарской параллели «трязычной книги» с сохранением «χ» во всех его положениях: *харамиите*, *хузмик'ар*, *мэхлем* и др. (см. А. М. Селищев, op. cit., стр. 113); между тем для данного болгарского говора характерна как раз утрата начального «x» при известных условиях (ib., стр. 112).

§ 14. «ع».

Хотя звукопредставление арабского *ع* и было чуждо туркам, однако, во всех турецких языках, имеющих арабские словарные заимствования,

¹ В *Auslaut*'е сербских турцизмов «h» отпадает.

² В *Anlaut*'е возможен переход «h» > «j» (Мошков, op. cit., стр. XXX).

появляются, главным образом под влиянием «ученого произношения»,¹ своеобразные замены ع. Если в поволжско-турецких языках, например, эта замена свелась к фонетическому отождествлению ع и غ, то в османском появились более разнообразные случаи; все они представлены в «карамалицком» тексте:

1) цума < цум'а جمعہ, 2) сахатъ < ساعت, цумагада < جمعده, 3) айла < < a'la اعلا (из арабск. اعلى).

Первый случай иллюстрирует полное исчезновение ع (цум'а > цума) и является наиболее обычным. Ср. ġimā < جمعہ у Kúnos'a (Ada-kale, стр. 49) и kabeje < كعبه (ib., стр. 63, 71); в этих случаях отмечена вторичная долгота после исчезновения ع, которую карамалицкий текст и, по общему правилу, сербские турцизмы особо не отмечают. Ангорские греки совершенно не транскрибируют ع ни в каком фонетическом положении (Huart, op. cit., стр. 468).² Начальный ع, не имеющий в современном османском языке никакого эквивалента (даже гортанного приступа), у Viguiet изображается двойным начертанием, т. е. как бы восходящий дифтонг со 2-м элементом «а» (это имеет место для случаев с ع-): eaziz < عزيز (стр. 50).

Своеобразную замену начального ع дают сербские турцизмы в изолированном случае: жакреп < عاقرع. Последнюю можно считать разившейся из «h» по образцу диалекта Худавендгяра и Карамании: haба < < عаба عبا (Максимов, op. cit., стр. 47).³ Что это так — можно предполагать по срединному ع (в Anlaut'e), который развивается между гласными именно таким образом, т. е. — ع > h > j —. Сюда относятся 2-й и 3-й случаи в карамалицком тексте.

Тип — ع > h обычен в вульгарно-османском и в диалектах. Ср. общие соображения Bergsträsser'a по этому поводу (op. cit., стр. 259), примеры Максимова для Худавендгяра и Карамании (op. cit., 47): ыхлям < اعلام, sahat < ساعت, маһрыфат < معرفت. Слово طالع talī ع в вульгарном произношении звучит: taleh.⁴ В арабско-турецком шрифте имеем (сборник خلیات متاعه с пояснением в виде متاعه (стр. 159); عيبه из عيبه (غ. د., 197) и زحافی < زحافی, произведенное от ثعلب (ib., стр. 135), زحافی (ib., стр. 131).

¹ Т.-е. произношения главным образом мусульманского духовенства и его учеников.

² Bilguer (op. cit., стр. 1) подчеркивает, что «Ain im macedonischen Dialect nie hörbar».

³ Далее по закону местной фонетики это «h» может развиваться в «x».

⁴ С. Г. Перуниан, Материалы для полного османско-русского словаря (рукописные).

Замена «ع» между гласными через «h», узаконенная азербайджанским литературным языком (ср. современные газеты), территориально распространяется до кашкайского наречия, примеры из которого даны А. А. Ромаскевичем (op. cit., passim): nōhloḡam < ناعلاجم, lahl < لعل, kahlalí < قلعللی (с метатезой), шуhлaci < شعلهسی, таһрíf < تعریف. Процесс замены ع через «h» начался до взятия Константинополя, как это следует из текста Геннадия Схолярия: *ιχτικατουμοως* < اعتقادمز & др. Из старых грамматик $ع > h$ в sahat < ساعت отмечен у Pfizmaier'a (стр. 196). Фонетическая сторона дальнейшей стадии перехода ع между гласными освещена у А. М. Селищева для македонских говоров, где засвидетельствованы параллельно формы: саат и сајат при ساعت (op. cit., стр. 120). Различные стадии этого перехода ($ع > h > \chi' > j$)¹ фиксированы в османских диалектологических текстах. Фаза «j» отмечена у Bergsträsser'a (op. cit., стр. 259), как спорадическая, у Kraelitz'a для армянско-турецкого, как обязательная (op. cit., стр. 7): ijane < i'ane اعانه; отдельные случаи дает Kúnos (Adakale, 31): jejni < يعنى через ступень jă'ni < ja'ni, Гордлевский (Образцы, стр. 130): ејлан едер < اعلان ايدر; Blau (op. cit., 26a) формулирует $ع > j$ в качестве закона для боснийских говоров. По Huart'у (op. cit., стр. 467), это обычно для вульгарно-османской речи, которая заменяет через «у semi-vouyelle» не только ع, но даже ʿ (хамзу).² Ср. о том же у Jacob'a (Vulg. Tk., стр. 707—708) и у Foy'a (Azerb., 193).

§ 15 «с || з».

Данные «карамалицкого» текста представляют такое соотношение между этими двумя звуками. Оглушение звонкого «з» и переход его таким образом в «с» в исходе слова, по общетурецкому закону:

$\chi\omicron\rho\acute{\omega}\varsigma$ < خروس и خروز, гидёрсьньс < کیدرسکنز, цевісь > цевіс ~ цевіз, ѡнсусь > اونسنз, таџис < تاچیز تعجیز (но: работасьзь < رابطهسنز), башьмёсь < باشمنز, душурмесльёръ < دوشورمز لر.

Обратный переход (в начале и середине слова) иллюстрирован примерами: запат-ленъ < занат'ат-ла ~ санат'ат-ла, маказьнда < макасыннда مقاصی ده.

Что касается уменьшения звонкости «з» вплоть до его полного оглушения (т. е. «з > с») в положении закрытого слога и в исходе слова, то на это имеются многочисленные указания в литературе. У Giese отмечены для

¹ О переходе «h > j» см. в отделе «h».

² То же для Македонии отметил Ковальский, Volkslieder, стр. 231.

конийского диалекта такие формы, как $\gamma\upsilon\varsigma < قيز$ и $bejas < بياض$. Гордлевский в «Образцах» отмечает случаи: $\imath\alpha\nu\varsigma\upsilon\varsigma < ايمانسس$ (стр. 79) $\mu\alpha\eta\varsigma\upsilon\nu < محزون$ (стр. 122), $\beta\imath\lambda\mu\epsilon\varsigma\epsilon < بيلميسسه$ (стр. 62), $\upsilon\upsilon\mu\alpha\varsigma\varsigma\alpha\nu < اويومازسهك$ (стр. 85), $\alpha\nu\lambda\mu\alpha\varsigma\varsigma\alpha < آكلامازسه$ (стр. 11), $\jmath\upsilon\lambda\delta\upsilon\varsigma < ييلدиз$ (стр. 152), $\kappa\alpha\varsigma\varsigma\upsilon\nu\lambda\alpha\r < قازسونلر$ (стр. 124). Мартинович слышал в говоре Эски-шехира: $\beta\alpha\varsigma < قاز$, $\beta\alpha\varsigma\lambda\alpha\r\upsilon\nu < قازلرك$, но $\beta\alpha\varsigma$ -ын $قازك$, и $\gamma\alpha\imath\mu\alpha\varsigma\varsigma\alpha\nu < گلميزسهك$ (Сказка), Ковальский — в устах уроженца Кутахы: $\jmath\upsilon\varsigma < يوز$ (Piosenki, стр. 348), $\epsilon\rho\imath\mu\epsilon\varsigma < اريمز$ (ib., стр. 352), $\gamma\acute{o}\rho\mu\epsilon\varsigma < كورمز$ (ib.), $\gamma\epsilon\lambda\epsilon\mu\epsilon\varsigma < كلهمز$ (ib.). У ангорских греков всюду выступает «ç»: $\omega\epsilon\chi\rho\eta\varsigma < پهريز$ < $\rho\epsilon\eta\imath\varsigma < پرهيز$, $\sigma\upsilon\nu\gamma\imath\upsilon\sigma\kappa\omicron\upsilon\sigma\sigma\omicron\upsilon\varsigma < اويقوسسز$ (Huart, op. cit., стр. 468).

В Македонии¹ Ковальский отметил произношение: $\varsigma\upsilon\varsigma\upsilon\varsigma < صوصسز$ (Volkslieder, стр. 200); там же, в качестве предшествующей стадии перехода «z < s», им установлен ряд случаев с глухим «z», т. е. ζ (media lenis): $\omicron\lambda\mu\alpha\zeta < اولماز$ (ibid., стр. 186), $\acute{s}\alpha^h\beta\alpha\zeta < شاهباز$ (ibid., стр. 186), $\beta\epsilon\jmath\alpha\zeta < بياض$ (ibid.), $\imath\lambda\delta\imath\zeta < ييلدиз$ (ibid., стр. 29), $\imath\acute{c}\imath\lambda\mu\epsilon\zeta < اچلميز$ (ibid. стр. 88).

Эти наблюдения в связи с положением Bergsträsser'a о склонности османского «z» в сторону артикуляции «s» (op. cit., 262), с промежуточной ступенью в виде «эмфатического ş» (ibidem), разрушают старое представление о неизменности османско-турецкого «з» во всех фонетических положениях, вплоть до нахождения его перед следующим глухим. На самом деле и здесь мы имеем ассимиляцию, но только регрессивную ($\gamma\upsilon\lambda\mu\epsilon\varsigma$ -се < $\gamma\upsilon\lambda\mu\epsilon\varsigma$ -се $\kappa\omicron\lambda\mu\imath\varsigma\epsilon$, Гордлевский, Образцы, 128; пример на такую же ассимиляцию корня ibid., стр. 124: $\jmath\alpha\varsigma$ -сынлар < $\jmath\alpha\varsigma$ -сынлар $\jmath\alpha\varsigma\sigma\upsilon\nu\lambda\alpha\r$). Sporadическое появление этого перехода говорит о том, что и здесь османский язык, как и в отношении переходов: $\check{g} > \acute{c}$ и $\acute{c} > \acute{s}$, стоит гораздо ближе к другим турецким языковым группам, чем это принято думать. Между тем сведения о «z > s» достаточно древни и находятся не только в фонетических записях, но и в источниках меньшей точности вплоть до османской орфографии включительно. Еще Meninski (стр. 102) отмечал: $\imath\epsilon\rho\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma\kappa\imath < ايدرزكه$, Смирнов (Calerinus, стр. 29) указывает в одной из старых рукописей начертание $\kappa\lambda\mu\varsigma$ вм. обычного $\kappa\lambda\mu\zeta$. В рукописи стихов Султан-Веледа замечается употребление ς вместо ζ и обратно (Мартинович, Султан Велед, стр. 5). В книге $\delta\alpha\gamma$. غ. имеем начертания: $\mu\alpha\imath\delta\alpha\nu\sigma$, восходящее, по мнению автора, к $\mu\epsilon\delta\epsilon\lambda\alpha\upsilon\alpha\zeta$ (стр. 182), и $\jmath\alpha\nu\gamma\epsilon\varsigma$ из $\jmath\alpha\nu\gamma\epsilon\zeta$

¹ Ср. там же по Bilguer'y (op. cit., стр. 30): Schulter — umus (< اموز), kis (< قيز) Mädchen (стр. 22), bus (< بوز), Eis (стр. 11); у гагаузов: gidăpic (Мошков, стр. 4), бас $\upsilon\alpha\zeta$ (стр. 20).

(стр. 93). В последнем случае тенденция к переходу «z > s» при описанных фонетических условиях распространилась и на иностранные слова.

Но если старый турецкий процесс «z > s» в закрытом слове и в исходе слова не исчез в османских диалектах и является живым фактором, спорадически действующим и поныне, — то, с другой стороны, османские диалекты заключают в себе обратную тенденцию (s > z) которая в новом языке выражалась резче первой, закрывая ее от большинства исследователей. Без предварительного анализа трудно установить точное соотношение между этими двумя явлениями; в ожидании специальных работ приходится, основываясь на данных других турецких языков, считать формы с сохранением «s» (gel-mes) более древними, а формы с «z < s» — вторичными, как это принято думать и о звонких «d» и «t» в османском Anlaut'e.

Частные случаи удержания «s» и распространение их по аналогии нами были рассмотрены выше. Что же касается деталей обратной тенденции и их конкретного проявления, то переход «s > z» можно считать фонетическим для некоторых диалектов, в их настоящей стадии, только в Anlaut'e; отдельные случаи его появления в Auslaut'e объясняются нефонетическим путем.

Переход начального «с» других диалектов в «з» типичен для кастамунийского диалекта, где озвончение начальных глухих проводится наиболее последовательно; вот некоторые из примеров Thury (op. cit., стр. 12): zabah < صباح, zora < صوبا, zaht < صالت, zebab < سبب, zevda < سودا. Giese (70) дает формы: zevda < سودا, zabaγ < صباح. Из примеров Максимова для Худавендгяра и Карамании укажем: zävda < سودا и zäbäb < سبب.

Для балканских диалектов имеем данные Kúnos'a (Ada-kale): zümbül (стр. 4), Гордлевского (Образцы, 122) — забаһтан — и турецкие заимствования в сербском языке: занаат < صناعة, зумбул < سنبل.

См. также Deny, § 49; Jacob, Vulg. Tk., стр. 713 — 4. В .د. غ. находится указанное орфографией: سابقين < زبقين (стр. 130), زرزوات из персидского سبزوات (ibid., стр. 131) и سپاره < زمپاره (ibid., стр. 133).

Примеры на «z < s» в «карамалицком» тексте были приведены выше.

По мнению Jacob'a, Vulg. Tk. (713—4), конечное «z» в Auslaut'e в вульгарной речи сохраняется.

По аналогии этому, возникают такие случаи, как: кавез < قفس (сербские турцизмы), بورنوز из برنوس (по .د. غ., стр. 61—2), دبوس طوبوز из (ibid., 154) и خروز < перс. خروس (Jacob). Если исключить этимологизацию

.غ. د, то останутся: кавез и хороз.¹ Возникновение их могло также стоять в зависимости от одного диалекта, сильно распространенного в Турции и, в частности, в Константинополе. Это — наречие отуреченных армян, которому вслед за работой F. von Kraelitz'a (SWAW, 1912) присвоено название: Armenisch-Türkisch. Преобразование конечного «s» в «z» характерно для него (стр. 21), а влияние национальных говоров на вульгарно-турецкую речь подчеркивает и сам ее исследователь — G. Jacob.

В дальнейшем, взаимное влияние форм с «z» на формы с «s» и обратно создает новообразования, некоторые из которых объясняются аналогией, а некоторые кажутся нам явлениями изолированного типа. Примеры: herkeze < هر كسه (Kúnos, Ada-kale, стр. 38) — образование по аналогии, объясненное Bergsträsser'ом в его работе; кузузу < قوزوسی (Гордлевский, Образцы, стр. 23) — форма ассимилятивная из: кузу-су; san eder (Kúnos, ibid., стр. 69) на ряду с sann ederler (ibid., стр. 26) от нормального zan² eder (ibid., стр. 47); hapuzlar (ibid., стр. 11) на ряду с hapusta (ibid., стр. 56) и hapys-hanenin (ibid., стр. 56) и общеизвестное سوقاق (> زقاق) — о чем см. .غ. د, стр. 133. Спорадическая замена س через ز встречается и в тексте рукописей (Мартинович, Султан Велед, стр. 5). В сербских турцизмах, наконец, отмечена трудно объяснимая фонетически форма: синџир < زنجير.

§ 16. «с||ш».

В отношении звуков «с» и «ш» начертания «карамалицкого» текста дают очевидные колебания, которые выражаются или в появлении «с» на месте нормального «ш», или, реже, в наличии «ш» там, где мы ожидали бы «с». И то, и другое указывает, как нам кажется, на то, что звукопредставление турецкого ش было до некоторой степени чуждо для автора или переписчика «карамалицкого» текста. Чем это объясняется — мы увидим несколько ниже.

Примеры на ш > с:

ѣсемаъзъ < jăшама'ыз < باشامایز, кусларъ < кушлар, персенбеда < першембеде, дусаџек < дүшеџек دوشه جك, семата < شمانه, кесьслере < кешішлери کشیشلری, карьслень < карыш-ile. Обратный переход: с > ш: иштерлеръ < істерлер, бешлемекъ < беслемек, ишла < icla < iclah اصلاح, хашта < خسته.

¹ Ср. еще hapuz < حبس.

² Литературное: занп.

Если мы будем искать перехода $\check{s} > s$ (и обратного) на чисто османской почве, то в нашем распоряжении окажутся единичные факты, не входящие в систему и не имеющие аналогий в других турецких языках. Сюда относятся: трапезунтские: $i\check{s}t\check{a}m\check{a}k$ $ايسْتِمَاك$ и $\check{s}a\check{m}\check{s}i\check{j}\check{a}$ (Писарев, 175), $jasym < ياشم$ (Kúnos, Ada-kale, стр. 30), если это не опечатка; Шемши — народная форма в м. Шемси (Гордлевский, Осм. истор. сказания, стр. 15, прим. 1), которая скорее всего объясняется ассимиляцией; $\check{s}a\check{s}ba\check{g}e$ $طوسباغه$, по разъяснению $\check{s}a\check{s}ba\check{g}e < د. غ$ (стр. 154),¹ происходящее из $\check{s}a\check{s}ba\check{g}e$ $طاش باغه$, в чем однако можно усомниться.

Истинная причина колебаний в артикуляции «ш» лежит вне турецкой фонетики и указана В. А. Гордлевским для подобных же случаев в одной из фольклорных записей (Образцы, стр. 106, прим.). Это — греческое влияние, которое отражается в определенной полосе османской языковой территории, при чем переход $\check{s} > s$ является одним из типичных признаков этого влияния.² Прямые указания на это находим у Huart'a, изучавшего диалект ангорских греков (op. cit., стр. 468). Последовательно передавая «š» через «ς», греки пишут: $\sigma\acute{\iota}\mu\tau\acute{\iota} < شمدی$, $\sigma\alpha\gamma\eta\rho\tau\lambda\alpha\rho\acute{\iota}\nu\acute{\alpha}$ $شاکردلرینه$, $\chi\epsilon\beta\alpha\chi\mu\acute{\iota}\zeta$ $كωνημης$ «qui s'est fié», $\Sigma\epsilon\rho\rho\acute{\iota}\phi$ $شریق$.

Этим же греческим влиянием следует объяснять распространенную в Боснии замену «ш» через «с» (Blau, op. cit., стр. 35) и подмеченную нами аналогичную тенденцию в сербских турцизмах. К этой же категории относится слово «киоск» ($\kappa\acute{\iota}\acute{o}\sigma\kappa\iota$) из $\kappa\acute{o}\sigma\kappa$ и общеизвестное на Балканах слово «чешма», восходящее к персидско-турецкому $\check{s}e\check{s}me$.³ Вторичные комбинаторные переходы «с > ш» на почве заимствовавших языков, в роде сербского « $\check{s}h < c + k'$ », нас здесь ближайшим образом интересовать не могут.

§ 17. «ц || ж».

В ряде слов последовательно отмечается переход аффрикаты «ц» в переднеязычный спирант «ж», что известно из общетурецкой фонетики.⁴

¹ Там же на стр. 63 приведен изолированный случай образования $\check{s} < پشی$ (обратное явление).

² В результате произвольной замены «ш» через «с» возникает на известной территории и обратная: ср. комбинаторный перевод «с > ш» у гагаузов: рушча и рушче при обычных — рус и руслук (Мошков, Словарь, стр. 83). По наблюдению С. Г. Церуниана, смешение «ш» и «с» характерно для турецких говоров Аджаристана.

³ Но в «карамалицком» тексте оно как раз фигурирует в форме: «чешма».

⁴ В ряде турецких языков «спирантизация аффрикат» проводится широко: $\check{g} (\check{g}) > \check{z} (\check{z})$, $\check{c} (\check{c}) > \check{s} (\check{s})$. Ближайшее рассмотрение показывает, что эти явления не чужды и османским диалектам.

Процесс этот заключается в том, что при артикуляции «ц» взрывной элемент аффрикаты постепенно редуцируется, и таким образом получается акустический эффект чистого спиранта. В случае палатализованного «ц» (т. е. *č*) мы соответственно имеем здесь «č̣». Описанный процесс не принадлежит к числу характерных для южно-турецкой группы, но наличие его устанавливается объективно из: 1) последовательного начертания ряда слов в «карамалицком» тексте, 2) других диалектологических источников.

Примеры из «карамалицкого» текста:

чужукъ < чоцук ~ диал. чудук, съжак ~ сежакъ < сыцак, чекажакъ < < чыкацак, олунжа < олунца, жевис < цевис < цевиз, ааже (на ряду с ааде) < < ā'ацы, манжа < манца < итал. mangia, ажемажсънъ < апымажасын, ачажак < ачацак.

Из диалектов переход «ц > ж» отмечен Влау (стр. 24) для Боснии, Мартиновичем для Эски-шехира: пәнжәрәнин < пенцеренин (Сказка).¹ У Гордлевского в «Османских исторических сказаниях» приведена форма: һаллажлар < һаллацлар (стр. 1). У него же («Образцы», стр. 134) находим: сажда < сацда на ряду с саджын (ibidem), муһтаж-из < муһтац-из (muhtač-iz). Наиболее типичен этот переход для балканско-турецких говоров. Влау трактует развитие «ц» в «ж», как славянскую черту (см. еще у А. М. Селищева, *op. cit.*, стр. 158, о параллелизме форм *džvaka* и *žvaka* для македонских говоров), но его наблюдения касаются одной Боснии. При наличии же данного процесса в других турецких языках и в говорах Анатолии (см. выше) осторожнее будет отказаться от мнения Влау. Такие же формы, как *žigegsa* в устах двуязычных боснийцев, могли явиться при одновременном действии параллельных факторов — турецкого и славянского. Для истории вопроса отметим начертания турецких заимствований в старинных сербских грамотах, приводимых Даничичем в его словаре: хажија < حاجي, хоужеть < حجت.

Следует указать еще один факт, подкрепляющий положение о «ц > ж», как о черте турецкой фонетики. Это — параллельное существование перехода «ч > ш» (č̣ > ṣ̌), отмеченное целым рядом источников и таким образом устанавливающее для османских диалектов общетурецкий закон спирантизации аффрикат во всех его деталях; существование же одной из них при утрате других представлялось бы менее вероятной.

Примеры на «спирантизацию» глухой аффрикаты «č̣» (в противоположность звонкой «č̣») в «карамалицком» тексте отсутствуют. Но они в изобилии указаны турецкими диалектологическими записями.

¹ У него же интересная форма: бажџа < باشقه.

У Räsänen'a (op. cit.), обследовавшего диалекты восточной Анатолии (Ризе, Трапезунт, Эрзерум), даны: $g\acute{e}\acute{s}t\acute{m}\acute{e}m < g'\acute{e}чмем$ (стр. 172), $g\acute{e}\acute{s}t\acute{u}m\acute{i} < < g'\acute{e}чт\acute{i}-m\acute{i}$ (стр. 177), $g\acute{e}\acute{s}t\acute{u}n < g'\acute{e}чт\acute{i}n$ (стр. 262), $sa\acute{s}la\acute{g}un\acute{u}n < сачларынын$ (стр. 269), $a\acute{s}ta\acute{n} < a'\acute{a}чтан$ (стр. 277). Для говоров Караманин и Худавендгяра Максимов (стр. 42) отмечает перевод $ع$ и $ج > ш$ в качестве диалектического признака: $гяшты < كچدی$, $каштың < قاچدك$, $ушь < اوج$, $ашь < آج$. Для говора Кутахьи Kowalski (Piosenki, стр. 343) дает: $gen\acute{s}lik < كنجلك$, $har\acute{s}lyq < خرچلق$ и отмечает $\acute{c} > \acute{s}$ в качестве обычного явления в устах своего сказителя. У греков ангорского вилайета Huart'ом отмечено смешение $ع$ и $ج$ в одном звуке, который они изображают через $\tau\acute{z}$ (op. cit., стр. 468). Для говоров северной Сирии Littmann (Kel. Sz., II, 145 sq.) зарегистрировал такие формы, как $a\acute{s}ti < اچدی$, $ge\acute{s}di < < كچدی$. Обращаясь к балканским говорам, укажем формы, отмеченные Ковальским для Македонии (Volkslieder): $sa\acute{s}leri < صاچلری$ (стр. 186), $i\acute{s}t\eta < اچدك$ (стр. 188), $ge\acute{s}t\eta < كچدك$ (стр. 188), $a\acute{s}tin < آشدك$ (стр. 190), $u\acute{s}lari < اوجلری$ (стр. 196), $k\acute{i}\acute{i}\acute{s}li\acute{j}a < قلیجلیبه$ (стр. 51). Для боснийских говоров та же особенность подмечена еще Blau (стр. 23). В качестве атрибута вульгарного произношения переход $\acute{c} > \acute{s}$ зафиксирован В. А. Гордлевским в его фольклорных текстах: $кош < قوج$ (Нар. календ., стр. 441), $аашлар$ (Образцы, стр. 129 и 132) при $ауаашлар < آاچлар$ (ib., стр. 122), $бштірмек < بيچدرك$ (ib., стр. 130), $саашларым < صاچلريم$, $уш < اوج$ (ib., стр. 156), $ушкуруну < اوچقورکی$ (ib., стр. 9), $иште < اچده$ (ib., стр. 16), Шибли ~ Сиплы в вульгарной обработке заимствованного слова (Нар. календ., стр. 444). Bergsträsser однако признает это явление обычным для константинопольской речи последнего периода (op. cit., 260); конечно, имеется в виду разговорная речь. Но есть указания на то, что эта тенденция проникала в литературный обиход и отражалась на правописании; сюда относятся такие факты, как: $سونلی آش$ при $سونلاج$ (غ. د. стр. 131) и дублетные $پاپوش$ ~ $بابوج$ < перс. $پاپوش$ (ibid., стр. 65). Факты эти, отмечая противоположное по направлению развитие $\acute{s} > \acute{c}$, этим самым говорят о сближении в артикуляции « \acute{c} » и « \acute{s} » и о возможности их смешения в обе стороны, одна из которых ($\acute{c} > \acute{s}$) была, как мы видели, широко использована диалектами и разговорной речью. Фонетически между формами с « \acute{c} » и формами с « \acute{s} » предполагается стадия палатализации,¹ т. е. $\acute{c} > \acute{s}$, что и отмечают некоторые из приведенных выше цитат.

Для южно-бережных крымских говоров также отмечен описанный переход: $چشمهسی < ششمهسی$ в старой для фольклорных записей рукописи,

¹ В большинстве других турецких языков « \acute{c} » легко палатализуется.

приведенной Ефетовым и Филоненко (op. cit., стр. 2), haštī < قاچدی и др. (см. печатающиеся в JA «Chansons populaires de Crimée»).

Изолированно приводятся в «карамалицком» тексте написания: гедцеде < гецеде и ведцуту < вүцүдү. Появление здесь «д + ц», т. е. как бы «д + ж», едва ли имеет особое фонетическое значение и, в виду отсутствия других однородных примеров, представляется случайным. Форма же азацик точно передает свой прототипь азацык.

Омжунда (< омзунда < омуз-унда) и чижме < چيزمه фонетических обоснований не имеют.

§ 18. «т» и «д».

В отношении «т» и «д» наиболее сложно обстоит дело тогда, когда эти звуки занимают начальное положение в слове. Возникновение «д» (вторичное, как думают, пока не вышло еще специальных работ об этом) на месте обще-турецкого «т» в начале слова составляет характерный признак южно-турецкой группы. Процесс перехода «т > д» подобно «к > г» еще не закончен; в центре стоит литературный язык, где одна группа слов узаконена с начальным «д», другая — с начальным «т»; в диалектах встречаются отклонения от литературной нормы. Все это создает настолько пеструю и неустойчивую картину, что, по замечанию Фоя (Azerb. St., 145), в настоящее время совершенно невозможно дать здесь какую-нибудь твердую формулировку: одно и то же слово в пределах одного диалекта может иметь двоякую форму (ср. литературное dürlü и tür-lü). Эти расхождения внутри османского языка усиливаются тем, что кроме них существует контраст между османским языком и азербайджанским. Артикуляционной базе последнего свойственны mediae lenes, как результат дивергенции звонких; некоторые аналогии из Inlaut'a, отмеченные мною в предисловии к статье О. И. Шацкой «Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan»,¹ позволяют предложить гипотезу о mediae lenes в Anlaute для языкового предка всей южно-турецкой группы; в дальнейшем их дифференциация по диалектам могла дать различные проекции. Оставляя до другого случая проверку этой гипотезы, обратимся к данным «карамалицкого» текста. Они в общем сходны с данными литературного языка, так как «карамалицкие» слова, имеющие «д», соответствуют словам на «д» в литературном произношении и обратно:

1) Слова с начальным «д»: деренлере < деринлере درينلره, дулу < долу دولو ~ طولو, дар < дар طار, сьдердоруларь < суда дурурлар طوررلر, дикесьнь < дикесин ديكه سگ, дажнаманда < даjanaмам-да, докусунлар < доку-

¹ Печатается в JA, 1929.

сунлар *طوقوسونلار*, душер < дүшер *دوشر*, дуимелерда < дүжмелерде *دوكمه لرده*, даюсьларь < дојсунлар *طوبيسونلار*, дурурь < дурур *طورر*, дусацек < дүшецек *دوشه چك*, дінлерлер < дінлерлер *دينلرلر*, дермеңи < дејірмеңи *دكريمچي*, дост < дост *دوست*, долдурмакь < долдурмак *طولدرمق*, демирь < демир *دمير*.

2) слова с начальным «т»: таушанларе < тавшанлары *طاوشانلري*, топракь < топрак *طوپراق*, таракльнь < тарак-ла *طاراقله*, ташь < таш *طاش*, тутлурь < тутулурь *طوتولور*, татле < татлы *طاتلي*, тернаклери < тырна-клары *طرناقلري*, тутер < түтер *توتور*, таражльмь < таражалым *طارايلهلم*, тезгахлень < разгов. тезгаһ-ла, лит. *دستگاهله*. «Карамалицкое»: тивересьнь (изолированно) из *چوبره سگ*.

Колебание в разных диалектах сказалось даже на традиционной орфографии, допустившей ряд графических дублетов; см. например, *د. غ.* стр. 71: *تارچين* при *دارچين* и *دف* при *نف* (ib., стр. 84); там же известная форма *نرسانه*, производимая из *دار الصناعة* (стр. 77). Ряд диалектов во главе с кастамунийским и айдынским (Foу, Aid. Тк., стр. 301) проводят почти полное озвончение начального «т»; таким образом они расширяют свою группу «д» за счет группы «т». Ср. кастамунийские *daš, dutmak* (Thury, стр. 12), трапезунтское — даш (Писарев, op. cit., стр. 174), кашкайское *дуз* < *طوز*, конийское *dutdum* (Giese), там же в фольклорной записи *داغى داشى* (Хлѣбатов, стр. 183), дарак (Гордлевский, Образцы, стр. 11) вл. лит. тарак, дакыјор (ib., стр. 94) вл. лит. такыјор, дакарым (ib. стр. 142) вл. лит. такарым, дашыјор (ib. стр. 92) вл. лит. ташыјор, даушан (ib. стр. 155 вл. лит. тавшан;¹ северно-сирийское *dut* (Littman), допраклары (Мартинович, Сказка). Уклонения в обратную сторону встречаются прежде всего в Румелии (Foу, Aid. Тк. стр. 299) и в *Ada-kale: turlu* (Kúnos, op. cit. стр. 3), *таһа* (ib. стр. 6, 8, 11) < *دها*, *tene* (ib. стр. 7) < *دانه*, *tellal* (ib. стр. 10), — форма, принятая и в разговорной стамбульской речи, — *testisini* (ib. стр. 34) вл. лит. *дестісіні* и др. В малоазватских диалектах эта черта носит спорадический характер: *толсун* (Гордлевский, Образцы, стр. 141) вл. лит. *долсун*, *турдукча* (ib., стр. 149) вл. лит. *дурдукча*, *тојур-рур* (ib., стр. 151) вл. лит. *дојурур*, *толу* (ib. стр. 148) вл. лит. *долу*, *тајанырым* (ib., стр. 148) вл. лит. *дајанырым*. По замечанию Максимова, константинопольскому «д» соответствует «т» в Худавендгяре и Карамании (op. cit., стр. 45); в армянско-турецком соотношении между «д» и «т» обратно пропорционально константинопольскому: *столичное д > т* и *т > д* (Kraelitz, op. cit., стр. 20). Интересно, что чередование глухого и звонкого «т» и «д» в одних и тех же словах составляет отличие армян-

¹ Ср. «т > д» в середине слова: *едрафы* < *етрафы* (ib., стр. 124).

ских диалектов (кавказских от стамбульско-европейских); поэтому последнее обстоятельство следует учитывать при анализе транскрипционных текстов: известно, что это обстоятельство сбилось с истинного пути Г. И. Рамштедта, разбиравшего монгольскую фонетику по вокабулам, написанным по-армянски. Греческая транскрипция в этом вопросе так же мало надежна: греки всюду предпочитали τ, так как свою δ (дельту) воспринимали в качестве спиранта (см., впрочем, Ronzevalle, op. cit., 280—83). — Колебание «д» и «т» в Anlaut'e, отраженное в рукописях (Смирнов, Calerinus, стр. 29, Мартинович, Султ. Вел., стр. 5), было отмечено еще давно: ср. Viguier, op. cit., стр. 54, Pfizmaier, op. cit. стр. 198, и словарь Даничић'а (passim), заключающий в себе старые сербские заимствования из турецкого. То же указывают и новейшие сербские турцизмы. Из специальной литературы см. «Араб-филолог» Мелиоранского (Anlaut); Houtsma, ZDMG, B. XLIII, стр. 75; Deny, Gr., § 82; Jacob, Vulg. Tk., стр. 713; Foy, Aid. Tk., 298—301; Ашмарин, op. cit., 37.

В исходе слова наблюдается нормальный переход «д > т», что иллюстрировано в «карамалицком» тексте так: аармут < армут при $\sqrt{\text{армуд}}$ آرمود , ёвлат < евлат при $\sqrt{\text{евлад}}$ اولاد .

В противоположность азербайджанскому языку, где конечный «д» сохраняет звонкость (см., например, Ашмарин, op. cit., стр. 18 и 37; Foy, Azerb. St., стр. 190), османские диалекты, по общему правилу, разделяют эту особенность литературного языка, отмеченную даже в обычной орфографии: ср. سرت из سرد по د. غ. , стр. 137. Вот некоторые примеры: met < مطح (Bonelli, Treb., стр. 79), murat (Räsänen, op. cit., стр. 235), Rešit (Bonelli, Volg., стр. 321) < رشيد ḳiḷi't (Räsänen, стр. 8) < كليد ḳeḷi'e.t (ib. стр. 7) < جلاد ḳümb'e't (ib., стр. 11) < گنبد ferha't (ib., стр. 13) < فرهاد (та же форма в сербских турцизмах); рукописное درت вм. درد см. у Смирнова (Calerinus, отдел о фонетических особенностях рукописи). См. Deny, Gr., § 84. Глухой исход (с «т») по аналогии сохраняется и перед гласными или звонкими согласными, о чем говорят такие «карамалицкие» формы: вицугу < вүцүдү при вүцүт وجود , сутуде < сүдү-де ده при сүт سود Ср. евлатлар (Гордлевский, Образцы, стр. 144).

Перед звонкими согласными аффикса конечное «т» корня не озвончается, а согласные переходят в mediae lenes:¹ etdii (Bergsträsser), alet-де при آلت ; то же наблюдается и в азербайджанском языке (Ашма-

¹ Повидимому, mediae lenes отмечены Куношем в интересных, напоминающих орхонские, формах: evlentirejim (Ada-kale, стр. 8), cjantyralum (ib., стр. 8), cjantyrijler (ib. стр. 9).

рин, op. cit. стр. 37, Foу, Az. St., 165). Большинство исследователей османского языка пишет однако здесь «т+т» (Räsänen, стр. 14 dert-tir < درددر; Ковальский, Volkslieder, стр. 192: gittm < کیتدم; Гордлевский, Образцы. стр. 11: gitti > کیتدی), что менее точно, чем обозначение Bergsträsser'a («тд»).

В абсолютном исходе (особенно после «с») «т» в разговорной речи и диалектах отпадает. В «карамалицком» тексте примеров на это нет. Вот примеры из других источников: پوست بيق из بيق پوست (д. стр. 70), aptas (Giese) < آبدست, дос (Гордлевский, Образцы, 113) < دوست, یادس, при بادست (д. стр. 198). Промежуточная стадия, повидимому, отмечена кашкайской формой (Ромаскевич, op. cit.) дүсс < دوست; ассимиляция st > ss давала долгий «s̄», который в абсолютном исходе сокращался в простой: abdest > abdess > abdes̄ > abdes, а в Inlaut'e мог удерживаться: ср. кашкайское үссүндә < اوستنده. По аналогии с утраченным «т» в абсолютном исходе, возникали такие формы, как дослар (Гордлевский, Образцы, 113) < достлар, abdesini (Ковальский, Volkslieder, стр. 176) < abdestini, دولار (Филоненко, Кр. песни, стр. 2) < دوستلار.

§ 19. «п» и «б».

Появление звонкого «б» (< «п») в Anlaut'e также считается признаком южно-турецкой группы, поскольку она здесь отклоняется от общетурецкой схемы. Нужно сказать, что признак это мало характерный, так как некоторые языки иных групп обратили в «б» всякое начальное «п» (например, башкирский язык). В османском имеем довольно пеструю картину с преобладанием «б»; ср. Foу, Aid. Тк., 301—302. Само собою разумеется, что диалекты и в этом отношении часто отклоняются от нормы литературного языка.

В «карамалицком» тексте имеем: паак < пак پاك, пек < пек پك, пазар < пазар ~ базар, паае < пая'ы ≠ лит. бая'ы باياغى.

Примеры из диалектов, где процесс «п > б» идет дальше литературного языка: конийское (Giese) bekmez ~ лит. pekmez, barmaqsz (ib.) ~ лит. parmaqsz; бабыч (Гордлевский, Образцы, 108) ~ лит. папуч, бшмш (ib., стр. 16) ~ лит. пшмш, кашкайское (Ромаскевич) бштт' ~ осм. лит. пшті. Обратное явление наблюдается чаще: ср. кастамунийские формы: palta (Thury, op. cit., стр. 13) ~ осм. лит. balta, pahar (ibid.) ~ осм. лит. bahar ~ behar بهار; в районе Кутахьи отмечены: pürüdü (Kowalski, Piosenki, стр. 346) ~ осм. лит. bürüdü. Ср. о том же Максимов, op. cit., стр. 44—5. О румелийской тенденции «б > р» говорит Foу, Aid. Тк., 302; ср. примеры из Куноша: püse (Ada-kale, стр. 1) < بوسه, pinerek

(ib., стр. 4) < بيندرک, там же pinejler (стр. 3), pinersin (стр. 2), pintür (стр. 33), piner (стр. 71). Форма «паха» из «баха ~ бега» отмечена еще у Meninski (op. cit., стр. 134). Ср. также Блац, стр. 22; Foу, Azerb. St., стр. 189; Jacob, Vulg. Tk., стр. 713; Deny, Gramm., § 82.

В абсолютном исходе «б» > «п», ср. карамалицкое шорапъ < шарап при شراب, откуда возникают аналогические формы: касап-ларъ < касаб-лар قصابلر.

Параллели к этому легко подыскиваются почти во всех османских диалектах. Особо отметим северно-сирийское (Littmann, Kel. Sz., II, 146): ja gar < ja rabbi يا ربي.¹

В случае сохранения «р» (< «b») перед следующим звонким аффикса последний обращается в media lenis (ср. у Bergsträsser'a, op. cit., стр. 261—262: gögürpürür или обратно: gögübdürür), но примеров на это карамалицкий текст не дает. Пример на озвончение «п» перед гласным: каиболдун < кајп || олдун غائب اولدك.

§ 20. «р» и «л (l)».

Отдел «р» иллюстрирован прежде всего интересным примером: пазръ гюнѣ < пазар г'уну بازار کونی.

Пример этот говорит о возникновении слогового «р» (ɾ),² о возможности для сонорных согласных стать слогаобразующими; см. у Ковальского, Volkslieder, стр. 170, его же примеры (стр. 218): zijandr < zijandır и jaziktr < jazik-tir (jazikdir).

Об артикуляции османского «р» см. Bergsträsser, op. cit., 251, а также мою статью «On the Pronunciation of the Common Turkish „R“» (JRAS, 1927, July). В азербайджанском языке редуцированное «г» (ɾ) отметил Ашмарин, стр. 22. Все эти источники говорят о слабых вибрациях при произнесении «р» и о склонности его к редукции в закрытом неударном слоге (bišej из biršej — Kúnos, Ada-kale, стр. 13, 20 и др.) и абсолютном исходе (dijo вм. dijor, Kowalski, Piosenki, стр. 348). О том же говорят и источники, пользующиеся туземной орфографией: د. غ. سرپکن из سرپکن (стр. 136—137); ويرى вм. بالواری и ويرر. د. غ. سرپکن дает в соответствии с местным выговором خلیات, стр. 204. «Карамалицкие» примеры: гюрѣсьнь, гелилеръ, гирелеръ, вурусьнь, аетлавер آبرتلانیر и др.

Помимо редукции, турецкое «р», повидимому, было склонно к палатализации: так, в кашкайских текстах нормальный звук «ы» после «р» за-

¹ В Inlaut'e ср. «карамалицкое»: теспехларе < تصبیحلری; в азербайджанском слово это встречается в форме: тасвіх.

² Имеется также форма: папзларда < پاپازلرده, т. е. «папзларда» со слоговым «з».

меняется через «i», см. у Ромаскевича: gullâri, jullarî, но мамаларбѣ; в языке бессарабских гагаузов палатализованное «р» (по обозначению Мошкова «r̄») — обычное явление. Повидимому, такое же «r̄» существовало и в «карамалицком» говоре, где часты сочетания «r̄ + i» (< r̄ + y) при наличии звука «ы». См. об этом в отделе «ы».

Диссимиляция «р», т. е. замена его через «л (l)» наблюдается в «карамалицком», как и в других языках: селви < вульг. selv ≠ лит. سرو, дилдиль < dejil-dir, мехлемь < melhem ≠ лит. мерhem مرهم. Обратный случай: саварсынъ < савалсын صاغالسون.

Те же метатезы наблюдаются в сербских турцизмах и во многих османских диалектах: ср. кастамунийские формы: küplü < کوپری, tülbe < ترابه, teşekkül < تشكر (Thury, op. cit., 14); трапезунтское älmäni (Писарев, op. cit., 714) вм. ärmäni; melhem < مرهم (Giese); Максимов, op. cit., 53—54 и 62—63, Blau, op. cit., 30b, Jakob, Vulg. Tk., стр. 713 (bilader < برادر, selvi < سرو), Denu, Gr., § 70 rem., Kraelitz, op. cit., стр. 18. Ср. также: k'ult'aralshn (Räsänen, стр. 109) < قورنارهلم, кашкайское шikōlini < شكارینی, ceilä < سيره, gulgesinde (Kúnos, Ada-kale, стр. 5) < كولكسنده, окуллар¹ (Гордлевский, Образцы, стр. 107), шерварында (ib., стр. 155) < شلوارينده и формы, засвидетельствованные турецким текстом: بلغور из بورغول (د. غ., стр. 62), جيلان из جيران (ib., стр. 100), آلمومبه из итал. tromba (ib., стр. 154), عليلقان بزى из выражения: آمريقا بزى (ib., стр. 159).

Как справедливо заметил Bergsträsser, в «ll», полученном из «tl» первый «l» не чистого качества, а звук, переходный от «г» к «l».

Звук «l» в османском, как и в других турецких, по общему правилу, бывает велярным (русск. «л», польск. «ł») и переднеязычным латеральным («l»). В частных случаях между ними возможны переходные ступени: один такой звук, лежащий между «л» и «l», Мошков (op. cit., стр. XXX) устанавливает для одного из гагаузских селений; у Ашмарина для Нухи — λ (op. cit., стр. 22).

В качестве редукции «л (l)» Bergsträsser приводит слово: ĩk < ايلك; из «карамалицкого» текста можно было бы привести: насъдъръ < ناصلدرد (т. е. nās^l из ne + as^l и далее nāsə).

При встрече с предыдущим носовым, «l» ассимилируется ему: напр., n+l > nn, но l-й «n», как отмечает Bergsträsser, — звук смешанной артикуляции, соединяющей затвор между кончиком языка и передними зубами (как при «n») и соприкосновение средней части языка с твердым

¹ Подобные же формы в говоре Эски-шехира (Мартинович, Сказка): варыллар < واررلر, işidillär < ايشدرلر, галаллар < قالبلر и т. д.

небом (как при «l»): онарын < оннарын < онларын; в форме чатанларда < чатал-ларда имеем случай диссимиляции.

Закон ассимиляции и диссимиляции «l», подмеченный еще Viguiер (стр. 53: onnar, dinnemek), представлен во многих диалектах: annar (Kúnos, Rum., стр. 71) < آنلر, gunner (Giese) < گونلر, ganni (Räsänen, 21) < قانلی, bozanna.r (ib., стр. 58) < بوزانلر, jazanna.r (ib., стр. 58) < بازانلر, dinnemek (Kraeletz, op. cit., стр. 17), канны (Гордлевский, Образцы, стр. 118) < قانلی. Ср. Максимов, op. cit., стр. 48—49; Blau, op. cit., стр. 32; Jacob, Vulg. Tk., стр. 715; Deny, 189 add. Ср. также гүннүк (Гордлевский, Образцы, 146) и эски-шехирские формы: јанныз (< јалныз < јалбыыз بالکر), буннар < بونلر, гәлсүннәр < گلسونلر, динәмәди < دیکلهمدی (Мартинович, Сказка). Помимо частых ассимиляций, плавные склонны вызывать метатезы отдельных слогов, ср. Foy, Azerb., 180. Ср., например, северно-сирийское mahraба < مرچبا (Littmann, Kel. Sz., 148); erbišim < ابرشيم, torraγy < طوپراغی, revram < پروام, devriš < درويش (Giese), möršebe < مشربه (Bonelli, Treb., стр. 66). Перестановка «r+l» отмечена в одном сирийском говоре турецкого языка (Hartmann, Kel. Sz., стр. 155). См. еще эски-шехирское: ысмаралдык < اصارلادق (Мартинович, Сказка).

§ 21. «м» и «н».

«Карамалицкий» текст отмечает различного рода ассимиляции и диссимиляции носовых, которые обычны и в других диалектах.

бәмъ < бін, цънбушлерде < цумбушларда, даанаманда < дајанамам-да, узумъ < узун, ташиальнъ < ташыјалым, леакъмъ < lakin لكن. Jacob (Vulg. Tk., 715) считает «н > м» особенностью вульгарной речи. Ср. jalym (Kúnos, Ada-kale, стр. 5) < بالين, étmen < étmem (Kovalski, Volkslieder, стр. 178). Переход šindi < šimdi указан еще Viguiер (стр. 53). В Карамании и Худавендгяре начальное «н» спорадически дает «м» (Максимов, op. cit., стр. 55); в Карамании «м > н» (ib., стр. 48—49); о «Permutation» в армянско-турецком см. Kraeletz (стр. 18). Bergsträsser (op. cit., стр. 251) отмечает склонность «н» к редукции и назаливанию предшествующего гласного (insaⁿlaga, buⁿdan, aⁿlamaq), а также переход «н» в «м» или «ң» перед согласным соответствующей категории. В «карамалицком» тексте подобных случаев не отмечено.

Особый случай: болблăсьнъ < булунасын بولونه سك.

§ 22. «к».

«Сагыр нун», или заднеязычный носовой, сохраняя свое качество в других турецких языковых группах, в южной и, именно, в османском

языке¹ подвергся особому процессу, в результате которого в литературном османском языке всюду на месте старого «ң» имеем переднеязычное «н». В диалектах этот процесс далеко еще не закончен, что позволяет нам видеть его промежуточные стадии. Отметим также, что некоторые диалекты вплоть до последнего времени оставались чуждыми этому процессу изменения.

Вот примеры на «ң» из «карамалицкого» текста:

денизь < деніз < *деңіз *دکر*, каинатень < ka'in ата-н < *ka'in ата-ң *آناک*, оунунден < öñүнден < *öңүнден *اوکنден*, чеене < чене < *чеңе *چکه*.

Из диалектов «ң» сохраняется в Айдыне (Foу, op. cit., стр. 286 сл.), в Карамании и Худавендгяре (Максимов, op. cit., стр. 40—41), в боснийских говорах (Blau, op. cit., 34 b и c), в Конии (Giese). В восточно-анатолийских диалектах (Räsänen) и в Македонии (Ковальский, введение к Volklieder) появляется в комбинаторном положении. В армянско-турецком «ң» нормально дает «н» так же, как и в сербских турцизмах.

«Карамалицкое» начертание ёнксеръ < енсер < *еңсер *اکسر* и анги < *هانگی* иллюстрирует нам случай разложения «ң» на составные элементы: «ң = н + г». Отсюда в дальнейшем могут развиваться соотношения: «ң = г» (ср. JA, 1926 avgil-jün, стр. 345)² и «ң = к (к')», как наблюдается в отдельных словах в Худавендгяре (Максимов, op. cit., стр. 41).³ Повидимому, «н» развилось из «ң» путем переходов: ң > нг > нг' > н' > н.

Замена «ң» через «нг» частично наблюдается в Боснии (Blau, op. cit., стр. 34a), в армянско-турецком в изолированных словах: *anglamak* *آكلامق*, *songra* *صوگره* (Kraeltitz, op. cit., стр. 22) и в сербских турцизмах: *jenђи* (< *jenђи*) < *jәңі *یکی*. Общевропейское слово «янычар» было заимствовано, очевидно, после перехода «ң > н», а переход этот, судя по тексту Геннадия Схолария, начался еще до взятия Константинополя турками.

«Карамалицкая» форма *сора* < *сора* < *сонра* < **соңра* *صوگره* отражает разговорное или вульгарное произношение этого слова (через ступень «со^пра» — см. у Bergsträsser'a, op. cit.); та же форма у гагаузов (Мошков, словарь к текстам, стр. 89); Räsänen (op. cit., стр. 23) — *sōra* — для говора Ризе.

¹ В крымских и большинстве азербайджанских диалектов по общему правилу — сохраняется; у гагаузов — в комбинаторном сочетании, обычно же — простое «н». По мнению Фоя (Südt., стр. 166), в Азербайджане, как и в Румелии, мы обычно имеем «н»; «ң» выступает спорадически в некоторых диалектах.

² См. там же указание на то, что «ң» представлен в южно-бережных крымских говорах в двух степенях — более сильной и более слабой.

³ В трапеузнтском диалекте (Писарев, op. cit., стр. 174) заменой «ң» является также «в»: *жалавуз* *جالاڤوز*, *гөвүл* *كوكل*. Помимо этого «ң» там может сохраняться в ряде слов, а в ряде других дает «н».

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Карамалицкий» текст по солунскому изданию 1841 г. (см. Введение).¹

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
1а. алаҳъ	الله	ѡдѡлара	اودونلره
ѣтмышъ	ایتمش	кавакъ	قواق
гиоѣюсъ	كوك بوزی	зезілъ	³. . .
ѣрь	یر	селѡ	سرو
ѣюнешъ	کونش	крѡнѡдѡнъ	⁴بران اودون (?)
аѡн	آی	башкада	باشقه ده
ѡлѡдѡлари	یلدیزلری	бѡлѡнѡръ	بولنور
сѡра	صوکره	ѡрманда	اورمانده
сѡилемишъ	سویلمش	гене варъ	ینه وار
деніъ	دنز	даѡда	طاغده
ѣѡлара	کلره	ѡвада	اووه ده
дѣренлере	دره لره ^²	башка ѣредѣнъ (sic!) ^⁵	باشقه بردن ^⁵
чикармышъ	چیقارمش	гѣне	ینه
бѡлькъ	بالق	ѣкмишъ	اکمش
ѣлѡнбалькъ	یلان بالغی	чечекларе	چичکلری
гене солемышъ	ینه سویلمش	ѡтлара (sic!)	اوتلری
чикармышъ	چیقارمش	ѣсылъ	یشیل
юкѡри ѣрде	یوقاری برده	ѣсерганъ	اصرغان
битѡнъ ѡдѡларѣ	بتون اودونلری	битѡнъ Олѡлѡръ	بتون اولدیлер
варъ ѣрде	وار برده	ѡ сѡничинъ (sic!)	انسان ایچون
1б. дѡлѡ	طولو	гене сѡра	ینه صوکره

¹ Болгарская и греческая версии нами опускаются; транслитерация арабско-турецким алфавитом принадлежит нам. От разбивки содержания на отдельные отрывки, сюжеты которых сменяются без всякой логической связи, мы, по примеру издателей других параллелей «Книги», отказались, и текст приводится, как он есть в подлиннике.

² Скорее эта форма с лишним «н» в оригинале, чем *درینلره*, что допустимо, но не подтверждается в болгарском и греческом. Возможно, что здесь контаминация этих двух слов.

³ По параллельным версиям — дуб.

⁴ По болгарской и греческой версиям — сосна (ср. монгольское и татарское название сосны).

⁵ Синтаксически мы предпочли бы форму *یرده*.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
2а. генè шлмьшъ	ينه اولمش	чшкъ семышъ	چوق سومش
хавиванларъ	حيوانلر	ачан верелеръ	هاچان ويررلر
ѣбанларъ	بيانلر	сѣтъ емъ ѣпак	سوت هم يپاق
гене шнларданъ	ينه اونلردن	бѣнь шрданъ (sic!)	بونلردن
шрларанданъ ¹	اونلрندن	шлѣръ	اولور
ѣерлеръ	يرلر	сѣа емпеніръ ¹	صای باغی هم پنیр
бѣзъсè ишлеръ	بعضیسی ایشلر	имансызъ ⁴	(?)
безѣм ѣхмездан ²	بزم ایشمزدن (?)	емъ матанъ	هم ماتان
ѣсланъ	آرسلان	генè даай	گنه دها ایی
кѣртъ	قورت	ѣпасьнь	یاپهسک
аіи	آیو	гемеклькъ	بيکک
ѣждерга	اژدرها	инектѣнь	اینکدن
тижкѣ	تلکی	сѣсѣрданъ	صو صغرندن
ачанъ чекажѣкъ	هاچان چيغهچق	нè шлмьшъ	نه اولمش
Онѣн (sic!) ѣтаандан	اونڭ	гюзѣлъ	کوزل
	یا تااغندن	бегірлері	بارکیرلری (بيکیرلری)
даргын вѣр (sic!)	طارغین وار	3а. кѣстракларѣ	قیصراقلری
ѣдамѣ	آدمه	ѣшекларѣ	اشکلری
дѣнерлеръ	دونرلر	катерларѣ	قاطرلری
вакѣтъ	وقت	ѣкышыръ	یاقیمشیر
бѣзаѣакларъ	بوزهچکلر	кави	قوی
генè ѣлмахъ	ينه الله	нè гитерѣръ	نه گیتیرور
гюзледыръ ³	کوزهدر (?)	ѣзактѣнь (sic!)	اوزаقدن
2б. кѣчлары	قوچلری	терекѣ	ترکه
коюнлары	قویونلری	бшидѣ	بغداي
кечелары	کچیلری	чавдѣръ	چاودار
кѣзларъ	قوزولر	каланбѣкъ (sic!)	قلیبک
кечі	کچی	нè гитѣрдѣлѣръ	نه گیتیرорлر

¹ Это, повидимому, усиленное аффиксом повторение предыдущего слова в других текстах (болгарский, греческий) отсутствует.

² Или *عیدمزدن (?)*. В болгарской параллели: *зѣ напшет іхтіза* (для наших потребностей).

³ Повидимому, контаминация с *کوزله مک*, повторяющаяся в тексте.

⁴ Слово неясного значения. В болгарском ему соответствует: *ѣрда*, в греческом — *мезиера*.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
та́шъ	طاش	ѡкюзлѣръ	اوکوزلر
ѣсѣта́шъ	یاصی طاش	гидерлѣръ	کیدرлер
тѡпракъ	طوبراق	сѣрерлѣръ	соррлер
кирѣчъ	گرج	ѣксънлѣръ	аксонлер
дѣми́ръ	دمیر	былбыль	بلبل
ѣнксѣръ	اکسر	кърлангъчъ	قرلانغچ
ѡнсѣсъ	اونسن	4а. ѣзынь	язин
ѣсемѣъзъ	یاشامیز	ѣтерлѣръ	отрлер
таѣкларъ	طاوکلر	пѣкъ аїлѣ	پک اعلا
ачан доѣрѣларъ	هاچان طوغورلر	кѣкѣ	قوقو
36. ѣмѣрта	یسورطه	салтѣчанъ (sic!)	صالت اوج ای
пили́чь	پلیچ	бозъ варъ	بوغاز وار(?) ³
севенерлѣръ	سونرلر ¹	сбна данѣ	صوکره دن(?)
хорѡс	خروس	кальръ	قالیر
ачанъ баары́ръ	هاچان باغرر	гюверциклеръ (sic!)	کورجینلر
ѣры гедѣдѣ	باری کیجه ده	паакъ	پاک
калѣръръ	قالدرر	дѡѣрѣларъ	طوغورلر
ѣркеклеры	ارککلری	чѡкъ деѣа	چوق دفعه
криларадѣ (sic!)	قاریلری ده	їленадѣкъ	ایلنه دک ⁴
тѣтѣнсѣнлѣръ (sic!)	طوتلسونلر	кеклькъ	ککلیک
їштѣнь	ایشدن	ачанъ отерѣръ	هاچان اوطورر
ѡнарън не вѣръ	اونلرک نه وار	каѣсте	قفسه
ѣкль	عقل	їшла ѡѣтеръ	اصلاح اوتر ⁵
ѡѣрмазларъ	اوطورماзлر	северда	سورده
гѣчъ ²	هیچ	їшиденмъ	ایشده یم ⁶
ѣлмасънлѣръ (sic!)	آلماسونلر	ѣалѣмъ	عالم

¹ По смыслу других параллелей текста (болгарская, греческая) следовало бы: сондэрлер.

² Слово *هیچ* не подходит по смыслу; в болгарской параллели против него стоит: бѣзъ рѣботе, в греческой — ἄργη.

³ По смыслу лучше бы подходило: بوغازی.

⁴ Здесь «азербайджанская» (редкая в ново-османском) форма вместо *بییل*.

⁵ Нормальное отпадение «h» и произвольная замена «с» через «ш». اصلاح в значении *اعلا* (ср. обе других параллели) часто попадает в текстах *Ada-kale* (Κύπος) под формой: *ysla*.

⁶ По другим параллелям, здесь 3-е лицо (подлежащее *عالم* — все); следовательно, надо: *ایشده* или *ایشده*.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
атмаза ѓтеръ (sic!)	آتمهه اوچار	зиан ѓдерлеръ	زيان ايدرلر
пѣкъ юкары	پك يوقارى	каранѣа	قارنجه
46. тѣтардà	طوتارده	чѣок замѣт ѓдер	چوق زحمت ايدر
канатлары	قانادلرى	керенти таплар	قىزنتى تاپلار
ѓзанмишъ	اوزانش	бешленсьнъ	بسلسون
лелеклѣръ	لكلكلر	ачанъ къштеръ	هاچان قيشدر
ѓлкѣазъ	ايك ياز	саѓктà	صوق ده
гелилѣръ	كليرلر	гювѣ	كووه (كوكه)
анарларда	آكارلرده	ѣръ	ير
къшъ	قىش	чшалары	چوقهلىرى (چوخهلىرى)
гачарларъ	قاچارلر	ѣспапларѣда	اثنوابلىرى ده
анадолдà	آناطولوده	пазръ гюнѓ	پازار كونى
каазларъ	قازلر	леазъмъ	لازم
шрдеклѣръ	اوردكلر	намозà гидѣсьн	نمازه كیدهسك
ашрдерларъ	آغير درلر	пазаръ ѣртесѣ	پازار ايرتەسى
чѣкъ деѣадà	چوق دفعه ده	саленасьнъ	ساللانەسك
сѣдердорѣларъ (sic!)	صوده طوررلر	56. ѓшллà	يوله
кѣсларъ	قوشلر	саалегинѓ	صالى كونى
кичѣктеръ	كچوكدر	чаршанбàда	چهارشنبه ده
кшландѣ	قولای ده	дикѣсьнъ	ديكەسك
тѣтлѣръ	طونلور	генъмшъ болѣ-	كىينمش بولو-
карга	قارغه	лãсьнъ	نهسك
5а. сѣахтеръ	سياه در	персѣнбѣда	پرشنبه ده
беслемездà	بسلمز ده	ѣзмагада	جمعه ده
ѣврлары	ياورولرى	ѣзма ѣртесевѣдà (sic!)	جمعه
сезесьнънъ ¹	?		ايرتەسنى ده ²
шаръ	اويار	топлаасънъ	طوپلايهسك
синекта	سينك ده	зерѣ	زيرا
ѣре гирелѣръ	يره كيئرلر	бнтѣнъ аичѣнъ	بتون آى ايجون

¹ По болгарской и греческой параллелям слово это, оставшееся неразгаданным, означает: жук.

² Синтаксический анаколуф.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
боелеледà (sic!)	بويله ده	сежакъ мánце	صباچاق مانجه
блєнѣрсьнъ	بولونورسك	ҳастеларà	хسته لره
даймà зєнгінъ	دائما زنکين	àлла раҳмєт єллє	الله رحمت ايله يه
ѣмєрь биргарє (sic!) ¹	هم هر بر کره	бабаларьнзà	بابالركزه
ѣрьзлї	عرضلى	блдѣр єм бѣсенє	بلدیر هم بو سنه
Отанъмамьщà ²	اوتانمیش ده	ѣмышлерє	بیشلری
дѣрѣрсьнъ	طوررسك	ωльмышъ	اولمش
àчàнюртєєдєрсьн	هاچان یورطی	ѣрбергерє	هر بر یره
	ایدرسك ³
ѣйдеръ	ای بدر	6б. леакъмъ	لا کن
пєєрїс адерсьнъ (sic!)	پرھیز	пєкъ паає ⁴	پك باياغی
	ایدرسك	дѣрмышъ	طورمش
бїрь афтà	بر هفته	терекьдє ⁵	ترکه ده
6а. верєсьнъ	ویرسك	агларларда	آغلارلرده
кїωрлерє	کورلره	кичѣк вє бїѣкъ	کچوک و بیوک
єкмєк єм манцà	اکهک هم مانجه	ничьн аачтьрь	نیچون آچدر
садѣка верєрєсьнъ (sic!)	صدقه	ѣмъ юктеръ	هم یوقدر
	ویرسك	нє илен сатьнъ	نه ايله ساتون
факѣралерє	فقره لر	алсьнлãрь	آلسونلر
нєкадãрь	نه قدر	кичѣкъ чєѣклãрь	کچوک چوققلر
кѣветьн вардєрь	قوتک واردر	баьрьлãрь	باغرلر
ачãнъ корсьнъ	هاچان قورسك	гїωктє кадаръ	گوکده قدر
софраї	سغره یی	нїчин иштерлеръ	نیچون ایسترلر
давєть єдєсьнъ	دعوت ایدهسك	бешлемєкъ	بשמک
акрабаларà	اقربالری	вермєзда	ویرمز ده
комшелãра	قومشولری	иць кимсє	هیچ کیمسه
иωлаасьнъ	یوللايهسك	вãрдєрь	واردر

¹ Сочетание هر بر, невозможное в литературном османском, для «карамалицкого» синтаксиса допустимо.

² Болгарское щ указывает на произношение: ш + т.

³ Эта строка во всех трех параллелях стерта при печатании до неузнаваемости.

⁴ По другим версиям, «дорого» دیهالی, т. е. «карамалицкое» паале < паалы.

⁵ Буквально передает местный падеж других параллелей. Поэтому слегка ослабленное неударное «е» (терекедє) передается через «ь», иначе — терекє.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
йкй баъ	ایکی باغ	сатын алаимъ	ساتون آلہیم
долѣдрда	طولودر ده	бйръ дъзы	بر دیزی
йзѣмдѣнь	اوزومدن	тазѣйнцирлердѣнь	تازه انجیرلردن
саалтъ	صالت	гютѣраимъ	کوتورهیم
7 а. даъ гетішмеме	دها يتشمه(?) لر ¹	та йфамда	طائفهم ده
л-р		ѣсьвлѣръ	يسونلر
беклемекъ йстеръ	بکلیک ایستر	алацаимда	آلهجهم ده
ѣтишенѣ(sic!) кадар	يتشجه به قدر	зетин танесѣ	زیتون دانهسی
ѣй	ای	мѣрѣмѣкъ вѣнаут(sic!)	مرحک و نخود
ѣзаманда	اوزمان ده	фасѣлда саламъ(sic!)	فصولیه ده
татле олѣнжа	طانی اولجه		صاغلام
йштеръмъ	ایسترم	бѣлѣнсѣн	بولونسون
йслатаимъ	ایصلاتهیم	пейріс гюнлердѣ(sic!)	پرهیز کونلرنده
па . . . тай ²	?	юртѣларда	یورطیلرده
фѣчиларедѣ	فوجیلری ده	йчъ меелимъ(sic)	ای میهلم
вѣчин долѣдрацаим	نیچون	чѣкъ шарапъ	چوق شراب
• юкарі кадър(sic!)	طولدرجهم	достларъ докъ	دوستلره دق ³ (?)
аѣан каинаѣакъ	یوقاری قدر	хашта адамъ	خسته آدم
къркъ гюнъ	هاچان قاينا بهجق	северса	سورسه
йшѣрим атаймъ	قرق کون	йлачъ(sic!) ласънь	علاجلاسون
пешенкі шорапъ	ایسترم آنهیم	ѣмень(sic!)	ییمیک
бйръ фѣчидә	پشینکی شراب	ѣвѣсь	جويز
чѣктим пазарда	بر فوجیده	8 а. фѣндѣкъ	فندق
вѣ гиордѣмъ	چيقدم بازارده	ѣръсьнь	یرسک ⁴
чок калабалькъ	و کوردم	бадемъ	بادم
йнсанларданъ	چوق غلبهلق	аармѣт вѣ ѣлма	آرمود و الما
7 б. шашмишимъ	انسانلردن	бекленсънда	بکلنسوند
шѣнде йстеръм	شашمیم	кестенедънь	کستانه دن
	شمدی ایسترم	хѣйрданъ	خیاردن

Одна буква в оригинале стерта. Вероятно, يتشمشله.

² Точно прочитать затруднительно: в других параллелях соответствующего слова нет.

Скорее это болгарское — докъ, чем турецкое دق, плохо укладывающееся в контекст (болгарская параллель — со прѣтилите, греческая: με τες φίλους).

⁴ По контексту следует: یسون.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
каџилардџанъ	قاوونلردن	йнлѣсьнъ	ايليهسك (?) ⁸
карпузлардџанъ	فارپوزلردن	башьнѣ	باشكى
ничен бунлар битџн ¹	نيچون بونلر	џашпѧ	آشاغى
џенѧ ѣдерлѣр	بتون	битирѣсьнде	بيترهسك ده
сџанлѧръ	فنا ايدرلر	џшмерсьни (sic!)	ايشلركى
прасалѧръ	صوغانلر	кѣндинъ	كندرک
џмџшѧк ѣдерлѣр	پراسهلر	кинордѧ (sic!)	کنارده
гџюксѧ	ييموشاق ايدرلر	дениздѣ	دکزده
сежѧк ѣдерлѣрда	کوکسى	бѧлдѧн (sic!) бѣр гемѧ	بولم برکمی
ведџѧтѧ	صباحق ايدرلرده	кѣролмьшъ	قيرلش
Саѧ ѣленъ	وجودى	9б. корктѧмдѧ	قورقم ده
тѧтѧсьнъ	صاغ ال ايله	ѧтайм волгаѧ	آتهيم اولتهبي
џней	طوتهسك	авлаѧмъ	اولايم
маказънда	ايکنهبي	бѣюкъ балѧкъ	بيوک بالق
сѧлеленда	مقاصى ده	џшеримъ гирѣимъ	ايشترم کيرهيم
8б. тѧтѧсьнъ	صول ال ايله ده	бѣръ каиктѧ ⁴	بر قايقده
кадаѧ	طوتهسك	гечѣимъ	کچهيم
кира седѣсьнъ (sic!) ²	قدحى	кѣнардѧнъ	کناردن
шерпѧ въ ракы	کراس ايلهسك ²	ѣтишеимъ	يتيشهيم
ачанъ северсьнъ	شراب و راقى	ѧакташлеремѧ	اياقاداشلرمه
Отѧрѧсьнъ	هاچان سورسك	юзѣимъ	يوزهيم
занаатѧ	اوطورهسك	бѣр ликтѣ (sic!)	برلکده
гезмеѣсьнъ	صناعته	кѧртѧлѧльмъ	قورтолلم
дѧюнлердѣ	کزميهسك	далгалардѧнъ	طالغهلردن
џоролордѧ (sic!)	دوکونلرده	рѧзарлардѧнъ	روزکارلردن
џьнбѧшлердѣ	خورالرده	ѧкьлы	عقللى
тѧркюлердѣ	جنبوشلرده	бѧилѣ ѣдеръ	بويله ايدر
	تورکيلرده	кѧртѧлѧрдѧ	قورتولور ده

¹ Синтаксис — не турецкий (см. Введение).

² Турецкие словари не дают выражения: кірас етмек — کراسى («угощать»), хотя это, по сообщению С. Г. Церуниана, весьма обычный грецизм в обиходной речи Константинополя.

³ По контексту глагол «склонить», но форма اكدهسك ejilésin означала бы только «склониться» (т. е. «ты склонись»); «склони» — اكدهرسك ejildiresin.

⁴ На употребление locativi в смысле dativi указано во Введении.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
ѣпсьндѣнъ	هپسندن	чѡкъ канъ	چوق قان
бахчъмдѣ варъ	باغچهمده وار	бѣрнѣмданъ	بورندن
бѣр ѣнцир аацѣ	بر انجير اغاجی	алдъмъ хекимъ	آلدم حكيم
бѣр жевѣс аацѣ	بر جويز اغاجی	дѣрдѣртъмьштѣ	طورد رتمش ده
96. бѣр аармѣт аацѣ	بر ارمود اغاجی	кааны	قانی
бѣр алма аажѣ	بر الما اغاجی	шимда арьрь	شمدی آغریر
бѣр кирѣс аажѣ	بر کراس اغاجی	бѣрь чеенѣ	بر چکه
Варъ	وار	бѣрь ладишъ (sic!)	برده دیش
чѡкъ аары	چوق اری	ѣпѣрѣм чекартераѣм	ایسترم
ѣдеръмдѣ	ایدرم ده		چیقارتدریم
чѡкъ бѣлъ	چوق بال	дѣлнамандѣ	طایانه مده
бѣлъмѣдѣ	بال مومی ده	аьрдѣнъ	آغریدن
сатаръмдѣ	سانارم ده	ѣтакта да бѣленѣрем	یاتاقده ده
ѣлиндѣ	ایلنده		بولنورم
бѣр кинардѣ	بر کنارده	ѣтъкъ (sic!) ³	باصدق
ала коръмда (sic!)	آلیقومر ده	гаѣтъ фенѣ	غایت فنا
кендеме ѣчинъ (sic!)	کندیبه ایچون	карьслѣнъ	قاریش ایله
шимдѣ кодъмъ	شمدی قومر	Оулчѣсьнъ	اولچه سک
ѣки ѣста	ایکی اوسته	пармакларьнда	پارمقلرکده
касьнларъ	қазсонлар	106. вѣрѣсѣ	اوره سک
ѣкѣ ѣвлѣкъ	ایکی اولک	дизѣнлинда	دیزکلده
гелмек ѣчинъ	کلیمک ایچون	тиверѣсьнъ	چویреск
чѡкъ сѣ	چوق صو	феналарѣ	فنالی
сѣлансьнъ	صولанسون	ачѣнъ аорьларъ	هاچان آغریрлер
бахчѣ	باغچه	гѣозлѣрь	گوزлер
башъмъ арьрь	باشم آغریر	аазъ	اغیز
10a. ничинъ вѣрдѣ (sic!)	نیچون اوردی	гѣоксѣзъ (sic!)	گوکس
бѣрь ѣхтиаръ ¹	بر اختیار	гѣобектѣ	گوبکده
юмѣрѣклѣнъ ²	یومروق ایله	кемиклѣрда	کمیکلرده
акъмьшдѣ	اقمش ده	дизлѣрда	دیزлерده

¹ В других параллелях здесь форма женского рода: ѣдна стара, мѣ герѣнтиса.

² Современному литературному: — ile в «карамалицком» всюду соответствует: — ile н.

³ В болгарской параллели отсутствует.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
кабаетлѣрда	قبا اتلرده	попарламѣк (sic!) ичѣн	طوبارلامق نيچون
тѡиѡкта (sic!)	طوبوق ده ¹	ѣпесѣ сачѣколтенѣ	هپسى صاچاق
сармѣсѣкѣ	صارمساق	(sic!) آلتنه	
ѣмеесѣнѣ	ييمهسك	сѡнада (sic!)	صوكرده
бѡилѣда	بويلهده	герсѣнлѣрѣ	كيسونلر
саварсѣнѣ (sic!)	صاغالهسك	Отѡрѡшта	اوطورشده
кѣмѣ северсѣ	كيم سورسه	11 б. дѡваетсѣнлѣрѣ	دعا ايتسونلر
ѣргюн гитсѣнѣ	هركون كيتسون	иѡптидаа	ابتدا
клисѣде	كليساده	коасѣн	قويهسك
леазѣмѣ	لازم	бѣр анѣ иѡзмекар	برهانكي خدمتكار
ѣллах коркѣсѣ	الله قورقوسي	сѡпѣрсѣнѣ	سوپورسون
11а. гѣтмесѣнѣ а	كيتسون آ	битѣн кенарларѣ	بتون کنارلري
бѡѡшѣ	بوش	пенѣерелерида	پنجره لري ده
ѣласѣн ² (sic!) балмѡму	آلسون بال مومي	ѣпиѣерѣсѣнѣ	ياپشدرهسك
ѣксѣнде	ياقسون ده	сѡилѣнѣ	صو ايله
перганбѣрнѣне	پيغبر اوكنه	кепектен	كپكدن
гетѣрсѣнде	كيترسون ده	ѣпецмасѣнлѣрѣ	ياپشмасونلر
папазѣ	پاپازه	ѣжемасѣнѣ	آجيهيهسك
литѡргѣа	لتوريه	ичѣн казанмеден	نيچون
дѡваетсѣнѣ	دعا ايتسون	қазанмадак	قازانماداك
ѣллаѣ	الله	бѡ сефѣрѣ	بو سفر
гюнахлѣр ичѣнѣ	كناهلر نيچون	ничин карда	نيچون كارده
ѣлсѣнда	آلسون ده	зарарда	ضررده
ѣндидорѣнѣ	آنديدورون	барабар юрѣлѣрѣ	برابر يورورلر
иѡсѡмада	اپسومه ده	сеѡесѣнда	سوههسك ده
чаанѣда	چاكي ده	ничѣнѣ	نيچون
вѡрасѣнѣ	اورهسك ³	бѡлдѣн ѣвени	بولدك اوكي
чекѣзлѣрленѣ	چكچلر ايله	битѣнѣ	بتون
ѣни	يكي	кѡртгармешлѣрда	قورتارمشلرده ³

¹ По другим параллелям здесь именно слово طوبوق.

² По болгарской и греческой параллелям «пусть он возьмет», т. е. آلسون.

³ «Карамалицкий» текст здесь можно прочесть: «кѡртгармешлар», т. е. قورتارمشلر.

Болгарское и греческое начертание совершенно стерты.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
12а. чѣѣклерѣнь	چوجوقلرك	Ѣкералерѣнь	فقره لرك
ѣстальктѣн	خسته لقتن	Онѣн ѣчинъ	اونك اچون
дѣвадѣн	دوغه دن	даарьльрь	طار لير
карьльрьнь	قاريلرك	ѣллахъ	الله
гелинлѣрда	كلينلرده	ѣзеть (sic!) ѣдѣрда	عذاب ايدرده
кѣзлардѣ	قيزلرده	ѣстальклѣрленъ	خسته لقلرايله
ѣшлѣкъ чексьнлѣр	ايبلك چكسونلر	апансьзлѣнь	اپاكسنز ايله (sic!)
тезгахлѣнь	تزگاه ايله	Оулюмъ]	اولوم
ѣ пейда (sic!)	اپ ابي ده ¹	ачѣнъ дѣшѣрь	هاچان دوشر
ѣпекъ	ايبك	гюнѣшъ	گونش
памбѣѣда	پامبوغی ده	ачѣсьнь]	آچه سگ
докосѣнлѣрь	طوقوسونلر	капѣларѣнь	قاپولرك ⁴
хърьсьзлѣрь	خرسزلر	берѣтленъ	باراته ايله
чѣларлѣр геѣѣлен	چالارلر كچه لين	бѣюлѣда	بويلمده
хѣиталардѣ	هايده لرده (خايدده لرده)	ѣчь ѣлмѣсьнь	هيچ اولسون ⁵
чикарлѣр гиндѣс	چيقارلر كوندوز	ачѣнъ вардѣрь	هاچان واردر
баскѣ ѣдерлѣрда	باشقى ايدرلرده	чебанъ омжѣнда	چيبان اومزكده
керванлѣрѣ	كروانلری	ѣпасънь	پا په سگ ⁶
забитлѣрда	ضابطلرده	13а. мѣхлѣмъ	مرهم
папзлардѣ	پاپازلرده	сѣрьсьнде	سوره سگ ده
сшарлѣрь	صوبارلر	бегѣнленъ	بين ايله
ѣлемѣ	عالمی	качмакъ ѣчьнь	قاچيق اچون
12б. зенгилѣрда	زنكينلرده	ωкѣкѣ ⁶	?
ѣ занатлѣнь	ابي صناعت ايله	ωюзда	اويوزده
ѣчерлѣрь кане	اچيرلر قاني	дефѣчнленѣрь	دечинلنور

¹ В болгарском тексте: св вретѣната; по-османски «веретено» *аик* «*ij*», и вся фраза звучала бы: *iji-ile*; фразу «ѣпейда» можно еще разбирать, как *аибѣки* *де*, что вместе с 2-мя следующими строками означало бы: шелк и шелковую вату.

² По другим параллелям, здесь «мучит», т. е. «ызаб(и)», а не «иззет».

³ Лучше: *апаксзин* или *апаксз*.

⁴ В османском только: *قاپولركي*, так как афигированное слово всегда ставится в оформленном падеже.

⁵ По-болгарски: не платиш нищо.

⁶ Слово остается неясным. Значение — «смерть».

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
кѣѣ иилиень	کولی ایله	делёръ	دلر
сѣлтъ	صالت	тахталары	تختهلری
ѣчѣнь гюнешъ	هاچان کونش	кѣршѣмда	کورشوم ده
батаръ	باتار	ѣра едёръ	يارا ايدر
гюлѣнь	كلک	виѣѣѣѣ	وجودی
дѣлъ	دال	лакардеда	لقردی ده
чаальдёръ	چالدير	фена	فنا
салт чькаръръ	صالت چيقارار	таѣис едёръ	تعجيز ايدر
гюзѣлъ тоѣмъ	کوزل تخم	ѣдама	آدمه
гюзѣлъ декокар (sic!)	کوزل ده	ѣмасьнъ	اما سن
	قوقار	чѣкмеасьнъ	چکبهسک
кетендѣнь	کتانندن	бѣръ шей	برشی
кеневерденда	کنويدن ده	14а. фенѣ гюндѣ гериш-	فنا کونده
ѣстуби чикаръ	استويي چيقار	меесьнъ	کيرشيهسک
ама кальръ	اما قالير	ѣпиѣерѣсьнъ	ياپشدرهسک
ѣбирѣ тамизъ	او بری تميز	капенѣн юкѣрѣсен	1 قاپونک
боюледербазасѣ	بويله ايدر		بوفا ريسنه
	بعضيسي	ѣпѣѣѣ капенѣн ¹ гѣор-	(?) اشاغی
13б. фенасьн сѣлледѣн	فنا سلسله دن	меьсн (sic!) кѣрмсон	قاپونک کورمسون
(sic!)		бирѣр дѣл	برر دال
бѣнарда чикаръ	بونلرده چيقار	деефендѣнь (sic!)	دفنه دن
ѣчикъ гюзлѣмъ	آچيق کوزلوم	бирѣрѣ са... та ²	برر... ده
ѣнѣнъ ѣчинъ	اونک ايچون	ковмѣкъ ѣчинъ	قوغيق ايچون
бакмаасьнъ	باقيهسک	битѣнъ феналарѣ	بتون فنالری
сьнсьлоѣ (sic!)	سلسله يه	ѣчѣн ѣпаѣѣксн	هاچان ياپهچسک
ѣма душенѣсьн	اما دوشونهسک	ѣспѣѣѣ	اثواب
коасьнъ	قويهسک	дикат ѣтмелсьн	دقت ايتملي سک
аклѣ ѣдамъ	عقلي ادم	ѣпмѣкъ ѣчинъ	ياپيق ايچون
ѣвендѣ	اوکده	гѣнишъ	کنيش
бѣргѣѣ	بورغو	късада Олмасьн	قصه ده اولسون

¹ По другим параллелям: «верхний порог».

² В тексте смазано; по другим параллелям: и ѣ смрѣка (болг.), и ѣ ѣпѣ ѣѣдрѣн (греч.).

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
а́чан бичтёрсын	هاچان بيچرسك	ничиъ (sic!) тазьлёръ	نيچون تازهلر
гениш роба	كينش روبا	15а. тѣтеръ	توتر
дажньр чок вакьтъ	طايانير چوق وقت	евинда	اوك ده
дикесьнде	ديكه سك ده	а́карса	آقارسه
даръ Оўрда ¹	طار فورده	Оўртэсынъ	اورتهسك
чабѣкъ ѳртелёръ	چابوق يرتلير	ничьнъ нерд́акарсе	(?) نيچون نرده
ѣзъмъ гомлект́а	اوزون كوملك ده	а́карсе	اقارسه
146. ѣпа́ръ	ياپار	ѳкаръ	ييقار
кюстеклемэ́къ	كوستكليك	дѣваре́	ديوارى
сáлт чáлешáсын	صالت چاليشهسك	балт́а	بالتا
геинмэ́къ ѳчинъ	كيينك ايجون	Одѣнларе́ ѳрдар ²	اودونلرى برتار
ѳрезли́ ѳспаплён	عرضلى اثواب ايله	кесерд́а	كسرده
ѳртелеръ сата (sic!)	ييرتليسره ده	Оўфакла́ръ	اوقاقلار
бёръ ѳре́	بريره	чирай	چراغى
ѣмад́асынъ	يامادهسك	парче́ парче́	پارچه پارچه
кави́ ѳпликльнъ	قوى ايپلك ايله	тестере́да кесёръ	دسترده كسر
толѣѣ	طولو	дѣшъ	ديش ³
кьрай	قراغى	кьльчъ кесёръ	قليچ كسر
нёрде душёрсе	نرده دوشره	адам́а	ادمى
бозар а́пракларе́	بوزار ياپراقلرى	кѣчкъ бича́ктеръ	كچوك بيچاق در
заерѓида	زرعى ده	тернакларѣ́ кесёр	طرناقلرى كسر
а́мма сьренлькъ	اما سرينلك	а́чан ѳкаа́цаксын	هاچان بيقايهچسك
Оўветъ верёръ	قوت ويرر	ѣтаане́	ياتاغكى
кѣоктеда гирёръ	كوكدهده كيرر	вё гюргананед́а	ويورغانكى ده
кѣрѣмасьнъ	قوروماسون	а́табсьнъ	آتهسك
ѳтёрсанъ	ايسترسهك	15б. батанд́а	باطنده
ѣкасьнъ фѣрѣнѣ	ياقهسك فرونى	бѣюле́да юканёр	بويلهده بيتانير
а́тасынъ ѳчерѣ	آتهسك ايجرى	калма́зда	قالبازده
кѣрѣ́ Оўдѣнъ	قورو اودون	бёръ а́нкикёръ	برهانكى كير

¹ Вероятно, из ит. *furda* (обрезки ткани); франц. — осм. *فوردو doublure* (Samy-bey).

² Литературное: *јырт-ар*.

³ В болгарской параллели: *крѣта*.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
кѣпелерѣ	كوپه لری	кашларлѣнда	قايشلار ايله ده
асальмъ	اصه لم	чекеръ ѣдилѣрда	چكر ايديلر ده
кѣлакларданъ	قولاقلردن	геридѣнъ	كريدن
кариларнъ	قاريلرك	ѣм Оунѣнденъ ²	هم اوكندن
дѣмелѣрда	دوكه لرده	ѣки арапъ	ايكى عرب
кюлчедѣн ѡлсѣнъ	كوچه دن اولسون	а́тмакъ ѣчнъ	آتق ايجون
ѣпелмишъ	ياپلمش	бѣръ хендикъ	برخندق
бѣлимиздѣда	بلمزده ده	бѣнда	بن ده
ѡлсѣнъ	اولسون	гѣч била ѣлен кѣр-	كوج بلا ايله
бирѣръ кѣшакъ	برر قوشاق	тѣлдѣ (sic!)	قورتلم
ѣпааданъ	ياپاغیدن	а́машимде	اما شمدى
ѣргѣюнда	هركونده	нѣ калкмишимъ	نه قالعشم
таражльмъ	طارايه لم	Оикѣранъ (sic!)	اويقودن
сачларемезѣ	صاچларемзи	титирѣръ	تينرر
дѣр таракльнъ	طار طارق ايله	китѣктѣ	كوتوك ده
тутмѣсьнъ	طوتماسون	16 б. тѣтмишта	طوتمش ده
кехлѣ	كهله	сетмѣ	صيته
бапемѣсъ	باشمز	кашекларѣ	قاشиقلرى
ѣгер ѣстерсѣкъ	اكر ايسترسهق	чанакларѣ	چانакلىرى
16 а. ѡлмасьнъ	اولماسون	тѣтѣсьнъ	طوتهسك
а́стадерлѣъ (sic!)	? ¹	ѣкамьш темизъ	ييقанш тиз
тапиальнъ (sic!)	طашيه لم	тенѣерелѣрѣнда	تنجه لرك ده
пѣлий (sic!)	پلين	ѡлсѣнъ	اولسون
бѣгеѣѣ	بوگجه	ѣри ѣрендѣ	برى бирنه
гюрдѣм бѣр . . . ѡа	كوردم بر رويا	а́чанъ Ора́рсьнъ	هاچان آراسك
фѣнѣ	فنا	бѣлѣсьнъ	بولهسك
сѣнкѣ бѣлѣнмишѣ	سانكه بولونмشم	а́чан пишерѣѣксы (sic!)	هاچان پيشرهچكسك
бѣлѣ оргонлѣрлн (sic!)	باغلى اورغانلره	топрак тенѣерѣдѣ	طوبراق тенجه ده
		ѣбаа тенѣерѣдѣ	يا بابا (?) تنجه ده

¹ По другим параллелям, это неясное слово означает: «блхи».

² Употребление больших букв в тексте непоследовательно.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
бир а̀нг̀и ма̀нжа	برهانكى مانجه	некадар динлелёр	نه قدر ديكله لر
ѣ̀енда̀ ѡлмалі́сн	ياننده	даа и́хтіарл́ар (sic!)	دها
ѣ̀тмелі́сьнда	اوله الى سك		اختيارلرى ¹
дикáтъ	ایتىلى سك ده	Оўталмазл́ар	اوتانمازلر
гюзéл ѡлсѣн	دقت	вáрдерь	واردر
áма ѣ̀сь саанл́ар	كوزل اولسون	176. ѡдерéрь сѡсане ² (?)	بترر سوزينه (?)
бичакларда̀	اما يس صحانلر	Бинéрь ³	بينر
чáтанларда̀	يچاقلرده	áраба̀	آراهيه
17a. темі́з ѡлсѣнъ	چتالرده	и́ илмишъ ⁴	ييقلمش
Оўнѣ̀	تميز اولسون	áраба̀да	آراهده
каинатéнь	اوککه	казькѣ̀ вáрмыш	قازق وارمش
кѡцè валидеда	قائن اناك	бѣ̀ кьрѣ̀кѣ̀ (sic!)	بو قيريق
даа чѡк северлér	قوجه والده ده	сѡилиш татланмыш	سولمش
Гѣ̀вей	دها چوق سورلر		طاتلانمش
ѣ̀влетáнь	كوهكى	дѣ̀шмасен бѣ̀зѣ̀сн ⁵	دوشمسون ?
áмма каината̀	اولاددن	юкарè бѣ̀зѣ̀сьнде ⁵	يوقارى ?
коцè валидеда	اما قائن انا	ш́имде гидéрьсьньс	شدى كيدر سکنز
чѡкѣ̀ и́ртерлérъ	قوجه والده ده	ѓитерéрьсн саман	كتيررسك صمان
кьзà (sic!)	چوق ايسترلر	ѡтлѣ̀кѣ̀	اوتلق
гелиндéнь	قىزى	ѣ̀кюзлерѐ	اوکوزلره
áзарламáк и́чн	کليندن	ѡ . . . и́чн ѣ̀рьсьнлér	? يسونلر
бюклérъ	ازارلامق ايچون	áчáн доюсьнл́ар	هاچان دويوسونلر
кичѣ̀клерè	بيوکلر	коиверсьнлérъ	قويويرسونلر
Оўредурлérда	كچوکلر	ѡтласьнл́аръ	اوتласонلر
и́сьнде	اوگردلر ده	нérде	نرده
бѣ̀дерь гичьмьшъ	ايوسنى ده	беенерлér и́сà	بكنرلر ايسه
ѣ̀песье́	بودر كچمش	наласьнл́аръ	يالاسونلر (?)
	هېسنه	ѣ̀псьнь бирдéнь	هېسى بردن

¹ Вин. пад. поставлен нами на основании других параллелей.

² В болгарском тексте — сѡсане, в греческом — калѡн тѣлос.

³ В других параллелях 1-е лицо: «я сел и слез».

⁴ В других параллелях: «кольца колес были сломаны».

⁵ Слово осталось неясным.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
18 а. кимвѣръ евлѣтъ	كيم وار اولاد	ѡтлѣктѣнъ	اولتقدن
ѣмъ къзмѣръ	هم فيزلى	неден кифленѣръ	نه دن كوفلنور
нишѣнъ ѣтсьнъ	نشان ايتسون	ѣчанъ ѣкерлѣръ	هاچان اكرلر
вакътенѣ	وقتنه	ѣмѣбраѣсьнъ	هم براقهسك
бѣѣк олдѣктенсора	بيوك اولدقندن	башкѣ киретечѣ	باشقه كره ده جه
	صوكره	дѣѣсьнъ	دو كهسك
зене душерлѣръ	زنابه دوشرلر	дѣшендѣ	دوشكده
недѣнгедер фена	نه دن كيدر فنا	калкасѣн сабалѣн	قالقمسك
шеѣ	شى به		صباحلين
ѡнѣнарлѣ	اونلرده	кюреклѣнъ	كورك ايله
неѣблинерлѣръ	نه اولرزلر	керештѣрѣсьнъ	فاريشدرهسك
вакътена	وقتنه	терекедѣ	تركهده
бакмазлѣръ	باقمازلر	ѣчанъ вѣр рѣзѣръ	هاچان وار روزكار
ѣлинъ карларѣ	ايلك قاريلره ¹	ѡвакѣ таѣтланѣръ (sic!)	او وقت
ѡкадаръ	اوقدر		ايرتلانير
нишѣнѣ	نشاني (نشاني?)	таналарѣ	دانه لرى
ѣнишѣнлекѣзъ	يا نشاني قيز	ѣчанъ дусаѣѣкъ	هاچان دوشهچك
ѡлмалѣ	اولملى	ѣмѣръ ⁴	ياغمور
гюзлетсьнлѣръ	كوزтسونلر	кѣркмаѣсьнъ	قورقيهسك
чеверсьнлѣръ	چويرسونلر	ѡнѣ гидѣр	او نه كيدر
ѣсьлѣръ	اصللرى (?)	19 а. дерменѣ	دكرمه
темѣзъ	تميز	ѣчанъ чеверѣръ	هاچان چويرر
сематѣ ѣдѣръ	شاتانا ايدر	чѣкъ пешкьнъ	چك پيشكين
гиѡктѣ	كوكده	бойдаѣ гюзѣлъ	بغدايى كوزل
18 б. ѣпрерсьнъ билмѣ ²	?	ѡюлѣ	اويله
ѣаѣѣкъ	ياغهچق	чеверсьнлѣръ	چويرسونلر
кѣѣшакларѣ	قوشاقلرى ³	неден дермеѣѣ	نه دن دكرمىچى
кѣѣсѣнъ	قويهسك	саклѣ чалѣръ	صاقلى چالار

¹ ايلك قاريلرينه: Надо.

² Фраза неясна во всех версиях.

³ По другим параллелям «гумно».

⁴ По-болгарски: «иней».

⁵ В болгарском тексте: «тои цо хѣдѣтъ», т. е. следовало бы *кѣ кидер*. Употребление *не* и *ке* в «карамалицком» тексте строго не различается.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
сѡрѧ	صوكره	йчатальдѣрь	چتالی در ⁴
вѣрѣсьнѣ башанѣ	اوررسك باشكى	дѣрѣрь ѣнндѧ	طورر ياننده
бѣршѣѣпѧмеснѣ	برشى ياپهمزسك	кардашьндан	قارداشندن
Кари	قارى	кедѣ качерѣрь	كدى قاچرر
нѣварѣ юзѣкъ	نه وار يوزوك	сьчѧнѣ	سچان
бензѣмѣзда ¹	بكمزمده	ѣмѣ ѣерѣ	هم ير
ѣкмѣкъ ѣпсьнѣ	اكمك ياپسون	ѧчѧн чабѣкъ чѣкар	هاچان چابوق
йкѧсьнѣ	ييقاسون		چيقار
пармакларѣ	پارماقلىرى	деликтѣнѣ	دليكدن
бѣнарѧ	بوكاره	ѧчѧнѣ ѧхшамѣ	هاچان اخشام
чешмеѣ	چشمهيه	каинар	قاينار ⁵
диксьнде	ديكسونده	20а. мѧндрѧда	ماندرهده
шѣрбетѧ (sic!)	شروتى	штѣрѣрь	اوطورر
тѣманларѣ	طومانلىرى	гюзлене ѧчѣкъ	كوز ايله آچيق
капѧрь ѣтлерѣ	قايار اتلىرى	гелсьнѣ	كلسون
196. гѣбѣкъ	كوبك	вакътъ	وقت
гирѣрь чѡкъ	كبرر چوق	сѣтраѧцѧкъ	سوت ⁶ طارتهجق (?)
ѧчѧнѣ калдерѣрь	هاچان قالدرر	кѡюнларѣ	قويونلىرى
кавѣдѣрь	قوى در	сѣтѣде	سوتى ده
дѣдндѣ черѣкъ	دكلدر چروك	кесьнѣ	كسسون ⁷
ѣтлерѣ	اتلىرى ²	пенир	پنير
варѣ семѣзѣ	وار سبيز	ѧчѧн чѣнѣрсьн ѣмей	هاچان
Домѣзларѣ	طوموزلىرى		چيكرسك يىكى
варѣ йѧ	وار ³	дишлерѣ	ديشلره
дамарларѣ	طمارلىرى	чѡкъ йнѣѣ	چوق اينجه
кавидѣрь	قوى در	ютарсьнѣ	يوتارسك
кимиклерѣ	كيكلرى	кавѣ татлѣ	قوى طاتلى
колѧп кьрьлѣрь	قولاي قيريلير	ѧчѧнѣ шюрсьнѣ	هاچان اوبورسك

¹ Значение: «не подобает».

² В болгарском и греческом тексте: «почки».

³ Неясное слово.

⁴ На основании болгарской версии: «и вѣлицата».

⁵ По-болгарски и гречески добавлено: «овчар».

⁶ طارتمق в значении «тянуть» в османском неупотребительно.

⁷ По смыслу лучше كسلسون. Труднее предположить: кесьнѣ < قلسون.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
Оўтмышь	اورتمش	ённи	ئەننى
ѣстькльнь	ياصدق ايله	даатмальсьнь	طاغتملى سك
ападань	اشاغى دن	21 а. ёкмекъ	اكىك
семізь олацань ¹	سىمز اوله جك	кичѣк тахалка (?) ²	كچوك ده خلقه
ачань сбацань ¹	هاچان صوغه به جك	верёсьнда	ويره سك ده
дѣсьнь	دوكه سك	дѣль карларə (sic!)	دول قارىلره
дѣбектѣ	دييكدە	ючь йлларада	اوج يللره ده
206. азацак каранфѣл	آزه جق قرنفل	ачасьнь мьзарѣ	آچه سك مزارى
карьштерасьнь	قارشدره سك	гѣормекъ йчинь	كورمك ايجون
сѣилен сьжакъ	صو ايله صبحاق	наасьдѣрь (sic!)	ناصلدر
ачан йчицѣнь	هاچان ايچه جك	битѣнь	بتون
бѣрь керетлѣнь	بر كرت ايله	ћеремѣшь	چورومش
алѣрьсьнь салеенѣ	اليرسك	йҕтеарлардан не вѣр	اختيارلردن نه وار
	صاغلكى		
ачан бозелѣрьсьн	هاچان	бѣѣк сакал	بيوك صقال
	بوزولورسك	ачань силерлѣрь	هاچان سيلرله
ѣесьнь	يهه سك	тѣѣрмелерѣ	توكورمه لرى
каиnamьш пилѣч	قاينامش پليج	йибаксьнларь	ايى باقسونلر
ѣм пынмиш ѣтъ	هم پيشمش ات	дѣшѣрмесьлѣрь	دوشرمزلر
ачан олюрь	هاچان اولور	бѣрь шеи кьларда	برش قللرده
адамъ	ادم	нѣ вѣрь	نه وار
леазьм коасьнь	لازم قوبهه سك	бѣѣкъ сачь	بيوك صاج
хасерьн ѣзерендѣ	حصيرك اوزرنده	ведѣвѣетмесьнлѣрь	و دعا ايتمسونلر
дѣрьсьнда	طورسون ده	работасьсь ³	رابطه سز
ѣрми дѣртъ	يكرمى درت	216. ачан базацаклѣрь	هاچان بوزه جقلر
саҳатъ	ساعت	касаплѣрь	قصابلر
Оиедѣ (sic!) гѣомесьнь	اويله ده	семізь ѣтъ	سىمز ات
	كومهه سك	аласьнь	الهه سك
мзардѣ	مزارده	кѣбирѣктань	قوبروقدن

¹ Диалектические формы (гл. обр. в анатолийских диалектах).

² В оригинале стерто. Восстановлено по контексту; خلقه, по Сами-б ею, «gâteau fait avec la fine fleur de farine», в болгарской параллели — «калаци».

³ Редкое отклонение от других параллелей: в болгарской — «tókъ táка».

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
вè ачанъ ѓпарсын	وهاچان ياپارسك	ничин аша докилишр	نيچون اشاغى دوگليور
саманлькъ	صانلق	ачан бичерсын	هاچان بيچرسك
кѡмальсьнъ	قوملى سك	тарлай	تارلايى
салам диреклеръ	صاغلام ديركار	кѡрѡт мальсьнъ	قوروتملى سك
кѡм даатасын	قوم طاغتهسك	ωтѢ гизель	اونى كوزل
ничинъ ¹	نيچون	ωѡлѡде юклетмелисьнъ	اولهده يوكلتملى سك
ачан ѡртитиреръ	هاچان يرتيتيرر	Ѣкын бѡнараде	ياقين بونلره ده
й кьлмазъ	ييقلماز	ачанъ гюрѡсьнъ	هاچان كوررسك
ачанъ бѡлѡнѡръ	هاچان بولنور	бѡр анги чѡжѡкъ	برهانكى چوجوق
ѡръ донѡкъ	يرطوكوق	ничин ѡтаньсьнъ ³	نيچون اوتانسك
гюрѡмелисьнъ	يوروملى سك	кѡпкермьзѡкалер	قپ قرمىزهكالر
папѡчлѡрленъ	پاپوچلر ايله	Ѣнаадѡ	ياناغى ده
ачанъ вардеръ	هاچان واردر	гюзѡнѢ ачажаѡкъ	گوزينى اچهق
чамѡрларъ чѡкъ	چامورلر چوق	ωнѡ (sic!) каинадѡръ	اوکه ⁴ قاينادر
ωлмалѡ	اولملى	жѡбраларѡ	چيرهلى
чижмѡ	چيزمه	226. ωлмалѡ каѡате	اولملى قناته
котѡктен сѡра	قويدقден صوكره	коинѡларадѡ	قويونлرنده
чѡваларда	چواللرده	долдѡрмаѡк ѡчин	طولدرمق ايچون
22а. бѡидаѡ	بغدايى	равиданъ	راقيدن
баламалъсьнъ	باغلاملى سك	достларлиндѡ	دوستلر ايله ده
ськи	صيقى	тѡтѡнмалъсьнъ	طوتنملى سك
ѡплинъ	اوپ ايله	ѡродѡ тѡтмелисьн	خوراده
чѡѡшдѡктѡн сѡра	چوشدقден صوكره	сѡнъ	طوتنلى سك
ѡделѡ ωтмеѡсьнъ (sic!)	عجله	нѡ нешатын вар ⁵	نه نشاطك وار
	ايتيهسك		

¹ Употребление *نيچون* в смысле «так как» вызвано стремлением во что бы то ни стало передать отдельным словом греческое «*ὅτι*». Употребление же вопросительных слов в смысле чуждых турецкому синтаксису относительных — в «карамалицком» тексте обычно.

² Восстановлено на основании других параллелей.

³ В других параллелях — «он стыдится» (т. е. *اوتانار*), что дает смысл.

⁴ Смешение *نه* и *که*, о чем упоминалось выше.

⁵ Смысл: «ты, который радостен».

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
а́ча̀н сендѐ ва̀ра ¹	ھاچان سنده وار آ	а̀кѐ (sic!) ѐспапъ	آق اثواب
а̀акльрънда̀	آياقلرك ده	коваламалыда	قوغالاملى ده
шышмишъ	شيشمش	чаалыда	چالنده
топарльмалысьн	طوپارلاملى سك	табшанларе	طاوشانلرى
е́ри вѣжекъ ²	ابرى بوجك	ѣмекъ и́чинъ	يبك ايجون
ѣрмалысьнде	يارملى سك ده	Биръ	بر
Ортада	اورته ده	Ики	ايكى
кωмалысьнда	قوملى سك ده	Ючь	اوج
юкаре	يوقارى	Дуртъ	درت
а̀акльрънда̀	آياقلركده	Бешъ	بش
кermъ̀де чωа̀	قرمى چوخه	'Алтe	آلتى
генчлерeйчинарар	كنجارى ايجون	23б. ѐдѐ	يدى
(sic!)	يارار	Секъзъ	سكز
мави чωада	ماوى چوخه ده	Докъзъ	طوقوز
23а. ѣра̀ръ	يارار	Онъ	اون
кесъслере и́чинъ	كشيشلىرى ايجون	Онъ биръ	اون بر
колѣграларада̀	قالوگرلره ده	Онъ и́ки	اون ايكى
мавида	ماوى ده	Онъ Оучь	اون اوج
генчлерeда	كلينلره ده	Онъ дбртъ	اون درت
е́шилда	يشيل ده	Онъ бeшъ	اون بش
Осмонларa и́чинъ ⁴	عثمانلره ايجون	Онъ алтe	اون التى
Обир чихралeрда	اوبر چهرلره ده	Онъ ѐдѐ	اون يدى
ѣкъшьръ	ياقشير	Онъ сакъзъ	اون سكز
е́рбиринe	هر برينه	Онъ докъзъ	اون طوقوز
паскаледeда	پاسقاليه ده	е́рми	يكرمى
гiнмелысьнъ	كينملى سك	е́рми биръ	يكرمى بر
		е́рми и́ки	يكرمى ايكى

¹ «а» могло попасть сюда механически со следующей строки (печатная техника нашего первоисточника вообще весьма несовершенна).

² В болгарской параллели: «червяки и черепахи».

³ Восстановлено по тексту других параллелей.

⁴ Переводчик старательно передавал в отдельности и греко-болгарский падеж, и предлог, им управляющий.

⁵ Так на основании болгарской и греческой параллели.

Текст	Арабская транслитерация	Текст	Арабская транслитерация
ёрми Оўчъ	يكرمي اوج	йкѣ бѣмъ	ايكى بيك
ёрми дортъ	يكرمي درت	саимальсьнда	صايلى سڭ ده
ёрми бешъ	يكرمي بش	некадар ѳстѣрсѣн	نه قدر ابسترسڭ
ёрми ѳлтѣ	يكرمي آلتى	мѣлибна кадар	ميليونه قدر
ёрми ѣдѣ	يكرمي بدى	леакъм сораръм	لاكن صورارم
ёрми сакъзъ	يكرمي سڭز	246. нерде ѳдѣнъ	نرده ايدڭ
ёрми докѳзъ	يكرمي طوقوز	нерде каиболдѳн	نرده غائب اولڭ
24a. ѳтѳзъ	اوتوز	нерде сакландън	نرده صاقلانڭ
кѣркъ	قرق	нерде гезендън	نرده كزندڭ
еллѣ	اللى	шимдегелинъ (sic)	شدى كلك
ѳлтмъшъ	آلتش	тѳтмалѣ	طوتىلى
ѣтмъшъ	بتمش	теспѣхларѣ	تصيحلىرى
сексѣнъ	سكسن	диздѣде Отѳрмалѣ	ديزده ده
дошкѣанъ	طوقسان	аутормѣ	اوطورملى
юзъ	بوز	ѳлла Онѳндѣ	الله اوكنده
йкѣ юзъ	ايكى بوز	ѳвармалѣде	يالوارملى ده
йчъ юзъ	اوج بوز	ѳлмак ѳчинъ	آلمق ايچون
дѣрт юзъ	درت بوز	Онѳанъ	اوندن
бѣш юзъ	بش بوز	ѳфъ ѣтмек ѳчинъ	غفو ايتمك ايچون
ѳлтѣ юзъ	آلتى بوز	гюнахларемезѣ	كناهلرمزه
ѣдѣ юзъ	بدى بوز	кизанмак ѳчинъ	قزانمق ايچون
секъз юзъ	سڭز بوز	ѳенетѣ	چنتى
докѳз юзъ	طوقوز بوز	ѳминъ	آمين
бѣмъ (sic)	بيك		

Н. Дмитриев.

болгарскѣи	грѣчецкѣи	караманлицон
и сѣ застрашихъ	сѣ фовн.лика	корктумай
да фярлам влѣко	на рѣн то дикти	атайм волгар
за та лозимъ	дѣла на кинигисо	авлаица
големи рѣси,	мегала ѡ ѡара	виокуъ вавик
толкѣ кѣ влѣзамъ	ѡмос дѣла на сѣбѣ	ищесим гиренмъ
ни ѣден чѣна	ис ѣна гаик (но вѣръ каикт)	гечеймъ
за та поминамъ	дѣла на аперасо	кенарданъ
ѡ краито	апо тѣн акрач	ѣтишенмъ
дѣри да фѣшамъ	Осѣ апѣ нафтасо	а мѣшташ меремѣ
друзина та мои,	тѣс синдрѡфѣсмъ	юзенмъ
за та пѣвѣме во-	дѣла на пѣвѣмен	биронистѣ
зѣдено (зѣме	мѣзи	кѡртѣлаамъ
и да откинаме	кѣ на глитѡ сомен	далгаларданъ
ѡ бранѡнте	апо та кѣмата	ѡзрларданъ
и ѡ ветроите,	кѣ апѡтѣс анѣмѡ	а кѣлы
Мѣтриотъ	ѡ фрѡнмос	бѡмѣ ѣдеръ
така чѣнитъ	ѣчи кѣмни	кѡртѣларда
и откинатъ	кѣ гѣлтѡи	ѣспѣндѣнъ,
ѡ гѣнте,	апо ѡла,	ва хѣмѣ вѣрѣ
ѣмамъ на бѣхча-	ѣхо ис тѡн кѣтѡн	мѡ вѣр ѣнѣр да ѣ
ѣдено смѣква (мѡ	мѣан сѣкѣн (мѡ	вѣр жѣвѣс аци
ѣдѣнъ ѡрѣхъ	мѣан каридан	

Манефон и его время.

Глава II.

Царские списки Манефона, сохранившиеся у Африкана и Евсевия.

§ 1. Традиция списков.

Царские списки Манефона сохранились более или менее полно в *ἐπιτομή*, т. е. в выписке¹ Секста Юлия Африкана, известного христианского хронографа начала III в.² В своем пятитомном труде *χρονογραφία*, начинающемся с года сотворения мира и доведенного до 5723 г. (царствование Элагобала), он дает царские списки Египта.

Труд Африкана, правда, не дошел до нас в своем первоначальном виде, но экскерпты из него были, к счастью, сохранены византийским историком рубежа VIII и IX вв. монахом Георгием, обычно называемым, по должности, которую он занимал при патриархе Тарасии (784—806), Синкеллом. Последний приводит списки египетских царей, начиная с Менеса из *χρονογραφία* Африкана в своем громадном труде *ἐκλογή χρονογραφίας*.³ Остались невыписанными лишь династии богов, полубогов и мертвых, которые, согласно Манефону, правили Египтом до Менеса, ибо громадные цифры правления божественных династий никак не могли уместиться в хронологической системе Синкелла. Данная лакуна несколько восполняется так называемыми *Excerpta Barbari*, изданными впервые Scaliger'ом.⁴

¹ О значении *ἐπιτομή* см. F. Jacoby, *Philol. Unters.*, XVI, 20 Ант. 1.

² См. H. Gelzer, *Sextus Julius Africanus u. d. byzantinische Chronographie*, I (1880) и II (1885).

³ См. издание Dindorff'a, Bonn, 1829, I ser. *Corpus scriptorum historiae byzantinae*, p. 100—146. Я полагаю, что для наших целей достаточным будет издание Dindorff'a, хотя по оценке Schwartz'a, Pauly-Wissowa, VI, Sp. 1381, это издание является «liederliche Compilation».

⁴ См. изд. *Excerpta* у A. Schoene, *Eusebii Chronicorum Liber I*, 1875; Appendix, VI, p. 177 sq.

В этом памятнике сохранился варварский латинский перевод греческой хроники, составленной в царствование Зенона (474—491) или Анастасия (491—518).¹ Списки египетских царей эскперптов восходят как к главному источнику к Африкану, на что указал уже Böckh.² Но в них сохранились следы и иной традиции.³ Что же касается списков божественных династий, то они, согласно Böckh'у,⁴ определенно почерпнуты из текста, восходящего к Африкану. Некоторой помощью для восстановления династий богов Африкана может служить еще труд византийского историка Иоанна Малалы из Антиохии (VI в.), почерпнувшего их, т. е. династии египетских богов, из Африкана.⁵ Эти же божественные династии Египта сохранились во второй известной нам *ἐπιτομή* Манефона, принадлежавшей перу знаменитого историка церкви Евсевия из Кесарии (300—340). *Ἐπιτομή* Евсевия входит в его грандиозные *Χρονικοί κανόνες καὶ ἐπιτομή παντοδαπῆς ἱστορίας Ἑλλήνων τε καὶ βαρβάρων*.⁶ При создании своих *Χρονικοί κανόνες καὶ ἐπιτομή* Евсевий применил более «научный» хронологический принцип, нежели Африкан. Он не исходит из года сотворения мира, так как вся хронология до Авраама полна противоречий и не приведена к одному знаменателю в трех источниках пра-истории, — в Самаритянском Пятикнижии, в Библии и в Септуагинте. Исходным пунктом для Евсевия является год благословения богом Авраама. *Χρονικοί κανόνες* снабжены обстоятельным введением, в котором даются выписки главнейших трудов по хронологии халдеев, ассирийцев, евреев, египтян и римлян. Заканчивается введение всеми, известными автору, царскими списками. Лишь это введение дошло до нас, и то, к сожалению, не в оригинале, а в армянском переводе, сохранившемся в двух кодексах, восходящих к одному архетипу.⁷ Армянский перевод был сделан непосредственно с греческого.⁸ В этом введении источником для хронологии египтян послужила также *ἐπιτομή* труда

¹ Gelzer, o. c., II, p. 216.

² Manetho u. d. Hundsternperiode, p. 59. «Sein Vorgänger ist aber vermutlich einer, welcher aus Africanus geschöpft hatte».

³ Ed. Meyer, Aegypt. Chronologie, p. 102.

⁴ O. c., p. 101, Barbarus, как и Африкан отождествляют *véχους* и *ἡμίθεοι*.

⁵ Gelzer, o. c., p. 193 sq. Иоанн, патриарх Антиохийский (ум. в 648 г.), использовал для своей хроники хронику Иоанна Малалы Антиохийского. См. Grumbacher, Geschichte der Byzantinischen Litteratur.

⁶ См. Schwartz, Eusebius у Pauly-Wissowa, VI, Sp. 1376 sq. и Kubitschek, Königsverzeichnisse, Pauly-Wissowa, XXI Hbd., Sp. 1003.

⁷ Издание Aucher'a и Zohrab-Mai не совершенны и они теперь могут быть заменены прекрасным переводом «армянской» хроники Евсевия Jos. Karst'a в V т. сочинений Евсевия в серии «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte», Leipzig, 1911.

⁸ J. Karst, o. c., p. XLIII.

Манефона. Эта последняя составлена в общем несколько более небрежно, нежели *ἐπιτομή* Африкана. Даже по отношению к труду Африкана, она является как бы эксерптом. В *ἐπιτομή* Евсевия совсем опущены царя V династии Африкана, соответствующие царям подлинной манефоновской V династии. Вместо этих царей V династии введены Евсевием в свою V династию царя VI династии Африкана, кроме последнего, гесп. последней царицы — Нитокрис, которая одна представляет у Евсевия его VI династию. Данное расхождение между Африканом и Евсевием чрезвычайно важно для оценки трудов манефоновских эксерптаторов. Оно нам доказывает, сколь мало мы можем доверять этим «переписчикам» Манефона. Допустим на один момент, что эксерпты Африкана были бы затеряны, тогда у нас могла бы возникнуть уверенность, что в труде Манефона были перепутаны V и VI династии, и что подлинного списка V династии Манефон уже не знал.¹ Резкое расхождение у Евсевия с Африканом мы находим еще в списках XV—XVII династий.² Наряду с этими указанными резкими расхождениями, имеется целый ряд мелких отступлений. Мы наблюдаем у Евсевия различную транскрипцию имен, а иной раз и опущение того или другого имени. При перечислении царей некоторых династий, как то II, III, IV, XII, и XXII, список Евсевия до нельзя сокращается, по сравнению с Африканом. Расходятся у Евсевия и Африкана и цифры лет правления отдельных царей, а также суммы лет царствования целых династий, и в этих числовых выкладках традиция Африкана заслуживает, в общем, предпочтение перед традицией Евсевия. Лишь в очень немногих случаях эксерпты Евсевия сохранили чтения, внушающие большее доверие, чем *ἐπιτομή* Африкана. Может быть, мы даже раз или два встретим в *ἐπιτομή* Евсевия указания не отмеченные Африканом.³

Подобно *ἐπιτομή* Африкана, Синкелл сохранил нам также и манефоновскую *ἐπιτομή* Евсевия,⁴ но точно также как там, он и здесь опустил списки божественных династий. Эти последние сохранились лишь в армянском переводе хроники Евсевия. В армянском же переводе *χρονικαὶ κανόνες* мы находим в конце введения все известные Евсевию царские списки. Среди них имеется и список египетских царей, но он начинается лишь с XVI династии, т. е. с того момента, когда можно сопоставить список с годом благословения Авраама. За этими списками царей, переведенными Schoene, *Series regum*, следует главная часть труда Евсевия *κανόνες*

¹ См. остроумное объяснение этой лакуны у Евсевия у Unger'a, *Manetho*, p. 102.

² Об этом см. ниже, стр. 223 сл. и также гл. IV нашей работы.

³ Ed. Meyer, о. с., p. 102.

⁴ Ed. Dindorff, p. 102—146.

и *ἐπιτομή*. К сожалению эта основная часть погибла. От нее сохранилась лишь переработка, да и то не в своем первоначальном виде, а лишь в виде двух переводов — первого латинского, сделанного известным отцом западной церкви Иеронимом, и второго уже упомянутого армянского перевода *χρο-νικοὶ καὶ νόες* Евсевия. Из этих двух переводов заслуживает предпочтения перевод Иеронима.¹ Теперь мы имеем прекрасное издание этого латинского перевода переработки *καὶ νόες* и *ἐπιτομή* Евсевия,² и можем им воспользоваться для нашей попытки восстановления первоначальных манефоновских списков.³

Африкан и Евсевий сохранили в своих трудах более или менее полные царские списки Манефона. Наиболее ранний из дошедших до нас экскерп- таторов Манефона, Иосиф Флавий (I в. н. э.) использовал в своем сочи- нении *Περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων* (так называемое *Contra Apionem*)⁴ лишь часть списков египетского историка, а именно списки XV—XIX династий. Но для восстановления этих династий, игравших столь крупную роль в истории Египта, экскерпты Иосифа являются весьма ценным источником.

Кой-какую, хотя и очень малую, пользу для восстановления некоторой части этих списков могут оказать два труда, составленные в позднее время, но один из которых рассматривался Синкеллом, как источник Манефона,⁵ а второй, как его т. е. Манефона собственное произведение:⁶ я имею в виду *Παλαίων χρονικόν* и «Книгу Сотис». Обе названные книги сохрани- лись у Синкелла.⁷ Им же они взяты у Панодора, историка рубежа IV—V вв. Надо думать, что этот последний не является автором двух на-

¹ Schwartz, Pauly-Wissowa, VI, Sp. 1379—80, в противоположность Gutschmid'у.

² R. Helm, D. Chronik des Hieronymus, Hieronymi Chronicon (VII т. трудов Евсевия в серии Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte), Leipzig, 1913. Английское издание: Eusebii Pamphili chronici canonis. Latine vertit S. Eusebius Hieronymus. Ed. Joh. Knight. Fotheringham. London, 1923, мне было к сожалению недоступно.

³ Мы имеем прекрасное исследование, посвященное сочинению Иосифа *Contra Apionem* «Vorlesungen über Josephos Bücher gegen Apion» A. Gutschmid'a (Kleine Schriften, IV, p. 336 sq.). Правда, это не законченный труд и комментарий автора заканчивается на 22 главе I книги, но царские списки (гл. 14 и 15 I кн.), которые нас так интересуют в этой главе нашей книги, комментированы Gutschmid'ом. В введении к своему труду Gutschmid перечисляет все рукописи сочинения Иосифа и всех античных писателей, экскерпировавших его. Об экскерптах из Манефона Иосифа Флавия во всем их объеме буду говорить подробно в IV и в V главах моей книги. См. пока Ed. Meyer, о. с., стр. 71—80. Критическое издание *Contra Apionem*, как и вообще всех сочинений Иосифа Флавия, дал В. Niese, Flavii Josephi Opera, т. V (editio minor). Это издание мне предоставил А. И. Малеин, за что я и приношу ему мою глубочайшую благодарность.

⁴ Стр. 51 В.

⁵ Lepsius, Chronologie, p. 413 sq.

⁶ *Παλαίων χρονικόν*, 95 sq., ed. Dindorff'a; Книга Сотис, 32 sq., 72 sq., 97 sq., 16 sq. и 193 sq. того же издания.

⁷ Gelzer, Africanus, II, p. 209.

званных трудов. Дело в том, что имеются основания предполагать, что Евсевий пользовался «Книгой Сотис».¹ Но как бы то ни было с этим предположением, одно мы можем с уверенностью сказать, что обе книги позднего происхождения, вероятно христианского времени.² Реконструкция Παλαιὸν χρονικόν³ и «Книги Сотис»⁴ завела бы меня слишком далеко. Для моей цели вполне достаточно уже одно то обстоятельство, что они написаны много позже Манефона, и следовательно Манефон сам уже не мог черпать из «Древней Хроники» и сам он «Книгу Сотис» написать не мог. Несмотря на свою апокрифичность, эти два текста могут оказать некоторые услуги для реконструкции подлинных манефоновских списков, ибо кое-что из этих списков они могли сохранить. Правда, эти услуги будут очень ничтожны. Зато весьма важными оказались бы для восстановления подлинного Манефона какие-нибудь папирусные фрагменты его труда или его эхсерптов, найденные во время раскопок последних десятилетий в Египте. Но к сожалению ничего из подлинного труда Манефона до самого последнего времени не было найдено. Лишь в 1914 г. удалось немецкому папирологу Fr. Bilabel в Qaqaга напротив Maghagha найти небольшой фрагмент (11.5 × 11.2), который по его мнению является отрывком из манефоновской ἐπιτομή. Написан он на обороте папируса, лицевая сторона которого является палимпсестом. Письмо обратной стороны указывает на V в. н. э. От текста сохранилось 11 строк. Наверху имеется незаполненное пространство, очевидно, перед нами верхняя часть столбца. Содержанием служит список персидских царей. Начало первых двух строк весьма фрагментировано, но все же на основании сохранившегося можно высказать с уверенностью положение, что перед нами не простой единичный список персидских царей, а отрывок

¹ О восхождении παλαιὸν χρονικόν к христианским кругам, увлекавшимся новоплатонизмом, см. Gelzer, Africanus, p. 215 sq. О влиянии христианства на текст указал еще Böckh, Manetho, 52 sq. Непринадлежность Книги Сотис перу Манефона доказал тот же Böckh, о. с., p. 15 sq.

² К реконструкции παλαιὸν χρονικόν, см. Lepsius, Chronologie, p. 445 sq.; Gutschmid, Kleine Schriften, I, p. 240 sq. и Frick, Kritische Untersuchungen über das alte Chronikon, die ägyptische Königsliste des Eratosthenes u. Apollodoros, das Sothisbuch und die ägyptische Königsliste des Synkellus, Rhein. Mus., XXIX, 1874, p. 252 sq. Gelzer, Africanus, II, p. 215, отказывается от реконструкции.

³ К реконструкции книги Сотис см. Lepsius, Chronologie, p. 413 sq. и восстановленный текст книги см. о. с., p. 441 sq.; Unger, Chronologie d. Manetho, p. 29 sq.; Gutschmid, Rhein. Mus., XIII, p. 485 sq.; Kleine Schriften, I, p. 231 sq.; Gelzer, Africanus, II, p. 209 sq. К возможности реконструкции С. Wachsmuth, Einleitung in das Studium d. alten Geschichte, p. 339, относится несколько скептически

⁴ Fr. Bilabel, D. kleinen Historikerfragmente auf Papyrus, Bonn, 1923, p. 34 sq. Издание с более обстоятельным исследованием дано им же в III вып. Veröffentlichungen aus den badischen Papyrussammlungen, 1924, p. 516 sq.

большого целого повествования о событиях истории Египта этого времени. В первой строке, которая была заполнена лишь наполовину « ὠν βασιλείας », сохранился, кажется, лишь конец рассказа о завоевании Египта Камбисом. Начало же рассказа заполняло конец предшествующего столбца. Vilabel предлагает восстановить начало рассказа примерно так: [Камбис завоевал Египет и стал родоначальником] [Персидск]ого царствования. Он царствовал и т. д. Если действительно, можно так восстановить текст, то пожалуй, надо согласиться с тем, что перед нами фрагменты эксерпта из Манефона. В последующих строках перечисляются все прочие цари XXVII манефоновской династии вплоть до Дария II, при котором, как известно, Египет отпал и снова стал на некоторое время самостоятельным. В связи с упоминанием Дария II, рассказывались, кажется, текстом кой-какие события, может быть отпадение Египта от Персии. Для всех предшествующих царей дается имя, иной раз отчество и указание лет и месяцев их правления. Царский список, приводимый нашим папирусным фрагментом, был несколько более полным и правильным, чем список XXVII династии, сохранившийся у Африкана и Евсевия.¹ Ввиду этого, остается лишь пожалеть о том, что от данного эксерпта Манефона сохранился лишь такой жалкий фрагмент.²

Этим папирусным лоскутком можно закончить обзор тех текстов, которые сохранили нам выписки из царских списков труда Манефона. Конечно, эти списки, даже лучший из них список Африкана, не могут претендовать на свою адекватность с подлинным Манефоном. Подлинного Манефона мы можем установить на основании этих списков лишь с некоторой, хотя и большой вероятностью. Но для нашей задачи и этого достаточно. Мы в целях проверки будем сравнивать эти списки, все же восходящие в конечном итоге к Манефону, с царскими списками, дошедшими до нас от Египта, а также с теми списками, которые были составлены современными исследователями на основании изучения самих египетских памятников. Это сравнение может дать, конечно, вполне отрицательные результаты и может оказаться до известной степени правильным утверждение одного из ученых, что «цифры Манефона во всех тех случаях, когда мы их можем проверить, оказываются почти всегда неправильными».³ При таком отрицательном результате сравнения, это только что процитированное утверждение

¹ Конечно можно предположить, что этот список был обработан эксерпатором на основании греческих трудов по персидской истории.

² M. Pierer, OLZ, 1925, Sp. 225—226.

³ Насколько мало вероятно это предположение видно из материала, приведенного мною выше в первой главе при решении вопроса о преемственности древней традиции в эллинистическую эпоху.

было бы вполне правильным с той оговоркой, что ошибки списков восходили не к Манефону, который, как мы выше видели, должен был знать традицию, а к его невежественным переписчикам, эксперпировавшим труд Манефона, не зная ни слова по-египетски и имея лишь самые смутные представления о египетской истории. В случае полного несовпадения царских списков манефоновских экспертаторов с реальными историческими царскими списками Египта, мы должны были бы признать, что первоначальный текст Манефона для нас безвозвратно погиб и что мы должны навсегда отказаться от попытки его восстановления. Но я думаю, что такой случай абсолютной вздорности списков Африкана, Евсевия и Иосифа уже а priori мало вероятен. Хоть некоторую часть первоначального текста Манефона его экспертаторы должны были бы сохранить. И действительно, сравнение царских списков Манефона, дошедших до нас в иудейско-христианской традиции, со списками египетских писцов и современных исследователей нам даст, как мы увидим ниже, не вполне отрицательные результаты. При сравнении, мы, конечно, не будем ограничиваться одним лишь установлением факта расхождения между данными манефоновских экспертатов и данными исторических царских списков Египта, но в каждом отдельном случае будем решать вопрос, является ли то или другое расхождение последствием ошибки самого Манефона, или ошибки переписчика. Последнее предположение, а именно допущение описки со стороны переписчика является при данных условиях самым естественным. Списки Манефона были лишены священности, которая могла бы их охранить от небрежного отношения к ним переписчиков. Хотя надо признать, что и в случае священности какого-нибудь текста переписчики не могли избежать ошибок; вспомним для примера историю переписки священных книг у нас на Руси. Что же говорить о переписке текстов не сакральных? Тут описки, пропуски букв, даже слов должны встречаться сплошь и рядом. В особенности же они должны быть частыми при копировании непонятных имен и ничего не говорящих цифр правления неизвестных царей и династий. Можно себе представить, какие ошибки вкрались бы в список хотя бы китайских императоров, если бы он передавался в Европе рукописным путем в течение нескольких веков лицами не знающими ни языка, ни истории китайского народа.

Ввиду сказанного мы уже а priori должны были бы предположить в манефоновских списках Африкана, Евсевия и Иосифа чрезвычайное обилие описок, пропусков и тому подобных ошибок, вытекающих из невежества переписчиков. При этом, мы имеем возможность в каждом отдельном случае расхождения манефоновских списков с исторической действитель-

ностью, решить вопрос о том, имела ли место простая описка переписчика, или же ошибка самого Манефона. Для этой цели нам надо принимать во внимание при сравнении всегда общий контекст, а не сопоставлять лишь отдельные царские имена, или цифры лет отдельных правлений. Так, принимая во внимание факт соответствия начала и конца манефоновского списка царей какой-нибудь династии с исторической действительностью, мы должны признать невероятность предположения того, что установленное нами несоответствие середины этой же династии является виною Манефона. Ведь Манефон пользовался и для начала и для конца, а также и для середины царского списка данной династии одним и тем же источником — анналами, и поэтому непонятно, почему он выписал правильно начало и конец списка, а в середине выписал какую-то нелепость. Это умозаключение, имеющее силу по отношению к отдельной династии, имеет силу и по отношению к целой группе династий манефоновских эксцерптов. Если в первом и в третьем томах труда Манефона династические списки более или менее соответствуют хорошей исторической традиции, то становится мало вероятным предположение, чтобы исторические абсурды второго тома принадлежали перу Манефона. Это предположение становится тем более невероятным, если мы примем во внимание то обстоятельство, что царские списки первого тома труда Манефона, т. е. восходящие к более древней эпохе, соответствуют исторической действительности, а более поздние списки второго тома резко расходятся с подлинной традицией. Действительно, можно было бы еще в виде *ultimum refugium* предположить, что в эпоху Манефона уже не знали больше традиции древнейших периодов,¹ а традиции более позднего времени были еще живы в сознании общества той эпохи. Но никак невозможно предположить обратное, а именно то, что эпоха Манефона при наличии знания древнейших периодов не знала бы более поздних.

Если мы будем исходить из всех только что приведенных соображений, то мы сможем с легкостью выявить ошибки переписчиков Манефона и в передаче имен и в числовых данных. Элиминируя же описки переписчиков, мы тем самым восстановим списки Манефона в их подлинном виде.

Для успешности указанной работы мы должны будем предварительно ознакомиться с особенностями египетского исчисления времени и разобратся в вопросе о гражданском годе и годе Сотис и в сложной проблеме

¹ Обо всех вопросах, связанных с египетским исчислением времени, см. обстоятельное и остроумное исследование K. Sethe, *Die Zeitrechnung der alten Ägypter im Verhältnis zu den anderen Völkern*, Nachrichten d. Kngl. Ges. Wiss. Göttingen, Phil.-hist. Kl. 1919, p. 287 sq., 1920, p. 27 sq. и 97 sq. Здесь же указана важнейшая литература. В русской литературе мы имеем прекрасное изложение сложных проблем египетского календаря в книге Н. И. Идельсона, *История Календаря*, Ленинград, 1925.

о существовании эры. Мы должны будем также просмотреть различные списки египетских памятников и установить отличительные формальные особенности царских списков Манефона. Затем мы уже сможем сравнить по существу царские списки Манефона со списками, сохраненными нам памятниками и установленными современной египтологией.

Начнем сперва с имен. Предварительно мы установим, путем сравнения различных манефоновских эхсцерптов между собою, те буквы, которые могли смешиваться друг с другом эхсцерптаторами при переписке. Мы попытаемся также определить правила манефоновской транскрипции египетских царских имен путем анализа тех имен его текстов, египетские эквиваленты которых бесспорны. Это установление графических соответствий в эхсцерптах Манефона и фонетических соответствий в транскрипции Манефона даст нам возможность найти египетский эквивалент для многих имен манефоновских списков. Вместе с этим, мы решим вопрос о согласованности порядка следования царей манефоновских списков с тем порядком, который засвидетельствован нам памятниками. Рассмотрев вопрос об именах царей, мы перейдем к вопросу о хронологии. Сперва мы сравним число лет правления отдельных царей и династий списков Манефона с числом лет правления соответствующих царей и династий древнеегипетских списков и памятников. Решая же вопрос о хронологии труда Манефона, взятого в его целом, нам придется коснуться сложной и темной проблемы о начале исторического периода жизни египетского народа и в связи с этим вопроса о точной датировке отдельных эпох египетской истории.

В заключение этой главы, посвященной царским спискам Манефона, мы сравним результаты сопоставления этих списков с данными подлинной исторической традиции и попутно с результатами сопоставления царских списков Геродота и Гекатея Абдерита с той же исторической традицией. Я позволю себе, забегая вперед, указать уже теперь на то, что это сопоставление поставит Манефона на несравненную высоту и заставит нас с горечью пожалеть о потере его труда в его первоначальном виде.

§ 2. Гранданский год и год Сотис.

Египтяне установили своеобразное исчисление времени резко отличающееся от того, которое было установлено прочими народами древнего Востока. Они уже в глубокой древности с такой же легкостью отказались в исчислении времени от месяца, этого естественного измерителя времени, с какой они в своем письме отказались от огласовки, а в своем изобразительном искусстве от пространства. Отказавшись от месяца, египтяне соз-

дали искусственное деление года на 12 месяцев по 30 дней и еще 5 дополнительных дней, называемых по-египетски *hrjw gnr. t* «находящиеся поверх года», по-гречески *ἐπαγομέναι*.¹ Эти 12 месяцев были распределены между тремя временами года: 1) *h t* — наводнение, 2) *pr. t* — выхождение (т. е. земли из воды) и 3) *šmw* — недостаток воды.² Уже эти имена трех времен года указывают нам на то ежегодно совершающееся событие, которое послужило народу Египта указанием для исчисления начала года и времен года. Это событие — наводнение — являлось важнейшим в жизни земледельческой страны, каковой был Египет. Наводнение, которое начиналось в Египте в пятом тысячелетии в июле, указывало долгое время египетскому народу на истечение старого года и наступление нового. Спадение и недостаток воды указывали ему на другие подразделения года. С течением времени, с усиленным наблюдением небесных светил, египтяне сделали важнейшее наблюдение, что одна из звезд — Сириус, египетская *Spd. t* «острая»,³ в греческой транскрипции *Σῶθις* — становилась перед началом наводнения снова видимой. Поэтому египтяне и верили в то, что Сотис-Сириус, являющийся «душой Исиды», своим восходом обуславливал начало наводнения.⁴ В одном из текстов Рамессея мы читаем, что царь восходит «подобно Исиде-Сотис на небе в утро нового года, когда она предсказала ему юбилей и Нилы».⁵ Столь тесно слилась Сотис в сознании египтян с годом, что уже в пирамидных текстах она называется «годом».⁶ Получив в виде восхода этой звезды прекрасное средство для определения начала года, египтяне могли бы в качестве первого из народов мира создать образцовый календарь. Но этому достижению помешало то определение длины года, которое было ими сделано в предшествующую эпоху, а именно определение года в 365 дней, или 12 месяцев по 30 дней, плюс 5 дополнительных. Этот гражданский год египетского народа был короче на $\frac{1}{4}$ дня года Сириуса, равняющегося, подобно году солнца, $365 \frac{1}{4}$ дня, следовательно египетский гражданский год обгонял солнечный год в течение 4 лет на целый день, в течение 120 лет на целый месяц, а в течение 1460 лет на целый год. Таким образом, египетский гражданский год был блуждающим

¹ К уточнению значения *h rjw gnr. t*, см. указание Dugoff на Pyp. 1187 в с. Hommel, Ethnol. u. Geogr. d. A. O., p. 885 Anm. 8.

² В переводе названий 2-х последних времен года я следую пониманию Sethe, o. c., p. 294.

³ Следую интерпретации Sethe, o. c., p. 293. О Сотис см. Roeder, ÄZ, 45, p. 22 sq.; его же Roscher, Sp. 1273 sq.

⁴ О возможности наблюдения в древности восхода Сотис, см. Borchardt, Beobachtungen d. Frühaufganges d. Sirius in Ägypten, OLG, 1926, p. 309 sq.

⁵ L. D. III, 170, верхняя часть окаймляющей строки.

⁶ Pyramidische Texte, p. 965.

годом, его праздники оказывались не приуроченными к одному какому-нибудь определенному дню года, а проходили через все дни года.¹ Такой блуждающий календарь имел свои большие неудобства и египтяне это, конечно, сознавали, так как они при помощи Сотис с точностью установили настоящую длину года в $365 \frac{1}{4}$ дня. Ежегодно указывали тот день гражданского года, на который в данном году падал восход Сириуса.² При таком положении, казалось проще простого прибегнуть к помощи високосных дней и тем самым отождествить свой гражданский год с годом Сириуса, гезр. солнечным годом. Но таков был уже характер египетского народа, который с поразительной легкостью отказывался от элементов, данных в опыте, безжалостно схематизируя действительность, но не имел силы отказаться от раз созданной им схемы. Он не отказался до конца дней своей самостоятельной культуры ни от своего письма, не знавшего огласовки, ни от своего искусства, не знавшего перспективы. Не отказался он и от своего национального гражданского года, не знавшего соответствия с временами года.³ Египтяне, сохраняя свой блуждающий гражданский год, но празднуя все же восход Сириуса, имели таким образом два календаря, которые через каждые 1460 лет должны были совпадать, а в течение этих 1460 лет более или менее расходились. Подобное наличие в древнем Египте двух календарей дает современным исследователям прекрасное средство определить абсолютную хронологию египетской истории. Правда, это определение возможно лишь ввиду того обстоятельства, что нам засвидетельствован один из моментов, когда египетский гражданский год и год Сотис снова совпали. Такое совпадение этих двух годов греки называли *ἀποκατάστασις*, и Цензорин, писатель III в., в XXI гл. своего труда *Liber de die natali ad C. Caerellium*⁴ указывал на 139 год н. э., как на год

¹ Ср. Канопский декрет, греческий текст, р. 40—46; демотический, р. 11—12; иероглифический, р. 20—22.

² Ср. письмо настоятеля храма от 25 дня, третьего месяца времени года рг. t т. е. 7 месяц VIII года Сесостриса III к первому жрецу-чтецу из берлинских кахунских папирусов: «да узнаешь ты, что восход Сириуса произойдет в 16 день четвертого месяца рг. t. (т. е. 8 месяц)», см. Vorchardt, *ÄZ*, 37, р. 99. Если столько времени отделяло момент объявления восхода Сириуса от его фактического восхода, то из этого следует, что восход объявлялся не на основании наблюдения, а путем календарного вычисления. См. Ed. Meyer, *Chronologie*, р. 18.

³ Согласно Nigidius'у Figulus'у (современник Цицерона) египетские цари должны были в момент коронации клясться, что они будут держаться блуждающего календаря и воздерживаться от введения високосных дней, или месяцев. Ср. Ed. Meyer, *Chronologie*, р. 31 и Ginsel, *Handbuch*, р. 196, Anm. 1. В следующем параграфе этой главы, посвященной вопросу об эре, мы познакомимся еще с одним мотивом, удерживавшим египтян от перехода к постоянному календарю.

⁴ См. издание Joh. Cholodniak, *Censorini de die natali liber*, Petropolis 1889, с. XXI, 10—11, р. 33.

такого совпадения.¹ Согласно его свидетельству, днем ἀποκατάστασις было 21 или вернее 20 июля,² но согласно большинству писателей классической древности, а также Канопскому декрету, днем восхода Сириуса являлось 19 июля.³

Если мы прибавим к году указанному Цензорином 1460 (resp. 1459)⁴ лет, то мы получим для предшествующей ἀποκατάστασις 1318 год. Прибавляя в дальнейшем по 1460 лет, мы можем датировать еще более древние случаи ἀποκατάστασις годами 2782 и 4242 и т. д. Египетский гражданский календарь со своим характерным блуждающим годом мог быть, конечно, введен лишь в один из этих указанных годов совпадения года Сириуса и гражданского года. В какую же из данных ἀποκατάστασις он был введен? 1322 г.,⁵ очевидно, не подлежит дискуссии. Точно также и в 2782 г. календарь не мог быть введен, ибо дошедшие до нас памятники свидетельствуют об истории Египта, обнимающей значительно больший промежуток времени, и в памятниках, которые можно отнести к времени значительно более древнему нежели 2782 г. до н. э., календарь был уже установлен. Следовательно, календарь мог быть введен не позже 4242 г. до н. э.⁶ Мы можем определить с большой точностью и географический пункт, на котором был установлен календарь. Дело в том, что восход Сириуса наблюдается с колебанием на один день на каждый градус географ. широты и таким образом в различных пунктах Египта он восходит между 13 и 20 июля.⁷ Если восход Сириуса официально падал на 19 июля, то мы знаем, поэтому, что наблюдение о его восходе сделано на широте (30° с. ш.) Мемфиса. Следовательно, календарь был введен в Мемфисе и если он стал обязательным для Египта, то, очевидно, Мемфис был в этот момент, в 4242 г. до н. э., или же в год на 1460 лет более ранний, сто-

¹ Расхождение Borhardt'a, *Annalen u. zeitliche Festlegung des Alten Reiches der ägyptischen Geschichte*, Berlin, 1917, p. 54 sq. с Ed. Meyer'ом, *Chronologie*, p. 28 был ли год ἀποκατάστασις 139 или 140 г. не имеет для нас значения. Я придерживаюсь результата вычисления Borhardt'a, хотя можно было бы с ним спорить. Ср. Sethe, *Zeitrechnung*, I, p. 308, Anm. 1.

² Ginsel, *Handbuch*, I, p. 188, Anm. 1.

³ Unger, *Manetho*, p. 46 sq. Он же в J. Müller, *Handbuch des klassischen Altertum*, I¹, p. 606, Anm. 1. Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 22 sq. и Ginsel, *Handbuch*, p. 188.

⁴ Что касается способа вычисления периода Сотис, то по мнению Ed. Meyer'a он вычисляется циклически (*Ägyptische Chronologie*, p. 18). По мнению Borhardt'a, *Annalen*, 56—7 он вычисляется не циклически, а астрономически. См. Sethe, *Zeitrechnung*, I, p. 307, Anm. 2.

⁵ Я продолжаю придерживаться, подобно Fl. Petrie (в его *History of Egypt*), этого старого определения, а не 1318 г., какового придерживается L. Borhardt, *Annalen*, *passim*.

⁶ Работы последних лет, отрицающие этот старый вывод Ed. Meyer'a, будут рассмотрены мной тогда, когда я буду давать оценку хронологии Манефона. Я могу это сделать ввиду того, что выводы этих работ не построены на новом доселе неизвестном материале.

⁷ Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 28.

лицей объединенного Египта.¹ Таким образом, в Мемфисе в V, а может быть даже в VI тысячелетии² была создана своеобразная календарная система древнего Египта. За все это время, начиная с глубокой древности вплоть до 26 г. до н. э., календарной реформы Августа, египетский календарь оставался неизменным, или вернее продолжалось сосуществование двух годов, гражданского блуждающего и года Сотис постоянного. И после 26 г. до н. э. в сознании египетского народа продолжал господствовать блуждающий год.³ Правда по мнению Sethe, высказанному им сравнительно недавно, была проведена в начале Среднего царства важная календарная реформа, если и не ставившая под знак вопроса «блуждающий год», то во всяком случае допускающая в календарном творчестве Египта новые неожиданные элементы. Построение Sethe сводится к тому, что Аменемхетом I были слиты воедино два года — год Сотис и год, начинающийся с момента зимнего солнцеворота. Эти два года сосуществовали, полагает он, до того, и каждый из них имел свои особые месяцы. Солнцеворотом египтяне называли msw. t — R' «рождение Ре», так как согласно Макробию, очень позднему писателю, египтяне праздновали рождение солнца в день зимнего солнцеворота.⁴ Что касается имен месяцев, то, как известно, они давались по праздникам, справлявшимся в течение их. До нас дошли такие названия месячных праздников от эпохи Нового царства. Они долгое время ставили нас, казалось, перед неразрешимой загадкой. Оказывалось некоторое несоответствие между этими праздниками Нового царства и установившимися именами месяцев коптского календаря, восходящего к до-христианскому периоду.⁵ Так, первый праздник в году в Новом царстве

¹ Еще Олимпиодор, писатель VI в., указывает на то, что празднование восхода Сириуса 19 июля доказывает господство Мемфиса в прошлом: «и то, что этот (т. е. Мемфис) царял (когда то), явствует из того, что александрийцы празднуют восход Сириуса не тогда, когда Сириус восходит у них, а тогда, когда он восходит у мемфитов». Цитирую по Sethe, о. с., р. 309, Anm. 1.

² Вопрос о том, когда календарь был введен, мы решим окончательно в §§ 7 и 8 этой главы, посвященных хронологии царских списков Манефона.

³ Ср. Wilcken, Grundzüge, р. LVI.

⁴ Macrobius, Sat., I, 18.

⁵ Имена коптских месяцев: 1) Тот — праздник бога Тота. 2) Паофи — праздник Луксора (ἱρ. t). 3) Атир — праздник Гатор. 4) Хойяк — праздник kꜣ·ḥr-kꜣ, т. е. «соединения ка», как это доказывается другим именем праздника Nḥb-kꜣw (см. Gardiner, Tomb of Amenemhet, р. 97). 5) Тиби — неизвестное значение. 6) Мехир — неизвестное значение. 7) Фаменоф — праздник обожествления царя Аменхотепа. 8) Фармути — праздник Ренет, богини жатвы. 9) Пахон — праздник Хонсу. 10) Пауни — праздник долины, праздник Фиванского некрополя. 11) Эпифи — праздник, может быть, богини Тауэрис «ἱrꜣr», может быть редуцированная форма одного из имен Тауэрис — . 12) Месоре — праздник рождения Ре. Sethe надеется посвятить особое исследование этим названиям месяцев (Zeitrechnung d. alten Ägypten, II, р. 30, Anm. 20). В таком случае многое нам станет яснее.

назывался *msw. t — R'*, хотя лишь последний, двенадцатый месяц носит это название. Праздник Гатор, который дал название третьему месяцу года, падает на четвертый месяц и т. д.¹ Sethe из этого несоответствия сделал остроумный и вполне правильный вывод, что египетские месяцы не начинались праздником, в честь которого они были названы, а наоборот заканчивались им.² Но, по мнению Sethe, некоторые из названий этих праздников не соответствовали и тому времени года, на которое они падали согласно году Сотис. Кроме «Месу-Ре» праздника «рождения Ре», о котором мы говорили выше, сюда относятся два праздника *gkḥ* «жага». Они соответствуют шестому и седьмому месяцам года, если исходить из расчета года Сотис.³ Они соответствуют времени от 16-го декабря до 13-го февраля, т. е. времени более прохладному и поэтому название их, по мнению Sethe, не подходит к их положению в году Сотиса, точно так же, как и месяц Месоре, долженствующий отмечать, по его мнению, праздник зимнего солнцеворота, не может падать на 19 июля. Исход из затруднения Sethe видит в вышеуказанной гипотезе о том, что в эпоху Среднего царства слились воедино два календаря — календарь Сотис и календарь, начинающий год с зимнего солнцеворота. Произошло это слияние благодаря тому, что в эту эпоху, в 2000 г. до н. э., в год начала царствования Аменемхета I, начало гражданского года падало на 5/6 января, день зимнего солнцеворота, день предполагаемого праздника Месоре. Затем, уже с течением времени праздник зимнего солнцеворота Месоре снова отделился от начала гражданского года, и в конце концов был слит с праздником начала года Сотис, т. е. был зафиксирован на 19 июля, хотя и память об иной датировке Месоре продолжала жить в народе.⁴ Я не думаю, что это остроумное построение Sethe соответствует истине. Мало вероятно, чтобы египтяне при своем консерватизме решились в эпоху Среднего царства официально на подобную календарную реформу. Тем более, что тогда, в начале III тысячелетия, они прекрасно ознакомились со своим блуждающим гражданским годом и поэтому они не могли на основании случайного совпадения постоянного дня зимнего солнцеворота с варьирующимся днем начала гражданского года создать важнейшую календарную реформу, переносящую начало года на 5/6 января,

¹ Gardiner, Mesore, as first month of the Egyptian year, *ÄZ*, 43.

² Sethe, *Zeitrechnung d. Alten Ägypter*, II, p. 35. Это остроумное и простое объяснение ликвидирует остроумное, но сложное объяснение того же явления Ed. Meyer'ом, *Nachrichten zur ägyptischen Chronologie*, p. 16.

³ См. таблицу названия месяцев. Ed. Meyer, *ibidem*.

⁴ Эта остроумная гипотеза Sethe уже оказала свое влияние, как многие гипотезы этого остроумнейшего египтолога. Ее использовал Norden в своей интересной и прекрасной книге *Geburt des Kindes*, 1924, p. 31 и 54.

на день зимнего солнцеворота. Что же касается существования особого года зимнего солнцеворота, то я готов допустить, что в V и VI тысячелетиях подобный год и существовал, но он тогда уже уступил место новому году, году Сотис, который и сделался с того времени регулятором блуждающего гражданского года. С течением времени праздник зимнего солнцеворота бледнел и терял свое значение, ибо в Египте, в стране вечного солнца он не играл той роли, как в несколько более северных странах.¹ Ввиду этого я не считаю слишком вероятным, что бы в конце III тысячелетия еще существовал год зимнего солнцеворота наряду с годом Сотис, да еще с особыми названиями месяцев. Я и думаю, что вышеприведенные названия двух месяцев не столь доказательны для теории *Sethe*, какими они может быть кажутся на первый взгляд. Ведь эти два месяца *gkh* «жара» не обозначают месяц «жары», «жаркий месяц», жарой своей выделяющийся среди прочих месяцев, а месяцы, в которых справляются праздники носящие имя *gkh*, «жара».² Они вставлены между месяцем праздника «наливания зерна» и между месяцем праздника жатвы. Поэтому напрашивается мысль, что они стоят в какой-то связи с процессом созревания злаков. Праздничные церемонии должны вымолить у богов большую жару, которая могла бы ускорить процесс созревания хлебов. В таком случае положение этих двух месяцев вполне уместно и в годе Сотис, который был по существу годом египетского крестьянина. Отнюдь не требуется усматривать в них «рудимент» какого-то другого календаря, начинающего год со дня зимнего солнцеворота. Окончательно ослабляет позицию *Sethe* то обстоятельство, что иероглифическая литература сохранила нам название праздника, который египтянами праздновался в день 5/6 января, в день зимнего солнцеворота, и имя это не соответствует представлению о дне рождения солнца. Название этого праздника мы находим в трех календарях, увековеченных на стенах трех птолемеевских храмов, а именно храма в Эдфу,³ в Эсне⁴ и в Дендера.⁵ 5/6 января, отделенному

¹ Ярким доказательством того, что нельзя подходить к толкованию того или иного явления природы, засвидетельствованного в египетских текстах, с нашей точки зрения, служит *φύλλορσίσις* «листопад», который упоминается в оракуле горшечника в описании наступления общего благосостояния страны. Для нас листопад связан с ненастьем осени. В Египте, где нет ежегодного листопада, листопад, наступающий лишь через несколько лет, указывает на новое возрождение деревьев.

² См. *Egmau-Grawow, Ägyptisches Handwörterbuch*, Berlin, 1921, p. 97, переводят *gkh* как имя праздника.

³ Издан и переведен Н. Brugsch'ем, *Drei Text-kalender des Tempels von Apollinopolis Magna in Ober-Ägypten*, Lpz., 1877, p. 1—8, Taf. I—V.

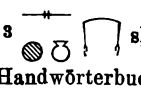
⁴ Издан Н. Brugsch'ем, *Matériaux pour servir à la reconstruction du calendrier des anciens Egyptiens*, Lpz. 1864, pl. X—XIII. Переведен Н. Brugsch'ем, о. с., p. 22—29.

⁵ Издан Mariette, *Denderah*, I, pl. 62. Переведен Н. Brugsch'ем, о. с., p. 19—21.

от 19 июля, начала года Сотис, на 171 день, соответствует 21 день шестого египетского месяца Мехир, отделенный от 1 дня первого египетского месяца Тота также на 171 день. Под этим 21 Мехира мы читаем в эдфуском календаре (стр. 12) следующее; «Праздник сильного¹ во всей стране. Исполняй все церемонии во время его, подобно тому, как в 19 день первого месяца года (Тот).² Мехир имя этого месяца. Праздник называется праздником встречи». ³ «Праздником сильного» называется Мехир и в календаре храма Эсне (стр. 9). «Праздник сильного» упоминается и в дендераском календаре под 21 Мехира.⁴ Я думаю, что такое название праздника, справлявшегося 5/6 января, не подходит к дню рождения Ре. Наоборот в этот день Ре выступает уже мощным витязем, который несмотря на все враждебные силы снова начинает приближаться к Египту, «встречает обе страны». ⁵ Очевидно, в сознании египтян, в противоположность народам севера, в день зимнего солнцеворота выявлялась не столько слабость, сколько активная мощь Ре — солнца,⁶ и поэтому момент рождения солнца в это время для них отступает на задний план. Вообще, день рождения солнца в процессе годового круговорота они не были в состоянии себе представить с достаточной образностью. Ведь солнце

¹ kn.

² Характер праздника 19 Тота в эдфуском календаре (стр. 4), называемого праздником Шу и Тефнут, во всем ясен. Но во всяком случае он ничего общего с праздником рождения Ре не имеет. Точно также и в календаре храма в Эсне, где этот день является праздником оправдания местного бога Хнума перед Ре. В дендераском календаре 19 Тота не был отмечен.

³ shp. Можно перевести еще «объятие» и «событие». См. Егман-Ггаров, Handwörterbuch, p. 148, если только здесь не игра слов. Дело в том, что мы имеем глагол

 (Егман-Ггаров, о. с., p. 196) также обозначающий «обнимать», «объятие».

⁴ Если здесь между прочим упоминается и «процессия и упоминание в доме рождения» Гатор, то в связи с этим любопытно отметить, что Гатор пребывает в этом «Доме рождения» и в месяце Фармути, т. е. месяце праздника богини жатвы. Таким образом можно будет с некоторой вероятностью предположить, что «праздник сильного» имеет отношение к процессу произрастания хлебных злаков. Это предположение может быть подкреплено еще указанием на то, что следующие за 21 Мехира дни до конца месяца называются праздником «давания расти злакам богам» в эдфуском календаре (стр. 12).

⁵ Или «обнимает» их, см. прим. 1.

⁶ Трудно было бы себе представить, что «праздником сильного» день зимнего солнцеворота стал называться лишь в эллинистическое время, а в до-птолемеевскую эпоху он назывался бы иначе. Ведь, как мы видели выше в I главе, жрецы позднего времени примыкали к древней традиции. Начальные строки календаря храма в Эсне прямо указывают на древность своих источников: «список праздников Эсне... (который почерпнут из) кожаных свитков богов и традиции предков». Любопытно, что в текстах, собранных Вругсч'ем, в главе о зимнем солнцевороте (Theaurus, p. 408 sq.), нет ни одного прямого указания на «рождение» солнца.

не исчезало на многие месяцы с неба Египта, его сияние и тепло были не слишком ослаблены в течение зимы. Поэтому, рождение солнца — событие столь яркое на севере — сводилось для египтян к возвращению солнца к исходному пункту своего пути. Чисто условно они определили это возвращение и вместе с тем рождение солнца днем 19 июля, когда восходил Сириус и начиналось повышение Нила. Конечно 19 июля, столь близкое дню летнего солнцеворота, весьма несоответствующий момент для дня рождения солнца. Подобное несоответствие было возможным при той бледности, которой отличался праздник дня рождения солнца в религиозном сознании Египта. Тем же самым обстоятельством вероятно объясняется и отсутствие в дошедшей до нас литературе представления о рождении, расцвете, смерти и новом возрождении солнца, свершающего свой ежегодный круговорот. В сохранившихся памятниках образ рождающегося и умирающего солнца был связан лишь с суточным круговоротом солнца.¹ Ночью солнце, действительно, исчезало из глаз египтян. «Заходишь ты» (т. е. солнце), говорит Эхнатон, «на горизонте — и земля во мраке, как мертвая. Молчит земля, ибо создавший ее успокоился на горизонте своем».² Утром же «каждый день рождало небо солнце»³ и каждое утро переживал Египет светлый праздник рождения солнца, наполнявший сознание его радостью и умилением. Рядом с великим событием утреннего восхода настолько тускнели все прочие события солнечного года, что в древнейшем письме лишь день детерминируется иероглифом солнца, а год и время года оставляются без этого детерминатива.⁴

На основании всего сказанного я решаюсь утверждать, что в египетском календаре исторического времени зимний солнцеворот играл лишь второстепенную роль. Праздник Месоре — начало солнечного года — совпадал всегда, и в эпоху царя Аменемхета I,⁵ с восходом Сириуса. Если же мы находим свидетельства различных эллинистических авторов о том, что

¹ Grapow, Die bildlichen Ausdrücke des Ägyptischen. Vom Denken und Dichten einer alt-oriental. Sprache, Berlin, 1924.

² Б. А. Тураев, История древнего Востока, I, стр. 305.

³ Тексты пирамид (изд. Sethe), 1688.

⁴ Sethe, Zeitrechnung der alten Ägypter, II Bd., p. 29.

⁵ Нельзя видеть в Эрмитажном папирусе № 1116 В recto, содержащем пророчество Ноферреху, намеки на календарную реформу. Автор стремится усилить впечатление мрачной картины политической и социальной катастрофы аккумуляцией зловещих явлений природы различных времен года — недостатка воды (характерного для лета), слабости солнечных лучей (характерной для зимы) и нерегулярности ветров (характерной для перехода от зимы к лету). Об этом папирусе см. мою статью: Папирус 1116 В recto и пророческая литература Египта, ЗКВ, I, стр. 209 сл.

египтяне праздновали то 22¹ или 25 декабря,² то 5/6 января³ день рождения солнца, то мы должны будем отнести это свидетельство не столько к египтянам, сколько к александрийцам, которые в сильнейшей степени зависели от религиозных влияний Греции.

После решения вопроса о возможности календарной реформы года Сотис в эпоху Аменемхета I, перед нами остается еще вопрос о таинственной эре ἀπὸ Μενόφρεως, которая имеет также отношение к году Сотис. Правильный ответ на этот вопрос будет иметь громадное значение для оценки всего исторического труда Манефона.

Эру ἀπὸ Μενόφρεως упоминает Феон, писатель конца IV в., и называет этим именем последнюю эру Сотис, начавшуюся с момента ἀποκατάστασις 1322 г. до н. э.⁴ К имени Μενόφρεως исследователям до сих пор не удалось найти общепризнанного древнеегипетского эквивалента. В недавнее сравнительно время Sethe попытался снова вернуться к старой гипотезе Biot, увидевшего в Μενόφρεως вариант имени города Мемфиса.⁵

¹ Macrobius, o. c., I, 18; Plutarchus, De Iside et Osiride, p. 65. Последний, правда, говорит не о рождении солнца, а о рождении Гарпократа. С этим богом, культ которого расцвел в позднее время, могли быть связаны иные представления, нежели с Ре. Любопытно отметить, что 22 декабря праздновалось и в эдфуском календаре. Здесь под 6 Мехира (я следую чтению Вrigsch'a в переводе текста, o. c., p. 4, ибо в иероглифической копии текста o. c., Taf. II, написано 4) мы читаем: «Очень, очень большой праздник. Воздымаются алтари быками, гусями... Поют, ликуют, пляшут и танцуют женщины этого города. В восьмом часу дня возвращение во дворец». Но я думаю, что этот праздник в Эдфу имеет отношение ко дню рождения Гарпократа, о котором упоминает Плутарх. Этот праздник был скорее локальным праздником Эдфу. Дело в том, что дендераский календарь не праздновал шестое Мехира. Что же касается календаря храма Эсне, то там под шестым Мехира отмечено следующее: «День наполовину плохой, наполовину хороший. Праздник Шу. Праздник создания пути богини Сохмет. Праздник богини Мевхит. Богиня в этот день велика любовью». Интересно отметить в связи с этим свидетельством календаря из Эсне о не совсем благополучном характере шестого Мехира и определение магическим календарем папируса Sallier, IV, pl. 16, этого дня, как неблагоприятного. Ввиду такого зловещего характера шестого Мехира в Эсне и в других местах, надо полагать, что он не соответствовал дню рождения Гарпократа, праздника по существу своему радостного.

² Календарь астролога Антиоха, см. Boll, Griechisches Kalender, I, p. 40, Sitzungsber. Heidelb. Akad., 1910 (цитирую по Sethe, p. 38). День 25 декабря праздновался и в египетском календаре. В Эдфу девятого Мехира справлялся уже известный нам праздник великой жары (см. выше). В Дендера он не справлялся, а в календаре Эсне строка (9), свидетельствующая о празднике девятого Мехира, к сожалению, сильно фрагментирована. Судя по следам можно с некоторой вероятностью высчитать, что праздник был посвящен богине Ренент, богине жатвы. Это прекрасно согласовалось бы с нашим вышеприведенным толкованием «праздника большой жары», как праздника, имеющего отношение к процессу созревания хлеба. Согласно папирусу Sallier, IV, pl. 16, день девятого Мехира является вполне благополучным.

³ И этот день — 21 Мехира, согласно свидетельству папируса Sallier, IV, является вполне благополучным.

⁴ Текст и перевод Феона приведены Lepsius, Königsbuch, p. 123. Ср. также Ed. Meyer, Chronologie, p. 22, Ann. I.

⁵ Biot, Sur la période Sothiaque, p. 21.

Он подкрепляет предположение французского ученого ссылкой на Олимпиадора, писателя VI в., указавшего на то, что египетский год Сотис был введен в эпоху господства Мемфиса.¹ В пользу отождествления *Μενόφρεωϛ* с Мемфисом *Sethe* приводит и то соображение, что мы в *Μενόφρεωϛ* имеем более полную форму греческой транскрипции египетского *Men-pofru*, чем обычное *Μέμφιϛ*. В качестве аналогии он ссылается на два варианта транскрипции одного из имен Осириса *Wenen-pofru* — *’Ουνῶφριϛ* (полная форма) и *’Ομφιϛ* (сокращенная). Это отождествление *Μενόφρεωϛ* с Мемфисом *Sethe* высказал с большой осторожностью, но столь велик авторитет *Sethe*, что его гипотеза уже другими исследователями рассматривается как доказанное положение.² *Sethe* же, действительно, имел все основания высказать свою гипотезу со всяческими оговорками. Дело в том, что уже попытка его объяснить вариант *Μενόφρεωϛ* resp. *Μενόφριϛ* наряду с *Μέμφιϛ* ссылкой на *’Ουνῶφριϛ* и *’Ομφιϛ* не выдерживает критики. Египетские эквиваленты второй части составных слов *Μέμφιϛ* и *’Ουνῶφριϛ* не тождественны. *Μέμφιϛ* восходит к древнеегипетскому *Mn-nfr*,³ а *’Ουνῶφριϛ* к древнеегипетскому *Wnn-nfrw*.⁴ Я полагаю, что *Mn-nfr*, давшее в эпоху VI династии *Ménfer*,⁵ поэтому обозначало не «пребывающий в красотах»,⁶ а «пребывание прекрасное», т. е. *nfr* в данном соединении является именем прилагательным мужского рода, которое могло потерять уже рано свое конечное *г*, не защищенное окончанием, ср. коптское *ⲛⲟⲩⲥⲉ* «добрый».⁷ Этим и объясняется, что и в коптском *ⲙⲛⲥⲉ*⁸ и во всех известных нам иностранных передачах имени древней египетской столицы мы встречаем одну лишь сокращенную форму, как *Memri*, *Mimri*,⁹ *Mimbi*¹⁰ *ᲙᲓ*¹¹ или *ᲙᲓ*¹²

¹ См. прим. 1 на стр. 171.

² Следующими словами заключает *Sethe* высказанную им догадку: «*Indess sprechen schwere sachliche u. sprachliche Bedenken (ägyptischer und griechischerseits) gegen diese Kombination*» (о. с., I, p. 309). Но *Blackman* в своей рецензии в *JRAS* (1924, p. 319) на I том Кембриджской истории оперирует уже с этой «комбинацией», как с вполне реальным фактом.

³ *Erman-Grauw*, *Handwörterbuch*, p. 165.

⁴ *Ibid.*, p. 36.

⁵ О древнеегипетском произношении имени Мемфиса см. *Sethe*, *ZDMG*, v. 77 (1923), p. 191 sq. и *ZDMG*, v. 79 (1925), p. 314, Anm. 1.

⁶ Так обычно переводят, напр., *Ranke*, *Keilschriftl. Material zur altägyptischen Vokalisation*, p. 30.

⁷ См. различные варианты корня *nfn* у *Spiegelberg*'a, *Koptisches Handwörterbuch*, p. 84.

⁸ См. *Steindorff*, *Koptische Grammatik*, § 134, где сопоставлены и другие составные слова.

⁹ Ассирийская передача см. *Ranke*, о. с., p. 30.

¹⁰ *Ibid.*, p. 39.

¹¹ Обычная библейская передача.

¹² *Осия*, 9, 6

ЗКВ, т. IV.

יְהִי¹ Μέμφις — но ни разу полную форму, постулированную Sethe, Μενόφρις.

Что же касается Wnn-nfrw древнеегипетского эквивалента греческого Ὀυνώφρις, то конечное w нам указывает на то, что nfrw мы должны читать как имя существительное «благое», «красота», «доброта»² и перевести мы должны будем это словом не «существование прекрасное», а «сущий красотой», или «сущий в красоте». Если же мы встречаем наряду с полной формой Ὀυνώφρις сокращенную форму Ὀμφις, то это объясняется, очевидно, тем, что в некоторых богословских школах Египта истолкование имени бога отклонялось несколько в сторону от древнего праобраза имени. Эти толкования, впрочем, не стали господствующими, ибо в коптском языке нам известна лишь форма **отеночре**.

Из всего приведенного мною вытекает, я думаю, с очевидностью, что Sethe не удалось устранить филологические затруднения, препятствующие отождествлению таинственного Μενόφρεωϛ с Мемфисом. Еще бóльшие затруднения вытекают из общего контекста самой цитаты Феона. Слова Феона: «Ради установления восхода Сириуса в сотый год эры Диоклециана мы возьмем годы, начиная с эры Менофреса (τὰ ἀπὸ Μενόφρεωϛ) до конца эры Августа. Сумма годов дает 1605 лет. . .»³ Не подлежит сомнению, принимая во внимание контекст, что Феон в этом рассуждении понимал под ἀπὸ Μενόφρεωϛ не эру города Μενόφρεωϛ, а эру некоего царя Менофреса, точно так же, как и в случае с «сотым годом эры Диоклециана» и «до конца эры Августа». Кроме того какая же могла быть в год предпоследней ἀποκατάστασις эра Мемфиса, которую можно было бы, как предполагает Sethe, сопоставить с римским ab urbe condita.⁴ Ведь Мемфис был основан, согласно Геродоту, уже Менесом за много тысячелетий до времени жизни Феона. Поэтому, мы и обязаны искать вместе с Lepsius'ом⁵ в имени «Менофрес», засвидетельствованном Феоном, царское имя. Из вычисления, приведенного Феоном — 1605 лет соответствуют годам эры Менофреса, причисленным к годам эры Августа, начиная с последнего года эры Менофреса вплоть до первого года Диоклециана, — явствует, что эра Менофреса тождественна с периодом Сотис, начавшимся в 1318 (resp. 1322) до н. э. На основании египетских памятников и синхронизмов с историей передней Азии можно теперь с определенностью установить, что год этой

¹ Арамейская передача засвидетельствована Eleph. Pap., 10, 11, 16, 17.

² Erman-Graff, o. c., p. 81.

³ Lepsius, Chronologie, p. 169.

⁴ O. c., I, p. 302.

⁵ Chronologie, p. 173.

ἀποκατάστασις Сириуса относится к началу XIX династии. Следовательно в таинственном «Менофрес» могут скрываться лишь имена трех египетских царей — 1) царя Харемхеба (царившего, согласно определению Breasted'a,¹ в 1350—1315 гг., согласно Fl. Petrie² — в 1332—1328 гг.), 2) царя Рамсеса I (согласно Breasted'у — в 1315—1314 гг., согласно Fl. Petrie — в 1328—1326 гг.), 3) царя Сети I (согласно Breasted'у — в 1313—1292 гг., согласно Fl. Petrie — в 1326—1300 гг.). Тронное имя Харемхеба гласило *Dsr-hrw-R'*, а по-гречески его можно было бы транскрибировать *Τοσορσάφρης*. Очевидно ни Харемхеб, ни *Τοσορσάφρης* никакими ухищрениями не могут быть отождествлены с *Μενόφρεως* Феона. Обратимся теперь к возможности отождествления тронного имени Рамсеса I³ *Mn-ph̄tj-R'* с именем «Менофрес». Греческая транскрипция *Mn-ph̄tj-R'* могла бы соответствовать *Μενπαθηρής*.⁴ При допущении некоторых грубых описок можно, конечно, *Μενπαθηρής*, тронное имя Рамсеса I, свести к *Μενόφρεως* Феона. Некоторые из исследователей и решились на такое отождествление.⁵ Но я лично готов согласиться с Ed. Meyer'ом, что при таком отождествлении или же отождествлении тронного имени Сети I, последнего из трех перечисленных царей, гласившего *Mn-m̄s.t-Rc* *Μενμαρής*, — открываются двери всякому произволу.⁶ Нам остается таким образом попытаться отождествить личное имя царя Сети I с *Μενόφρεως* Феона. На первый взгляд это кажется невозможным, ибо имя Сети ни в коем случае не могло бы соответствовать Менофресу. Мы приходим следовательно, казалось бы, к той же отрицательной оценке свидетельства Феона для определения царствования какого-либо из египетских царей.⁷ В таком случае можно было бы даже вместе с Ed. Meyer'ом предположить, что в «Менофрес» Феона кроется имя какого-нибудь египетского астронома. Но я думаю все же, что тайну с эры ἀπὸ *Μενόφρεως* можно снять и отождествить *Μενόφρεως* с именем, и притом личным именем царя Сети I. Дело в том, что Stj, «принадлежащий (богу) Сету», не исчерпывается личное имя этого царя, отца Рамсеса II, и Stj дополнено *Mr-n-Pth*, «любимец Птаха», так

¹ Geschichte Ägyptens, 1911, Verzeichniss der ägyptischen Könige, p. 447. В своем новом английском издании этого труда (1921 г.) Breasted ничего не изменил.

² History of Egypt, III.

³ Имя Рамсес, конечно, отпадает. Самые элементарные правила палеографии запрещают отождествление этого имени с Менофресом Феона.

⁴ Ср. *s̄-ph̄tj* Ἀπάθης в имени *Ψεναπάθης* и т. д.

⁵ Например, Fl. Petrie, History of Egypt, III, p. 126. Правда, он настолько все же не уверен в данном отождествлении, что год 1322, год ἀποκατάστασις, вошел по его хронологическим исчислениям в число лет правления Сети I.

⁶ Ed. Meyer, Chronologie, p. 30.

⁷ Ibid.

что полное имя Сети I гласило Stj-mr-n-Pth. Эта вторая часть имени Mr-n-Pth тождественна с личным именем сына Рамсеса II — Мернептахом.¹ Имя последнего царя передавалось в царских списках манефоновских эксцерпторов в следующих вариантах: Ἰωσήφ (Иосиф Флавий), Ἀμενεφθής (Африкан), Ἀμμενεφθής (Евсевий, Синкелл), Amenerphthis (Евсевий, армянский перевод) и Ammenophthis (Иероним). Все эти транскрипции египетского Mr-n-Pth, а в особенности последняя Ammenophthis Иеронима чрезвычайно близки этому таинственному Μενοφρεως Феона. Это наблюдение сделал уже Lepsius и, отождествляя Менофреса Феона и Мернептаха, сына Рамсеса II, не остановился перед небольшой эмендацией, заменив в Μενοφρεως ρ в θ, так что получилась зра ἀπὸ Μενοφθεως. Такая описка первоначального θ в ρ возможна² и, поскольку мне известно, с этой стороны никто и не возражал Lepsius'у.³ Те, которые сомневаются в правильности сопоставления Lepsius'ом Менофреса, resp. Менофреса Феона с Мернептахом, сыном Рамсеса II, исходят не из графических, а из исторических соображений. Дело в том, что в эпоху Lepsius'а была настолько мало исследована история Египта, что можно было допустить возможность, что год 1322 падал на царствование Мернептаха, сына Рамсеса II. Теперь же мы настолько знаем историю Египта, что царствование Мернептаха определяется в хронологическом отношении бесспорно второй половиной XIII в. и поэтому о каком-либо сопоставлении Менофреса, resp. Менофреса Феона с царем Мернептахом, сыном Рамсеса II, теперь и речи быть не может.⁴ Но отказываясь от отождествления Менофреса-Менофреса Феона с Мернептахом, поскольку носителем этого имени был сын Рамсеса II, мы все же можем и даже должны сопоставить этого Менофреса - Менофреса с царским именем XIX династии Мернептаха-Аменофеса. Если мы знаем носителя подобного имени, и царствовавшего притом в конце XIV в., то отождествление его с Менофресом Феона можно считать доказанным. Мы выше видели, что в состав личного имени Сети I входило и имя Мернептаха и мы видели также, что царствование его падало на конец XIV в. Следовательно, тождество Сети I Мернептаха-Аменофеса с Менофресом-Менофресом можно было бы считать доказанным. Но перед

¹ Полное личное имя Мернептаха гласило: Mr-n-Pth-ḥtp-hr-Mꜥt.

² Lepsius, Chronologie, p. 173.

³ Например, обратную описку допускает K. Schmidt, GGA, 1925, 24, предположительно исправляя Βαρβαθίου в Βαρβαρίου. Описку первоначального с, графически чрезвычайно близкого к е, в ρ мы встречаем у Манефона в имени 7-го царя IV династии Σεβερχερός восходящего к первоначальному Σεβεσχερός. Ср. Кеес у Pauly-Wissowa, II Ser., III Hbd., Sp. 966.

⁴ Ed. Meyer, Chronologie, p. 29—30.

нами встает тот же вопрос, который встал в свое время и перед Lepsius'ом, когда он искал эквивалента для *Μενόφρες* Феона среди известных ему царей Египта. Он тоже заметил, что вторая часть личного имени Сети I могла бы служить прекрасным эквивалентом. Несмотря на это, он отказался от привлечения его, в виду того, что Мернептах является в имени Сети I лишь второй частью, и следовательно назывался царь не Мернептах, а Сети, или же Сети-Мернептах. Это рассуждение было принято всеми последующими исследователями и ни один из них уже больше не возвращался к возможности сопоставления второй части личного имени Сети I с Менофресом Феона. Несмотря на такую общепризнанность положения Lepsius'a, я решаюсь утверждать, что оно не совсем правильно. Правильно оно лишь по отношению к эпохе Нового царства. Тогда, действительно, царь Сети назывался этим именем, которое означало, как я выше сказал, «принадлежащий (богу) Сету». Но даже в то время уже это имя не во всех отношениях было вполне приемлемым. Ведь бог Сет, будучи с одной стороны, великим, мощным богом, верным защитником Египта, с другой стороны, был врагом бога Осириса, бога покровителя мертвых. Эта роль злодея была в мифе Осириса присвоена Сету в очень древнее время. Быть почитателем Сета, убийцы Осириса, было опасно в царстве мертвых и поэтому и в гробнице, и в заупокойном храме имя Сети было изменено и вместо иероглифа Сети был поставлен или иероглиф Осириса, или же безличный иероглиф почтенного лица.¹ С течением времени, образ Сета становился все более зловещим и не только в царстве мертвых он превратился в дьявола, но и в мире жизни он начал играть роль злого начала. В Саисскую эпоху Сет в религиозном сознании народа уже настолько приобрел характер отвратительного чудовища, что культ его начали преследовать и имя его стали систематически уничтожать повсюду, где его находили вырезанным на памятниках.² При таком отрицательном отношении к Сети в Саисскую эпоху, унаследованном и Птолемеевским периодом, конечно, немислимо было бы наименование одного из благочестивых царей древности именем, означавшим «принадлежащий Сету». Тот египетско-эллинистический источник, из которого черпал Феон, поэтому должен был искать замену для одиозного имени Сети и он нашел таковую во второй части имени царя Мернептах — Менофрес, resp. Менофрес.³

¹ Roeder у Roscher'a, IV, s. v. Set. Sp. 767.

² Ibid., Sp. 769—70.

³ Ниже, стр. 231 сл., мы увидим, что список царей XIX династии Манефона благодаря этому тезису о невозможности упоминания поздним египетским историком имени Сета восстанавливается полностью и мы видим на основании этого реконструированного списка, каким ценным источником являлся Манефон в своем первоначальном виде.

На основании всего сказанного можно считать доказанным, что эра Менотфеса, resp. Менотфреса, о которой нам сообщает Феон и которая так долго оставалась загадочной, тождественна с эрой царя Сети I Менотфеса. Из этого же следует, что год ἀποκατάστασις 1318, resp. 1322 входил в состав лет правления царя Сети I, а этот факт сыграет немаловажную роль в деле хронологической фиксации начала XIX династии.¹ Но для нас тот факт, что эра Менотфреса была эрой реального исторического царя, представляется чрезвычайно важным еще в другом отношении. Ведь если мы находим такое ценное историческое сообщение о царе, при котором была предпоследняя ἀποκατάστασις Сириуса, у позднего писателя, каким был Феон, то мы не можем допустить, что это свидетельство он почерпнул из современных ему источников. Слишком мало знали уже тогда египтяне о древней истории своей страны. Источник, к которому восходило свидетельство о том, что 1318-й год, когда год Сириуса совпал снова с гражданским годом и был годом царствования Сети I Мернептаха, был значительно более древним, чем Феон. Я думаю, что не ошибусь, если буду искать его в истории Египта Манефона, ибо этот писатель единственный, который мог бы сохранить эллинистическому обществу память о царе этой последней ἀποκατάστασις.² Сведения одного лишь Манефона могли обнимать столь отдаленное время. Если же египетский историк в своем труде говорил о периоде Сотис, то становится чрезвычайно вероятной та гипотеза, которую еще Bösch пытался доказать, а именно, что в основу своей хронологической системы Манефон положил период Сотис.³

Это свидетельство Манефона о том, что 1322 г., год последней для его времени ἀποκατάστασις Сириуса, был годом царствования Сети I Мернептаха, окажет нашему исследованию еще одну чрезвычайно ценную услугу, которая, может быть, окончательно решит целый ряд темных вопросов египетской хронологии. По крайней мере, я решаюсь думать, что разгадка таинственной эры ἀπὸ Μενόφρεως Феона прольет в свою очередь свет и на не менее таинственную Танисскую стэлу с упоминанием 400 года, эры бога Сета, или же царя, имя, resp. имена которого были тождественны с именами бога Сета. Но этот вопрос о так называемой Танисской эре при-

¹ Хронологическое определение царствования Сети I годами 1392—1313, установленное Breasted'ом, оказывается таким образом неправильным. За то благодаря разгадке личного имени Менотфреса Феона блестяще подтвердилось хронологическое определение годов царствования Сети I (1326—1306), предложенное Fl. Petrie.

² О том контексте, где надо будет поместить это свидетельство об эре Менотфреса в труде Манефона, мы будем говорить в VIII главе нашей книги.

³ Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte, Lpz., 1895, p. 985.

водит нас к вопросу о существовании эры в Египте, и к решению этого темного, но интересного вопроса мы и приступим. Решение его необходимо для целого ряда проблем, стоящих в прямой связи с основным нашим вопросом о ценности исторического труда Манефона.

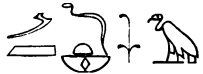
§ 3. Упоминание эры в египетских памятниках.

С представлением об эре мы сталкиваемся в Египте уже в древнейшую эпоху. Правда, такое наблюдение мы можем сделать лишь при том условии, что мы признаем реконструкцию аннал Древнего царства, предложенную L. Borchardt'ом,¹ хотя бы лишь достойной дискуссии.² Я надеюсь в § 6 этой главы, посвященной специально вопросу о хронологии Манефона, доказать до некоторой степени справедливость точки зрения Borchardt'a. Пока же я просто допускаю на время возможность построения Borchardt'a и попытаюсь проверить возможность выводов, вытекающих из него: находятся ли они, т. е. выводы, в противоречии со всеми прочими нашими знаниями в области египетской хронологии, или же эти последние подтверждают их.

На основании очень тщательно проведенной реконструкции лицевой стороны палермского и каирского фрагментов аннал Древнего царства, Borchardt приходит к выводу, что упоминаемый во второй строке *recto* палермского камня «первый раз праздника dt, вечности» отделен от упоминаемого в третьей строке *recto* того же памятника «второго раза праздника вечности» ровно 120 годами. Отрезок времени в 120 лет играет большую роль в периоде Сотис. В этот срок блуждающий гражданский год обгоняет год Сотис ровно на тридцать дней, т. е. на месяц. Следовательно 120 лет представляют собою как бы месяц большого года Сотис, состоящего из 1460 лет. Ввиду этого Borchardt и поставил в связь праздник dt с введением египетского календаря и вместе с этим предположил, что в «первом разе праздника вечности» было зафиксир-

¹ См. его интересную работу: *Die Annalen und die zeitliche Festlegung des Alten Reiches der ägyptischen Geschichte*, Berlin, 1917. Эту книгу мне любезно предоставили М. Э. и Д. А. Ольдерогге.

² Построение Borchardt'a было по существу принято многими исследователями, например, Sethe, *Die Zeitrechnung der alten Ägypter*, I, p. 308; Lehmann-Haupt, *Klio*, XVI (1919), p. 200; Schäfer, *Über ägyptische Zeichenkunst* (1922), p. 326; Fl. Petrie, *History of Egypt*, I¹⁰ (1923), p. 8. Но в 1925 г. появился наконец ответ Ed. Meyer'a, *Die ältere Chronologie Babyloniens, Assyriens und Ägyptens*, Stuttgart und Berlin, 1925, подвергнувший все построение Borchardt'a суровой и безжалостной критике и пришедший к выводу (p. 52), что Borchardt сам привел свою реконструкцию *ad absurdum*.

ровано расхождение гражданского года и года Сотис на 120 лет, а во «втором разе праздника вечности» — расхождение на дальнейшие 120 лет. Подкрепление для своего предположения Borchardt видит в упоминании в 4-й строке recto палермского камня праздника

которое он понимает вместе с Sethe и Erman'ом как «праздник регулирования вечности богини Элькаб». Не останавливаясь здесь на вопросе о правильности перевода Borchardt'a имени этого праздника,¹ мы должны обратить только внимание на тот замечательный факт, что этот праздник отделен от «первого раза праздника вечности» на 280 лет и следовательно от момента введения календаря ровно на 400 лет. Очевидно, этим праздником отмечалось передвижение начала гражданского года по сравнению с годом Сотис на 100 дней, каковой период имел чрезвычайно большое значение для десятичного исчисления Египта.² Из этих наблюдений, которые сделал Borchardt на основании реконструкции аннал,³ вытекает чрезвычайно важный вывод о времени введения календаря, но этот вывод нас сейчас не интересует. Для нас важно в данном случае установить тот момент, что введение календаря послужило началом эры в истории египетского народа. Само собой понятно, что этот момент установления эры на самой заре истории Египта чрезвычайно важен. Правда, пока он обоснован одной лишь спорной реконструкцией аннал Древнего царства, его нельзя еще считать доказанным. Поэтому мы должны теперь обратиться к исследованию вопроса, нет ли и в других памятниках Египта еще указаний на то, что эти периоды в 120 и в 400 лет имели некоторое значение в истории египетского народа.

Одно из свидетельств о значении, которое имел период в 120 лет в Египте, отметил уже Lehmann-Haupt. Он указал в рецензии, посвященной книге Borchardt'a, на известный календарь на обороте медицинского папируса Эберса. Календарь этот неоднократно привлекался историками, так как в нем имеется дата восхода Сириуса и таким образом он может служить одним из рычагов для хронологии Египта. Но до Lehmann-Haupt'a календарь этот не был вполне удовлетворительно объяснен.⁴

¹ Против этого перевода высказались Peet, JÄA, VI, 1920. Цитирую по Ed. Meyer, о. с., p. 45, Anm. 1, который также приводит соображения против перевода Borchardt'a. В § 6 настоящей главы я останавлиюсь подробнее на этом вопросе.

² Lehmann-Haupt, Klio, XVI (1919), p. 202.

³ Borchardt, о. с., p. 51 sq.

⁴ Издание календаря см. Sethe, Urkunde, IV, 44. Наиболее обстоятельные комментарии этого календаря до указанной рецензии Lehmann-Haupt'a см. idem, 2 Hauptprobleme d. altorientalischen Chronologie u. ihre Lösung (1898), p. 195; Ed. Meyer, Chronologie, p. 46 sq. и Sethe, Zeitrechnung der alten Ägypter, I, p. 314.

Ввиду важности вопроса о календаре для решения вопроса об эре, мне придется несколько остановиться на нем. Календарь датирован девятым годом первого царя XVIII династии Аменхотпа I. Затем следует столбец из 12 строк. Началом каждой строки служит название одного из 12 месячных праздников года, причем обычный хронологический порядок этих праздников соблюден. Первым перечислен праздник нового года, а последним — праздник богини 'Iр-t, соответствующий более позднему Эпифи. За названием праздника следует указание месячной даты, причем в первой строке после праздника нового года дата соответствует девятому дню третьего месяца лета (*šmw*), т. е. 11-го месяца года. Во второй строке дата соответствует тому же дню 12-го месяца, в третьей строке 1-го месяца, и т. д. вплоть до двенадцатой строки, отмечающей тот же девятый день 10-го месяца года. В первой строке за месячной датой следует указание «восход Сотис». Таким образом, в календаре папируса Эберса засвидетельствован важнейший факт, что в девятый год царя Аменхотпа I, в девятый день 11-го месяца года имел место восход Сириуса и следовательно девятый год этого царя был тождествен с одним из четырех годов от 1550—1547 г. до н. э. Но для нас календарь папируса Эберса приобретает еще больший интерес благодаря еще другой особенности, а именно вследствие того, что во всех прочих 11 строках календаря за месячной датой следует знак повторения, указывающий на то, что отметка о восходе Сириуса, выписанная в первой строке, должна быть повторена и по отношению к каждому девятому дню остальных 11 месяцев.¹ Если же в календаре папируса Эберса восход Сириуса указан для каждого девятого дня всех 12-ти месяцев года, то для этого имеется лишь одно разумное объяснение, а именно то, что автор календаря хотел перечислить месяцы большого года Сотис в 1460 лет, месяцы, состоящие из 120 лет, в течение каждого из которых Сириус действительно восходит.² Нам остается только ответить на вопрос, почему потребовалось составление такого календаря большого «года Сотис» в связи со случайной датой восхода Сириуса в девятый день 11-го месяца 9-го года царя Аменхотпа I. Я, с своей стороны, полагаю, что автор календаря потому приурочил к указанному дню начало нового года Сотис, что в данном случае получилось совпадение числа девять и в годе царствования, и в дне месяца. Значение же «девятки» в религиозном сознании Египта

¹ Мы не имеем никаких оснований предположить, что эти знаки повторения вписаны, как это предполагают Ed. Meyer (о. с., р. 46) и Sethe (о. с., р. 314, Anm. 4), по недоразумению или по небрежности переписчика. Ведь действительно трудно предположить, чтобы переписчик ошибался, когда он 11 раз (!) ставил знак повторения.

² Lehmann-Haupt, Klio, XVI (1919), р. 201.

общеизвестно. Мне кажется, что мое предположение подкрепляется еще в одной графической своеобразностью разбираемого календаря. Дело в том, что во всех 12 строках «девятое» число дня написано простым цифровым знаком для «9» вообще,¹ а не особым знаком, обычным для написания месячных чисел.² Эта графическая особенность оставалась до сих пор непонятной. Теперь же ее можно объяснить желанием автора календаря и с внешней, графической стороны подчеркнуть тождество числа в дате года и в дате месяца.³ На основании сказанного можно, пожалуй, согласиться с тем, что календарь Эберса зафиксировал не месяцы простого года, а месяцы великого года Сотис в 120 лет, и таким образом в этом календаре мы получаем подкрепление тезиса Borchardt'a о значении периода в 120 лет в календарных и хронологических исчислениях Египта. Я лично думаю, что помимо этого календаря можно прибавить свидетельство еще одного памятника, доказывающего то же важное значение, которое имел период в 120 лет в Египте. Но для более рельефного выявления всех сторон данного памятника мне придется несколько коснуться еще одной египетской эры, которая может быть по существу и не имеет никакого отношения к году Сотис. Я имею в виду эру, которую попытался установить Эхнатон и на которую, как это ни странно, еще не обратил внимания, поскольку мне известно, ни один из исследователей. Факт же установления эры этим царем становится очевидным, если мы обратим внимание на способ датировки, применяемый Эхнатонем с момента перенесения столицы в Телль-Эль-Амарну. До этого момента датировка его надписей была обычная, как у царей до и после амарнского периода. За датой следовали картуши самого царя и поэтому дату такого рода можно, примерно, перевести: «В такой-то год, в такой-то месяц, в такой-то день, при таком-то царе». С года же переезда царя и его двора в Эхе-Атон (Телль-эль-Амарну) в город, посвященный исключительно культу бога Атона, город, который являлся как бы столицей бога царя, мы встречаем в надписях иную, новую

¹ В эту эпоху число «9» в иератическом письме писалось совсем иначе (см. Möller, Paläographie, II, № 622), чем девятое число месяца (см. *ibid.* № 664).

² Brugsch, *Drei Festkalender*, p. VIII, Anm. Brugsch был первый, который обратил внимание на эту графическую особенность. Ср. Sethe, *Zeitrechnung*, I, p. 314, Anm. 3.

³ Что касается связи календаря папируса Ebers'a с прочим содержанием папируса, являющегося медицинским руководством, то прежде полагали, что одна и та же рука писала и календарь на verso и медицинское руководство на recto папируса и поэтому полагали, что папирус был написан в 9 году царя Аменхотпа I (ср. Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 46). Möller показал (*Hieroglyphische Paläographie*, I, p. 20), что календарь написан другой рукой, чем текст на лицевой стороне. Правда, разница во времени между ними не слишком большая. Если календарь датируется 9 годом Аменхотпа, то медицинское руководство может быть отнесено к эпохе Амасиса, или к самому началу Аменхотпа I.

датировку. В надписи, начиная с шестого года, года переселения в Тель-эль-Амарну, за датой следуют картуши не Эхнатона, а самого бога Атона и лишь за картушами бога картуши самого царя.¹ Из такой формулировки даты надписи с очевидностью явствует, что подлинным царем Египта был уже не Эхнатон сам, а его бог Атон. Эхнатон являлся лишь его смертным заместителем,² верховным жрецом его.

К подобного рода своеобразному пониманию отношений бога и царя друг к другу и к стране, Эхнатон должен был прийти с логической необходимостью на основании тех предпосылок, которые были заложены в его мышление культурой эпохи. Он видел пышный расцвет культа фиванского Амона-Ра, «царя богов». При дворе же отца своего Аменхотпа III он познал расцвет мощи почти неограниченной царской власти. И вот в сознании Эхнатона должна была зародиться мысль о тождестве царя Египта с богом Египта, и бога Египта с царем Египта. Поэтому он, вступив на престол, создает для своего бога Атона, царя - солнца, древнего владыки Египта, титулатуру, как настоящему царю, и имена царя-бога окружаются подлинными царскими картушами. Таким образом, в сознании Эхнатона бог отождествился до конца с царем. Из этого же вытекает важнейший вывод. Атон, как царь - бог, должен быть единым, ведь и царь в Египте един. Следовательно должен быть уничтожен Амон-Ра фиванский, почитавшийся, как царь богов,³ а земной царь должен превратиться в простого наместника великого Амона — солнце - царя.⁴ Если бы эта величественная богословская концепция царя-еретика победила, то в истории человечества уже за полтора тысячелетия до н. э. установилась бы эра

¹ Собрание датированное Эхнатона у Gauthier, *Le livre des rois*, v. II, p. 346 sq.

² Недаром в тель-амарнских текстах говорится о погребении царя. Так на одной из пограничных стел Тель-эль-Амарны мы читаем следующие слова самого Эхнатона: «Там (в Тель-эль-Амарне) пусть мне будет сооружена гробница в восточной горной цепи. Мое погребение будет совершено там после множества юбилеев, которое Амон, мой отец, повелел для меня». См. Davies, *The rock tombs of El Amarna*, v. X (XVII mem. of Archaeol. Survey of Egypt, p. 30). Перевод Davies'a основан на сопоставлении нескольких фрагментированных надписей.

³ Очень любопытна в этом отношении надпись Тутмоса III в Элефантине, посвященная перечислению жертв, установленных царем в местных храмах (*Sethe, Urkunde*, 18 Dyn., p. 823 sq.). Эта надпись не ускользнула от внимания агентов Эхнатона. Имя Амона-Ра Фиванского было тщательно уничтожено. Имя же Амона Элефантинского было оставлено нетронутым. Как это ни странно, для истории и оценки реформы Эхнатона эта надпись не была использована, хотя она с очевидностью доказывает, что монотеизма в подлинном смысле слова в реформе Эхнатона искать не приходится.

⁴ Обо всех этих вопросах я трактовал в большой, уже давно мною написанной монографии о храмовой политике египетских царей. Ввиду типографских условий она так и осталась еще ненапечатанной. См. пока мою статью, которая появится в «*Ancient Egypt*». Я там по поводу формы для отливки кольца с картушем Атона кратко касаюсь этих вопросов.

мирового значения. Но вскоре после смерти Эхнатона его религиозная реформа была уничтожена реакцией, вместе с тем и установленная им эра Атона перестала, конечно, существовать. Все же совсем бесследно эра Атона не канула в вечность. Некоторые следы ее воздействия мы наблюдаем на одном из любопытнейших памятников XIX династии. Это знаменитая стела 400 года, которая была найдена около 1864 г. в развалинах большого танисского храма. Она была прекрасно издана уже в 1865 г.,¹ но еще в 1904 г. Ed. Meyer по поводу ее содержания высказал положение: «внести разумный смысл в эти предложения (стелы) еще никому не удалось».² Поэтому мы должны ввиду важности стелы для нашей цели обратиться к детальному рассмотрению ее. Она к сожалению фрагментирована, ибо низ ее отбит. Сохранился верхний ярус, заполняющий закругленную плоскость верха стелы, и под этим ярусом 12 горизонтальных строк иероглифической надписи. В верхнем ярусе налево изображен бог Сет с человеческой головою, который стоит, обращенный направо, опираясь на жезл *wsc*. Перед ним изображен царь в короне *hrš* с горшком *pw* в каждой руке. Между богом и царем наверху картуши Рамсеса II, а внизу пояснительная надпись о характере жертвы царя: «приношение вина». За царем вертикальные строки надписи, из которых сохранились две: (1) «Дух твой! Сет сын Нут! Да дашь ты время прекрасное за служение духу твоему для Ка наследного князя (2) царского писца, начальника конницы, начальника чужеземных стран, начальника крепости Сяле. . . » (3).

За первыми двумя вертикальными строками и под разрушенными следующими изображен мужчина с отбитой головой, в позе адорации. В большой надписи из двенадцати сохранившихся горизонтальных строк, под верхним ярусом, первые четыре строки заполнены пышной титулатурой Рамсеса II, с пятой строки начинается собственная надпись и содержание ее я привожу следующим образом: (5) «Приказал его величество (т. е. Рамсес II) воздвигнуть великую стелу на имя великое своих отцов, чтобы было воздвигнуто имя отца отцов его (6) (и) царя Сети I постоянного в благополучии во веки,³ подобно Ре ежедневно. (7) Год 400, месяц 4-ый третьего времени года, день 4-ый, царя Верхнего и Нижнего Египтов «Сета великого силой» (окружено картушом), сына Ре, любимого им Nbtj, «Омбосского» (окружено картушом), любимца Гор-Яхути, который пребывает во

¹ A. Mariette, *Revue Archéologique*, sér. nouv. XI (1865), p. 101—191 и pl. IV.

² *Chronologie*, p. 65. После Ed. Meyer'a, поскольку мне известно, никто специально не занимался стелой 400 года.

³ Я привожу здесь для эпитета Сети I, пока условно, перевод, предложенный Ed. Meyer'ом (*Chronologie*, p. 65). Ниже я попытаюсь дать мое собственное понимание этих слов.

веки веков (8). Прибытие было то что сделал наследный князь, начальник города, визирь, держащий штандарт по правую руку царя, начальник лучников, начальник чужеземных стран, начальник крепости Силе, великий из Маджаев, царский писец, начальник конницы (9), руководитель праздника Мендеса, первый жрец праздника Сета и Буто, открывательницы обеих земель, начальник жрецов всех богов Сети правогласый (!), сын наследного князя, начальника города, визира (10), начальника лучников, начальника чужеземных стран, начальника крепости Силе, царский писец, начальник конницы Фремес, (рожденный) владычицей дома, певицей Фре, Тиа правогласый. Он говорит: (11) Хвала тебе Сет сын Нут, великий силой в ладье миллионов. Повергающий врагов на носу ладьи Ре. Великий рычанием., (12) [Да дашь] мне время прекрасное за следование духу твоему. Я постоянен в ».

Таково любопытное содержание этого интереснейшего из памятников Рамсеса II. В своеобразном содержании этой Танисской стелы ряд пунктов вызывал недоумение исследователей и к попытке разъяснения их я теперь и приступаю.

Первый и основной вопрос, который встает перед всяким исследователем описанного и переведенного нами памятника, это проблема, связанная с его своеобразной датировкой. Мы видели, что стела была датирована 400-м годом, 4-м днем 4-го месяца третьего времени года царя Верхнего и Нижнего Египтов «Сета великого силой» и сына Ре «Нубин», «Омбосского». Все в этой датировке вызывает недоумение, и число лет, и эти два царских картуша, соответствующие титулу «царь Верхнего и Нижнего Египтов» и «сын Ре». Начнем с последних, с картушей, относительно которых исследователи еще не решили вопрос: кто же был этот царь «Сет великий силой», «Омбосский» — бог ли Сет, или же царь со столь своеобразными именами? Дело в том, что и «великий силой» и «Омбосский», т. е. из Омбоса, главного центра почитания Сета, являются самыми характерными эпитетами бога Сета. Поэтому, казалось бы, самым естественным вместе с *Sethe* интерпретировать эти два картуша, как варианты написания имени бога Сета.¹ Но против этого предположения было приведено в свое время Ед. Meyer'ом чрезвычайно веское на первый взгляд возражение, указывающее на немыслимость того, чтобы современник Рамсеса II мог поверить в реальность правления бога Сета среди земных царей лишь за 400 лет до его эпохи.² Теперь же, после того, как мы установили существование зры Атона в эпоху Телль-эль-Амарны, это воз-

¹ Beiträge zur ältesten Geschichte Ägyptens, Untersuchungen, Bd. III, p. 60.

² Chronologie, p. 66.

ражение Ed. Meyer'a теряет свою силу. Ведь и Атон, как и бог Сет существовал с момента создания мира. Несмотря на это Эхнатон рассматривал свои годы правления началом правления бога Атона и на стѣлах Тельэль-Амарны мы находим датировку аналогичную датировке Танисской стѣлы: «в таком-то году царя Атона». Подобная датировка является и вполне естественной с точки зрения царя реформатора, выдвигавшего на первое место культ бога, не игравшего до него особенной роли. Действительно, пусть Атон—«солнечный диск»—существовал уже миллионы лет, но подлинным властелином Египта, «царем», он стал лишь с момента объявления его при Эхнатоне главным богом долины Нила.

Эра   Танисской стѣлы,

столь близкая эре Атона, должна была возникнуть при тех же условиях, что и последняя. Очевидно, за 400 лет до Рамсеса II какой-то царь объявил бога Сета, не игравшего до того выдающейся роли в пантеоне государственных богов Египта, в связи с каким-то событием, главным богом государства. Этот момент и был ознаменован, как год начала правления бога Сета. Мы можем с большой вероятностью, чтобы не сказать больше, установить ту династию, к которой восходил этот царь-реформатор, возведший на престол Египта бога Сета, уже тогда считавшегося в верованиях египетского народа убийцей бога Осириса. Правитель, столь чтивший этого грозного бога, мог быть лишь одним из гиксосских царей, относительно которых мы знаем, что они чрезвычайно почитали бога Сета.¹ В одной исторической сказке XIX династии мы даже читаем об Апопи, одном из этих чужеземных царей Египта: «Царь Апопи избрал своим богом Сутеха и не кланялся никакому другому богу египетскому. Он выстроил ему храм прекрасной работы и вставал ежедневно, чтобы принести жертвы. вельможи присутствовали при этом с гирляндами, как это делается в храме Ра-Хармахиса».² Следовательно, в эпоху гиксосов бог Сутех занимал то же положение, что и Атон при Эхнатоне. Поэтому они и должны были, подобно царю-еретику XVIII династии, ввести эру правления своего бога.³ После падения гиксосского ига эта эра бога Сета в эпоху XVII и XVIII династий перестала также существовать, как и эра Атона после смерти Эхнатона. Дело несколько изменилось в этом

¹ См. об этом гл. IV нашей книги.

² Папирус Sallier, I, p. 1. Следую здесь переводу Б. А. Тураева, История древнего Востока, I, стр. 268. В главе IV я подробно остановлюсь на этом интересном тексте.

³ На основании примерно тех же соображений Ed. Meyer установил, что «царь Сет, великий силой» «Омбосский» являлся гиксосом. В этом факте он справедливо видел подтверждение своего хронологического определения гиксосской эпохи (Chronologie, p. 67).

отношении с моментом прихода к власти XIX династии. Эта последняя, перенесшая, подобно гиксосам, свою столицу на северо-восток Дельты,¹ начала как бы примыкать к традиции этих свирепых угнетателей Египта.² Бог Сет, бог гиксосов стал в эпоху XIX династии государственным богом Египта. В имена царей этой династии входит даже имя этого бога, убившего когда-то всеблагого Осириса. Конечно и эра Сета должна была снова выйти из мрака забвения. Под влиянием реформы Эхнатона богословы XIX династии и формально сделали Сета царем Египта, создав ему, как Эхнатон Атону, настоящую царскую титулатуру. Они на этом пути пошли даже несколько дальше, чем еретик из Телль-эль-Амарны, который оставил картуши Атона без царских титулов «царь Верхнего и Нижнего Египтов» и «сын Ре». Писцы же XIX династии присоединили к двум картушам государственного бога эти два титула и создали таким образом полную иллюзию царствования Сета, столь полную, что некоторые из современных исследователей и решились объявить его настоящим земным царем.

Разобравшись в вопросе о пресловутом царе Танисской стелы 400 г., мы должны будем рассмотреть еще проблему о числе лет — 400 — датировки. Это число чрезвычайно любопытно и невольно вызывает в памяти тот период в 400 лет, который установил Borchardt на основании наблюдений над восстановленной им лицевой стороной Палермского камня. Эти 400 лет аннал Древнего царства по мнению Borchardt'a, как мы выше видели, стоят в связи с большим годом Сотис, являясь тем периодом, во время которого начало гражданского года отдалялось от момента восхода Сириуса ровно на 100 дней. Надо думать, что и 400 лет датировки Танисской стелы стоят в связи с большим годом Сотис. Это вытекает, кажется, из начала надписи, следующей непосредственно за датировкой: «Приказал его величество (т. е. Рамсес II) воздвигнуть великую стелу на имя великое своих отцов, чтобы было воздвигнуто имя отца отцов его (и) царя Сети I, постоянного в благополучии во веки, подобно Ре ежедневно». Правда, как раз это начало надписи вызывало до сих пор наисильнейшее недоумение исследователей.³ Казалась совсем непонятной та роль, которую играл здесь Сети I, называемый притом не «правогласным», как

¹ О точном местоположении гиксосской столицы см. гл. IV.

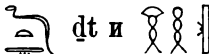
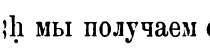
² Высказывалось иной раз даже в литературе предположение о гиксосском или азиатском происхождении XIX династии.

³ См. Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 65—66. Для него непонятность начальных строк стелы еще усугублялась не совсем правильным переводом их: «Приказал его величество воздвигнуть большую стелу... на великие имена его отцов, чтобы было воздвигнуто имя отца его отцов. Царь Сети I, постоянный в благополучии во веки, подобно Ре ежедневно». При такой интерпретации понимание стелы, конечно, еще более затруднено.

полагалось бы для уже умершего царя, а «постоянным в благополучии во веки, подобно Ре ежедневно», т. е. живым. Я думаю, что результат нашего вышеприведенного исследования об эре ἀπὸ Μενόφρεως resp. Μενόφρεως разъясняет нам несколько эту на первый взгляд непонятную роль Сети I в надписи 400 года. Ведь на основании указанного исследования мы пришли к тому важнейшему результату, что 1318 год, год ἀποκατάστασις, соответствует одному из годов царствования Сети I-Менофреса. Этот год царствования Сети I, великий год совпадения начала гражданского года с началом года Сотис resp. года Солнца, был бесспорно отпразднован с величайшей торжественностью. Наступающий новый период Сотис был окрещен эрой царя Сети I Менофреса. В эпоху Рамсеса II память об этом великом празднике, посвященном установлению новой гармонии времен года, не могла не быть еще живой, и имя Сети I, его отца, было, конечно, неразрывно связано с данным торжеством. Ввиду этого, я думаю, будет вполне естественным предположение, что Танисская стела, упоминающая о столь своеобразном периоде, как период в 400 лет, и, очевидно, в связи с этим об увековечении имени царя Сети I, имеет отношение к 1322 г., к моменту, когда в царствование Сети I наступил радостный праздник, бывающий лишь раз в 1460 лет.

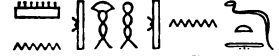
Мое предположение о связи Танисской стелы с годом ἀποκατάστασις 1322 года может быть объяснит и ту ее особенность, что она, как мы выше видели, называла царя Сети I не право́гласым (т. е. мертвым), а , которое я перевел предварительно «постоянный в благополучии во веки, подобно Ре ежедневно». Теперь же, после того, как выяснилась возможность связать Танисскую стелу с моментом совпадения восхода Сириуса, с началом гражданского года в 1322 г., возникает возможность иного понимания dt. Ведь dt (вечность) назывался, как мы выше видели, праздник Палермского камня, который по мнению Borchardt'a имел отношение к великому году Сотис. Еще в эллинистическую эпоху Αἰών, очевидно соответствующий египетскому dt, обозначал праздник ἀποκατάστασις Сириуса.¹ Поэтому я готов видеть в dt Танисской стелы 400 года Αἰών — связанные с ἀποκατάστασις. Но при такой интерпретации dt придется перевести wꜥh уже не как «благополучие», которое не дает никакого смысла при новом контексте. Приемлемый смысл, я полагаю, даст другое хорошо засвидетельствованное

¹ Borchardt, о. с., р. 55.

значение wḥ «жертвовать», «устанавливать жертву».¹ Принимая данные переводы dt и wḥ мы получаем следующее понимание эпитета Сети I в Танисской стеле: «постоянный в жертвовании для праздника вечности, подобно Ре ежедневно».² Если этот перевод фразы «mn wḥ n dt mj R' | hgw nb» является приемлемым, то на основании его, в свою очередь, можно сделать интереснейшее наблюдение. Ведь при интерпретации эпитета Сети I «постоянный в жертвовании для (праздника) вечности, подобно Ре ежедневно» мы получаем подлинное свидетельство о тех пышных торжествах, которые были вызваны великим событием 1322 г., когда каждый день был праздником вечности, ибо год Сотис и гражданский год совпадали.

Я полагаю, что еще два памятника XIX, resp. XX династии нам свидетельствуют о том, что 1322 год произвел мощное впечатление на современное общество. Первый из этих памятников, а именно мединет-габуский календарь, увековечен на стенах храма Рамсеса III, но он является копией с оригинала эпохи Рамсеса II. Здесь мы находим под первым днем первого месяца года отметку Pr.t śpd.t, «восход Сотис». Данное указание мединет-габуского календаря служило некоторым исследователям основанием для предположения существования в Египте твердого календаря.⁴ В своей борьбе с этим мнением Ed. Meyer дошел даже до утверждения, что отметка названного календаря о восходе Сириуса является условным указанием на то, что первый день первого месяца

¹ Erman-Grauw, Handwörterbuch, p. 32. «Жертвовать какому-нибудь богу» связывается с предлогом «п». См. Erman-Grauw, Wörterbuch d. ägyptischen Sprache, I, p. 255

² Правда, обычно выражение интерпретируется, как «остающийся, пребывающий в вечности» (см. Erman-Grauw, Wörterbuch d. ägyptischen Sprache, I, p. 255 D, I), но это обычное понимание не опровергает моего толкования в данном контексте. Мы имеем здесь один из случаев игры слов, которая была столь излюбленным приемом египетских писцов.

³ Dümichen, D. kalenderischen Opferlisten im Tempel von Medinet-Habu, 1881.

⁴ К сложному вопросу о существовании твердого календаря в Египте, см. Brugsch Thesaurus Inscriptionum Aegyptiarum I и II томы. Он пытался на основании громадного собранного им материала доказать существование в Египте во все эпохи твердого календаря. См. также Ed. Mahler, D. Festkalender v. Medinet-Habu, ÄZ, 48, p. 89 sq. Ed. Meyer, Chronologie, p. 31 sq. пытался обстоятельным анализом разбить все доводы, приводимые Brugsch'em и другими исследователями в пользу твердого календаря. Последней известной мне работой, коснувшейся и этой проблемы, является уже неоднократно упомянутая работа Sethe, Zeitrechnung der alten Ägypter, I, p. 311 sq. Он допускает, что большая часть дошедших до нас храмовых календарей всех эпох относилась к году Сотис, начинающемуся 19 июля. Рассмотрение всего материала, касающегося этого сложного вопроса, конечно, заведет нас слишком далеко, и я коснусь поэтому лишь той части его, которая стоит в связи с ἀποκατάστασις 1322 г.

первого времени года является новогодним праздником.¹ Но утверждение Ed. Meyer'a безусловно ошибочно, ибо оно опровергается свидетельством фрагментированного календаря Тутмеса III из Элефантины, который называет первый день года лишь $\sqrt{\text{w}}\text{-gnr.t}$, т. е. «днем, открывающим год».² Что же касается восхода Сириуса, *gesp. Сотис*, то он отмечен здесь под 18-м днем 11-го месяца года.³ Дошедшие до нас календари в птоломеевских храмах в Эсне и в Дендера называют, как и элефантинский календарь Тутмеса III, первый день года лишь «днем, открывающим год»,⁴ не упоминая ни слова о восходе Сотис в этот день.⁵ Ввиду такого свидетельства календарей эпохи XVIII династии и Птоломеев, я полагаю, что оригинал мединет-габуского календаря был увековечен Рамсесом II на стенах храмов под живым впечатлением 1322 г., когда действительно первый день года совпал с днем восхода Сириуса. Может быть, будет не слишком смелым предположение, что 1322 г. был близок рубежу царствований Сети I и Рамсеса II⁶ и может быть данное обстоятельство и давало возможность Рамсесу II установить календарь с полным отождествлением года Сотис и года гражданского. Наряду с этим календарем, сохранившимся в Мединет-Габу, событие 1322 г. вызвало к жизни и известные изображения на потолке Рамессея. Здесь перечислены 12 месяцев со своими созвездиями и первому месяцу сопутствует звезда Исида — Сотис.⁷ Эти изображения и соответствуют действительности. Ведь в 1322 г. в эпоху царствования Сети I была ἀποκατάστασις и следовательно 120 лет после этого года восход Сириуса должен был падать на первый месяц года.

¹ Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 35.

² Brugsch, *Thesaurus*, II, p. 363, b.

³ *Ibid.*, p. 363, a.

⁴ См. Brugsch, *Drei Festkalender*, p. 19 и p. 22.

⁵ Правда, в Канопском декрете мы читаем следующие определения дня восхода Сириуса: I) (в греч. тексте) τῆς ἡμέρας ἐν ἣ ἐπιτέλλει τὸ ἄστρον τὸ τῆς Ἰσίδος, ἣ νομίζεται διὰ τῶν ἱερῶν γραμμάτων νέον ἔτος εἶναι (стр. 36); (в демотич. тексте) «в день, когда восходит Сотис, который началом года (h|·t gnr·t) по имени в книгах дома жизни называется» (стр. 20), (в иероглифич. тексте) «в день, когда восходит Сотис, который «праздником открытия года» по имени своему в книгах дома жизни называется». Но из этих слов Канопского декрета лишь следует, что день восхода Сириуса назывался днем начала года. Обратного же из этих слов не следует, а именно то, что день начала года назывался днем восхода Сириуса. В вышеприведенном календаре Тутмеса III «день, открывающий год» отнюдь не соответствовал дню восхода Сириуса. Ввиду такой двусмысленности «дня, открывающего год» — день начала года Сотис и день начала гражданского года, — в календарях во избежание недоразумений надо было отмечать под днем новогоднего праздника особо «восход Сириуса». Ввиду же отсутствия этой отметки в календарях Дендера и Эсне, мы должны предположить, что в этих календарях не зафиксирован год Сотис.

⁶ В вопросах о хронологии Нового царства я коснусь ниже в §§ 7 и 8; см. пока Mahler, *ÄZ*, 32, p. 99 sq.

⁷ LD, III, 171.

Царствование же Рамсеса, преемника Сети I, укладывалось, конечно, целиком в эти 120 лет. Астрономы Рамсеса II поэтому и должны были причислить к месяцу Тоту, первому месяцу года, звезду Исиды — Сотис, восходящую после 1322 г. снова в этом месяце.

Если бы до нас дошло больше памятников от эпохи Рамсеса II, то мы наверное нашли бы среди них новые доказательства силы воздействия, произведенного на современное общество небесным событием 1322 г. Но и эти только что приведенные свидетельства мединет-габуского храма и изображений потолка Рамсесеев вполне достаточны для установления того факта, что эпоха Рамсеса II жила под живейшим впечатлением незадолго до того наступившей *ἀποκατάστασις*. Этот же факт в свою очередь может служить лишним подтверждением правильности моего толкования Танисской стелы 400-го года, как памятника, отражающего события этого замечательного 1322 г. Возвращаясь теперь к данному любопытному памятнику, мы должны сделать выводы, вытекающие из установленного нами положения о связи стелы с *ἀποκατάστασις*. Выводы напрашиваются сами собой. Действительно, если Рамсес II заинтересовался 400-м годом эры бога Сета и поставил его в связь с отцом своим Сети I Менофтесом, при котором начался новый период Сотис, то очевидно 400-й год Сета, соответствующий одному из 66 годов царствования Рамсеса II, отмечал или в прошлом или в настоящем одну из вех периода Сотис. В связи с этим мы можем с большой точностью определить год, который соответствовал 400-му году Сети; ибо, строго говоря, лишь один год может быть при данных условиях принят в расчет. Ведь год *ἀποκατάστασις* 1322 г. входил в число лет Сети I и следовательно остается лишь 40-й год после *ἀποκατάστασις*, т. е. 1282 г., когда гражданский год обогнал день восхода Сириуса на 10 дней, т. е. на одну треть месяца. С другой стороны, этот 40-й год после *ἀποκατάστασις*, являясь 400-м годом эры Сета, определяет время события, положившего начало эре названного бога, годом за 360 лет, т. е. за три месяца большого года Сотис, до 1322 г., года *ἀποκατάστασις*. Таким образом 1282 г., сороковой год после *ἀποκατάστασις* 1322 г., отмечал веку периода Сотис и в царствование Рамсеса II, и в далеком прошлом, в эпоху правления бога Сета и гиксосских династий. Если мои умозаключения правильны, то этот, установленный нами для датировки Танисской стелы 400-го года, 1282 г. и связанный с ним 1682 г. сыграли в дальнейшем чрезвычайно важную роль для хронологии Манефона и для хронологии Египта вообще. В данный момент нам остается еще решить вопрос о том, какое же событие вызвало в 1682 г., т. е. 360 лет до 1322 г., создание эры Сета. Я думаю, что самым естественным является

предположение, что один из гиксосских царей в этом году, соответствующем началу нового месяца (десятого) большого года Сотис, провел календарную реформу, имеющую определенное отношение к году Сотис. Это предположение является тем более приемлемым, что находит свое подтверждение в традиции, правда поздней и испорченной. Так в схолии к Тимею Платона мы находим следующее свидетельство о первом гиксосском царе Σαίτης, греср. Σαλίτης: ¹ ὁ δὲ Σαίτης προσέθηκε τῷ μηνὶ ὥρας ἰβ̄ ὡς εἶναι ἡμερῶν λ̄, καὶ τῷ ἐνιαυτῷ ἡμέρας ζ̄, καὶ γέγονε ἡμερῶν τζ̄ε.² В книге Сотис упоминается также о календарной реформе, но она приписывается не первому гиксосскому царю, а последнему представителю этой династии Ἄσσηθ греср. Ἄσηθ: οὗτος (т. е. Ἄσηθ) προσέθηκε τῶν ἐνιαυτῶν τὰς εἰ ἐπαγομένους, καὶ ἐπὶ αὐτοῦ, ὡς φασιν, ἐχρημάτισεν τζ̄ε ἡμερῶν ὁ Αἰγυπτιακὸς ἐνιαυτὸς, τζ̄ μόνον ἡμερῶν πρὸ τούτου μετρούμενος. Ἐπὶ αὐτοῦ ὁ μόσχος θεοποιηθεὶς Ἄπις ἐκλήθη.³ Конечно, эти только что процитированные мною свидетельства в том виде, как они дошли до нас, в конец испорчены.³ Свидетельство о реформе царя Σαίτης полно внутренних противоречий.⁴ Что же касается сообщения о календарной реформе Ἄσσηθ, то нелепость его явствует из того обстоятельства, что Ἄσηθ ни в коем случае не мог быть творцом египетского бродячего календаря, который существовал задолго до него. Но как нелепо ни излагали сущность календарной, греср. календарных реформ Σαίτης и Ἄσηθ эти поздние источники, они все же несомненно свидетельствуют о том, что какая-то календарная реформа, или какие-то календарные реформы были проведены в гиксосскую эпоху. Вполне понятно, что подобная реформа должна была быть поставлена под покровительство бога Сета, главного бога азиатских завоевателей, и могла таким образом положить начало эре Сета. Я даже полагаю, что на основании данных свидетельств можно пойти дальше скромного экзистенциального суждения о календарной реформе при гиксосах и попытаться определить характер этой реформы. Ведь если нам засвидетельствовано в эпоху гиксосов какое-то изменение египетского календаря, то очевидно данное изменение было проведено с целью согласовать календарную систему Египта с той, которую гиксосы принесли с собой из Азии. В XVIII в. в передней Азии господствовал наверное уже повсеместно календарь Вавилона. Этот послед-

¹ Об этом имени, как и о других именах гиксосских царей, я буду говорить ниже в § 6.

² Цитирую по Ed. Meyer'y, Chronologie, p. 39.

³ Ed. Dindorf, p. 232—233.

⁴ Я только не думаю, подобно Lepsius'y, Chronologie, p. 177, Ed. Meyer'y, Chronologie, p. 39 и Sethe, Zeitrechnung, p. 301, Anm. 1, что эти два свидетельства зависят друг от друга и говорят об одном и том же событии. Этому противоречит уже одно то, что оба говорят о двух различных царях.

ний отличался от египетского тем, что его основой являлся месяц и следовательно длина обыкновенного вавилонского года равнялась 354, resp. 355 дням. В этом отношении он был значительно менее совершенен, чем египетский календарь, создавший столь стройное деление года на 365 дней. Но зато вавилонский календарь знал принцип високосности и с помощью периодически вставляемого лишнего месяца он сумел сделать год неподвижным и спас его от участи египетского блуждающего года. Было вполне естественно, что гиксосы, знакомые и с вавилонским и с египетским календарями, должны были попытаться их примирить и создать новый третий календарь, объединяющий в себе все достоинства своих предшественников и лишенный их недостатков. Познакомившись с египетским календарем, гиксосы познали почти совершенный календарь. Ведь требовалось лишь введение високосного дня и египетский календарь за несколько тысячелетий до Цезаря мог стать правителем времени человечества. Гиксосы, уже знакомые с принципом високосности в вавилонском календаре, должны были скоро убедиться в том, что египетский блуждающий год, обгонявший год Солнца resp. год Сотис в течение 4 лет на 1 день, мог путем вставки високосного дня через каждые 4 года превратиться в твердый и постоянный год,¹ как и вавилонский. Я поэтому и полагаю, что в словах схоластика к платоновскому Тимею о какой-то календарной реформе царя Σαίτης скрывается в конце искаженное свидетельство хорошо осведомленного источника о введении этим царем в каждый четвертый год лишнего дня — шестого из ἐπαγόμενα вместо обычных пяти.² Такой самостоятельный подход к достижениям египетского календаря со стороны гиксосов не должен нас удивлять. Столь же самостоятельно они сумели использовать другое великое достижение египетской культуры — алфавит.³ Но как раз такое суверенное отношение к освященному традицией блуждающему году со стороны столь жестоких завоевателей, какими были гиксосы, не могло не вызвать сильнейшей оппозиции к этой календарной реформе гиксосов в среде египетского народа. С течением времени, когда положение гиксосов стало ухудшаться вследствие все усиливавшегося национального движения

¹ Sethe, *Zeitrechnung*, I, p. 314—315, который подчеркивает, что мысль о вставке високосного дня через каждые 4 года должна была сама собой возникнуть в сознании всякого, кто стремился египетский блуждающий год сделать постоянным.

² Может быть в этой цитате скрывается и превращение вавилонского месяца в обычный 30-дневный египетский месяц, как полагает Sethe, *о. с.*, p. 301, Anm. 1. Такая сложность содержания первоначального источника хорошо бы объяснила нам нелепость в цитате схоластика.

³ Об алфавите, созданном гиксосами на основании знакомства с египетским письмом см. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Петроград, 1923. Изд. Время.

в Египте, правление завоевателей становилось все более мягким и они стали отказываться от некоторых своих мер. Надо думать на основании случайно сохраненного нам свидетельства Книги Сотис о календарной реформе 'Асгд'а, что они на закате своего владычества решили снова вернуться к старому египетскому блуждающему году, равняющемуся всегда 365 дням. Невежественный эксерпатор, который был использован автором Книги Сотис, не понял содержания эксерпируемого источника и превратил гиксосу 'Асгд из восстановителя древнего блуждающего календаря Египта в его творца. Разгром гиксосов и новое мощное возрождение национального египетского государства привели к полному торжеству древнего блуждающего года, который лишь по истечении 1460 солнечных лет возвращается к своей исходной точке. Возможно, что календарь на обороте папируса Эберса, установивший для девятого года царя Аменхотпа I все веки великого года Сотис, был вызван желанием выразить календарное сгедо Египта, сбросившего иго гиксосов, стремившихся уничтожить этот период Сотис. Лишь 1322 г., год нового совпадения блуждающего года с годом солнца, геср. годом Сотис, вызвал в памяти реформу Салитиса об установлении года, постоянно совпадающего с годом солнца. Приэтом XIX династию, ревностную почитательницу бога Сета, не удерживало то обстоятельство, что эта эра была посвящена Сету, покровителю гиксосов. В своей столице на рубеже Египта и Азии Рамсес II отпраздновал событие 400 года эры Сета в десятый день первого месяца сорокового года после ἀποκτάστασις 1322 г. Царь Рамсес и его двор вспомнили в тот день 1682 г., когда в первый день десятого месяца великого года Сотис азиатский завоеватель пытался задержать движение уже тысячелетиями блуждающего египетского года.¹ В Танис, где вероятно в 1682 г. была объявлена в связи с календарной реформой эра Сета,² был послан в том же еще году сановник Сети с поручением¹ лишний раз увековечить на стэле память о 400 годе эры Сета, об этом боге и о царе Сети I, которому боги дали великое счастье пережить в годы своего царствования праздник, бы-

¹ Может быть и Рамсес II мечтал некоторое время создать неподвижный календарь, который был бы приемлемым и для его многочисленных азиатских подданных. Такое предположение хорошо бы объяснило тот факт, что еще Рамсес III пользовался календарем Рамсеса II, отменившего под новогодним праздником и праздник восхода Сириуса. Со своими азиатскими подданными цари XIX династии считались, очевидно, и тогда, когда они сделали Сета, бога близкого азиатам, государственным богом Египта.

² За это говорит то, что в библии (Книга Числ, 13, 22) упоминается эта эра Таниса: «Хеврос был построен 7 лет до Таниса». Я думаю, что Ed. Meyer вполне прав, сопоставляя эту эру Таниса, засвидетельствованную библией, с эрой Сета на Танисской стэле 400 г.. Chronologie, p. 66—67).

вающий лишь раз в 1460 лет.¹ С течением времени, когда имя Сета стало все более и более ненавистным народу Египта, и почитание этой эры 1682 г., связанной с проклятым именем убийцы Сета, должно было быть объявлено величайшим преступлением против религии. Поэтому и народ Египта так упорно сопротивлялся введению твердого года, года, посвященного свирепыми гиксосами дьяволу Сету. В эпоху благочестивых царей первого тысячелетия на верное была вставлена в ритуал коронации клятва, произносимая в храме Исиды (богини Сотис), которую сохранил Nigidius Figulus, римский ученый эпохи Цицерона. Эта клятва сводилась к тому, что царя обязывались не вставлять ни високосный месяц, ни високосный день, не изменять ни одного праздника, но держаться 365 дней, как это установлено древними.² Я полагаю, что свидетельство об этой клятве Nigidius Figulus почерпнул из очень хорошо осведомленного источника и я не сочту себя слишком смелым, если предположу, что этим источником был единственный известный нам историк Египта, который, хотя и писал по-гречески, но черпал из египетских анналов, т. е. Манефон. Выше я уже высказал предположение, что к Манефону восходит свидетельство Феона о том, что *ἀποκατάστασις* 1322 г. называлась эрой *ἀπὸ Μενόφρεως* герр. *Μενόφρεως*, т. е. царя Сети I Мернептаха. В конечном итоге из того же Манефона на верное почерпнуты перевранные свидетельства схолиаста к платоновскому Тимею о реформе египетского года Салитисом и Книги Сотис о восстановлении старого египетского года царем Ἄστῦθ. Я думаю, что все эти перечисленные *membra disjecta* входили в состав предисловия к труду Манефона. В этом предисловии египетский историк коснулся всех своеобразностей египетской хронологии. Он определил сущность периодов Сотис, назвал имя последнего из них, пояснил отношение года Сотис, герр. года солнца к египетскому календарному году и установил таким образом блуждающий характер последнего. В связи с этим он вероятно указал на преимущество такого блуждающего года с точки зрения религиозной, а именно на то, что при данном условии каждый праздник падает поочередно в течение 1460 лет на все дни года. Поэтому календарная реформа по мнению Манефона была греховной. На нее решился безбожный царь гиксосов Салитис. Сами гиксосы даже в конце концов убедились в преступности такого начинания и в лице последнего своего царя Ἄστῦθ они сами

¹ Может быть Танисская стела была датирована 4-м днем 4-го месяца третьего времени года 400 года Сета потому, что в этой дате число «4» встречается и в названии дня, месяца и года.

² Neque mensem, neque diem intercalaturos se neque diem festum immutatuos, sed CCCLXV peracturos, sicut institutum sit ab antiquis. Цитирую по Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 31. Ср. *Sethe, Zeitrechnung*, I, p. 310.

даже снова вернулись к национальному египетскому календарю. Ради избежания нового соблазна и была впоследствии введена в ритуал коронации клятва царя не изменять древний, установленный предками календарь. Надо предполагать, что это предисловие, посвященное египетскому календарю, было написано Манефоном, очевидно ради того, чтобы удержать новых властителей Египта от календарной реформы. Может быть даже анналы, источник Манефона, приводили, как мы увидим ниже,¹ из поздней истории Египта пример наказания богами такого клятвopреступника. Благочестивый жрец эпохи Александра и без приведения этого примера преуспел, кажется, в своем начинании и лишь при Евергете I птолемеевское правительство решилось склонить египетское жречество к календарной реформе, заменяющей блуждающий год неподвижным годом.

Мы пришли к концу рассмотрения всех вопросов, связанных с Танисской стелой 400 г., а вместе с тем и нашего исследования об египетской эре. Нам остается теперь установить лишь то, насколько наблюдения, сделанные нами при изучении Танисской стелы, подтверждают результаты исследования Borchartd'a об анналах Древнего царства.

Из всех наших вышеприведенных рассуждений следует, что Танисская стела, точно также, как анналы Древнего царства, свидетельствует о том значении, которое египтяне придавали эре 120 годов. Действительно проведение Салитисом календарной реформы в 1682 г., т. е. 3×120 лет до *ἀποκατάστασις* 1322 г. доказывает, что наступление нового месяца великого года Сотис отмечалось каким-нибудь образом. Гиксосский царь, очевидно, желая сделать популярной свою календарную реформу, связал ее с древним национальным праздником. Что же касается эры 400 года, которую с некоторой вероятностью установил Borchartd, то уже самое название нашего памятника «Танисская стела 400-го года», указывает на существование такой эры в Египте. Ввиду этого я полагаю, что хронологическое исследование Borchartd'a до известной степени подкрепляется стелой эры Сета и данный памятник таким образом оказывает важнейшие услуги египетской хронологии.

Тем, что Танисская стела помогла нам восстановить потерянную страницу Манефона о судьбах блуждающего египетского года, она оказала услугу в деле решения нашей ближайшей задачи — исследования труда египетского историка. В дальнейшем я надеюсь еще подкрепить наш вывод громадной ценности Танисской стелы для установления подлинной хронологии Манефона.

¹ См. ниже § 7 и гл. III.

§ 4. Египетские царские списки.

Мы рассмотрели на предшествующих страницах все вопросы, связанные с особенностями египетского исчисления времени и можем теперь приступить с изучению манефоновских царских списков, сохранных нам Африканом, Евсевием и отчасти Иосифом Флавием. Но предварительно нам придется ознакомиться с различными египетскими царскими списками, которые дошли до нас от до-эллинистической эпохи, ибо количество их сравнительно столь велико и сохранность их в общем настолько удовлетворительна, что они в значительной мере помогут нам восстановить подлинный вид некоторой части манефоновских списков.¹

Эти египетские царские списки можно разделить условно на две группы: на списки, зафиксированные иероглифами на стенах храмов или гробниц, и на списки, сохранившиеся записанными иератическим письмом на папирусе. К первой группе относятся списки карнакского² и абидосского³ храмов и одной из саккараских гробниц.⁴ Что же касается второй группы, то она исчерпывается одним лишь Туринским царским папирусом.⁵

¹ Что касается сохранившихся в повествовании Манефона египетских анналов, то здесь дело обстоит иначе. Манефон поможет нам восстановить проверенные с помощью современных памятников, почти потерянные для нас египетские анналы. Лишь ввиду того, что иероглифические и иератические списки помогают восстановить списки Манефона, а не наоборот, я рассматриваю их здесь, а не в VIII главе, которая будет между прочим посвящена рассмотрению египетской национальной историографии вообще. Если же в этой II главе я касаюсь и так называемого царского списка Эратосфена, хотя он для реконструкции Манефона почти совсем непригоден, то это объясняется тем, что список Эратосфена нельзя отделить от вышеперечисленных иероглифических списков, в особенности от карнакского.

² Составлен по повелению Тутмеса III. Издан Lepsius'ом, *Auswahl*, Taf. I и *Sethe*, *Urkunden*, IV, p. 608—610.

³ В абидосском храме Сети I. Изд. Dümichen, *ÄZ*, II (1864), p. 81 и Mariette, *Abydos*, I, pl. 43. См. также De Rougé, *Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dyn. de Manéthon*, Paris, 1865, t. II и Ed. Meyer, *Chronologie*, Taf. I. Сильно фрагментированный царский список маленького абидосского храма Рамсеса II является простой копией со списка из заупокойного храма Сети I. Издан список Рамсеса II Lepsius'ом, *Auswahl*, Taf. 2.

⁴ На стене гробницы руководителя праздниками всех богов, начальника работ над всеми памятниками царя, царского писца, верховного жреца-чтеца Twtj. Список сильно фрагментирован, но с помощью абидосского списка его можно установить. Издан он был впервые Mariette'ом, *Revue Archéologique*, nouv. sér., X, pl. 17. Это издание было воспроизведено De Rougé, o. c., pl. 1. Список в восстановленном виде был издан Ed. Meyer'ом, *Chronol.*, Taf. 1; ср. его пояснение к реставрации, p. 104.

⁵ Этот папирус, содержащий полный, или вернее более или менее полный (см. ниже наши выводы о папирусе) список египетских царей был согласно традиции найден известным Дроветти в полной сохранности в одной из фиванских гробниц. Свою находку он, будто бы положил в бутылку, привязанную к седлу и во время езды от толчков папирус рассыпался на много мелких кусков. См. M. Pierer, *OLZ*, 1925. 224. Последний сомневается в истинности этой истории, но как бы то ни было с данным «актом вандализма» Дроветти, этот папирус

Каждый из памятников первой группы имеет свои отличительные черты, но есть и нечто общее, которое их всех объединяет, и на которое по моему мнению ни одним исследователем не было до сих пор обращено достаточного внимания и не было сделано из него надлежащего исторического вывода. Этой общей чертой, объединяющей данные памятники и отличающей их от Туринского папируса и от манефоновских списков, является неупоминание ими ряда царей, засвидетельствованных памятниками. Объяснение этого явления, а вследствие этого и установление характера перечисленных храмовых и гробничных списков царей нам дает, я думаю, внимательное изучение карнакского списка, который, согласно мнению Ed. Meyer'a, является «совсем загадочным».¹

Список снабжен поясняющей надписью: «произведение dj njsw.t ḥtp», т. е. жертв² для царей Верхнего и Нижнего Египта. Под надписью изображены цари, которые получают эти жертвы Тутмосиса III. Они сидят друг за другом в восьми рядах. При каждом имеется приписка, содержащая его имя. Группы, resp. ряды 1, 2, 4, 5 и 6 состоят из восьми царей, группы 3, 7 и 8 — из семи царей, следовательно в списке были представлены

во всяком случае попал вместе с прочей коллекцией Дроветти в Туринский музей уже в совсем фрагментированном виде. Куски его лежали в перемежку с фрагментами многочисленных других папирусов в ящичке и здесь обратил на них внимание уже в 1824 г. Шамполион. Он понял громадное значение этих фрагментов и выбрал из общей массы папирусной 48 фрагментов, относящихся к царскому списку. Сам он свою работу посвященную папирусу не мог издать и ее издал его брат Champollion-Figeac, *Revue archéol.* VII (1851), v. II pl. 149. Более или менее совершенно собрал фрагменты папируса в 1826 г. противник Шамполиона Seyffarth, который очень тщательно пытался из этих обломков воссоздать первоначальный вид. См. восторженную оценку его реставрационной работы у Ed. Meyer'a, *Chronologie*, p. 107 sq. Восстановленный Seyffarth'ом папирус был издан Lepsius'ом, *Auswahl*, Taf. 3—6. Издание Lepsius'a легло в основу издания Wilkinson'a, *The fragments of the Hieratic papyrus of Turin*, 1851, который отметил очертания отдельных фрагментов и принял в расчет и другую сторону этих папирусных фрагментов. На другой стороне (вопрос о том, verso или recto, см. ниже) были записаны какие-то счета. К сожалению дальнейших изданий этого папируса не последовало. Пользуясь изданиями Lepsius'a и Wilkinson'a, Ed. Meyer попытался в тщательном и остроумном исследовании построить египетскую хронологию на данных Туринского папируса (*Chronologie*, p. 105 sq.). До сих пор его исследование не потеряло значения. Много ценного по поводу последних столбцов Туринского папируса высказывает M. Pieper, *D. Könige Ägyptens zwischen d. mittleren und neuem Reich*, Berlin, 1904 (дисс.) и в своей прекрасной статье в *Ägypt. Ztschr.*, 51, 95 sq. и Taf. V. Borchardt, *Die Annalen*, p. 35, отказался от использования Туринского папируса в том виде, как он до сих пор издан, и высказал сомнение по поводу некоторых перестановок фрагментов, предложенных Ed. Meyer'ом. Последний в своем труде «*Die ältere Chronologie Babylonien, Assyriens u. Ägyptens*», 1925, p. 55 sq., настаивает на ценности для египетской хронологии и тех изданий Туринского папируса, которые имеются налицо, и защищает правильность своих опороченных перестановок.

¹ *Chronologie*, p. 103.

² О значении этой интересной формулы и развитии ее в течение тысячелетий существования египетской религии см. А. Н. Gardiner, *The tomb of Amenemhet*.

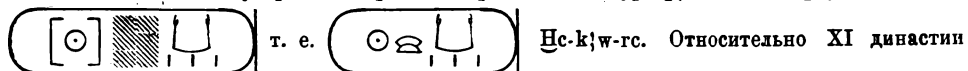
всего 61 царь. Цари перечислялись не по династиям, а в хаотическом беспорядке. Громадное большинство этих царей относится к XIII династии.¹ Но наряду с ними перечислены цари других династий, причем выбор династий и представителей этих династий на первый взгляд не всегда понятен. От древнего царства перечислены: Снофру от III династии (гр. I, 2),² Сахуре (гр. I, 3), Ине (гр. I, 4), Неусерре (гр. IV, 4)³ и Асес (гр. I, 5) от V династии, Тети (гр. II, 6), Пиопи (гр. II, 7) и Меренре (гр. II, 8) от VI династии. Кроме того, могли называть имена царей Древнего царства еще разрушенные приписки к 1, 6 и 7 царю I группы. Что касается Среднего царства, то оно представлено в изобилии не только по отношению к уже упомянутой XIII династии, но и в отношении к предшествующим XI и XII династиям. Я полагаю, что та и другая перечислены в списке исчерпывающе.⁴ Из царей Нового царства перечислены лишь два царя,⁵ но кое-кто из этой династии может скрываться в том или другом из

¹ К определению этих часто эфемерных царей, не имеющих большого исторического значения, см. Gauthier, *Livre des rois*, v. II, p. 1 sq.; Ed. Meyer, *Gesch. d. Altert.*, I³, § 298 sq.; M. Piéper, *ÄZ*, 51, p. 99 sq. Ср. также Fl. Petrie, *A history of Egypt*, I¹⁰, 1922, список со стр. 278. Я не перечисляю здесь тех царей карнакского списка, которые и по моему мнению относятся к XIII династии. Для читателя они будут выделены в группу отчислением всех тех царей, которые не относятся к этой династии.

² Я следую Fl. Petrie, который, о. с., p. 45 sq. (ср. и p. 55), причисляет Снофру к III династии.

³ Как мы увидим ниже, это недоразумение объясняется просто, ибо Ине и Неусерре являются именами одного и того же царя.

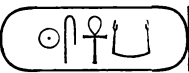
⁴ XII династия и по мнению Ed. Meyer'a (*Chronologie*, p. 103) была в списке представлена полностью. Сохранились в списке от 8 царских имен этой династии 5 (III, 1, 2, 5, 6 и IV, 1); по 2 имени кроются без сомнения в разрушенных приписках II, 3 и 4, а последнее недостающее имя Сенусерта III кроется вероятно в полуразрушенном картуше гр. V, 8

Ed. Meyer, там же, полагает, что перечислены лишь некоторые представители ее. Я полагаю, что можно также на основании новых данных об XI династии прийти к выводу, что карнакский список исчерпывает царей этой династии. Эти данные приводит и Ed. Meyer, *Gesch. d. Altert.*, I³, § 277 и составляет здесь список царей XI династии, который может быть найден среди царей карнакского списка. Среди этих царей мы находим четырех Антефов (гр. II, 2, 3, 4 и гр. V, 7), одного Ментухотепа (гр. II, 4) и знаменитого Неб-хепет-Ре (гр. IV, 6).

Ментухотеп-Саннкара кроется вероятно в полуразрушенном картуше

т. е. гр. IV, 8. Ментухотеп-Небтауире кроется вероятно в одном из разрушенных картушей гр. VI, 5, гр. VII, 5, 6 и гр. VIII, 5, 6, 7. К XI династии причисляет Gauthier, о. с., I, p. 238 sq., царя Нубхеперре гр. IV, 5, p. 247—248 и Сеноферкара гр. 4, 7.

⁵ Царь Секеенре IV, 2 и Gauthier, о. с., II, p. 168, причисляет следующего за ним царя Сенентре к этой династии.

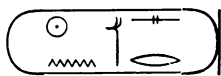
разрушенных картушей списка.¹ Я и по отношению к этой XVII династии склонен думать, что она представлена полностью.²

Чем объяснить нам выбор как династий, так и для Древнего царства выбор царей в этом карнакском списке? Выбор династий XI, XII, XIII и XVII, пожалуй, можно легко объяснить. Это ведь были фиванские династии и поэтому было естественно, что они почитались в фиванском храме. Если перечень царей, которым выдавались Тутмосисом III жертвы, заканчивается XVII династией, а не последними царями XVIII династии, то это объясняется, очевидно, тем простым соображением, что цари XVIII династии, столь близкие царю-жертвователю, само собой уже получали жертвы, а цари других династий более далекие Тутмосису III должны были быть введены в список, чтобы царь мог получать представление о количестве требуемых жертв.³ Объяснив таким образом выбор династий XI, XII, XIII и XVII их происхождением из Фив и следовательно особым почитанием их в Фивах, мы объясняем уже до известной степени и выбор карнакским списком вышеперечисленных царей Древнего царства. Очевидно, это те цари, которые имели свой особый культ в Фивах.⁴ Свой же культ они имели потому, что они чем-нибудь обогатили фиванский храм, или сооружением памятника, или каким-нибудь вотивным дарением. Относительно же нескольких царей Древнего царства, перечисленных в карнакском списке, мы можем доказать, что они действительно были связаны с историей карнакского храма в Фивах и вообще с Фивами. Так, нам уже давно известна статуя, которую посвятил Сесострис I (XII династия) предку своему

восьмому царю V династии.⁵ Среди же ста-

туэток, найденных в 1904 г. в карнакских кашетках, была найдена царская статуэтка с картушом того же царя V династии

Неусерре.⁶ Очевидно писец, который составлял список вотивных статуэ

¹ См. прим. 4 стр. 203.

² Я думаю, что карнакский список поддерживается и в свою очередь поддерживает наблюдение Borchartd'a, *ÄZ*, 50 (1912), p. 121, что вместо трех царей Секененре мы должны предположить существование лишь одного.

³ См. мои указания на принципы выбора среди покойных царей тех, которые должны получать заупокойную жертву, *Ägyptus*, VII (1926), p. 221, текст и прим. 2.

⁴ Согласно G. Legrain, *Rec. de trav.* 26, p. 221, Масперо уже давно высказывал это предположение, но на него не обратили к сожалению никакого внимания. Да и сам Legrain, указавший на это наблюдение своего великого соотечественника, не оценил его, кажется, по настоящему.

⁵ Lepsius, *Auswahl, Taf.*, IX a-c.

⁶ G. Legrain, *Statues et statuettes royales de l'Ancien et du Moyen empire (Cat. gén. Caire)*, p. 3, № 42003.

карнакского храма, списал с первой статуи лишь картуш с именем Ине и поэтому автору карнакского списка представились имена Ине и Неусерре, имена одного и того же царя, — именами двух различных царей.¹ В карнакской же кашетке была найдена статуетка, посвященная Сесострисом I царю Сахуре, второму царю V династии.² Здесь были раскопаны статуетки богини Уршкенну с надписью Хуфу (Хеопса)³ и архаическая статуетка, изображавшая может быть царя Хасехемуи ().⁴ Эти цари наверное упоминались в разрушенных картушах гр. I, 1 и 6. Относительно других царей Древнего царства, перечисленных в списке, можно считать вероятным, что они имели культ в Фивах. Так царь Асес, десятый царь V династии, упоминается в папирусе Grisse, найденном в Фивах около гробниц одного из Антефов.⁵ Тот же Асес упоминается и в надписи славного эфантинского номарха Херинуфу в качестве царя, при котором казначей бога Бауэрдед доставил карлика из Пунта.⁶ Такие экспедиции на далекий юг свидетельствуют и об интересе к Верхнему Египту, который являлся исходным пунктом важнейших путей в глубь таинственных стран юго-востока.⁷ Развивая же свою деятельность в Верхнем Египте, в особенности же на крайнем его юге, царь Асес должен был обратить внимание на Фивы, один из важных городов этой последней области. Тот же самый царь Асес был каким-то образом связан с царем Снофру⁸ и уже одно это обстоятельство до некоторой степени объяснило бы почитание этого царя III династии в Фивах. Но и независимо от этой связи с Асесом царь Снофру мог почитаться в Фивах. Согласно свидетельству Палермского камня он воевал с успехом в Нубии. Кроме того он был вместе с Хуфу одним из популярнейших царей Древнего царства и мы имеем не мало памятников от самых различных эпох, свидетельствующих о его культе.⁹ Кроме всех этих, только

¹ Карнакский список составлен довольно небрежно. Ср. напр. упоминание два раза царя

Несуаджре гр. V, 7 и . Яркие примеры, иллюстрирующие небрежность египетских писцов-регистраторов, приводит Borchartt, AZ, 50, p. 121.

² Legrain, o. c., p. 3—4, № 42004.

³ Legrain, o. c., p. 2, № 42002.

⁴ Там же, p. 3, № 42001. На статуэтке нет надписи, но ввиду почти полного тождества стиля с известной нам статуэткой Хасехемуи, издатель решился на такое определение безымянного памятника.

⁵ Gauthier, *Livre des rois*, I, p. 137, § XIX — XX.

⁶ Sethe, *Urk.*, I, p. 129 и 131 и Б. А. Тураев, *Рассказ египтянина Синухета*, *Культ.-ист. пам. др. вост.*, 3 вып. стр. 53 и 54.

⁷ Б. А. Тураев, o. c., стр. 53, пр. 4.

⁸ Gauthier, o. c., I, p. 65, § XVIII.

⁹ Fl. Petrie, *A history of Egypt*, I¹⁰, p. 48—49 собрал все эти памятники.

что перечисленных царей, в карнакском списке упоминались, как мы выше видели, еще три царя VI династии — Тети (первый царь династии), Меренра (четвертый) и Пиопи (пятый).¹ От второго из них дошел до нас памятник из Фив — прямоугольный ящичек.² Мы знаем также из надписей, что Меренра сам был в первом³ и в пятом годах своего царствования⁴ в Элефантине и принимал здесь от нубийских вождей выражение покорности. К одному из этих посещений относится и каменная ваза с его картушами, найденная в Элефантине.⁵ При нем свершал элефантийский номарх Херихуфу первые из своих смелых походов вглубь Нубии.⁶ Столь же тесно, как и Меренра, был связан с югом и его преемник Пиопи II. Он известен своими заботами о храме Мина в Коптосе, городе столь близком Фивам.⁷ Надписи его мы имеем в Элькабе,⁸ фрагменты статуи в Иераконполисе,⁹ надпись, выбитую в скале¹⁰ и крышку алебастровой вазы с его картушом в Элефантине.¹¹ Здесь же в Элефантине мы встречаем его картуши в гробницах номархов в Херихуфу¹² и Пиопинахта,¹³ продолжавших при нем свершать свои походы на юг. Второму из названных номархов было даже дано имя «посвященное ему Пиопи». Такая тесная связь Меренра и Пиопи II с югом должна была обратить их внимание на Фивы и следовательно обеспечить им там культ. О первом из перечисленных карнакским списком царей VI династии, Тети, мы не имеем пока памятников, свидетельствующих о его деятельности на юге,¹⁴ но это обстоятельство может, конечно, объ-

¹ Пиопи (гр. II, 7) может быть правда соответствует не Пиопи II, а Пиопи I. Так полагает напр. Gauthier, o. c., I, p. 159, § XLII. В таком случае мы должны предположить, что и этот царь был связан в деятельности своей с югом. Действительно мы имеем на это указание. Этот царь оставил памятники и в Абидосе, Коптосе и в Элефантине (см. Gauthier, o. c., p. 151 sq. и Fl. Petrie, o. c., I¹⁰, p. 102—103). Мы имеем даже статуэтку с его картушами, купленную в Фивах (!), см. Wiedemann, ÄZ, 23, p. 78; Gauthier, o. c., I, p. 157, § XXVIII. Он свершил и поход в Нубию, см. Ed. Meyer, Gesch. d. Altert., I³, § 265.

² Gauthier, o. c., I, p. 166, § XIV.

³ Sethe, Urkunde, I, p. 111.

⁴ Ibid., p. 110.

⁵ Gauthier, o. c., I, p. 165, 5 X.

⁶ Sethe, Urkunde, I, p. 123—127.

⁷ См. его иммунитетные грамоты, дарованные этому храму, у Weill, Décrets royaux, а фрагменты его памятников из этого храма у Petrie, Koptos, pl. V, № 7 и 8.

⁸ PSBA, 1909, p. 252. Gauthier o. c., I, p. 174, rem. 2.

⁹ Quibell, Hieraconpolis, II, 53 (цитирую по Fl. Petrie, History of Egypt, I¹⁰, p. 114).

¹⁰ Petrie, A season in Egypt, 1887, pl. XII, № 311. Gauthier, o. c., I, p. 171, § VII.

¹¹ Gauthier, o. c., I, p. 172, № X.

¹² Sethe, Urkunde, I, p. 128—131.

¹³ Ibid., p. 131 sq.

¹⁴ Если не считать его абидосского декрета (Petrie, Abydos, v. II, pl. XVII) и ваз, найденных там же (см. Petrie, History of Egypt, I¹⁰, p. 100).

ясняться и случайностью. Кроме того о культе Тети, который был родоначальником династии, заботились наверное его преемники.

На основании всех приведенных данных о царях Древнего царства, упоминаемых в карнакском списке Тутмосиса III, мы можем с уверенностью установить, что названный список перечислял лишь тех царей, которые, благодаря своим заботам о Фивах, пользовались там постоянным культом. Очевидно иерограмматы храма составляли от времени до времени такие списки властелинов Египта, имеющих право на посмертное иждивение. В эпоху Тутмосиса III, т. е. после военных бурь гиксосского владычества, требовалось новое подведение итогов прошлого и увековечение их на стенах храма. В последующее время, наверное в период фиванской теократии, которая стремилась доказать преобладающее значение своего города уже в древнейшую эпоху, карнакский список Тутмосиса III был видоизменен. В него были введены еще новые представители Древнего царства, среди них пять царей I династии, ибо присутствие их среди «иждивенцев» храма свидетельствовало о важности Фив уже в этот отдаленный период. Данный список, созданный в дни, когда верховные жрецы Атона стали правителями фиванской области, дошел до нас правда в сильно испорченном виде в лице так называемого списка Эратосфена, сохранившегося у Синкелла¹ и перечисляющего 38 царских имен с их переводами на греческий язык. Цари называются *Θηβαίων βασιλεῖς*.² Для нас и этот поздний, местами вздорнейший, список будет иметь все же кой-какое значение, как некоторая параллель эллинистического времени к царским спискам Манефона. Особенную же ценность эратосфеновский список приобретает для восстановления первоначальной хронологии Манефона, ввиду того, что в нем, согласно Ed. Meyer'у, годы правления отдельных царей, как и все приписки к царским именам и их переводам, интерполированы из манефоновской эпитафии.

Если таким образом цель составления известных нам двух фиванских списков, как карнакского, так и эратосфеновского, состояла в увековечении всех тех царей, которые пользовались культовым почитанием за прошлые заслуги перед храмом, то надо полагать, что по тем же соображениям были составлены царские списки из Абидоса и Саккара. Важность данного вывода для исторической оценки этих последних названных списков станет очевидной, если мы сравним их содержание между собою.

¹ Ed. Dindorf, p. 171, 180—181, 190, 195, 204—205, 233 и 278—279.

² О списках Эратосфена, или вернее Аполлодора, почерпнувшего его из Эратосфена, см. F. Jacoby, *Apollodors Chronik* (XVI вып. *Philolog. Untersuch.*), Берлин, 1902, p. 19 sq. и исчерпывающее исследование, данное Ed. Meyer'ом, *Chronologie*, p. 99 sq.

Начнем описание с прекрасно сохранившегося списка Сети I в Абидосе. Составлен он был по поручению Рамсеса II. Обнимал он собою 76 царей, расположенных в двух горизонтальных линиях по 38 в каждой: Налево был изображен царь Сети I, приносящий жертву, и царевич Рамсес (будущий Рамсес II), речитирующий священную книгу.¹ Надпись над списком называет всю сцену «приношением жертвы царям Верхнего Египта и царям Нижнего Египта царем Сети I».² Прекрасно сохранившиеся царские картуши расположены в строгом хронологическом порядке,³ столь противоположном хаотическому перечислению карнакского списка. Сумма в 76 царей⁴ слагается из восьми царей I династии, шести царей — II, шести царей — III, пяти царей IV, восьми царей — V, семи царей — VI, шестнадцати царей — VII - VIII, двух царей — XI, семи царей — XII, восьми царей XVIII и трех царей XIX династий. Опущены совсем цари гераклеополитанских (IX—X), XIII, гиксосской и XVII династий. В XVIII династии опущены Хатшепсут и Эхнатон вместе со своими преемниками.

Саккараский список, обнимает всего лишь 58 царей, расположенных так же, как и в абидосском списке, в двух горизонтальных строках одинаковой длины. Налево изображен в позе адоранта владелец гробницы, на стенах которой был вырезан список, царский писец и верховный херихеб *Twnrj*. Перед ними две вертикальные строки пояснительной надписи: «из того, что дает царь Рамсес II, да дадут они (т. е. цари списка) получать жертвенные дары, появляющиеся перед ними ежедневно для ка имя рек».⁵ Список саккараской гробницы сохранился в противоположность списку абидосского храма неважно. 15 картушей из 58 почти или совсем уничтожены.⁶ Большинство из них можно восстановить с помощью абидос-

¹ Здесь изображен (см. ниже) Рамсес II престолонаследником, а мы знаем теперь, согласно открытию Breasted'a (см. его *Geschichte Ägyptens*, p. 329—330), что Рамсес II не был законным престолонаследником Сети I.

² Мой перевод передает лишь общий смысл данной фразы.

³ По крайней мере во всех тех случаях, где мы можем проверить порядок перечисления.

⁴ Может быть число царей ограничено 76 царями ради соображений числовой мистики, ибо в таком случае Рамсес II как бы являлся 77 царем после Менеса. 77 же являлось священной цифрой в Египте. См. Sethe, *Zahlen und Zahlwörter bei den alten Ägyptern*, *Schriften d. Wissenschaftl. Gesellschaft in Strassburg*, Strassburg, 1916, 25 Lief., p. 36. Лишь в этом отношении может быть и правильно наблюдение Н. А. Морозова в его брошюре «Христос и Рамсес II».

⁵ Из этих слов пояснительной надписи вытекает, что цари перечисляются названным сановником не для того, чтобы им давали жертвы, но наоборот для того, чтобы у них выпросить те жертвы, которые они здесь в Саккара получали от Рамсеса II или его преемника. Следовательно этот список из гробницы *Twnrj* является копией со списка, составленного Рамсесом II или его преемником, царей, получающих жертву в Саккара.

⁶ Я следую, как я указал выше точной и не вызывающей никаких сомнений реконструкции Ed. Meyer, *Chronologie*, Taf. 1.

ского списка, но к сожалению не все, так как в выборе царей Египта оба списка отнюдь не всегда совпадают. Простое перечисление царей саккараского списка по династиям выявит его существенные расхождения с перечнем царей в абидосском храме Сети I. В число 58 царей гробницы $\overline{\text{Twp}|\text{r}|\text{j}}$ входят три представителя (пятый, восьмой и девятый)¹ I, 8—II, 5—III, 8—IV, 8—V, 4—VI, 2—XI, 8—XII, 8—XVIII и 4²—XIX династий. Цари перечислены в строгом хронологическом порядке. Только с царями XI и XII династий произошла в этом отношении некоторая путаница: они перечислены в обратном порядке. Но как раз эта ошибка чрезвычайно важна. Она доказывает, что оригинал списка перечислял царей по династиям, причем династии XI и XII были слиты воедино.³ Сравнивая теперь саккараский список с абидосским, мы увидим кое-что общее между ними. И здесь совсем опущены цари гераклеополитанских (IX—X), XIII, гиксосской и XVII династий. В XVIII династии опущены также Хатшепсут и тель-амарнские цари. Но наряду с этими соответствиями мы наблюдаем и следующие расхождения:

I дин.	{	3 царя	Саккара
		6 царей	Абидос
II дин.	{	8 «	Саккара
		6 «	Абидос
III дин.	{	5 «	Саккара ⁴
		6 «	Абидос
IV дин.	{	8 «	Саккара
		5 «	Абидос
VI дин.	{	4 царя	Саккара
		7 царей	Абидос
VII—VIII дин.	{	— «	Саккара
		16 «	Абидос.

Мы видим, что все эти расхождения в списках падают на эпохи Древнего царства. Единственным несоответствием между обоими списками

¹ Я следую пока нумерации, предложенной Ed. Meyer'ом, G. d. A. I³, § 213.

² В саккараском списке перечислен и Рамсес II, что вероятно указывает на восхождение списка к Мернептаху.

³ См. Ed. Meyer, Chronologie, p. 104—105.

⁴ Здесь, в III династии наблюдается и некоторое расхождение в именах. Такие расхождения в именах наблюдаются, правда, и в перечислении других династий, напр. V— но там они более или менее устранены исследователями указанием на наличие в титулатуре царя различных имен. Может быть в III династии по существу и нет расхождения между 2 списками. См. пр. 1 на стр. 211.

в перечислении царей других эпох является отсутствие в Абидосе последнего представителя XII династии царицы Šbk-nfrw-R'.

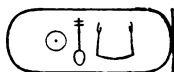
Установив это действительно резкое несоответствие между саккараским и абидосским списками при перечислении царей Древнего царства, мы должны будем попытаться установить причину этого странного явления. До сих пор пытались объяснить его таким образом, что абидосский список перечислял царей, которые считались законными в Абидосе, а саккараский — тех, которые считались таковыми в Саккара, гесп. Мемфисе.¹ Я считаю, что подобное объяснение расхождений названных царских списков является безусловно неприемлемым. Ведь в таком случае мы были бы обязаны в силу логической последовательности допустить, что первые цари I династии, в том числе и сам Менес, в эпоху Рамсеса II считались в Саккара, гесп. в Мемфисе, незаконными царями. Немыслимость такого допущения является, я полагаю, очевидной. Отрицая применение принципа легитимности в деле расхождения абидосского и саккараского списков, я, конечно, не отрицаю того, что этот принцип играл известную роль при составлении этих царских списков. Вполне понятно, что гиксосы, свирепые угнетатели Египта, Хатшепсут, захватившая престол своего племянника Тутмоса III,² или Эхнатон, преследовавший Амона, были лишены заупокойных жертв. Поэтому и ни один из дошедших до нас царских списков не упоминает этих царей. Если же некоторые из царей Древнего царства не упоминаются в одном из списков, но упоминаются в другом, то из этого факта нельзя сделать вывода о их незаконности. Ведь невозможно предположить, чтобы в едином, централизованном государстве XVIII и XIX династий допускалась в храмах традиция о царях незаконных. Следовательно все те цари, которые упоминались в эпоху Нового царства хотя бы в одном из храмовых списков, являлись легитимными правителями Египта. Причину же упоминания или неупоминания легитимных царей Египта различными царскими списками мы уже вскрыли выше путем исследования карнакского списка. Все эти храмовые царские списки перечисляли лишь тех царей, которые пользовались культом, благодаря своим заботам или дарам храму. Эта причина объясняет нам удовлетворительно и все расхождения абидосского и саккараского списков. Действительно, отсутствие большинства из царей I династии в Саккара объясняется тем, что эти цари, имея своей столицей Тинис, не оставили в Саккара, в мемфисском некрополе памятников. В эпоху II династии центр тяжести переносится на север

¹ Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 105.

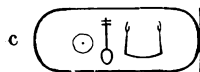
² См. В. Струве, К истории Тутмосидов, Сборник в честь Н. И. Кареева, Петроград, 1923.

и поэтому цари этой династии оставили больше памятников в Саккара. Цари III династии более или менее равномерно распределяли свои заботы и на севере и на юге,¹ точно так же, как и цари IV и V династий. Если же в Саккара число царей IV династии (8) значительно превышает число царей этой династии в Абидосе, то объясняется это тем, что «лишние» цари саккараского списка, упомянутые и в Туринском папирусе, играли в течение почти всей своей жизни лишь роль соправителей тех царей, которые были перечислены и в Саккара в Абидосе. Самостоятельно они правили наверное самое минимальное время и поэтому ни один из них не упоминался в надписях современников.² Упомянуты же они были в Саккара потому, что вблизи находились их гробницы. Правда Ed. Meyer приводит в пользу своего мнения о нелегитимности царей IV династии, не упомянутых в абидосском списке, еще и свидетельство Палермского камня. Здесь в первой строке verso мы имеем часть первого года царя Шепсескафа, которого Манефон причисляет еще к IV династии,³ и предшествующее пространство, если не считать указателя числа месяцев и дней года, предшествующих его воцарению,⁴ оставлено не заполненным. В этом обстоятельстве Ed. Meyer видит подтверждение своей теории о нелегитимности предшественников Шепсескафа. Все их деяния были оставлены без внимания составителем аннал, но время их правления все же должно было быть принято во внимание.⁵ Я думаю, что это остроумное толкование смысла первой строки verso палермского камня, основывающееся на его теории о нелегитимности всех царей, опущенных абидосским списком, не является обязательным. Оставлению пустого пространства перед годом воцарения Шепсескафа анналами Палермского камня можно дать иное объяснение

¹ О царях III династии ср. ниже в § 6 отдел, посвященный реконструкции манефоновской III династии. Здесь я могу только сказать, что отсутствие цари

в Саккара объясняется вероятно недоразумением. Составитель списка отождествил его

с Пиюпи II.

² Царевич Сехемкара, живший при Хефрене и его преемниках вплоть до Сахуре, упоминает царствование лишь Хефрена, Микерина, Шепсескафа, Усеркафа и Сахуре. См. De Rougé, *Six premières dynasties*, p. 77.

³ О тождестве манефоновского Σεβερχερής и Шепсескафа иероглифических надписей см. Kees у Pauly-Wissowa, II Ser., III Hbd. Sp. 961.

⁴ В незаполненном пространстве были вписаны 4 месяца и 24 дня, а в прямоугольнике, заполненном событиями года воцарения Шепсескафа, были отмечены 7 месяцев и 11 дней, т. е. из сопоставления этих 2 сумм дней получался полный год в 365 дней. См. Borchartd, *Annalen*, p. 3 и рис. 1.

⁵ Ed. Meyer, p. 195 и Kees у Pauly-Wissowa, II Ser., III Hbd., Sp. 961.

и притом такое, которое не требует предположения о гражданских войнах в конце IV династии. Исходным пунктом моего объяснения служит то обстоятельство, что царь, по повелению которого были составлены анналы Палермского камня, был один из представителей V династии.¹ Из этого следует, что вполне естественным желанием этого царя было посвятить все verso камня деяниям своей династии, подчеркивая этим, что с нее как бы началась новая страница истории. Царь же Шепсескаф (Špś-k-ıf), как это доказывает сопоставление с его преемником Усеркафом (Wśr-k-ıf), был, очевидно, родоначальником V династии.² Поэтому годы его царствования, начиная с первого, были увековечены на первой строке verso. Некоторое затруднение представлял для составителя аннал лишь первый год правления Шепсескафа. Он ведь заполнял лишь часть календарного года. События же той части года, которая предшествовала дню воцарения Шепсескафа, относились еще к IV династии и должны были поэтому заполнить последние строки recto камня. Составитель вышел очень удачно из этого затруднения, оставив незаполненной первую часть годового прямоугольника, отметив лишь число месяцев и дней, которые она обнимала.³ Предшествующее же этому пустому пространству начало первой строки было заполнено наверное какой-нибудь надписью, восхваляющей династию, возведшую культ национального бога Египта Ре на недосыгаемую высоту.

На основании всего сказанного, я думаю, можно считать доказанным, что упоминание одним из храмовых списков какого-нибудь из царей, упоминаемого в другом списке, не доказывает еще нелегитимности данного правителя, а доказывает лишь то, что он не успел по каким-либо причинам оставить памятника в том храме, в списках которого он не перечислен. Эти причины могли быть, конечно, различного рода. В большинстве случаев данной причиной была краткость правления.⁴ В других случаях отсутствие памятников какого-либо царя объяснялось его «незаконностью». Он не владел данным храмом и поэтому не мог соорудить в нем памятника. И та и другая причина обусловили вероятно перечисление последних царей VI династии и правителей VII—VIII династии одним лишь абидосским

¹ Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 181.

² Существование принципа близкой титулатуры у представителей одной и той же династии особенно подчеркнул Ріерер, *ÄZ*, 51 (1913), p. 92 sq. Уже Кеес, Pauly-Wissowa II Ser., III Hbd., p. 961 ставит из-за сходства имени Шепсескафа рядом с Усеркафом. Если же Манефон отделил Шепсескафа от Усеркафа и V династии, то он также отделил и Аменемхета, отца Сесостриса I, от этого последнего и от XII династии.

³ События этой первой части календарного года, на который падало воцарение Шепсескафа, были, конечно, отмечены анналами в конце последней строки recto камня.

⁴ Этим объясняется, что царица XII династии Собек-Нофру-Ре не упоминается в абидосском списке.

списком,¹ но не саккараским.² Но мы должны помнить, что составитель саккараского списка не упомянул об этих царях VI—VIII династий не ввиду их незаконности, а ввиду того, что они не оставили памятников в храмах его некрополя.³ В некоторых случаях, правда, иерогамматки не вносили в свой список и таких царей, памятники которых имелись в их храме, но подобного рода опущения были вызваны экономическими соображениями, так как при перечислении всех царей-жертвователей в иных храмах список таких заупокойных иждивенцев возрос бы до грандиозных размеров. Такими мотивами объясняется наверное то обстоятельство, что в абидосском списке не упоминается ни один из царей XIII династии, хотя они и были ревностными почитателями абидосского храма.⁴

Мы пришли к концу нашего анализа содержания дошедших до нас храмовых царских списков и на основании его мы приходим к определенному выводу о том, что их историческая ценность, вследствие случайности составления, сравнительно не велика. Ведь тот или иной царь перечисляется здесь лишь в зависимости или от количества или от качества оставленных в данном храме памятников. Очевидно списки таких царей-жертвователей велись в храме и они иной раз увековечивались на стенах храмов. В некоторых из них, как например, в карнакском списке, они располагались в хаотическом беспорядке, в других случаях они перечислялись в хронологической последовательности, то более совершенно, как в абидосском списке, то менее совершенно, как в саккараском. Последний список был даже

¹ Если прав Petrie в том, что некоторые из царей VII—VIII династии перечислены в эратосфеновском списке (*History of Egypt*, I⁰, p. 120), то это доказывает лишь то, что фиванский царский список в эпоху теократии был пополнен на основании абидосских источников.

² Большие заботы VI династии об Абидосе доказываются раскопками (см. Petrie, *History of Egypt* I⁰, перечисления памятников царей этой династии). Цари же VII—VIII династии, судя по их именам и по немногим дошедшим от них памятникам, ревностно выполняли заветы традиций VI династии и перенесли все свои заботы на абидосский храм. В противоположность этим династиям гераклеополитанские (IX—X) династии строили и жертвовали в одном лишь своем родном Гераклеополисе и поэтому они и не упоминались ни карнакским, ни абидосским, ни саккараским списками. Предположить же, что память о них была столь же решительно предана остракизму, как и память о гиксосах, я не могу. Этому предположению противоречит то обстоятельство, что мы имеем в последующее время памятники, упоминающие благожелательно о царях Гераклеополиса.

³ Строго говоря, вследствие этой же причины не упоминались в царских списках XVIII и XIX династий и объявленные незаконными гиксосские цари Хатшепсут и Эхнатон и его преемники. Памятники этих царей наверное или уничтожались, или убирались в недоступные обозрению магазины.

⁴ См. у Petrie, *History of Egypt* I⁰, перечисление памятников царей XIII династии. Здесь мы часто встречаем указание на абидосское происхождение. В противоположность XIII династии, XVII династия не упоминалась в абидосском списке потому, что эти цари в своей борьбе с гиксосами мало времени могли уделять строительной деятельности.

дополнен введением в виде списков богов, правивших в Египте до человеческих династий.¹ Пособие для хронологического распределения царей, получающих заупокойные жертвы, иерогаммат находил в храмовой библиотеке в тех списках, которые перечисляли с большей или меньшей полнотой царей всех династий, как законных, так и незаконных, начиная с Птаха, родоначальника божественной династии. Одним из таких списков является, я полагаю, знаменитый Туринский царский папирус, к рассмотрению которого мы теперь и приступаем, следуя в общем результатам исследования Ed. Meyer'a.²

Туринский царский канон, начинающийся с божественных династий, написан на стороне вертикальных полосок большого папирусного свитка, т. е. на verso.³ На recto же была записана какая-то счетоводная книга одного из царских бюро эпохи Рамсеса II.⁴ Из этого следует, что царский канон был записан на папирусном свитке лишь тогда, когда счетоводная книга recto была антиквирована. Это же обстоятельство не говорит в пользу того, чтобы царский список был составлен по поручению царского бюро, как это полагает Ed. Meyer.⁵ Не говорит в пользу последнего предположения традиция находки, согласно которой папирус был найден в одной из фиванских гробниц.⁶ Вряд ли мог оказаться официальный документ в одной из фиванских гробниц, тем более документ, написанный согласно палеографическим данным в Нижнем Египте.⁷ Противоречит догадке Ed. Meyer'a и та неравномерность, с которой писец распределял содержание царского списка на папирусе. Первые 5 столбцов написаны крупным шрифтом и строки их отделены друг от друга достаточным пространством. Последующие столбцы написаны почерком, становящимся все более и более мелким и строки их начинают насаждать друг на друга. В последних сохранившихся столбцах царские картуши уже становятся,

¹ Mariette, Mon. div., 58. Cp. W. M. Müller, Rec. de trav. 22, p. 98.

² Chronologie, p. 105 sq. и его Nachträge. Кое-какие изменения для последних столбцов внес Piéper, ÄZ, 51, p. 95 sq.

³ Это определение стороны вертикальных полосок папируса — verso, а стороны горизонтальных полосок — recto сделал Wilcken, Hermes, 22, p. 492. Данное наблюдение подтверждает и G. Möller, Palaeographie, I, p. 4 sq. Правильное объяснение того факта, что сторона горизонтальных полосок была используема в первую очередь, дает Ibscher, Archiv für Papyrusf., V, p. 191. См. также Möller, Palaeographie, II, p. 4.

⁴ Согласно остроумному наблюдению М. Piéper'a, который работал над подлинными фрагментами папируса, на его recto была составлена запись годовых доходов египетского государства (см. OLZ, 1925, Sp. 225).

⁵ Chronologie, p. 111.

⁶ Piéper, OLZ, 1925, Sp. 224.

⁷ Piéper, ÄZ, 1910, p. 101 и ÄZ, 51, 1913, p. 99. Особенно важных исторических выводов из этого наблюдения, как полагает Piéper, сделать нельзя. В эпоху централизованного государства XIX династии трудно ожидать следов политического сепаратизма в каком-либо царском списке. Piéper и не находит таковых в каноне.

вследствие своей скученности, не всегда разборчивыми. Я думаю, что подобная небрежность в распределении материала была бы недопустимой в официальном документе. Небрежность писца, едва ли простительную в справочнике царского бюро, мы встречаем и в записи текста. То мы сталкиваемся с опущением рубрики,¹ то мы находим неуместную отметку о начале новой династии,² то мы видим в указании времени правления отсутствие числа месяцев и дней.³ Но не только небрежность в записи текста противоречит догадке Ed. Meyer'a об официальном характере царского канона, но и само содержание текста. Дело в том, что туринский царский канон обнимает всех царей Египта, начиная с древнейшего времени, богов и полубогов и славные династии Древнего царства. Я думаю, что такая полнота не требовалась для справочника в государственном учреждении, преследующего исключительно практическую цель определения времени документов, которые были датированы годами правления царей.⁴ Божественные династии в таком справочнике были бы наверное опущены.

На основании всего сказанного я думаю, что Туринский царский папирус не является справочником государственного учреждения, а является копией со справочника, восходящего к храмовой библиотеке, преследующей наряду с практическими и теоретические цели.

Приступим теперь к описанию содержания канона, от которого удалось пока восстановить лишь 12 столбцов.⁵ В целях более удобного ознакомления с распределением бесчисленных царей Египта на столбцах канона, я буду пользоваться вошедшей в научный обиход династической системой Манефона, хотя она, как мы увидим ниже, не совпадает с династической системой самого папируса. Теперь я попытаюсь дать порядок распределения династий по столбцам. Божественные династии заполняли собой I столбец.⁶ II столбец обнимал династии полубогов вплоть до почитате-

¹ Нет «рубрики» в написании такого царя, каким является первый царь исторического Египта. Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 12, отмечает это с удивлением.

² Столб. VII, 1, где заметка о начале новой династии поставлена после Аменемхета IV, предпоследнего царя XII династии. Ср. Ed. Meyer, *о. с.*, p. 113.

³ Опущено число месяцев и дней в отметке о времени правления Джосера в столбце III, 5. Ср. Ed. Meyer, *о. с.*, p. 140.

⁴ Ed. Meyer, *о. с.*, p. 111.

⁵ Исследования последующих ученых сократили несколько это число 12, установленное Seyffarth'ом. Столбцы I, III и IV распределения Seyffarth'a надо было сократить в 2 столбца — II и III (см. Ed. Meyer, *Chronologie*, Taf. III и IV). Что же касается попытки Ed. Meyer'a сократить число столбцов конца восстановленной части папируса, то см. наблюдения Piéper'a, *ÄZ*, 51, p. 96 sq. Таким образом число 12 количества столбцов реконструкции Seyffarth'a и сохранившихся в изданиях папируса надо изменить пока в 11. О возможном увеличении числа столбцов см. ниже.

⁶ В реконструкции Seyffarth'a этот столбец назывался вторым.

лей Гора, а затем с Менесом во главе 14 царей I и II династии. Остальные 4 царя II династии были занесены на первых 4-х строках III столбца. Все следующие строки этого столбца были заполнены царями III, IV и V династий.¹ До сих пор порядок распределения совпадал с порядком распределения Ed. Meyer'a. Что же касается распределения династий VI—XII, которые Ed. Meyer приурочивает к столбцам IV—V папируса,² то мне здесь придется пойти своим собственным путем, так как в точные расчеты названного ученого в данном пункте, мне кажется, вкралась какая-то ошибка. Я поэтому к сожалению вынужден несколько дольше остановиться на вопросе о содержании данных столбцов.

К этим двум столбцам Ed. Meyer и другие исследователи³ относят фрагменты 43, 44, 45, 46, 47, 59, 61, 62, 63, 64 и 67. На фрагментах 59, 61, 62 и 63 сохранились следы 2-х примыкающих друг к другу столбцов и поэтому в фрагментах 61 + 62 + 63⁴ исследователи видели продолжение фрагм. 59. Это подтверждалось на первый взгляд и тем обстоятельством, что на лицевой стороне обоих фрагментов сохранилось начало столбца счетоводной книги.⁵ К фрагментам 61 + 62 + 63 в свою очередь примыкал справа фрагм. 44,⁶ с которым были соединены фрагм. 43 сверху и фрагм. 47 снизу. Слева к нижнему левому углу фрагм. 61 + 62 + 63 примыкали фрагм. 64 + 67. Получалась таким образом при условии правильности соединения фрагм. 59 и фрагм. 61 + 62 + 63 реконструкция довольно значительного куска папируса. Первый из столбцов фрагм. 59, являющийся IV столбцом папируса, содержал, судя по сохранившимся суммам лет правления отдельных царей, список представителей VI династии. Примыкающие к этому столбцу фрагм. 43, 44 и 47 были заполнены, согласно сохранившимся картушам, перечислением царей VII—VIII династий и первой из гераклеополитанских династий. Следовательно во втором столбце 59 фрагм. мы имели бы список царей второй половины

¹ См. Chronologie, p. 116, 118—119, таблицы к стр. 125 и 145.

² Chronologie, p. 155 sq. и Nachträge z. ägyptischen Chronologie, 1907, p. 22. Здесь Ed. Meyer несколько видоизменил свою первоначальную реконструкцию. Он снова приурочивает фрагмент 43 к столбцу IV и поэтому должен фрагмент 48 отнести с некоторым вероятием к столбцу V. С этой последней реконструкцией по существу совпадает и реконструкция, предложенная Borchardt'ом, Annalen, Taf. 4a (к стр. 44). Ср. Ed. Meyer, Die ältere Chronologie Babylons, Assyriens und Ägyptens, p. 58, Anm. 1.

³ В конечном итоге эта реконструкция в своих общих контурах восходит уже к Seyffarth'y.

⁴ Они бесспорно примыкают друг к другу, как видно из приложенной таблицы.

⁵ Ср. Borchardt, о. с. Taf., 6a (к стр. 45).

⁶ Связь их установил еще Seyffarth. Ed. Meyer, Chronologie, Taf. V, соединил 4 строки фрагм. 44 со строками 5—8 фрагментов 61—62. С ним согласен и Borchardt, о. с., p. 43.

Гераклеополитов. Во втором же столбце фрагм. 61 + 62 + 63 перечисляются, согласно свидетельству самой надписи, цари XI и XII династий.

Мы можем на основании сказанного результаты реконструкции, предложенной Ed. Meyer'ом, резюмировать следующим образом: фрагменты 43, 44, 45, 46, 47, 59, 61, 62, 64 и 67 приурочиваются к двум примыкающим друг к другу столбцам — IV и V. IV столбец содержал династии VI—IX, а V столбец — династии X—XII. И вот эти результаты реконструкции Ed. Meyer'а заставляют меня в сильнейшей степени сомневаться в ее правильности. Дело в том, что из них вытекает почти полное опущение всех царей VII—VIII династии. Действительно в IV столбце было вряд ли больше 26—27 строк. Из них 7 строк отходило на VI династию,¹ 10 строк — на IX династию² и 4 строки на подведение итогов в конце VIII династии. Таким образом на перечисление царей VIII династии оставалось лишь 5—6 строк. Из них 4 строки уже были заняты 4-мя строками фрагм. 43, перечисляющими 4-х, иными памятниками почти не засвидетельствованных, царей: 1) Нейтикерг, 2) Ноферкара, 3) Нефре, 4) Ибе. Такая неполнота перечисления не может не поразить. Я, конечно, пока еще не сравниваю список VII—VIII династий Туринского папируса с соответствующим списком Манефона, упоминающего 70 царей VII династии и 27 царей VIII династии, ибо Манефон ведь «заподозрен». Но 16 царей, правивших Египтом после VI династии, были перечислены, как мы выше видели, в абидосском списке. Надо думать, что данный список, перечислявший лишь царей, пользовавшихся культом в абидосском храме, является неполным, и что число царей этих династий было значительно больше. Для оценки же правильности реконструкции IV столбца Туринского папируса Ed. Meyer'а решающим является уже факт перечисления 16 царей VII—VIII династий абидосским списком. Ведь нельзя же предположить, что Туринский папирус, представляющий собою канон царей Египта, мог быть менее исчерпывающим, нежели храмовой список, перечисляющий царей на основании случайного признака — почитания их в данном храме. В других случаях Туринский папирус стремился в своем перечислении к исчерпывающей полноте. Ed. Meyer сам отмечает, что, в случае признания его реконструкции, вытекает резкое отличие в методах перечисления на столбце IV и на столбцах VII и сл. Туринского папируса, где с большой тщательностью отмечаются все цари

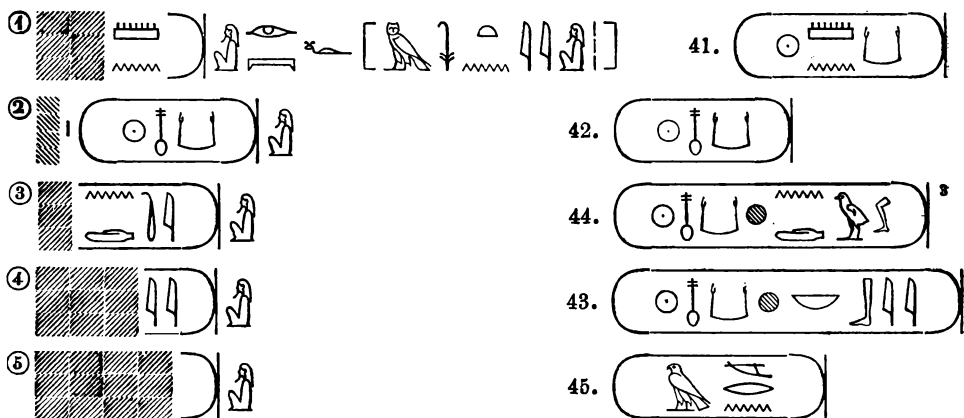
¹ См. § 5 настоящего исследования, VI династию.

² Если держаться реконструкции, предложенной Borchardt'ом, *Annalen*, Taf. 4a. Если же следовать реконструкции Ed. Meyer'а (*Chronologie*, Taf. V), то 11—12. Ср. его же «*Ältere Chronologie*», p. 58, Anm. 1 внизу.

XIII—XIV династий.¹ Поэтому я и думаю, что Туринский папирус должен был уже по одному своему понятию, как справочник,² отметить по мере возможности полно всех царей VII—VIII династий и следовательно перечислить наряду с названными 4 царями 43 фрагм. между прочим и царей, увековеченных абидосским списком. Это как нельзя лучше подтверждается содержанием фрагм 48. На нем сохранились следы 5 строк текста. В первой строке царский картуш к сожалению почти уничтожен. Может быть в надо видеть низ иератической группы т. е. . Если мое чтение правильно, то мы и в первом царе фрагмента получаем представителя перечисленных в абидосском списке 16 царей после VI династии.

Фрагмент 48

Абидосский список

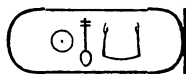

¹ Наблюдением Ріерг'а, что Туринский папирус восходит к Нижнему Египту (см. выше), это предполагаемое различие в методах перечисления указанных столбцов нельзя объяснить. Ведь в таком случае он должен был с такими же пропусками перечислить XIII династию, являющуюся верхнеегипетской. В действительности же он также тщательно перечисляет ее представителей, как и царей XIV династии. Кроме того я полагаю, как я уже выше сказал, что этот сепаратизм севера и юга в списках, восходящих к XIX династии, объединившей прочно долину Нила, не мог играть какой-нибудь значительной роли.

² Ed. Meuser своей реконструкцией IV и V столбцов сам подрывает свой тезис о том, что Туринский папирус являлся справочником государственного учреждения. Как справочник, Туринский папирус не мог отмечать только царей, годы правления которых своей суммой давали время, протекшее с момента основания государства вплоть до дня жизни составителя. Ведь справочник должен был отмечать все династии, правившие Египтом, даже и те, которые сосуществовали во времени, так как памятники могли сохраниться от той и другой одновременно правящей династии и потому справочник, служивший для определения памятников, документов и т. д., должен был их всех перечислять. И действительно, как мы видели, папирус отмечал в XIII и XIV династии, хотя они и были отчасти одновременны. Папирус отмечал годы правления царей XII династии, не различая годы соправления от годов самостоятельного правления. Это также говорит за то, что папирус служил не исключительно для установления отрезка времени, который охватывает египетскую историю.

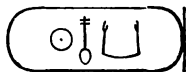
³ Такая путаница в последовательности могла, конечно, иметь место в абидосском списке.

В пользу сближения картушей 48 фрагм. Туринского папируса с данными царями VII—VIII династии абидосского списка говорит и расположение их писцом папируса. Дело в том, что картуш 2 строки

помещен над второй частью картушей 3-й и 4-й строк. Такое нарушение графической стройности папируса случается иной раз, но оно бывает вызвано тем, что одна из строк предшествующего столбца оказывается настолько экспансивной, что заставляет сократиться строку равного уровня следующего столбца.¹ Данное же явление здесь не имело места, ибо в таком

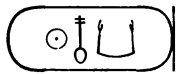
случае мы должны были бы ожидать перед этим картушем

следы титула . Таких же следов мы не находим, а прямая линия, которая сохранилась в самом начале 2-й строки фрагм. 62 ближе всего подходила бы к линии замыкающей картуш. Поэтому я полагаю, что в этой строке были написаны против всех правил папируса 2 картуша. Вызвана была эта своеобразность тем обстоятельством, что имя Ноферкара было только что упомянуто среди картушей VI династии, как имя Пиопи II, и поэтому составитель списка поставил рядом с картушем Ноферкара и второй картуш данного царя VII—VIII династий. Что касается картуша последней 4 строки нашего фрагмента, то он был значительно короче картуша 3 строки и это обстоятельство прекрасно согласуется с данными абидосского списка: и там за пространными картушами № 43 и 44 следует коротенький картуш

.

На основании всего сказанного я полагаю, что в лице царских картушей фрагм. 48 мы имеем перед собой перечисление первых из 16 царей VII—VIII династий, увековеченных абидосским списком. Уже Ed. Meyer в своей «Chronologie» поместил на основании почти тех же соображений фрагм. 48 под фрагм. 59, видя в нем непосредственное продолжение столбца фрагм. 59, перечислявшего царей VI династии.² Правда, он в дальнейшем отказался от этого расположения фрагментов, так как он должен был снова поместить в текст IV столбца фрагм. 43, перенесенный им в «Chronologie»³ к столбцу V.⁴ Приурочить же оба фрагм. 43

¹ Например это явление имело место на 1 строке фрагм. 62. Им же пытался объяснить неправильность положения картуша фрагм. 48 Ed. Meyer, Chronologie, p. 163.

² P. 163, 172 и Taf. V.

³ P. 164.

⁴ Nachträge zur Ägyptischen Chronologie, 1907, p. 22 sq.

и 48 к IV столбцу не позволяли размеры последнего (26 — 27 строк). Он поэтому элиминировал мешающий ему фрагм. 48 из реконструкции папируса.¹ Я же полагаю, что можно сохранить фрагм. 48 в столбце IV и при признании того, что фрагм. 43, а следовательно и фрагм. 44 также относится к списку царей VII—VIII династий. Для этого нам надó только допустить возможность приурочения всех вышеперечисленных фрагментов не к двум, а к несколько большему количеству столбцов. Ввиду этого я и предлагаю мою собственную реконструкцию данных столбцов Туринского папируса (см. табл. I), которая основывается на предположении, что фрагм. 59 и фрагм. 61 отделены друг от друга на столько столбцов verso папируса, сколько этих последних равняется 1 столбцу счетоводной книги на recto.² Дело в том, что на recto фрагментов 59 и 61 мы имеем, как мы выше видели, начала новых столбцов. На основании до сих пор принятой реконструкции папируса можно было предположить наличие 6 столбцов текста на recto.³ Каждый из этих столбцов следовательно соответствует примерно 2-м столбцам verso. Мы должны таким образом ввести еще 2 столбца в постулированную нами лауну между столбцами IV и V реконструкции Ed. Meyer'a, Borchardt'a и др.⁴ Цари, которые заполняли столбцы IV, V и VI моей реконструкции папируса, являлись, очевидно, представителями VII—VIII манефоновских династий. Об этих царях мы

¹ Ведь заявление его в «Älteste Chronologie», p. 58, 1: «Ferner gehört das isolierte Fr. 48 mit Resten von Königsnamen nicht nach Col. 4, sondern wahrscheinlich nach Col. 5», находится в резком противоречии с его наблюдением, сделанном в «Chronologie», p. 163: «Wegen z. 2 lässt es (Fr. 48) sich weder auf Col. 5 irgendwo unterbringen, noch neben Fr. 46; die einzige Stelle, wo es hingehören kann, ist kurz nach dem Ende der 6. Dynastie». Действительно, предложение ввести фрагм. 48 в текст V столбца невозможно и по существу — это цари VII—VIII династий, а не X — и по соображениям папирусной техники. Последнее очевидно и удержало Borchardt'a при своей реконструкции V столбца (Anpale, Taf. 4a) принять в расчет 48 фрагм.

² См. издание Туринского папируса J. Gardner Wilkinson, The fragments of the Hieratic papyrus at Turin, London. 1851. Здесь с образцовой удобообразностью изданы recto и verso папируса.

³ На табл. 1, изд. Wilkinson — 2, pl. II — 1, pl. III — 2, а на pl. IV minimum 1 столбец счетоводной книги. Piéper, ÄZ, 31, p. 96, почему то насчитывает лишь 4 столбца счетоводной книги.

⁴ Такое увеличение числа столбцов Туринского папируса я считаю вполне возможным, ведь никто не станет аподиктически утверждать, что действительно в руках Droveti был вполне сохранившийся папирус. Я не думаю также, что можно было бы доказать, что все фрагменты царского папируса находились только в одной коробке, ведь папирусных фрагментов было бесчисленное множество в коллекции Droveti. Кроме того теперь даже рассказывают, что найдены новые фрагменты царского канона в старом ящике. Обо всех этих вопросах см. Piéper, OLZ, 1925, Sp. 224. И среди тех фрагментов, которые уже нам известны, имеются некоторые, которые могли бы быть отнесены к этим новым столбцам, напр. фрагм. 35, 37, 39, 40 и 41, которые Seyffarth'ом были отнесены к его V столбцу. См. Wilkinson, o. c., pl. II.

почти ничего не знаем. Абидосский список, как мы выше видели, перечислял 16 из них. Манефон упоминал о 70 царях VII династии, правивших 70 дней и о 27 царях VIII династии, правивших 146 лет. Может быть эти 93 царя и были перечислены в столбцах IV и V моей реконструкции папируса. На это предположение меня наводит необычайно широкое пустое пространство, которое примыкает к фрагм. 47, перечисляющему первых царей гераклеополитанских династий. Надо думать, что верхняя часть примыкающего столбца была более заполнена нежели нижняя и вполне естественно предположить, что многие из 70 эфемерных (в буквальном смысле слова) царей VII династии были перечислены по двое, а может быть и по трое на одной строке. В нижней же части V столбца была перечислена первая половина царей VII династии. Такое совпадение Туринского канона и манефоновских царских списков не является слишком невероятным. Дело в том, что число царей и последующих династий более или менее совпадает, как в Туринском папирусе, так и в историческом труде Манефона. Число гераклеополитанских царей, заполнявших начало VI (по старой нумерации IV)¹ и конца VII (V) столбцов папируса, равняется 18, как и у Манефона.² Число царей XI и XII династий, поименованных в середине и в конце VII (V) столбца, кажется, также может быть согласованным с числом царей, которое дает этим династиям Манефон.³ Подобно Манефону и Туринский папирус перечислял 60 царей XIII династии,⁴ заполняя ими столбцы VIII (VI) и IX (VII),⁵ и 76 царей XIV династии⁶ на столбцах X (VIII), XI (IX) и XII (X).⁷

Мы пришли к концу нашего обстоятельного распределения по столбцам царских списков папируса. Ознакомившись с содержанием текста мы можем перейти теперь к описанию его особенностей, как царского канона. Туринский папирус, также, как и Манефон, делил многочисленных царей Египта на известные группы, но деления этих обоих памятников не всегда совпадали друг с другом. Отличие было уже в одном существенном пункте, а именно в том, что некоторые из групп Туринского папируса, в противоположность манефоновским династиям, разделялись в свою очередь на под-

¹ В дальнейшем старую нумерацию я буду ставить в скобках.

² Ed. Meyer, Chronologie, таблица, приложенная к р. 166. Согласование данных манефоновских эхсцерптов с этим числом см. § 5 этой главы.

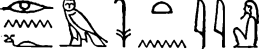
³ См. ниже § 5 этой главы.

⁴ Ed. Meyer, Geschichte d. Altert., I³, § 301, список.

⁵ VII и VIII изданий Lepsius'a и Wilkinson'a. Они устанавливают вместо IV и V столбца Ed. Meyer'a — IV, V и VI столбцы.

⁶ Pieper, Ägyptische Zeitschrift, 51, р. 27.

⁷ Столб. IX, X и XI изданий Lepsius'a и Wilkinson'a.

группы. Строго говоря лишь группы соответствовали по существу манефоновским династиям. По крайней мере лишь группы папируса, подобно династиям Манефона, отмечались заключительным подсчетом числа царей и общей суммы лет правления. Таким способом папирус выделил в особые группы следующие манефоновские династии: 1) I—V,¹ 2) VI,² 3) VII—VIII,³ 4) IX—X,⁴ 5) XI,⁵ 6) XII,⁶ 7) XIII—XIV.⁷ Некоторые из этих групп отмечались еще особой надписью: 1) династия XI — «цари»⁸ 2) династия XII — «(цари) столицы Истауи»⁹ и 3) династия XIII—XIV — «цари после (семьи) царя Сехотепебре (Аменемхета I).¹⁰ Интересно отметить, что все эти 3 группы, снабженные названиями, относятся к Среднему царству.¹¹ За именем первого царя каждой группы стояла отметка «он правил», но она ставилась иной раз и в пределах той или другой группы, образуя таким образом подгруппы. Сохранилась эта приписка за Джосером,¹² царем III династии и три раза среди царей XIII династии и один раз среди царей XIV династии.¹³ Туринский папирус, подобно всем прочим египетским папирусам знал еще один способ отмечать отделы своего содержания, а именно путем рубрик. Рубриками отмечались всегда знае для суммы, а иной раз царский титул правителя, возглавляющего группу или подгруппу¹⁴ или царский титул в названиях династий.¹⁵ Вероятно в оригинале Туринского канона во всех этих случаях царский титул был написан красными чернилами, но переписчик по небрежности эти рубрики опустил. При переписывании отметок времени правления, как отдельных царей, так и групп, переписчик был более тщательным. Он отмечал

¹ Столб. III, последняя строка.

² Я полагаю, что VI династия была отделена от VII—VIII династий. Сумма могла быть локализована 8 строкой IV столбца.

³ Столб. VI, фрагм. 44.

⁴ Столб. VII (V), фрагм. 61, стр. 1.

⁵ Столб. VII (V), фрагм. 64, стр. 1. См. реконструкцию Vorchardt'a, Taf. 4a.

⁶ Столб. VIII (VI), фрагм. 72, стр. 3.

⁷ Сумма не сохранилась, хотя может быть и дошла среди цифр, найденных Piérez, *ÄZ*, 51 1913, p. 95—96.

⁸ Столб. VII (V), фрагм. 61, стр. 2.

⁹ Столб. VII (V), фрагм. 64, стр. 2.

¹⁰ Столб. VIII (VI), фрагм. 72, стр. 4.

¹¹ Я не полагаю, что дин. I—IV имели надпись, как думает Ed. Meyer, *Chronologie*. 114. В столбце II, стр. 11, содержалась наверное не надпись, а суммирование числа лет 2 предшествующих строк. См. § 5 этой главы.

¹² Столб. III, стр. 5.

¹³ Столб. VIII (VI), стр. 4 и 18; столб. IX (VII), стр. 3 и фрагм. 101 + 103 + 104, стр. 8. См. Ed. Meyer, *Geschichte d. Altert.*, I³, § 301A, список царей XIII дин.

¹⁴ Сохранилась рубрика в титулатуре Джосера, столб. III, стр. 5.

¹⁵ Рубрикой отмечены «цари» в названиях XI и XIII династий.

всегда годы, месяцы и дни. Этим указанием времени правления и ограничилось в сущности содержание папируса. Кроме этого было отмечено еще для первых царей вплоть до Джосера время их жизни, да имелись тут и там отдельные краткие замечания.¹ Может быть в оригинале таких замечаний было больше. В одном случае мы прямо можем проследить, как переписчик сократил себе труд при списывании оригинала. В списке XII династии было указано для каждого царя одна лишь сумма лет его правления. Мы же знаем, что первые 4 царя династии назначили еще при жизни своих сыновей в качестве царей-соправителей. Так из 45 лет, которые дает папирус царю Сесострису I, лишь 42 года являются годами единоличного правления.² Надо думать, что в оригинале Туринского канона были отмечены при каждом царе XII династии отдельно и время всего его правления, начиная с момента соправления, и время одного лишь его самостоятельного царствования. Переписчик же Туринского папируса выписывал в одном случае первую сумму лет, а во втором другую, пренебрегая полностью принципом единообразия.³

Надо предположить, что при более детальном изучении можно будет найти еще другие случаи, когда виновником некоторых неточностей Туринского папируса являлся переписчик, но несомненны также случаи ошибок и самого составителя царского канона. Эти ошибки, конечно, могут быть обнаружены лишь при сопоставлении с современными этим древним царям памятниками. Такое выявление ошибок составителя имеет для нашей задачи громадное значение, так как некоторые из них вплотную подводят нас к вопросу о тех источниках, которые легли в основу царского канона, а через это и всех разобранных нами выше храмовых царских списков и в конечном итоге списков Манефона.

Эти ошибки или несоответствия с древними памятниками мы встречаем главным образом в тех частях царского канона или храмовых списков, которые перечисляют царей древнейших династий. Оно и понятно! Эти правителя были отделены от эпохи Нового царства, времени составителей и царского канона и храмовых списков, бездной тысячелетий, в течение которых нормальная жизнь египетского государства была не раз прерываема.⁴ Цари этих первых династий были настолько отделены от эпохи

¹ Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 114.

² Ed. Meyer, *о. с.*, p. 55.

³ Что же касается вопроса о том, восходит ли сумма лет XII дин. в Туринском папирусе к иным слагаемым, как это полагают Sethe, *ÄZ*, 41, p. 38 и Ed. Meyer, *о. с.*, p. 56, то об этом см. ниже, § 7.

⁴ Наиболее тяжелая катастрофа, которая постигла за это время египетское государство, было многовековое (о размерах этого периода см. § 6) господство феодализма после

Нового царства, что можно уже а priori предположить составление перечня данных царей не по современным им памятникам, а по уже готовым спискам. Лишь таким образом можно объяснить такие опiski канона или храмовых списков как $\left[\begin{array}{c} \triangle \\ \square \end{array} \right] \text{ kb}\bar{\text{h}}$ Туринского папируса для $\begin{array}{c} \triangle \\ \square \end{array} \text{ ks}$ подлинного имени царя I династии или ¹ же $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$ абидосского списка для $\begin{array}{c} \square \\ \text{Pr} \end{array} \text{ -ib} \text{ -sn}$ — имени царя II-й династии, засвидетельствованного памятниками.² Если начало первой описке мог положить писец, списывавший надпись древнего памятника и принявший древнее написание иероглифа $\begin{array}{c} \square \\ \text{c} \end{array}$ за $\begin{array}{c} \text{b} \\ \text{b} \end{array}$, то уже описку $\begin{array}{c} \square \\ \text{Pr} \end{array}$ вместо $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$ никак нельзя объяснить таким же образом.³ Столь чудовищная описка может стать понятной лишь при допущении какого-нибудь передаточного звена между древним иероглифическим оригиналом имени $\begin{array}{c} \square \\ \text{Pr} \end{array}$ и поздней формой имени $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$, засвидетельствованной Туринским папирусом и списками. Таким звеном являлась, конечно, иератическая транскрипция имени,⁴ которая передавалась с одной рукописи на другую в течение многих поколений. Ввиду того, что иератическое письмо с течением времени в сильнейшей степени видоизменялось, в особенности во время перехода от Среднего царства к Новому, то вполне возможным является предположение, что написание $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$ вместо $\begin{array}{c} \square \\ \text{Pr} \end{array}$, resp. $\begin{array}{c} \square \\ \text{Pr} \end{array}$ восходит к непонятой писцом Нового царства иератической группе Среднего царства.⁵

падения Древнего царства. В этом периоде произошли резкие изменения в строе египетского языка, указывающие на глубокие изменения социальной структуры, которые произошли в Египте. См. Sethe, ZDMG, 1925. С Sethe я не могу согласиться лишь в том, что социальная революция, засвидетельствованная Лейденским папирусом 344, имела место в данную эпоху феодализма. В противоположность Sethe и Erman'у, Litteratur d. Ägypter, p. 131, я датую названный папирус эпохой конца Среднего царства.

¹ Объяснение возможности такой ошибки дает Sethe, Beiträge zur ältesten Geschichte Ägyptens, p. 27.

² См. Sethe, o. c., p. 36 и п. 7.

³ Мы имеем прямое свидетельство того, что еще писец IV династии вполне правильно написал это имя $\begin{array}{c} \square \\ \text{Pr} \end{array}$ см. мастабу Šrj, Mariette, Mastaba, 92/93.

⁴ Непониманием иератической копии иероглифической передачи имени 5 царя I династии $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$ объясняется форма имени давнего царя $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$ в Туринском папирусе и $\begin{array}{c} \text{Wid} \\ \text{ns} \end{array}$ в абидосском описке. Другие списки перечислены Ed. Meyer'ом, Chronologie, p. 105.

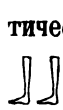

⁵ Много непонятных чтений в рукописях Нового царства, являющихся копиями с оригиналов Среднего царства, объясняется ошибочной интерпретацией незнакомого иератического курсива Среднего царства.

Я полагаю, что мы имеем определенное свидетельство в пользу данного предположения в виде одной описки Туринского папируса и храмовых списков. К сожалению на эту описку до сих пор не обратили еще должного внимания. Описка эта кроется в следующих 3 картушах Туринского папируса и саккараского и абидосского списков:

 (Туринского папируса) — (Саккара) —

 (Абидос). Исследователи уже заметили, что

эти 3 картуша по существу являются вариантами одного непонятого писцом иератического оригинала.¹ Только исследователи не пытались установить, к какому же иератическому оригиналу восходят указанные 3 разночтения и в связи с этим не пытались найти, среди известных по памятникам царей, эквивалент загадочному Bbtj, resp. Bbj, resp. D;d:j.

Переходя к решению этих задач, мы попытаемся, на основании 3-х известных нам вариантов, у мозаключить об общих контурах их иератического оригинала. Первые два знака разбираемых картушей или указывают на то, что в древней рукописи были 2 высокие вертикальные линии, нечто вроде . Что касается следующей за , resp. группой, то здесь дело обстояло несколько более сложно. В Туринском папирусе мы читаем (tj), в абидосском списке , а в саккараском . Из первых двух вариантов вытекает, что в древней рукописи была написана вероятно следующая группа . Из этой группы писец Туринского папируса мог вычитать , а писец абидосского списка .² Но каким образом можно было вычитать здесь иероглиф саккараского списка? Писец этого списка, очевидно, отождествил верхнюю часть группы с иероглифом , а нижнюю часть он неверное транскрибировал теми , которые мы находим в саккараском списке под иероглифом . Ведь и были по существу уже тождественны в эпоху Среднего царства.³ Таким образом из саккараского варианта следует, что древнее иератическое написание разбираемого царского картуша знало телько 2 вертикальные линии, да еще знак,

¹ Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 105, Anm. 1.

² См. Möller, *Paläographie*, II, № XXXVI, Anm. II и № 79.

³ Erman, *Ägyptische Grammatik*³ § 97.

похожий на . Последние же 2 тростниковых листа , которые за-
полняют конец абидосского варианта, являются лишь последующим графическим нарощением.¹

Мы получаем в конечном итоге для трех разночтений Bbtj, Bbj и D;d;j царских списков Нового царства следующий иератический «архетип»:

. Теперь нам остается только установить, какое из известных нам царских имен скрывается в этой иератической группе. При этом мы можем ограничить круг царских имен, среди которых мы должны искать иероглифический эквивалент для установленной нами иератической группы. Дело в том, что и Bbtj Туринского папируса, и Bbj саккараского списка, и D;d;j абидосского списка является царем конца II манефоновской династии. Среди царских имен этой эпохи наш выбор очень невелик. Единственное царское имя конца Тависского периода, которое мы можем сопоставить с установленной мною иератической группой, является имя носитель которого был вероятно последним царем II династии.² Графическое соответствие между этим именем и иератической группой почти полное.³ Мы видим среди составных элементов данного царского имени в два иероглифа, которые могли дать mutatis mutandis в иератической транскрипции те две вертикальные линии, которыми начинается постулированная иератическая группа.⁴ Что же касается третьего элемента данного царского имени иероглифа , то сопоставление его с первой частью установленной мною иератической группы приводит нас к важнейшему хронологическому выводу. Данный вывод обусловлен тем обстоятельством,

¹ Очевидно писец рукописи, из которой составитель абидосского списка черпал свою премудрость, интерпретировал данную группу, как и в качестве «mater lectionis» поставил «». Составитель абидосского списка, определив ту же группу иероглифом «го-
ловы», эти «» выписал механически из своего источника.

² Sethe, Beiträge zur ältesten Geschichte Ägyptens, p. 37; Ed. Meyer, Geschichte d. Altert., I³, § 215; Fl. Petrie, History of Egypt, I¹⁰, p. 36. Если в Палермском камне упоминается об изваянии его статуи (Sethe, Journal Egypt. Arch., I, 1914, p. 233 сл.), то это изваяние могло иметь место при его предшественнике, когда последний объявил его Хасекему, своим престолонаследником.

³ То, что порядок следования отдельных знаков в иероглифическом имени иной, чем в его предполагаемой иератической передаче, не должно нас смущать. Дело в том, что в древних текстах господствует свобода в расстановке знаков. См. Sethe, о. с., p. 36, Anm. 7.

⁴ Уже на современных памятниках передается простой вертикальной линией. Ср. Gauthier, Livre des rois, I, p. 36, § VII и Fl. Petrie, History of Egypt, I¹⁰, p. 36, fig. 2.

что лишь в эпоху Среднего царства иероглиф мог транскрибироваться таким знаком,¹ который мог быть прочитан и как , и как . В эпоху Нового царства иератическая транскрипция иероглифа   и т. д.² уже не могла быть отождествлена с или с . Ввиду этого факта мы можем сделать определенный вывод о том, что основным источником царских списков Нового царства являлись иератические рукописи Среднего царства. Из них они черпали свои знания о царях древнейших династий, между прочим и о неправильно прочитанном ими царе .³ Этот вывод не таит в себе ничего неожиданного. Мы уже видели выше, в I главе, что рукописи Среднего царства сохранили Саисской эпохе традиции сакральной культуры Древнего царства.⁴ Теперь же мы видим, что и историческая традиция была по мере возможности тщательно восстанавливаема после многовековой феодальной разрухи писцами Среднего царства.⁵ Конечно не все детали древней традиции могли быть восстановлены в эпоху Среднего царства и поэтому уже тогда царские списки не всегда были вполне адекватны подлинной исторической действительности.⁶ В дальнейшем это несоответствие с исторической действительностью усиливалось благодаря невежеству и небрежности переписчиков.⁷ Этими причинами придется отчасти объяснить и тот факт, что Туринский царский канон не являлся достоверным источником во всех отношениях.⁸ В тех немногих случаях, когда мы можем проверить даты царского канона, оказывается, что они противо-

¹ Möller, Paläographie, I, № 309, столб. рукоп. Синухета.

² Möller, о. с., II, № 307.

³ Это отождествление таинственного до сих пор , герр.   , герр.

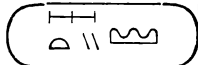
    с известным   имеет значение для истории Египта и для нашей дальнейшей работы. См. § 6.

⁴ Об антикварных интересах Среднего царства см. также Wiedemann, OLZ, I, ст. 272.

⁵ Уже W. M. Müller, Rec. de trav., 22, p. 98, высказал, что образцы царских списков восходят к эпохе Среднего царства, когда так живо интересовались великими царями древности.

⁶ См. W. M. Müller, о. с., p. 103. Я полагаю только, что его отрицательная оценка традиции Среднего царства все же слишком резка.

⁷ Бывали случаи, когда писцы Нового царства более добросовестно относились к своей задаче и более правильно передавали иератику Среднего царства. Например в Книге Мерт-

вых имя 5 царя I династии передается), т. е. более близкой подлинной

форме этого древнего царского имени , чем варианты, сохранившиеся в Туринском папирусе и абидосском списке. См. F. Griffith, ÄZ, 36, p. 142.

⁸ См. замечания M. Piéper, ÄZ, 51, p. 99, Anm. 3 и p. 104, Anm. 1.

речат памятникам. Так, Сахуре царил не 12 лет, а 13,¹ а Пиопи I не 20 лет, а по крайней мере 50.² Интересно отметить, что в обоих этих случаях Манефон был более точен, чем Туринский царский канон Нового царства. Сахуре Манефон дает 13 лет, а Пиопи I — 53 года правления. Не совсем точным бывает Туринский папирус и в порядке следования царей. По крайней мере перечисление им царей XI династии кажется не соответствует порядку следования представителей этой династии, засвидетельствованному памятниками.³

Мы закончили наше описание и оценку храмовых царских списков и царского канона Нового царства и теперь нам остается сравнить их с формальной стороны со списками Манефона. Эти последние, восходящие уже к ранней эллинистической эпохе,⁴ не были в отметке времени менее точными, чем канон, записанный почти на 1000 лет раньше. Точно так же, как и Туринский папирус, и манефоновские списки в своем первоначальном виде отмечали время правления отдельных царей не только в сумме полных лет, но и с добавочными месяцами. Этот точный способ определения времени, свойственный и «Пра-Манефону», сохранился лишь в том манефоновском эксцерпте, которым Иосиф Флавий заполнил 14 и 15 главы I книги своего труда *Contra Apionem*. В эксцерптах же, которые вошли в труды Африкана и Евсевия, месяцы, вследствие небрежности переписчиков, опущены. В одном пункте царский канон Манефона был даже более тщательным в своей хронологической части, чем Туринский папирус. Дело в том, что в I книге манефоновского труда просчитываются годы царей, начиная с Менеса, после каждой династии.⁵ В Туринском папирусе мы имеем, кажется, только один случай подобного просчитывания всех предшествующих лет — в подитоживающих суммах, заканчивающих список VII — VIII династий.⁶

Если в способе хронологического определения Манефон и Туринский папирус были в общем весьма близкими, то в другом отношении они резко

¹ См. Borchardt, *Annalen*, восстановление обратной стороны Палермских анналов, Taf. I.

² См. Sethe, *Beiträge zur ältesten Geschichte*, p. 84—85. Возражение Ed. Meyer'a, *Chronologie*, p. 170, Anm. 1 не имеет силы.

³ См. Ed. Meyer, *Geschichte des Altert.*, I³ § 277A.

⁴ К оценке царских списков, сохранившихся в античной литературе, см. исчерпывающую статью Kubitschek'a, *Königs- Priester- Eponymen- Beamten- Verzeichnisse, als Grundlage chronographischer Systeme*, Pauly-Wissowa, XXI Hbd., Sp. 996 sq.

⁵ Подобный подсчет наверное был проведен и в последующих книгах Манефона, но он был опущен переписчиками.

⁶ Об этих подитоживающих суммах, заканчивающих список VII—VIII династий папируса, мне придется еще говорить в § 6 этой главы.

отличались друг от друга, а именно в выборе имени царя, которым они пользуются в своих перечислениях. При этом Туринский папирус в данном отношении совпадает с храмовыми царскими списками. Во всех этих текстах перечисляемые цари названы не по личным своим именам, а по так называемым тронным именам,¹ которые давались им в момент объявления их престолонаследниками.² Эти имена соответствуют четвертому из элементов царской титулатуры — «царю Верхнего и Нижнего Египтов».³ Что касается Манефона, то он в противоположность этим текстам, как Туринскому папирусу, так и храмовым спискам, пользовался чаще всего личными именами царей, следующими за царским титулом «сын Ре».⁴

Такое расхождение между Манефоном и Туринским канонем весьма знаменательно, ибо из него вытекает, что источники первого были иными, чем источники папируса. Этот последний, очевидно, восходит к труду, который преследовал лишь цель дать общую хронологическую канву египетской истории в виде перечня всех известных ему египетских царей с обозначением времени их правления. Какие-нибудь иные историографические цели данный труд и не преследовал. В таком виде он являлся необходимым пособием в храмовой библиотеке, так как с помощью его можно было распределить в хронологическом порядке царей жертвователей. Значительно более широкие задачи, чем простой хронологический перечень царей, преследовал, очевидно, тот труд или те труды, из которых черпал Манефон. Ведь если они отмечали личные имена царей, то вместе с этим, надо думать, они сообщали и другие данные об этих царях и их деяниях, т. е. другими словами мы имеем в источниках Манефона ни что иное, как египетские анналы.⁵

Эти анналы Саисской эпохи, которые Манефон экскерпировал для своего труда, распределяли, конечно, точно так же как и анналы Древнего царства, свой материал по династиям.⁶ Поэтому и деление по династиям, которое мы находим в списках Африкана и Евсевия, восходит без сомнения к подлинному Манефону, а не к одному из его поздних экскерпаторов. Правда мы не находим в манефоновском списке царей XVIII—XIX династий приведенного Иосифом Флавием (*Contra Apionem*, I, сар. 15) деления по династиям, но это опущение династии в данном случае вполне

¹ См. Sethe, *ÄZ*, 1897, стр. 2. Единственное исключение в Туринском папирусе представляет второй картуш царя Неферкара, царя VII—VIII династии. См. выше стр. 165.

² См. ниже § 6 этой главы.

³ О переводе этих тронных имен см. Erman, *D. Obeliskensübersetzung d. Hermapion Sitzungsber. Kngl. Preuss. Ak. Wiss.* 1914, IX, p. 257, Anm. 1.

⁴ Ср. Ed. Meyer, *Chronologie*, p. 202.

⁵ Так в анналах Палермского камня отмечалась полная титулатура царя (*verso*, p. 4).

⁶ Что касается упоминания Манефоном одной только XIII династии, то см. ниже определение понятия династии у Манефона.

естественно. Ведь иудейский экпертатор, выписку которого приводит Иосиф, перечислял этих царей с указанием лет их правления, чтобы дать хронологическую справку о том, сколько лет протекло между двумя событиями. Если таким образом перечисленные цари имели для него значение лишь как слагаемые суммы, а не как представители династии, то вполне понятно, что он опустил это ненужное для него манефоновское деление по династиям.¹

Мы выше видели, что это деление на династии Манефона не всегда совпадает с делением Туринского папируса. В большинстве случаев Манефон придерживался более дробного деления. Так в Древнем царстве Манефон различает пять династий,² а Туринский папирус только три. Манефон насчитывает две династии Гераклеополиса, а папирус — лишь одну. В одном только случае мы наблюдаем ббольшую дробность в делении Туринского папируса: он подразделяет XIII династию еще на три династии, в то время, как для Манефона она является единой. Что касается VI—VIII и XI—XII династий, то в данном случае, кажется, деление совпадало и тут и там.³

Довольно резкое расхождение Манефона и Туринского папируса в делении на династии, я думаю, надо объяснить тем обстоятельством, что первый восходил к анналам, а второй являлся лишь царским канонем. В анналах является уместным более дробное деление, а в каноне можно довольствоваться и более суммарным. И действительно в составленных в эпоху V династии анналах, поскольку можно положиться на их реконструкцию,⁴ мы имеем то же деление эпохи Древнего царства на пять династий, как и у Манефона. С течением времени эти династии были пронумерованы — I, II и т. д. и в Саисскую эпоху эта нумерация вероятно уже совсем установилась. Может быть мы имели бы и прямое свидетельство для этого, если бы Griffith оказался правым со своей остроумной догадкой, что Геродот смешал XII династию с 12-ю династами соправителями Псамметиха I, когда он, Геродот, приписывает построение лабиринта этим 12 династам, а не XII династии.⁵

¹ Очевидно на основании отсутствия деления на династии в списке, приведенном у Иосифа Флавия, с. Ap. I, гл. 15, Susemihl, *Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexanderzeit*, Lpz., 1891, I, p. 614, сделал вывод о том, что Манефон еще точно не знал о делении по династиям.

² О том, что Палермский камень и вообще анналы Древнего царства строго придерживались деления по тем же династиям, см. Sethe, *Beiträge zur ältesten Geschichte*, p. 43 sq. и Borchardt, *Annalen*, реконструкцию Палермского и Каирского камней на табл. I и II. См. также, что я выше говорил об оставлении пустого пространства перед первым годом Шепсескафа.

³ Конечно, если можно согласиться с моим восстановлением столбцов IV—VI Туринского папируса.

⁴ См. прим. 2 на этой стр.

⁵ *ÄZ*, 47, p. 162.

Саисская эпоха, установившая нумерацию династий,¹ вероятно и несколько изменила понятие династии, унаследованное от древности. Династия, соответствующая египетскому $\downarrow \overline{\text{mswtj.t}}$ «царствование» в древности обозначала группу царей, как происходящих из одного города,² так и восходящих к одной семье-роду. В этом отношении династия Египта вполне тождественна с династиями древних шумерийских и аккадских царских списков.³ У Манефона мы встречаем уже несколько иное понимание династии. Оно выявляется в двух случаях, когда родоначальник династии был отделен от своей династии и был причислен к предшествующей. Я имею в виду случай с Шепсескафом, родоначальником V династии, но причисленным к IV,⁴ и случай с Аменемхетом I, родоначальником XII династии, но причисленным к XI династии. Единственным объяснением такого странного разъединения Шепсескафа и Аменемхета I от своих преемников является предположение, что они были сделаны престолонаследниками волею последнего представителя предшествующей династии. Об Аменемхете I мы даже определенно знаем, что он был визирем при последнем царе XI династии.⁵ В качестве ставленника названной династии он и рассматривался Манефоном, как представитель этой последней. Лишь его сын, которого он уже сам назначил, как представителя своей династии, стал в глазах Манефона родоначальником новой династии. Таким образом вводится в понятие династии Манефоном или вернее историографией Саисской эпохи наряду с моментом преемственности крови и важный момент преемственности воли царя-предшественника. Может быть поэтому и были объединены все цари XIII династии в одну династию, хотя они заведомо не восходили к одной семье.⁶

¹ Вероятно счет династий, сохранившийся в экспертах Африкана и Евсевия, не во всех своих частях восходит к Манефону и саисской традиции. Я по крайней мере полагаю, что соправительствующие династии как XIV, XVI и XVII не имели в подлинном тексте Манефона своего порядкового номера.

² Одним из характерных признаков понятия династии и у Манефона являлось происхождение ее представителей из одного горда, напр. τῶν ἐκ τῆς Θηβαίδος βασιλείων (Contra Apionem I, с. 14). Ср. Wachsmuth, Einleitung in d. Stud. d. A. G., p. 334, Anm. 4.

³ О шумерийских царских списках см. Б. А. Тураев, Классический Восток, I, стр. 145 сл., а на стр. 165 приведена вся библиография. В 1924 г. неумолимому St. Langdon'у удалось найти полный список всех шумерийских и аккадских династий. См. его Histor. Inscriptions, containing principally the Chronol. Prism. W.-B. 444 (= Weed-Blundell. Coll. Vol. II = Oxford Edit. of Cuneif. Texts. Vol. II), Oxford, 1923. См. Н. Zimmern, ZDMG, t. 78, 1923, p. 19 sq.

⁴ Конечно, если можно согласиться с моим выводом (см. выше) о близости имени Шепсескафа и его преемника Усеркафа.

⁵ См. ниже § 6.

⁶ Если можно согласиться с этим объяснением объединения всех царей XIII династии в одну династию, то тогда отпадает недоуменный вопрос А. Wiedemann'a, ÄZ, 23, p. 78.

§ 5. Транскрипция Манефона царских имен.

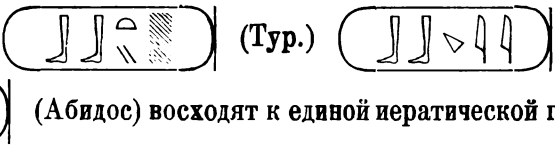
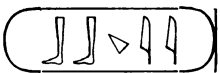

В царских списках, дошедших до нас, в эксерптах Африкана и Евсевия, а также и Иосифа Флавия, сохранилось немало древнеегипетских царских имен в греческой транскрипции. Надо сказать, что вообще египетские имена, переданные греческим шрифтом, отмечаящими гласные, чрезвычайно важны, как помощь в установлении огласовки, неизвестной нам благодаря тому, что египетское письмо не знало гласных.¹ В особенности ценной должна быть с этой точки зрения греческая транскрипция египетских царских имен, которая восходит к перу гречески образованного египетского иерограмматата. Эти греческим шрифтом транскрибированные имена фараонов в труде Манефона могут даже служить ценнейшим материалом для истории египетского языка. Ведь они до известной степени свидетельствуют о языке, на котором говорил образованный египтянин конца IV в. до н. э.²

К сожалению эти царские имена труда Манефона, как и весь его труд, дошли до нас в весьма плачевной сохранности. Эксерпаторы передавали их отягченными многочисленными ошибками. Часто бывает трудно узнать в том или другом, искаженном небрежностью и невежеством переписчика, имени его древнеегипетский оригинал. Поэтому первая задача, которая встает передо мной, желающим научно использовать манефоновские царские имена, это попытка установить графический праобраз этих имен. Я думаю подойти к решению этой проблемы путем сопоставления написаний одного и того же царского имени у различных эксерпаторов.³

¹ К сожалению в этой области еще мало сделано. Одной из первейших задач египтологии было бы теперь создание такого же образцового труда по египетским именам и словам, засвидетельствованным нам греческими папирусами, какой мы имеем по египетскому материалу, сохранившемуся в клинописной литературе в исследовании H. Ranke, Keilschriftl. Material z. altägypt. Vokalisation, Abhandl. Königl. Preuss. Akad. Wiss., Phil.-hist. Kl. 1910, Anhang, Abh. II. См. пока статью K. Sethe, Nachr. Königl. Ges. Wiss. Göttingen 1916; Spiegelberg в последних выпусках Sitzungsber. Bayer. Akad. и богатое собрание египетских имен, приведенных K. Schmidt, GGA, 1925, p. 22 sq. Подготовительной работой чрезвычайной важности является статья K. Sethe, D. Vokalisation des Ägyptischen, ZDMG, Bd. 77 нов. сер. II, 1923, p. 145 sq. (появилась в виде отдельной брошюры). Этой работе великого мастера египетской филологии я чрезвычайно многим обязан.

² И вопросу об истории египетского языка тот же неутомимый Sethe посвятил чрезвычайно важное исследование: D. Verhältnis zwischen dem Demotischen u. Koptischen u. seine Lehren für d. Geschichte d. ägyptischen Sprache, ZDMG, Bd. 4 нов. сер., Lief. 2, p. 290 sq. С некоторыми основными тезисами этого остроумного труда мне придется несколько полемизировать в дальнейшем.

³ Я буду пользоваться для этой цели и именами, которые сохранились в манефоновских эксерптах Иосифа Флавия, хотя эти эксерпты, сохранившие списки гиксосских царей и царей XVIII—XIX династий, я буду рассматривать лишь в главах IV и V своей работы.

Такое сопоставление¹ нам выяснит, какие буквы греческого алфавита смешивались переписчиками, и таким образом можно будет в некоторых случаях установить ту букву, которая стояла в подлинном труде Манефона. Конечно в целях успешного установления графического пробраза манефоновских имен я буду пользоваться, кроме этих наблюдений, сделанных над эксцерптами Манефона, и наблюдениями в области описок, которые можно сделать над более широким материалом.² Путем восстановления подлинного манефоновского текста мы получаем в большинстве случаев те царские имена, которые засвидетельствованы нам памятниками. В некоторых, правда, случаях царские имена и в подлинной манефоновской транскрипции не соответствуют картушам, сохраненным нам современными памятниками. Это те сравнительно редкие случаи, когда описки восходят не к эксцерпторам Манефона, а уже к составителям аннал, источнику Манефона. Для примера я приведу один из наиболее характерных случаев такой описки или непонимания источником Манефона древней рукописи. Этот случай возвращает нас опять к той описке или же ошибке в чтении древнего царского имени, которую мы установили выше (стр. 225 сл.) в Туринском папирусе и в храмовых списках Нового царства. Там мы установили, что картуши этих текстов (Тур.) (Саккара) и (Абидос) восходят к единой иератической группе:

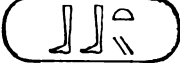
соответствующей древнему царскому имени resp. .

Если таким образом ошибались в чтении данной иератической группы писцы Нового царства, то с тем же успехом могли ошибаться и писцы Саисской эпохи, которые при чтении аннал, составленных в один из предшествующих периодов, должны были столкнуться с той же самой группой. Плод интерпретации Саисской эпохой, этой сгук египетских писцов, мы находим у Африкана в лице последнего царя II династии Χενεφής.³ По

¹ Я, конечно, не буду сопоставлять такие искаженные написания, как напр. "Αρχλης 5 гиксосского царя у Африкана, который соответствует, кажется, "Ασηθ 6 царю гиксосов у Иосифа Флавия с. Ар. I, гл. 14 (см. Ed. Meyer, Chronologie, p. 87). Эти графические варианты одного и того же имени столь отличны друг от друга, что почти невозможно установить звенья той цепи описок, которая в конце концов "Ασηθ превратила в "Αρχλης.

² См. пока Tompson, An introduction to Greek a. Latin palaeography, Oxford 1912. Книга была предоставлена мне благодаря любезности А. В. Болдырева.

³ Синкелл, ed. Dindorff, p. 104. В издании манефоновских фрагментов С. Müller'ом мы находим вместо этого написания другое — Χενεφής (Fragm. Hist. Graec. II, p. 542). Это описка, а не лучшее чтение после проверки рукописи, ибо в латинской транскрипции этого имени (о. с., p. 543, список II династии) он дает не Chenephres, а Chenperes. Эта описка Χενεφής вм. Χενεφής современного ученого заставит нас с одной стороны несколько мягче

своему положению в царском списке Χεϋερής, являющееся именем последнего царя II династии, соответствует несомненно картушам

, , восходящим к иератической группе

$\overline{\text{K}} \text{ll}$ т. е. к имени царя $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$. Транскрипция же Манефоном этой иератической группы греческим Χεϋερής указывает на то, что саисский составитель аннал нашел в своем оригинале вариант толкования $\overline{\text{K}} \text{ll}$, сходный с вариантом саккараского списка $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}} < \text{H} \text{cll} < \text{ε} \text{ll}$. Этот вариант $\text{H} \text{cll}$ найденный, надо полагать, в рукописи Нового царства,¹ саисский писец мог прочесть и как $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}} \text{O} \text{U} > \text{O} \text{U} \overline{\text{K}} \overline{\text{ll}} \text{K} \text{I}-\text{nn}-\text{R}'$.² Выговаривалось это $\text{K} \text{I}-\text{nn}-\text{R}'$ или в виде Kenpege или же Kenepge . И в том и в другом случае мы получаем без натяжек манефоновскую транскрипцию Χεϋερής.

Мы видим, какой длинный путь нам пришлось пройти, чтобы найти для манефоновского Χεϋερής его иероглифический, resp. иератический эквивалент. Правда часто им пользоваться нам не надо будет, так как примеры неверного чтения древних картушей анналами — источником Манефона — все же сравнительно редки. Наибольшее количество случаев искажения древних царских имен, которые мы находим в дошедших до нас манефоновских фрагментах, относится бесспорно к небрежности и невежеству его

относится к опискам эксерпторов Манефона, а с другой стороны укрепит нас в убеждении, что большинство из несоответствий эксерптов Манефона с анналами относится не к Манефону, а к его переписчикам.

¹ В гл. I мы видели, что весьма многие рукописи-источники Саисской и Эллинистической эпохи восходили к Новому царству.

² В графической возможности так прочесть данную иератическую группу может убедиться каждый, просматривая иератическое написание $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ и O у Möller'a, Paläographie, I, II и III под №№ 108, 288 и 303. О сопоставлении иератического прообраза $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ и $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ с $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ думал уже W. M. Müller, Rec. de trav., 32, pp. 102—103, указывая на то, что в иератике $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$, $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ и $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ весьма похожи друг на друга. Только W. M. Müller искал эквивалента для $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ resp. $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}} > \overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$, resp. $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}} \text{O} \text{U} \overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$, не сопоставленных им с $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$, в Χεϋερής, 6 царя династии Манефона, а не в Χεϋερής — последнем царя династии. Что же касается грамматической возможности прочесть третий знак в виде $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ nn, см. H. Junker, Grammatik der Denderatexte, Lpz., 1906, I, § 64, который указывает на то, что $\overline{\text{K}} \overline{\text{ll}}$ nn данной иератической группы может следовать за именем существительным в единственном числе. Саисский писец переводил имя $\text{K} \text{I}-\text{nn} \text{R}'$, очевидно, как «этот дух Ре».

эксерптаторов и переписчиков. Небрежность этих последних была велика, чтобы не сказать больше. В одних случаях они прибавляли,¹ в других случаях они пропускали буквы.² Они пропускали и слоги,³ и имена⁴ и даже целые династии.⁵ Чрезвычайно многочисленны были описки. Некоторые из них были сложны, обнимая собой целый комплекс букв.⁶ Среди простых описок, которые исчерпываются заменой одной буквы другою, мы находим самые неожиданные и на первый взгляд непонятные комбинации. Ниже следующая таблица даст нам яркое представление о богатом творчестве переписчиков Манефона в области описок:

α	может	быть	заменено	ε	7
β	»	»	»	μ, ⁸	φ ⁹
γ	»	»	»	σ ¹⁰	
ε	»	»	»	α, ⁷	ο ¹¹
η	»	»	»	ι ¹²	
θ	»	»	»	τ, ¹³	φ, ¹⁴ χ ¹⁵
ι	»	»	»	η ¹²	
κ	»	»	»	χ ¹⁶	
λ	»	»	»	ρ ¹⁷	

¹ Евсевий и Африкан, XVIII, 3. Африкан и Евсевий, *arm. series regum*, XXI, 4.

² Африкан и Евсевий, *arm. series regum*, XX, 1. Африкан и Евсевий, XXIII, 1 и т. д.

³ Африкан и Евсевий, II, 2.

⁴ Евсевий опускает последнего царя XXVI династии, названного Африканом Ψαμμε-
χερίτης. В свою очередь может быть Африкан опустил в начале этой династии эиопа
'Αμμέρις, которым Евсевий возглавляет перечень царей XXVI династии.

⁵ См. выше, стр. 161 (опущение Евсеием V династии).

⁶ 1) Βιενέχης (Африкан, I, 8), Ούβιενδης (Евсевий, I, 8) и Vibenthis (Евсевий, *arm.* I, 8).
2) Βσηθός (Африкан, II, 1) и Βωχος (Евсевий, II, 1). 3) Βίνωθρις (Африкан, II, 3) и Βιόφις
(Евсевий, II, 3). 4) Σέσωχης (Африкан, XXII, 1), Σέσωχώςις (Евсевий, XXII, 1) и Κοχχάρις
(Синкелл, ed. Dindorff, p. 333, 17). 5) 'Αρμεσσής (Африкан, XVIII, 14) и 'Αρμαίς (Евсевий,
XVIII, 12). 6) 'Αμυρτέος (Африкан, XXVIII) и 'Αμυρταῖος (Евсевий, XXVIII). 7) Чудовищная
описка Ουαφρή вместо Θουάρις (см. Gelzer, Sextus Jul. Africanus II, p. 105).

⁷ Африкан и Евсевий, *arm.* перев. XII, 2. Африкан, XXII, 6 и Синкелл, p. 347, 4.

⁸ Λαμάρης (Евсевий, *Cod. B.*, XII, 4) и Λαβάρης (Евсевий, *Cod. A.*, XII, 4). Я думаю, что
β в плохой рукописи *Cod. A.* поставлено с намерением, чтобы сблизить Λαβύρινθος, который
построил Λαμάρης (Аменемхет III), с именем царя. Хотя ср. Евсевий, *arm.* перев. XII, 4,
Lampages.

⁹ 'Ατωφίς (Иос. Флавий, Гикс., 4) и 'Αφοβίς (Африкан, XV, 6).

¹⁰ Σέσωχώςις (Евсевий, *Cod. B.*, XII, 1) и Γέσωχώςις (Африкан, *Cod. B.*, XXII, 1) и
Γέσων Γώστης (Африкан, *Cod. A.*, XII, 1).

¹¹ Τόσσορδος (Африкан, XII, 2) и Σέσορδος (Евсевий, III, 2).

¹² Часто в окончаниях, например, Σμένδης (Африкан, XXI, 1) и Σμένδης (Евсевий, XXI, 2)
и раз в середине слова: Σεβιχώς (Африкан XXV, 2) и Σεβηχών (Синкелл, p. 347, 13).

¹³ Στεφινάτης (Африкан, XXVI, 1) и Στεφινάδης (Евсевий, XXVI, 2).

¹⁴ Ταχαλώδης (Африкан, XXII, 6) и Ταχαλώφης (Синкелл, стр. 347, 4).

¹⁵ 'Οσορχώ (Африкан, XXIII, 2) и 'Οσορθών (Евсевий, XXIII, 2).

¹⁶ 'Αχεγχερός (Иос. Флавий, *Contra Apionem*, I, c. 15, 10, 12, 13) и 'Αχεγχερός (Евсевий,
XVIII, 3 и Кн. Сотис у Синкелла ed. Dindorff, p. 286).

¹⁷ Νεφελχερός (Африкан, XXI, 3) и Νεφερхеρός (Евсевий, XXI, 3).

μ	может быть заменено	β, γ ¹
ν	»	μ ²
ο	»	ε, ω ³
π	»	φ ⁴
ρ	»	λ, σ, ⁵
σ	»	γ, ρ, τ, ⁶ φ. ⁷
τ	»	θ, σ
υ	»	ω ⁸
φ	»	β, θ, π, σ, χ, ⁹
χ	»	θ, κ, μ, φ
ω	»	σ, υ.

Я полагаю, что из этой таблицы можно с легкостью установить все, имевшие место в экспертах Манефона, комбинации замены одной буквы другой. Некоторые из этих замен вызваны причинами не графическими, а фонетическими, напр. описка ρ в λ и др. Для нашей цели это различие не имеет большого значения. Ведь установленная нами таблица должна нам помочь восстановить ту или другую букву подлинного манефоновского текста, замененную впоследствии какой-нибудь иной буквой, благодаря или графической или фонетической их близости. Для большей успешности такого восстановления мы должны будем пополнить нашу таблицу описок еще двумя элементарными наблюдениями греческой палеографии, а именно наблюдениями частого смешения σ (с) и θ (Θ) и ζ (Ι) и ξ (Ξ). Перед тем, как приступить к восстановлению манефоновского текста, а через это к нашей основной задаче систематического отождествления всех манефоновских царских имен с их иероглифическими эквивалентами, нам надо предварительно установить правила, которыми руководился Манефон при транскрипции египетских имен. Установление правил, столь важное для истории египетского языка, манефоновской транскрипции имеет большое значение и само по себе, для нас же оно приобретает сугубую ценность. Ведь точное определение данных правил нам поможет установить иероглифический эквивалент для того или другого царского имени, не поддающегося на первый

¹ Αχάρης (Африкан, XII, 4) и Αχάρις (Евсевий, XII, 4).

² Μιεβιδός (Африкан, I, 5) и Μιεβαίς (Евсевий, I, 5).

³ 1) Африкан, III, 1 в Cod. A. (ο) и в Cod. B. (ω). Здесь надо заметить, что рукопись Cod. B. часто смешивает ω и ο, см. Unger, Manetho, p. 118, Anm. 4. 2) Африкан и Евсевий, VI, 4. 3) Африкан и Евсевий, IX, 1. 4) Африкан, XII, 3 в Cod. A. (ω) и в Cod. B. (ο). У Евсевия, XII, 3, также (ω). 5) Африкан, XXII, 1 в Cod. A. (ο) и в Cod. B. (ω). 6) Африкан, XXII, 2, в Cod. A. (ω) и в Cod. B. (ω). 7) Африкан, XV, 6 и Иос. Флавий. Гикс., 4.

⁴ Αποφίς (Иос. Флавий, Гикс., 4 и Αφοβίς (Африкан, XV, 4) и Αφωφίς (Евсевий, XVII, 4).

⁵ Σεσογυόσις (Евсевий, Cod. B., XII, 1) и Σεσογυώρις (Евсевий, Cod. A., XII, 1).

⁶ Τόσσορδος (Африкан, III, 2) и Σέσορδος (Евсевий, III, 2).

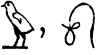

⁷ Αφωφίς (Иос. Флавий Гикс., 4) и Achôsis (Евсевий, Арм. перев. XVII, 4).

⁸ Σεσογυόσις (Евсевий, XII, 1) и Sesonchusis (Евсевий, Арм. перев. XII, 1).

⁹ Νεχερωφής (Африкан, III, 1) и Νεχερώχης (Евсевий, III, 1).

взгляд отождествлению. Поэтому мы, конечно, должны будем определять в транскрипции Манефона соответствие между греческими буквами и иероглифами египетского алфавита лишь на основании тех имен, для которых вопрос о их иероглифическом эквиваленте не вызывает сомнения. Таких имен наберется несколько десятков, а этого количества вполне достаточно для установления правил транскрипции.

Нижеследующая таблица определяет соответствие между египетскими и греческими буквами в передаче Манефоном египетских царских имен:

	;	не отмечалось в греческом шрифте. ¹
Aleph prostheticum	(или)	α , ² α , ³ $\alpha\upsilon$ ⁴
	i	ϵ ⁵
	j	i ⁶
	c	не отмечалось в греческом шрифте. ⁷
	w	α , ⁸ $\alpha\upsilon$, ⁹ υ , ¹⁰ φ , ¹¹ ω ¹²
	b	β , ¹³ μ , ¹⁴ φ ¹⁵
	p	β , ¹⁶ π , ¹⁷ φ ¹⁸

¹ Обычно предшествует ; и ϵ (напр. $\chi\epsilon$ соответствующее k i), реже η , (η ; t — η в $\Delta\epsilon\upsilon\text{-}\epsilon\mu\text{-}\eta\text{-}\varsigma$ и n ; t в $\Pi\text{-}\sigma\upsilon\sigma\epsilon\text{-}\nu\text{-}\nu\eta\text{-}\varsigma$ (династия XXI, 2). См. к n; t Ranke, Keilschriftl. Mat. z. altäg. Vokal., p. 89); иной раз α (династия XXVI, 3 и 5).

² Династия I, 2, IX, 1, XII, 2, 6, XV, 5, XVIII, 2, XXI, 4.

³ Династия VI, 1.

⁴ Перед β , за которой следует гласная, например, Πετουβάσις , династия XXIII, 1. См. Ranke, Keilschr. Mat., p. 93, пр. 4.

⁵ Династия, VI, 1, IX, 1, XXII, 2, XXIII, 2.

⁶ Династия I, 5, VI, 2 и 4.

⁷ Гласные, предшествующие c, могут быть или α (ср. Αὔρις) или ϵ (ср. $\sigma\epsilon$, т. е. $\eta\epsilon$ в $\Pi\text{-}\sigma\upsilon\sigma\epsilon\text{-}\nu\text{-}\nu\eta\text{-}\varsigma$) или η ($\rho\eta\text{-}\varsigma < R'$) или i ($\rho\text{-}\varsigma$, например, Βίχης , причем $\rho\text{-}\varsigma < R'$), или ω ($\text{Ταχελώθης} — \text{Trket} — \text{XXII}, 6$).

⁸ Династия V, 2, XXII, 2, XXIII, 2 в начале имени, как гласная.

⁹ Династия XXVI, 7, как согласная династия IV, 2, XVIII, 7, XIX, 3.

¹⁰ $\text{Αὔρις} — \text{H-t} — \text{W}$ с г. t.

¹¹ Династия V, 2, $\text{Se} ; \eta\text{-}w\text{-}rc — \text{Σεφής}$.

¹² Династия XXVI, 3 и 5. Это ω окончания имени Νεχάω ставит Sethe, Vokalis. d. Äg., p. 170, Anm. 1, в связи с окончанием других, чужеземных имен: Σαβάκων , Σαβακός , Τεαρκός .

¹³ Династия I, 6, XXIII, 1, XXIV и XXV, 1 и 2.

¹⁴ Династия XXI, 1. Из этого написания Манефона следует, что иероглиф тогда читался на севере не $\beta\epsilon$, а $\mu\epsilon$.

¹⁵ Династия XXVI, 7, перед .

¹⁶ Династия IV, 7. Ср. дем. abtj и древн-егип. špd .

¹⁷ Династия VI, 4, XV, 5, XXIII, 1, XXVI, 4, XXIX, 3.

¹⁸ Династия I, 5, VI, 2 и 4, XV, 5, XIX, 4, XXI, 4.

	f	φ ¹
	m	μ, ² μμ ³
	n	ν, ⁴ λ ⁵
	r	ρ, ⁶ λ ⁷
	h	не отмечалось в греческом шрифте. ⁸
	h	также не отмечалось, ⁹ но в некоторых случаях его присутствие можно установить, так как оно вызывало аспирацию следующего за ним согласного звука. ¹⁰
	h	σ, ¹¹ х ¹²
	h	χ ¹³
	s	σ ¹⁴
	ś	σ, ¹⁵ ψ ¹⁶
	š	σ ¹⁷
	k	х, ¹⁸ χ ¹⁹

¹ Династия II, 7, IV, 2, VI, 5, XXVI, 1, XXIX 1 и 5.

² Династия I, 1, 5, 7, IV, 4, VI, 3, 5.

³ Династия XII, 2 и 7, XXVI, 4 и XXIX, 3.

⁴ Династия I, 1 и часто династия XXI, 2, ν соответствует n родит. пад.

⁵ Династия II, 4. Что касается Λαμάρης династии XII, 6, то λα соответствует n дательного падежа. Поэтому νε в династии XXVI, 2, 3, 5 не соответствует египетской частице дательного падежа, а служит обозначением одной из частей непонятого нам ливийского имени.

⁶ Династия III, 2, 6, XII, 7, XXII, 2 XXIII, 2, XXV, 3.

⁷ Династия XXII, 6.

⁸ Династия XXV, 3 и XXIX, 2.

⁹ Династия XII, 2 и 7, XIX, 1, XXX, 2 и 3 и Αὔαρις < Ḥ. t-Wsr. t.

¹⁰ š в дин. XVIII, 8 и XIX, 4; φ в дин. V, 2 и XXVI, 7.

¹¹ Династия IV, 2, XVIII, 6, XXI, 2. См. также Неферсώφρις (Suidas s. v. Φῦγράμματων; оно наверное восходит к Манефону), соответствует египетскому Nefer-ḥorpe, одному из имен Тутмосиса III. См. Sethe, Sesostriis, p. 8, Anm. 3.

¹² Династия XXX, 1 и 3. Griffith, Rylands-Pap. III, p. 200, устанавливает, что транскрипция египетского h̄ через греч. х имело место лишь тогда, когда за h̄ следовало t.

¹³ Династия IX, 1.

¹⁴ Династия I, 5, III, 2, VI, 5.

¹⁵ Династия I, 7, II, 4, 5, III, 2 и 6, XII, 7, XVIII, 8, XXII, XXIII, 1, XXIII, 2.

¹⁶ Династия I, 7. О ψ для ∏ после см. Sethe, Verbum, I, § 253 и его же Dodekaskhoinos, p. 6, Anm. 3.

¹⁷ Династия IV, 7, XXII, 1, XV, 1 и 2, XXIX, 8.

¹⁸ Династия XXV, 3.

¹⁹ Династия XXX, 1.

	k	x. ¹ χ ²
	g	χ ³
	t	ϑ, ⁴ τ ⁵
	t̄	ϑ, ⁶ τ ⁷
	d	δ, ⁸ ϑ, ⁹ ν, ¹⁰ τ ¹¹
	d̄	ϑ, ¹² τ ¹³
	p + š	ψ ¹⁴
	p + š̄	ψ ¹⁵
	t + p	φ ¹⁶

Таковы были те соответствия, которые установил Манефон между буквами своего национального алфавита и буквами греческого письма. В этой его транскрипции нас поражает одна своеобразность, а именно передача египетского неаспирированного звука, как b, p, k, g, t, t̄, d и d̄ греческим аспирированным, как φ, χ и ϑ.¹⁷ Это своеобразное явление наблюдается вообще в греческой транскрипции египетских имен.¹⁸ Что касается

¹ Династия II, 2, XII, 8, XXII, 6, XXV, 1.

² Династия II, 2 и 7, IV, 4 и 7, V, 8, XXIII, 2, XXIV, 1, XXV, 2, XXVI, 2—6.

³ Династия XXIX, 2. Но это же Hgr могло транскрибироваться и с x, ср. *Ахъорс у Spiegelberg, Eigennamen, № 1.

⁴ В двух случаях ϑ указывает на соседство в династии XVIII, 8 и XIX, 5. Во всех других случаях транскрибируемое через ϑ, не имеет в соседстве . См. династия I, 2, VI, 1 и 5, IX, 1, XV, 6, XIX, 8, XXIX, 3 и 5.

⁵ Династия III, 6, XXIII, 1, XXV, 3, XXVI, 1.

⁶ Династия II, 3, XII, 6, XXVI, 7.

⁷ Династия XXII, 6, XXVI, 4.

⁸ Династия XXI, 1 после ν.

⁹ Династия II, 5.

¹⁰ Династия V, 8, перед χ ().

¹¹ Династия XXIII, 1, XXVIII, 1, XXIX, 1 и 5.

¹² Династия II, 1.

¹³ Династия II, 4, III, 2 и 6, XVIII, 8, XXX, 2.

¹⁴ Династия XXI, 2, XXVI, 4. В династии VI, 4 мы имеем ψ, соответствующее .

¹⁵ Династия XXIX, 3.

¹⁶ Династия XVIII, 2, 9. Ср. о соответствии φ у K. Schmidt, GGA, 1925, 17.

¹⁷ Я имею в виду, конечно, те случаи, когда эти перечисленные египетские согласные не примыкают непосредственно к h̄ или b.

¹⁸ Ср. ὀδόνη, resp. ὀδόνιον, восходящее к егип. 'dmj (Spiegelberg, Ztschr. f. vergl. Sprachforsch., 41, p. 129—130), Φαμμήτιχος Pmstк у Геродота, Φερῶς, Φαρχῶ (πῆρο) и т. д. См. Sethe, Nachr. Kngl. Ges. Wiss. Gött., 1916, I, p. 124.

изменений согласных, которые можно установить в транскрипции Манефона, то мы здесь отметим один случай диссимилиации¹ и несколько случаев ассимиляции² и метатесиса.³ Другие же изменения мы рассмотрим в другой связи, при решении вопроса о зависимости языка египетского историка от той социальной среды, к которой он принадлежал.

Теперь мы перейдем к вопросам, связанным с огласовкой Манефоном египетских имен. В греческом алфавите египетский историк имел прекрасное средство запечатлеть огласовку слова, явление, которое египетское иероглифическое письмо отметить не было в состоянии. Манефон воспользовался полнотой всеми способами огласовки, которыми располагал греческий шрифт и мы таким образом можем воспользоваться его данными для того, чтобы пополнить наши знания еще мало известной египетской огласовки. Правда, против использования нашего историка для столь ответственных выводов в области фонетики можно указать на то, что передача царских имен Манефоном не является транскрипцией в нашем смысле.⁴ Они же до известной степени грецизированы тем, что к ним прибавлены греческие окончания⁵ -ς,⁶ -υ,⁷ -ης,⁸ -ος,⁹ -ως,¹⁰ или -ις¹¹ в противоположность подлинным транскрип-

¹ Σμένδης (XXI, 1) < Σ-με-εδδης < N-sh}·ddj (ср. написание города Мендеса в пап. Krall, цитирую по Spiegelberg, Petub. Glos., № 563). О такой замене d носовой согласной например, mandu и maddu, šandabakku и šaddabaku и т. д.) см. R. Ružička, Konsonant. Dissimilation in d. semit. Sprachen, Beitr. z. Assyriol., VI, p. 147 sq.

² 1) n и m — династия XXI, 4. 2) n и r — династия XXIV и XXIX (ср. Möller, Mumienetiketten № 14 и 141). 3) n и š — династия XXI, 1, XXVI (ср. Spiegelberg, Eigennamen, p. 42*). 4) t и k — династия XXV, 2 (ср. Sethe, Verbum, I, § 63).

³ 1) š и m — династия I, 7 (šmš < šmšm). 2) š и f — династия XXVI, 2 (N-k}·fšj.t < Nk}·šj.t). К этому последнему случаю метатесиса см. Steindorf, Kopt. Gramm., § 55.

⁴ U. Wilcken называет передачу Манефоном египетских имен, например, Μεγχερῆς, «транскрипцией», в противоположность передаче Геродотом этих имен (ср. его Μικέρηνος), которую он называет «эквивалентом». Ср. Jahrb. d. K. Arch. Inst., XXXII, 1917, p. 155, Anm. 1 и Arch. f. Papyrusf., VI, 3—4 p. 282. (Второй цитатой я обязан любезности О. О. Крюгера).

⁵ О греческих окончаниях, прибавленных к египетским именам, переданным греческим письмом, см. F. Ll. Griffith, Catal. of Demot. Pap. in the J. Rylands Library in Manchester, III, p. 146 sq.

⁶ Прибавлялось к именам, оканчивающимся: 1) на η, гесп. ρι, т. е., R^c — Солнце (причину такого различия в огласовке, Sethe видит в ударяемости данного слога, см. Vokalis, p. 166, Anm. 2); на ε, например, Σμένδης < *ns-me-^odde; 3) на ε, гесп. ἰ, например, Αμενῶφις, Αἰῆρις (ср. Sethe, op. cit., p. 162, Anm. 2); 4) на ο, как эфиопское имя Σεβηῶς или ливийское имя Νεχεῶφις (ср. Sethe, op. cit., p. 170, Anm. 1).

⁷ Окончание эфиопского имени Σχβαῶν.

⁸ Окончание, заменяющее краткое ε или ἰ, например, Πετουβάστης < Pe-t-ubaste-ης или Ραμεσσῆς < Ra-messe-ης.

⁹ Заменяет краткую гласную в таких именах, как Ψαμμητιχός, Τάρχος ср. Griffith, op. cit., p. 192—194.

¹⁰ Заменяет ο в Τεῶς < De-hō (см. Sethe, op. cit., p. 170).

¹¹ Очень часто встречающееся окончание, прибавляющееся к именам, лишенным конечной гласной, как например, Ἀμοσις < A-mos.

циям, дошедшим до нас в передаче имен египетских месяцев, как Θῶουθ, Φαῶφι, Ἄδουρ и имен богов, как Σῆθ, Κῆθ, Μῆν, Μοῦθ и т. д.¹ Лишь в тех редких случаях, когда окончание имени случайно было тождественно с греческим окончанием (например Укас V династии), это последнее Манефоном опускалось. Кроме окончаний Манефон вводил некоторую неточность в передачу египетских имен еще и тем обстоятельством, что всем известным грекам именам он придавал ту форму, которая выработалась в течении долгого симбиоза обоих народов. Так пользовался он установившимся у греков названием для великой реки Египта Νεῖος; народ Нубии он называет Αἰθίοπες и т. д. Точно также и тех царей, которые были популярны среди греков, Манефон называет именами, к которым привыкло греческое ухо. Так называл он третьего царя XXX династии Νεκτανεβῶς а не Νεκταρεβῶς,² единственного царя XXIV династии Βόχχωρι вместо Βοχχώρις³ и наконец первого царя XXI династии не Ἐσβένδητις, герср. Ἐσμένδητις,⁴ а Σμένδης.⁵ Некоторую неточность вносит Манефон в свою передачу египетских имен также стремлением дифференцировать

¹ На это существенное различие между «транскрипцией» Манефона и подлинной транскрипцией указал Sethe, Z. Herkunft des Sagaris, Janus, 1917, p. 210.

² Еще до сих пор не найден прообраз этого имени. Я лично склонен искать его в семитическом h^{r} в греческой транскрипции Νεελ, ручей. Греки, познакомившись через посредство семитов с известным h^{r} «ручей Египта» (совр. Wadi el-'Ariš), перенесли по недоразумению это выражение на «поток Египта». См. суровую отповедь этого объяснения Νεῖλος у Wiedemann, Ägypten.

³ См. Ed. Meyer, Ägypt. Dokumente aus d. Perserzeit, Sitzungsber. Kngl. Preuss. Ak. Wiss. 1915, p. 211.

⁴ Βοχχώρις < Βοχχώριςφ (ср. клиноп. Bukkurinip).

⁵ Эта форма засвидетельствована в тексте Фиванского происхождения (Pap. Casati). Ср. также h^{r} (Schröder, Phöniz. Sprache, p. 253, sq.), соответствующее греческому Πετουβένσητις.

⁶ На севере в позднюю эпоху выговаривалось, кажется, как мѣ в противоположность югу, где это слово продолжало выговариваться, как βѣ. Ср. название северного города Θμοῖς восходящее к егип. Н. t-b; w — «Дом священных баранов».

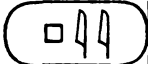
В таких сложных выражениях, как h^{r} (ср. Spiegelberg, Kopt. Handwörterbuch, p. 19 и 17), старое произношение сохранилось.

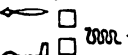
⁷ Строго говоря, не это царское имя XXI династии было популярно среди греков, а имя бога, которое входило в состав его — Μένδης. Об этом имени см. Ed. Meyer, Roscher, II, 2. p. 2771, s. v. Mendes, Steindorf, Beitr. z. As., I, p. 604 и Ranke, Keilschr. Material, p. 27, Anm. 2. С этими авторами я не согласен лишь в том, что они видят след исчезнувшего nb, т. е. возводят Μένδης к B-nb-dd.t. Такое исчезновение b перед d мы не наблюдаем, и поэтому я возвожу Μένδης к форме имени этого бога, засвидетельствованного у Spiegelberg, Fstubastisroman, glos. 563. B; ddj и в v я готов видеть пример диссимиляции (см. выше). О транскрипции в греческом письме nb см. Spiegelberg, Χεσβητιον, ÄZ, 50, p. 83 и далее у нас, когда мы будем говорить о ценности манефоновских чтений царских имен для нашего знания фонетического значения некоторых иероглифов.

тожественные картуши одной и той же династии.¹ Наконец мы имеем у Манефона еще один любопытный случай искусственной огласовки иероглифического картуша, когда он из ненависти к гиксосским царям называет одного из них Ἄλωφις, т. е. именем, тожественным с именем Ἄπολις драконом, противником солнца.²

Но я думаю, что ни наличность греческих окончаний, ни некоторая неточность в огласовке сравнительно небольшого количества имен не лишают передачу Манефоном большинства картушей права на адекватность с иероглифическим оригиналом. Ведь в подавляющем большинстве случаев наш историк пытался дать более или менее точный эквивалент фонетического содержания египетского имени. Поэтому и передача древнеегипетских царских имен, которую мы находим в греческих папирусах, вполне совпадает с передачей Манефоном данных имен.³ В этом отношении он резко отличается от Геродота, не знавшего египетского языка и поэтому не понимавшего имен. Я бы поэтому предложил назвать передачу Манефоном египетских имен «точным эквивалентом», в противоположность «неточному эквиваленту» египетских имен, которые мы встречаем у Геродота.

Один из «точных эквивалентов» манефоновской транскрипции нам помогает даже прочесть один из немногих иероглифов, для которых еще не было установлено их фонетическое значение.⁴ Тем более ценными,

¹ См. Sethe, Unters., II, 3, 2. Мы в дальнейшем увидим, что эта дифференциация не была столь резкой, как это предполагал Sethe. В некоторых случаях Манефон пользовался для этой цели вариантами имени, встречавшимися в поздней иероглифической литературе. Например, Φιός (Пиопи I) восходит к , которого мы находим в надписи из Дендера. См. Sethe, Beitr. z. ältesten Gesch. Ägyptens, p. 6, Anm. 7.

² Царь Ἄλωφις восходит к иероглифическому эквиваленту , который, может быть, соответствовал в греческой транскрипции чему-то вроде Ἄλωπις, а дракон Ἄπολις — иероглифическому .

³ См. U. Wilcken, Arch. f. Papyrusforsch., VII, 3—4, p. 379. Справкой я обязан любезности О. О. Крюгера.

⁴ Этот иероглиф , обозначающий имя бога нома, называемого в эллинистическое время Автополитским. Этот иероглиф входит в состав личного имени

 2 царей VI династии. Манефон транскрибирует это имя как Μενδοσοφίς, гер. Μενδοσοφίς. Кажется бы, что этим свидетельством египетского иероглифического имени можно считать установленным фонетический эквивалент Менде для данной иероглифической группы. Но столь мало было доверия к чтениям Манефона, что Sethe посвятил

конечно, должны были быть транскрипции Манефона в области столь мало известной нам огласовки. Из них мы узнаем огласовку ряда слов и иероглифических знаков.¹ Они устанавливают для ряда слов, в особенности имен богов, их status constructus, а иной раз и status absolutus.² Они же наконец пополняют число известных нам примеров огласовки глагольной формы $\acute{s}dm-f$.³

Мы видим таким образом, что царские имена, транскрибированные Манефоном, имеют некоторое значение для пополнения нашего знания в области египетского языка вообще. Конечно, еще большую ценность этот

этому иероглифу целое исследование (ÄZ, 47, p. 57 sq.). С результатами Sethe согласен и Kees, *Horus u. Seth als Götterpaar*, MVAG, 29, p. 15 sq.) и доказывает, что фонетический эквивалент его соответствует Δ snt , «ноготь» и полагает, что поэтому ном на-

зывался Антеополитским, хотя во всех других случаях греческие названия давались египетским городам и номам не из фонетических, а религиозных соображений. Главный аргумент для своего чтения Sethe находит в греческой транскрипции имени богини 'Αθερνεβεν-ταις, сохранившемся в одном папирусе Птолемеевой эпохи (M. Meyer, *Pap. Giessen*, 2, № 36 sq.). Sethe разлагает это имя следующим образом: 'Αθερ-νεβ-ενταις и читает его «Гатор, владычица Антейского нома». Я думаю, что опираясь на транскрипцию указываемого иероглифа, засвидетельствованную Манефоном, мы можем разложить имя богини несколько иначе, чем Sethe, а именно: 'Αθερ-νεβ-μενταις, т. е. «Гатор, владычица Ментейского нома». Такая ассимиляция конечного β слова νεβ (nb) с последующими b, p или m засвидетельствована, например, Πανοβχοῦνις < P|-nb-bḥn «Слуга владыки пилона», — Σοκνοπαῖος < Sbk-nb-p|-iw «Собк владыка острова» — клиноп. Nimnuria < Nb-m|c.t-R^c (тронное имя Аменхотепа III). Kees (ÄZ, 60, p. 14—15) приводит древний материал для чтения нашего иероглифа, как Δ Если он прав, то в таком случае данный иероглиф был бы полифоническим.

1) bj| — εβχι. 2) (предлог) m — ем. 3) Δ | m|c.t — ма. 4) | n | t — vt.

5) (частица дат. пад.) n — ла. 6) rwd resp. rd — рт. 7) | h | t — η.

8) hspwj — οὐσφατ. 9) d̄sr — τασор, resp. τασер. 10) dd — τав, resp. тав.

11) hc — се

² 1) A st. cstr. от 'αich (месяц). 2) 'Αμεν, resp. 'Αμμεν st. cstr. и 'Αμοῦν st. absol. от Imn (Амон). 3) 'Ρα st. cstr. и 'Ργ st. absol. от R^c (Pe). 4) 'Αρ st. cstr. от H, r. (Гор). 5) Σχε st. cstr. от Sbk (Собк). 6) Теθ resp. Τουθ st. cstr. от Dḥwtj (Тот). 7) Nct st. cstr. от nḥr (бог). 8) Σου st. cstr. от sb| (звезда). 9) Σισι st. cstr. от špá.

³ 1) Νεφερχερής < Nfr-k|-R^c «прекрасен Ка Ре». 2) Ουσερχερής < Wsr-k|-R^c «силен Ка Ре» (Ουσερχερής, Синкелл, ed. Dindorff, p. 189, восходящий к Wsr-t|cm-R^c не соответствовало, очевидно, форме $\acute{s}dm-f$, а являлось номинальным предложением «сильный правдой — Ре». Ср. Erman, *Äg. Gramm.*,³ § 471). 3) Σεβερχερής, resp. Σεβεσхерής < spr-k|-R^c «почтенен Ка Ре». Судя по огласовке, мы имеем так называемую «эмфатическую форму» $\acute{s}dm-f$. См. Erman, *Äg. Gramm.*,³ § 287 и 297 sq. Что касается имен первого и третьего царей XXX династии Νεχτανεβής и Νεχτανεβώς, восходящих к иероглифическим Nḥt-nb-f и Nḥt-Ḥr-Ḥb.t и сохранивших, следовательно, также форму $\acute{s}dm-f$, то я оставляю их в стороне, так как огласовка этих имен, зависящая от огласовки их греками (см. выше), не заслуживает большого доверия.

материал имеет для исследователя языка поздней эпохи, того языка, на котором говорил и мыслил Манефон и который должен был отразиться в его передаче древнеегипетских имен. Транскрипция Манефона свидетельствует о чрезвычайной скупости позднего языка в огласовке по сравнению даже с языком XIV—XIII вв. Сравним например его *Mt-εβαίς* или *Mt-αμῶβ* с клинописным *Māiamāpa*. Эта скупость в огласовке привела к тому, что в эпоху Манефона забыли уже железное правило древнеегипетской огласовки о том, что в иероглифическом письме два тождественных, непосредственно следующих друг за другом иероглифа отделены один от другого гласной.¹ Забвение этого правила явствует из такой транскрипции Манефона, как *Ῥαμεσση-ς* для иероглифического *R'-mš-šw*.

Другие характерные явления манефоновской транскрипции нам надо объяснить не только отличительными признаками языка той эпохи, во время которой жил наш историк, но и особенностями языка той социальной среды, к которой он принадлежал. Происходил же Манефон, как мы выше видели, из среды высшего жречества, т. е. наиболее культурного слоя египетского народа. Поэтому мы должны искать следы языка образованного египтянина поздней эпохи в его «эквивалентах» царских имен. В особенности рельефно выступит вся фонетическая своеобразность этих манефоновских «эквивалентов», когда мы сопоставим их с «неточными эквивалентами» Геродота, в которых мы должны искать определенную зависимость от простонародного языка поздней эпохи. Подобное сопоставление Манефона и Геродота поможет решить нам вместе с тем и один важнейший вопрос, а именно, был ли язык современных Манефону демотических текстов² языком и разговорным или только письменным?³ Ведь само собой понятно, что «эквиваленты» Манефона выражали разговорный язык его среды и поэтому различия между ним и «эквивалентами» Геродота доказывают существование особого языка образованного общества наряду с языком простонародья. Тем же самым доказывается и то, что демотическое письмо, которое

¹ Если они не отделяются гласной, то в письме они сливаются. Ср. Egman, Gramm.,³ § 129.

² О демотическом шрифте, на котором в позднюю эпоху писались тексты не сокрального содержания, см. выше, гл. I. Обычным письмом Манефона было, конечно, демотическое.

³ Положение о том, что демотический язык является языком лишь письменным, будучи прямым потомком новоегипетского, высказывает Sethe в своей чрезвычайно интересной статье: *Das Verhältnis zwischen Demotisch. u. Koptisch. u. seine Lehren für die Geschichte der ägypt. Sprache*, ZDMG, 1925, p. 296 sq. По мнению автора, разговорным языком поздней эпохи был коптский, засвидетельствованный нам христианскими египетскими текстами, написанными алфавитом, вышедшим из греческого. Уже a priori такое определение Sethe демотического языка является маловероятным, ведь письменный язык для того, чтобы стать письменным языком, должен быть разговорным языком, правда, не простонародья, а господствующего слоя общества.

было письмом образованного египтянина в ежедневном быту, не только имело графическое значение, но и соответствовало живому разговорному языку.

Строго говоря уже одно наличие в демотическом письме таких имен, как *ʿImn-ir-dj-t-s(w)*, соединяющих *infinitivus* и *pronomen absolutum*,¹ доказывает, что демотический язык был вместе с тем и разговорным, и языком образованного общества. Дело в том, что эти имена встречаются также и в греческих папирусах, отражающих разговорный язык.² С другой же стороны коптский язык, вышедший из простонародного языка, таких имен не знает.³

Переходя теперь к тем немногим царским именам, эквиваленты которых дают и Геродот и Манефон, мы должны обратить особое внимание на имя царя Хеопса *Hwfw*, resp. *Hwf*, царя IV династии и строителя первой из больших пирамид около Гизе. У Геродота его имя сохранилось в винительном падеже *Χέοπα*⁴ и этой передачей греческим историком древнего египетского царского имени продолжают пользоваться по сие время египтологи. Манефон того же царя называет *Σοῦφις*. О нем он сообщает следующее: *ὅς τὴν μεγίστην ἤγειρε πυραμίδα, ἣν φησιν Ἡρόδοτος ὑπὸ Χέοπος γεγυῖναι*. Очевидно геродотовскую передачу имен Манефон приводит в виде курьеза, в целях доказательства невежества Геродота или его источников. Действительно не так легко было ему установить, что *Χέοπ* и *Σοῦφις* являются вариантами одного и того же имени, столь резко они отличаются друг от друга. Сравнительно не существенным в данном случае является то обстоятельство, что вместо начального *χ* (*Χέοπα*) Геродота мы находим у Манефона *σ* (*Σοῦφις*), хотя и эта замена *χ* через *σ* является характерным явлением. Ведь мы выше установили, что соответствие между египетским *h* и греческим *σ* было одним из правил транскрипции Манефона, а в данном случае геродотовское *χ* и манефоновское *σ* передают египетское *h* (*Hwfw*). Может быть и это правило транскрипции египетского историка стоит в зависимости от того обстоятельства, что он говорил в противоположность осведомителям Геродота на языке образованного общества. До сих пор, правда, объясняли различие в передаче египетского *h* у Геродота и Манефона указанием на то, что в эпоху Геродота (V в.) переход *h* в *s* еще не завершился, а в эпоху Манефона (конец IV в.) этот переход был

¹ См. Griffith, *Catal. Ryl. Pap.*, III, p. 231, Anm. 10 и Spiegelberg, *Demot. Gramm.*, § 255.

² Например, *Ἰμνῆρατος* (*ʿImn-ir-dj.t-sw*), *Θοτορατος* (*Dḥwti-ir-dj.t-šw*) и др. Ср. клинописи *Irtihardēšu* (*Pth-ir-dj.t-šw*).

³ Любопытно, что сам Sethe обратил внимание на эти имена (о. с., p. 297—298), но не делает из них вывода о разговорном демотическом языке.

⁴ II кн., гл. 124, 126 и 127.

закончен. Но этому предположению противоречит тот факт, что в греческих папирусах эллинистического времени, несколько столетий после Геродота, еще передавалось египетское ⲛ греческим χ .¹ С другой стороны, мы находим в позднем иероглифическом письме (т. е. письме жрецов) ряд слов, в которых древнее ⲛ заменено новым ⲛ š.² Вот эти данные и говорят, кажется, за то, что Геродот передал ⲛ имени Ⲛwf через греческое χ , основываясь на произношении своего осведомителя, говорившего на простонародном наречии, а Манефон, следуя правилам языка своей среды, должен был транскрибировать иероглифическое ⲛ с помощью греческого σ .

Я готов объяснить тем же социальным происхождением Манефона и другую особенность в передаче им имени Ⲛwf , а именно то, что он иероглифическое f названного картуша транскрибировал греческим ϕ в противоположность π эквивалента Геродота. В иероглифическом имени Ⲛwf ,³ к которому восходят и Χέοτα Геродота и Σοῦφις Манефона, мы имеем очевидно форму šdm-f в двойне слабого глагола ⲛw «защищать» $\text{ⲛowf} < \text{ⲛōwe}$ «он защищает». Очевидно местоимение 3 лица ед. ч. муж. р. f должно было быть транскрибировано греческим ϕ , а транскрипция его греческим π , которое мы находим иной раз и в греческих папирусах,⁴ восходит к говору простонародья. Такая неграмотность лица, давшего Геродоту ссылку об имени царя Ⲛwf , объясняется еще и тем, что он не осознал названное имя,⁵ как глагольную форму šdm-f .⁶ Он увидел в имени Ⲛwf , написанном тремя иероглифическими буквами ⲛ , w и f , имя, не поддающееся осознанию, подобно ⲀⲀⲓⲓⲓⲓ Prj Φίωψ или ⲀⲀⲓⲓ Ttj 'Oθόης , resp. 'Oθόηθ и др.⁷

¹ См. Möller, *Mumienetiketten*, № 14, 21, 37, 43, 47, 127 и 154; Spiegelberg, *Eigennamen*, № 413.

² См. Junker, *Sitzungsber. Kngl. Preuss. Ak. Wiss.*, 1905, II, p. 796.

³ Такую форму имени древнего царя IV династии мы находим на памятниках поздней эпохи. См. Gauthier, *Livre des Rois*, I, p. 78, § XXV и XXVI.

⁴ Например, $\text{Kα-μεντ-εβώνχ} < \text{Dd-Mntj-iw-f-cnḥ}$ «Говорит Монт и он живет» (см. Steindorff, *ÄZ*, 1892, p. 52, Anm. 3), $\text{Θ-σεν-ἀπόγχις} < \text{T-se-n-'iw-f-cnḥ}$ «Дочь» iw-f-cnḥ'a см. Spiegelberg, *Eigennamen*, p. 89), $\text{Σεν-επώνουχος} < \text{Se-n-iw-f-cnḥ}$ «Дочь» iw-f-cnḥ'a (Möller, *Mumienetiketten*, p. 81), ср. коптск. εβονϩ , *Crum, Cat. Br. Mus.*, № 119.

⁵ Иероглифический алфавит проводник Геродота наверное знал, и он легко мог прочесть на votивных стенах около пирамиды Хуфу (Хеопса) эту группу из 3 иероглифических букв, так как она выделялась из окружающего текста картушом.

⁶ Глагол ⲛw стал в позднюю эпоху выходить из употребления, по крайней мере, в демотических текстах он почти не встречается, а в коптских он до сих пор не замечен. Употреблялся он в позднюю эпоху лишь как термин, обозначающий святость. Ср. ⲛw в трилингвистических декретах птолемеевского времени. Ср. Spiegelberg, *Demot. Text d. Priesterdekretes v. Kanopus u. Memphis. Glos.*, № 260, p. 168.

⁷ Точно также и то лицо, которое считывало для греческого автора так называемого эратосфеновского списка картуши почитаемых в Фивах в позднюю эпоху царей, не поняло имени Ⲛwf и дало ему нейтральную огласовку Σωφίς .

Если таким образом расхождение в огласовке имени *Ḥwḥ*, которое мы находим у Геродота и Манефона, объясняется неграмотностью источника Манефона, то в других случаях расхождения в огласовке обоих писателей объясняются уже упомянутым различием между наречиями простонародья и образованных слоев общества. Ведь и в области огласовки должны были быть и в том и в другом наречии свои характерные особенности. Так имя бога Тота огласовывается Манефоном *Tóουθ*¹ > *Doḥowt*, в противоположность огласовке этого имени *Θόουτ* > *Dḥowt*, которую мы находим в коптском языке, вышедшем из простонародного наречия поздней эпохи. Наиболее характерной особенностью языка образованного египтянина поздней эпохи было завершение перехода *ḥ* в *ḥ̄*, в то время, как в современном ему языке простонародья продолжает еще господствовать старая огласовка на *ḥ*. Поэтому Манефон транскрибирует имена царей XVIII и XXVI династий *ʾIḥ-mś* «Сын месяца» и *Dḥwt-mś* «Сын Тота» в виде *ʾΑ-μωσ-ις* и *Τουθ-μωσ-ις* в противоположность геродотовской транскрипции *ʾΑ-μασ-ις*. Нельзя объяснить данное расхождение Геродота и Манефона в огласовке имени *ʾIḥ-mś* указанием на то, что первый жил на полтора века раньше чем второй, так как в коптском языке, много веков после Геродота, египетское *mś* «сын» огласуется *μας*, как в сахидском, так и в бохейрском диалектах.²

В разобранных мною случаях расхождение Геродота и Манефона в передаче египетских имен объясняется в общем большей прогрессивностью говора образованных слоев по сравнению с простонародным говором. Но, с другой стороны, язык культурных кругов позднего Египта мог проявить, благодаря своей связи с древней литературой, и некоторый консерватизм. Проявление этого последнего я готов видеть в транскрипции Манефона имени царя VI династии — *Mente-s;f*. Он передает его в виде *Μεντε-σου-φ-ις*, т. е. отмечает в своей транскрипции египетское *f*, являющимся местоименным суффиксом 3 лица, ед. ч. муж. р. «его». В позднюю эпоху это соединение имени существительного с местоименными суффиксами, столь обычное в классическую эпоху, стало отмирать.³

¹ Строго говоря, мы имеем лишь в списках Манефона *st. const.* этого божественного имени *Tḥḥ*, *Tuḥ*, *Touḥ*, но эти формы восходят к *st. abs.* *Touuḥ*, герм. *Tḥouḥ*.

² Невозможность объяснения перехода *ḥ* в *ḥ̄* одной лишь категорией времени доказывается также греческой транскрипцией египетских месяцев. Они знают этот переход, хотя еще не знают перехода *h* в *ḥ̄* (см. *Sethe, Vokalis.*, p. 169—170). Следовательно они восходят к очень раннему времени, во всяком случае к эпохе не более поздней, чем Геродот с его транскрипцией *ʾIḥ-mś* в виде *ʾΑ-μασ-ις*.

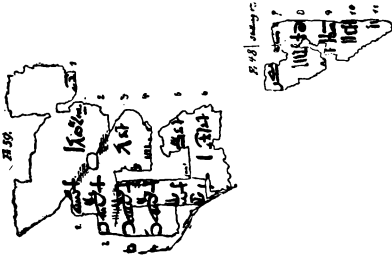
³ Этим отмиранием местоименного суффикса в позднюю эпоху объясняется и то обстоятельство, что имя первого царя XXX династии *Nḥt-nb-f* «силен владыка его» греки передавали в виде *Νεχτηνεβής*, т. е. не отмечали местоименный суффикс *f*.

Мы исчерпали наши наблюдения языка Манефона, поскольку он мог отразиться на его транскрипции царских имен. Наблюдения, правда, не слишком обильные ввиду некоторой скудости материала, но я думаю, положение о том, что транскрипции Манефона восходят к языку образованных слоев современного ему общества, можно считать доказанным. Это же обстоятельство в свою очередь должно несколько увеличить наше доверие к царским спискам Манефона, как исторического источника.

В. В. Струве. Мавefon и его время.

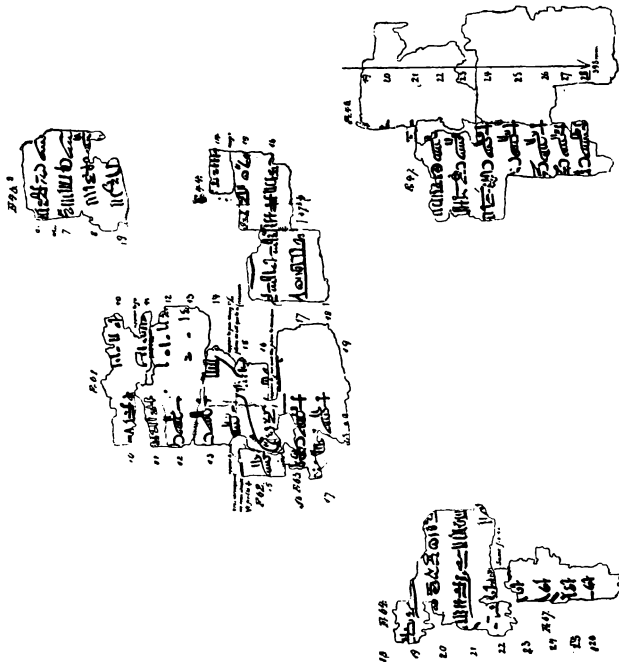
II стлб.

V стлб.

VI стлб.

VII стлб.

Распределение фрагментов №№ 43, 44, 46+47, 48, 61+62+63, 64, 67 Туринского папируса.

Критика и библиография.

53. Г. Шараф. Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими (отд. отт. из «Вестника Научного Общества Татароведения» № 7, 1927 г.).

Автор указанной статьи, владеющий кроме родного татарского языка также русским (знакомый еще и с классическим арабским), возымел счастливую идею исследовать язычные артикуляции названных двух языков на своем произношении с помощью палятограмм (иногда присоединяя акустическое сопоставление татарских звуков с арабскими), попутно рассматривая условия ртового резонанса и затрогивая ряд смежных вопросов по фонетике татарского языка. Укажем главное содержание его статьи.

А. СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

1) Губные: на рисунке указаны палятограммы лишь русских мягких губных согласных, так как в татарском от соответствующих звуков, как менее палятальных, отпечатков не получается, арабские же *b'*, *m'* несколько тверже татарских. Твердые губные как в русском, так и в татарском произношении не оставляют отпечатка на искусственном небе.

2) Зубные взрывные (твердые *t — d* и мягкие *t' — d'*): в обоих языках мягкие разновидности по сравнению с твердыми дают значительно бóльшую площадь касания языка по краям твердого неба, причем однако у татарских звуков полосы касания уже, чем у соответствующих русских, особенно для мягких звуков, которые в русском произношении и акустически значительно мягче (соответствующие арабские твердые и мягкие тверже татарских).

3) Носовые (*n — n'*) в татарском произношении являются альвеолярными, тогда как в русском языке подобны согласным предшествующей категории, т. е. полосы касания доходят до резцов.

4) Зубные спиранты (*s — s'*, *z — z'*) представляют весьма сходное произношение в обоих языках, но все же при мягких звуках в русском

языке кончик языка опущен больше за нижние зубы в соответствии с большей смягченностью (арабские звуки и здесь тверже соответствующих татарских).

5) А ффрикаты (\check{c} — \check{g}); автор считает татарское \check{c} , в отличие от русского, спирантом, так как его татарская палатограмма не дает касания у резцов, тогда как русская указывает на полную смычку. Мы склонны однако видеть здесь диалектическую особенность произношения Шарафа; наши слуховые наблюдения указывают лишь на слабость смычки первого компонента татарской аффрикаты сравнительно с русским произношением.

6) Альвеолярные r — r' в русском являются более передними сравнительно с татарскими и акустически мягче последних (арабские тверже татарских).

7) Альвеолярные \check{s} — \check{s}' , \check{z} — \check{z}' в русском языке имеются только в твердых разновидностях и в этом случае русск. \check{z} совпадает с татарским (так как прибавим — оно известно только в русских словах), а русск. \check{s} дает более передний отпечаток в согласии с общим характером звуковых систем данных языков (в арабском имеется только \check{s}' , которое несколько тверже соответствующего татарского звука).

8) Плавные (l — l') в русском произношении оставляют более широкие полосы касания, чем в татарском, и акустически мягче татарских (арабские несколько тверже татарских).

9) Заднеязычные (k — k' , g — g') в своих твердых разновидностях совпадают в русском и татарском (опять-таки потому, что известны только по русским словам), мягкие же татарские являются в значительной степени более задними и потому акустически более твердыми сравнительно с русскими.

10) Велярные (q — γ), имеющие глубоко-заднюю артикуляцию и составляющие характерную особенность татарской звуковой системы сравнительно с русской, не дают отпечатков.

На основании своих данных автор приходит к выводу, что твердые и мягкие разновидности татарских согласных в акустическом и артикуляционном отношении располагаются между соответствующими рядами русских и арабских звуков, причем лежат ближе к арабским.

Б. Гласные звуки.

Отдел гласных звуков представлен значительно короче, так как лишь сравнительно немногие гласные звуки татарского языка дают отпечатки на нёбе, именно те не-краткие гласные, которые произносятся при узком

раскрытия рта: *i*, *y*, *ï* (*u* не дает отпечатка). Палятограмма *i* тождественна для русского и татарского; при татарском *y* боковые полосы касания идут дальше вперед сравнительно с русским, но это представляет лишь окончательный момент татарского гласного, имеющего дифтонгообразно-суживающийся характер, начальный же момент близко соответствует русскому *y*. Автор приводит еще палятограммы *j* (*ï*) в начале слов сравнительно с положением в середине и конце слов: в первом случае получаются более обширные полосы касания, свидетельствующие о более энергичной артикуляции. Татарские краткие *i* и *y* имеют более открытый характер и только *i* оставляет небольшие полосы у зубов мудрости; палятограмму этого гласного автор сопоставляет с русским закрытым *e*. Пользуясь миллиметровым масштабом для измерения расстояний кончика языка от верхнего края нижних резцов, автор по этому признаку расположил все татарские и русские гласные своего произношения в 16 последовательных рубрик. Ввиду того, что твердость и мягкость в татарском свойственна не одним гласным, но и согласным, автор считает необходимым в тюркской фонетике трактовать закон сингармонизма по отношению к обеим категориям.

Желательно, чтобы автор продолжил свое исследование, расширив на целые слова в их разнообразном звуковом составе, т. е. подобно аналогичному опыту Rousselot по отношению к французскому произношению, но только с соблюдением большей планомерности, чем у французского ученого.

В. Богородицкий.

Казань.

11 марта 1929 г.

54. C. F. Lehmann-Haupt. Corpus Inscriptionum Chaldicarum. In Verbindung mit F. Bagel und F. Schachermeyr herausgegeben. I Lieferung: Textband und Tafelband. Verlag von Walter de Gruyter, Berlin-Leipzig 1928. S. VIII + 54, отдельно XLII таблицы. Fol.

В 1928 г. вышел в свет давно обещанный I том Corpus Inscriptionum Chaldicarum. Издание приближалось к концу еще в 1914 г., когда автор этого капитального труда захватил с собою в Ливерпуль значительную часть собранного им материала. Начавшаяся мировая война принудила С. Ф. Lehmann-Haupt'a бросить этот материал в Англии. Позднее, в 1915 г., С. Ф. Lehmann-Haupt, приглашенный на кафедру Стамбульского университета, захватил с собою остальную часть своей работы, которая, равным образом, осталась на месте, когда он в 1918 г. вернулся в Берлин. Только в 1919 г. началось соби́рание рассеянного материала. Сосредоточив свои

работы в австрийском университете Инсбрука и заручившись содействием двух своих сотрудников Fel. Bagel и Fr. Schachermeyr, С. F. Lehmann-Haupt приступил к переработке полученных им из Ливерпуля и Стамбула материалов, вынужденно там оставленных и пересланных ему далеко не в полном виде: из одиннадцати ящиков стамбульской посылки один оказался безнадежно потерянным.¹

При таких исключительно неблагоприятных условиях, немецкому ученому все же удалось упорным трудом в течение восьми лет выпустить в свет первый из четырех намеченных к изданию томов.²

Блестящий знаток халдской эпиграфики, С. F. Lehmann-Haupt дает сводку своим многолетним и весьма плодотворным трудам по собиранию и изучению клинообразных надписей древнего Вана. В вводной части текста вышедшей работы приводится исчерпывающий и ясно изложенный очерк истории собирания и чтения клинописных памятников урартов-халдов (стр. 1—9). Далее следует глава, посвященная фонетике халдской речи с крайне осторожными выводами, основанными на чтении ассирийских знаков в их семитическом произношении с оговоркою о неизбежной условности их при использовании тех же знаков народом, говорившим не на семитическом и не на индоевропейском языке (стр. 13—15). Такая осторожность вполне естественна, в тем более должна быть оценена нами, если и кавказоведный подход к халдской речи дал пока лишь частичные коррективы в чтении этих же знаков.³

Необходимость кавказоведного подхода не отрицается автором изданного труда, во всяком случае, им не оспаривается указание Fr. Lenormant на возможность родства древне-ванского языка с грузинским (стр. 2). Но, все же, автор далек от учета всей той громадной работы, которая

¹ См. Corp. Inscrip. Chald., 9—13.

² Из общего числа 193 надписей помещены в I т. Textband первые 30. Эти же 30 надписей вошли и в I т. Tafelband с пропуском тех из них, издать которые фототипиями не представилось возможным за отсутствием подлинных с них фотографий или эстампажей (целый ряд халдских надписей, преимущественно давно открытых, дошел до нас лишь в зарисовках, повторять которые представлялось излишним). Тот же I т. Tafelband включил в себя еще 25 надписей сверх приведенных в I т. Textband и подлежащих опубликованию в следующих томах.

Текст каждой надписи издается с кратким, но исчерпывающим указанием места и обстоятельств находки, литературы и описанием внешнего вида надписи. Сам текст надписей приводится в транскрипции без перевода за редким исключением. Тут же указывается номер таблицы Tafelband, где памятник воспроизводится фототипиею с подлинника.

Остальные три тома должны включить в себя весь остающийся материал и закончиться регистром упоминаемых слов в халдских текстах и в халдо-ассирийских билингвах. Отдельно предполагается поместить особый регистр слов с точно установленным их переводом.

³ См. например, Н. Я. Марр, Надпись Русы II из Маку, ЗВО, XXV, 10—17.

была проведена акад. Н. Я. Марром именно по анализу этой речи, включаемой им в общую группу кавказских яфетических языков. Более того, можно с уверенностью сказать, что он не знаком с многими работами в этом направлении Н. Я. Марра, хотя и был о них своевременно осведомлен. В противном случае, не было бы на стр. 4 признания правильным толкования D. H. Müller терминов *taḡani šatṭu* и *sistini* (шштини), как 'второй' и 'третий', вместо 'зимой' и 'весною', что с полной убедительностью разъяснено в работе Н. Я. Марра «Заметки по яфетическим клинописям» путем сопоставления с апалогичными терминами, дожившими до наших дней в языках Кавказа.¹

Может быть, с другой стороны, именно начатый в Ленинграде кавказоведный подход вынудил авторитетнейшего немецкого ученого проявить осторожность и к своим собственным переводам, что вылилось в ограничение задания *Corpus'a*, дающего, по словам автора, лишь «негативный» материал, т. е. только воспроизведения текста без его перевода за крайне редким исключением безукоризненно ясных по сохранности и смыслу содержания надписей (стр. 11). «Im übrigen sucht das Corpus den künftigen Übersetzer» (ib.). Отстраняясь от перевода, С. F. Lehmann-Haupt руководствовался не столько планом издания, предусматривающего опубликование самого материала, сколько тем, что «bei dem heutigen Stande der Forschung ist eine durchgehende Übersetzung der Texte in den meisten Fällen ausgeschlossen und gehört daher nicht zu den Aufgaben des Corpus» (ib.). Такие слова одного из крупнейших халдоведов-ассириологов, более тридцати лет углубившегося именно в анализ текста и его перевод, представляются весьма характерными.

Немецкий ученый, действительно, не ознакомлен с кавказоведным анализом халдской речи, и указание кавказоведов на обычную для яфетических языков пассивную конструкцию оставлено без внимания. Наиболее ясное подтверждение этому имеем в передаче собственных имен. При пассивной речи халдских текстов, логический субъект снабжается падежным окончанием *ше* (*se*).² Отождествляя логический субъект с грамматическим, С. F. Lehmann-Haupt признает конечный слог, читаемый им односложным *s*, за окончание именит. падежа и потому сохраняет его в передаче имен на современные языки. Ввиду этого он читает *Menuas*, вместо *Menua*, *Argistis*, вместо *Argisti* и т. д. Но, в то же время, имя Сардура пишется им *Sardur*, вместо ожидаемого *Sarduris* (стр. 1 и др., таблица царей у стр. 12).

¹ Н. Я. Марр, ИРАИМК, III, 300—304.

² См. мое Халдоведение. Баку, 1927, 213 сл.

В хронологической таблице царей (у стр. 12) С. Ф. Lehmann-Haupt несколько меняет обычную схему, пропуская Агаме, современника Салманассара III, но все же не отождествляя двух им разделяемых Сардуров.¹ Что касается Русы I, противника ассирийского Саргона, то, на этот раз, немецкий ученый склоняется в пользу раньше им оспаривавшегося мнения Fr. Thureau-Dangin, не считавшего возможным признать в Русе сына Сардура III. Судя по хронологической таблице, С. Ф. Lehmann-Haupt склонен видеть в Русе потомка жреца Сардура, брата Менуа, т. е. царя той же династии, но уже боковой линии. Вопрос продолжает оставаться неразрешенным, хотя отчество Русы (сын Сардура) не отрицается и автором настоящего труда.²

К тексту I тома приложен один том таблиц, прекрасно изданных четкою фототипической передачею фотографий и эстампажей, т. е. наиболее надежного материала. По условиям издания пришлось использовать таблицы, изготовленные еще до войны Прусскою Академиею Наук. Очевидно поэтому таблицы воспроизводят надписи без какого-либо хронологического порядка, благодаря чему полностью расходятся со строго выдержанным хронологическим порядком текста. В результате этого и по техническим условиям размещения надписей по их размерам, древнейшие надписи оказались вовсе не в начале таблиц (см. табл. XL и XLI), надписи того же Менуа идут с перерывом от XI—XXV и затем на XL, XLII таблицах, надписи Аргишти I нашли себе место и раньше и после надписей Сардура III (табл. XXIX и XLII) и т. д. При таких условиях, нахождение надписи в таблице крайне затруднено необходимостью обращаться каждый раз к особой сводной таблице на стр. V Textband.

В начале I тома текста (стр. I—III) дается полный список известных С. Ф. Lehmann-Haupt надписей в общем числе 193. Номерація идет в хронологическом порядке по царствованиям. К сожалению, существующая по надписям литература приводится не только не полно, но и непоследовательно, в частности, даже ссылки на прежнюю сводную работу того же автора³ даются далеко не во всех случаях, что в некоторых местах затрудняет определение надписи. К тому же, в список не попала надпись

¹ Ср. С. Ф. Lehmann-Haupt, ZA, 1920, XXXIII, 28 сл.; его же, Armenien einst und jetzt, II (I), 21 сл.

² Ср. С. Ф. Lehmann-Haupt, ZA, 1920, XXXIII, 42; его же, Armenien einst und jetzt, II (I), 330 сл.; его же, Klio XIV (I), 125 сл.; Fr. Thureau-Dangin, описание 8-го похода Саргона, Париж, 1912; И. Мещанинов, Хаддоведение, 199 сл.

³ Bericht über die Ergebnisse der armen. Forschungsreise Belck — Lehmann, S. В. К. Pr. Ak. d. Wiss., 1900, 619 сл.

Сардура III в Даш-Керпи у Чалдырского озера, изданная Н. Я. Марром еще в 1919 г.¹

Все отмеченное мною отнюдь не умаляет громадной заслуги С. F. Lehmann-Haupt'a пред халдоведением. Авторитетнейшим немецким ученым проделана колоссальная работа. Сложный вопрос о чтении халдских текстов нуждается в строго научном издании материала, и давнишняя мечта исследователей осуществляется лишь теперь. Безукоризненно точная передача памятников халдской эпиграфики, публикуемая С. F. Lehmann-Haupt'ом в недавно вышедшем его труде, начинает новую эпоху халдоведения, дающую впервые возможность охватить весь доступный материал. Только при таких условиях открывается путь к учету как параллельных текстов, так и разночтения и разновидностей по содержанию и по периодам длительного существования древневанского письма. И с этой стороны прав немецкий ученый в своих ожиданиях, что «будущий переводчик» — интерпретатор текстов вырастет на основах публикуемого корпуса. Будем надеяться, что остальные тома этого ценного издания, при уже налаженной работе, не замедлят стать общим достоянием лиц, интересующихся своеобразными памятниками когда-то мощной державы передней Азии.

И. Мещанинов.

55. M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu (um 750 v. Chr.). Ein Beitrag zur Entzifferung des Haldischen. Heidelberg 1928 (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1927/28, 5 Abhandlung), S. IV + 84.

М. Церетели, как видно из предисловия к его работе, берет на себя не одно только исправление прекрасного, по его словам, издания акад. Н. Я. Марра, посвященного найденным в 1916 г. в западной нише вавской скалы летописям Сардура. Его задача гораздо шире отмеченного им желания сделать доступным для ассириолога «своеобразную» транскрипцию этих надписей и данный в русском издании «своеобразный» перевод их, «едва ли понятные ассириологу». М. Церетели хочет дать разбором этих важнейших эпиграфических памятников новый подход к уразумению самой структуры халдской речи и на этом своем новаторском пути, начав с расхождения с русским издателем, расходится также и со всеми халдоведами, как с Сэйсом, так и с Шейлем, Леманн-Гауптом и Бельком. Он предлагает свое толкование и выражает глубокую благодарность проф. Ранке

¹ Зап. Кавк. музея, серия В. I, 1919.

и Гётце, в особенности последнему, за оказанную помощь в разъяснении халдского глагола. М. Церетели надеется, что им открывается новый путь к постижению сложного вопроса о структуре ванской клинописи.

Начав с неверного указания на то, что экспедиция была направлена Академией Наук (первое неудачное исправление), М. Церетели переходит непосредственно к переводу всех семи надписей Сардуровской летописи и с первых же строк перевода проявляет то свое самостоятельное отношение, о котором только что упоминал в вводных строках к своему изданию и которое заставило его, в значительной степени, не соглашаться с остальными интерпретаторами халдских текстов. Он решительно отвергает правильность толкования глагольных суффиксов с различием 1-го лица на *bi* и 3-го на *ni*. Он совершенно не считается также и с падежными суффиксами не только в косвенных падежах, но и в прямом. Благодаря этому, формы на *ni* и формы на *she* одинаково оказываются у М. Церетели падежами логического субъекта. Став на такую удобную для перевода позицию, не стесненную грамматическими правилами, автор настоящего труда считает себя в праве игнорировать толкования Н. Я. Марра, ввиду чего немецкий перевод его действительно резко разошелся с русским.

Объяснения Н. Я. Марра выделяют падежные суффиксы *ni* для дат. пад., *e* для родит. усеченного (ср. мегр. и чанск.), *she* для родит. полной формы (ср. мегр. и чан., а также *is* в груз.) и глагольные суффиксы 1-го лица *bi* и 3-го лица *ni*. Учитывая эти указания, мы получаем следующий перевод начальных строк Сардуровских летописей: ⁶Qaldni-ni umta-bi majini-e gishhuri-e karu-ni ^{ср}Mana-ni eban-e tequ-ni ²⁶Sarduri kai ²Argimteqini-e ⁶Qaldi kuruni ⁶Qaldni-ni gishhuri kuruni umta-bi ²⁶Sarduri-ni ²Argimtiqi ²⁶Sarduri-she ali-e umta-di ^{ср}Babiluni-e ebanigi-di... '(к) богу Халду обратился я (с молитвою), великою своею милостью покорил он области Маны страну, поверг он (ее) пред Сардуром сыном Аргистия. Бог Халд велик, к богу Халду своею милостью великому обратился я (с молитвою) за Сардура сына Аргистия. Сардур говорит: направившись в страны Бабилу область...'. При вольном подходе к указанным грамматическим правилам, у М. Церетели получается совершенно иной перевод, а именно: 'направилось в поход войнство Халда. Оно покорило страну Ману и поднесло (ее как собственность) Сардuru сыну Аргистия. При помощи могучего Халда, с войском могучего Халда двинулся в поход Сардур сын Аргистия. Я есмь Сардур, который пошел походом в страну Бабилу...'

Откуда мог появиться у нового халдоведа такой оригинальный перевод? Мне кажется, что объяснение этому мы найдем в том полном отрицании установленных норм, которое и привело автора к расхождению не-

только с Н. Я. Марром, но и со всеми остальными толкователями текстов. Все же, с другой стороны, я не берусь отрицать наличия у автора попыток объяснения своего оригинального подхода к пониманию структуры халдской речи. М. Церетели пришел к совершенно произвольному переводу вследствие своеобразного толкования глагольных форм. Такому своему толкованию он придает особое значение и, опираясь на проф. Гётце, кладет его в основу всей своей работы. Он считает, что если понят глагол, то понят и вся структура речи, поэтому только глаголу и посвящено единственное приложение (Anhang) к настоящему труду.

Особенность толкований М. Церетели, следовательно и проф. Гётце, заключается в том, что ими усматривается суффикс лица не в конечных *b₁* и *п₁*, а в предшествующих им огласовках *и* для 1-го лица и *а* для 3-го, причем глаголы делятся ими на переходные и непереходные, из которых первые имеют характеризующий элемент *и*, а вторые *а* (в обоих случаях суффиксы). Свои построения М. Церетели иллюстрирует рядом примеров (стр. 67 сл.) весьма убедительных для него, но, думается мне, крайне не убедительных для остальных халдоведов. Дело в том, что отвергнув ясное по контекстам различие 1-го и 3-го лица суффиксами *b₁* и *п₁*, он сосредоточил все свое внимание на отмеченных им гласных, ничего по наличным формам в желательном автору направлении не объясняющих. Последнее обстоятельство не могло не броситься в глаза и самому М. Церетели, так как в клинописных текстах, при его толковании, оказались в значении одного и того же лица не только глаголы, оканчивающиеся на *b₁* и *п₁*, например *каги-**b₁*** и *каги-**п₁***, но и глагольные формы, характеризуемые, по его же собственным словам, предшествующею огласовкою. Например, такие формы как *иш-**ta**-**b₁*** оказались и в значении 1-го лица и в значении 3-го, несмотря на наличие одной и той же огласовки *а*. Впрочем, это не смутило нового интерпретатора халдских текстов, так как именно в таком казалось бы полном противоречии его же собственным выводам он видит полное им подтверждение.

Ход построений М. Церетели следующий: *иш-**ta**-**b₁*** есть 1-е лицо непереходного глагола, следовательно должно иметь признак непереходности *а* и суффикс 1-го лица *и*, кроме того, *а* входит и в саму основу разбираемого глагола. Таким образом, *иш-**ta**-**b₁*** вышло из *иш_{та}-**a**-**и**-**b₁*** (условно восстанавливаемая форма), которая в процессе ассимиляции дала *иш_{та}-**a**-**a**-**b₁*** (тоже условно восстанавливаемая форма), давшая слияние двух последних *а* — *иш-**ta**-**ā**-**b₁***, каковая в свою очередь слила все *а*, оставив наличную в текстах форму *иш-**ta**-**b₁***. Это будет 1-е лицо непереходного глагола. Третье лицо того же непереходного глагола будет то же самое *иш-**ta**-**b₁***,

т. е. совпадет полностью с 1-м лицом. Но, говорит М. Церетели, это будет лишь случайным внешним совпадением, так как форма 3-го лица вышла из других праформ, а именно из *ш-ta-a-bi* ← **ш-ta-a-a-bi*.

Вся шаткость такового построения заключается к тому же не только в том, что весь ход мысли строится на восстанавливаемых самим исследователем формах, вовсе не улавливаемых в наличной клинописи, но и в том, что само деление на переходные и непереходные глаголы по этому их признаку (*и* — для переходных, *а* — для непереходных) требует еще проработки, так как непереходный глагол 'направляться' встречается с разными огласовками, т. е. и в форме *шта-а-bi*, и в форме *шта-1-bi* (*ulu шта-1-bi* Хорхор. лет. II 12 и др.). Правда, тут огласовка *1* связана с предшествующим *ш*, но все же глагол продолжает оставаться непереходным.

Другие, даваемые М. Церетели, объяснения, в части глагольных окончаний *d1* и *l1*, требуют ббльшей доли внимания, как покоящиеся на более убедительных доказательствах. Из них первое, относительно *d1*, совпадает с тем толкованием направительного суффикса, каковое дается ему в работах Н. Я. Марра. Что же касается второго, конечного *l1*, выражающего собою, по словам автора, множественность объектов, при обозначении единичного объекта суффиксом *ш1*, то приводимые примеры как будто бы подтверждают и этот вывод. Так, при одном объекте: *кагу-ш1* ^{ср}*Abihamq1* (II 20—21), *кагу-ш1* ^{ср}*Manam teku-n1* ^а*Sardur1 kai* (Sayce, XLIX 1—2), при многих объектах: *кагу-а-л1* IV царя ^{ср}*Uedur1-Etish1* (III 47—48). Эти примеры можно было бы дополнить еще и другими не менее убедительными, как-то: один объект: *ш1* дворец *шд1-шту-ш-ш1* (Sayce, XVII 5, 10), множество объектов: ^а*Qaldin1-l1* ворота-*л1* *шд1-шту-а-л1* (там же, 4, 9) и др.

Но, с другой стороны, нужно иметь в виду, что суффиксом *л1* снабжены и сами объекты, стоящие во множественном числе (*ш1-л1* ворота-*л1*). Следовательно *л1* является вообще показателем множественности. А в таком случае можно привести также ряд примеров, подрывающих стройность рисуемой М. Церетели картины, как-то: ^а*Qaldin1-l1* ворота-*л1* *бадуше куши-ш-ш1* (а не *куши-ш-а-л1*, Ник. XII), засим: города многие *qarqar ши-ш1* (а не *qarqar ши-а-л1*), аше *sal lutu рагу-ш1* (а не *рагу-а-л1*) и т. д. Кроме того, тем же суффиксом *л1* (*а-л1*) нередко заканчиваются и непереходные глаголы, при которых обозначение объекта излишне, например, указываемый самим автором *шпа-а-л1* (стр. 72). Далее, в известной формуле проклятия, которая халдоведам должна быть хорошо знакома, так как именно с нее началось чтение клинописных текстов древнего Вана, глагол всегда оканчивается на *л1*, вне всякой зависимости от того, об одном ли

пострадавшем предмете идет речь или о многих. Автор, по отношению к данному случаю, отступает от своего объяснения, приведенного на стр. 67, и считает *li* в глаголах формулы проклятия за окончание причастия действительного залога, использованного в значении настоящего-будущего времени (стр. 69). Разницу в этих *li* он усматривает в следующем: первое из них, *li* — отношение к многим объектам, хотя и имеет впереди огласовку *a* (*a-li*), но таковая не принадлежит самому суффиксу (стр. 64—65), второе же не имеет огласовки *a* вначале, но должна была ее иметь, так как встречающиеся в формулах проклятия глаголы *du-li*, *ti-u-li*, *qa-u-li* и др. вышли из **du-u-a-li*, **ti-u-a-li*, **qa-u-a-li* и т. д., во всех случаях под звездочками, следовательно опять не реальные формы (стр. 70).

Не совсем убедительно и объяснение суффикса *di*, как суффикса воспринятого глаголом отношения (стр. 63). Приводимый М. Церетели пример на стр. 64: *аше sal luti rag-u-bi* ^{ср} *Виапа-i-di* (В 18) не дает желательного понимания, к тому же противоречит и предыдущим толкованиям, а именно: глагол *rag-u-bi* 'погнал', 'повел' имеет множественность объекта (мужчин и женщин), между тем оканчивается на *bi*, а не на (*a*)-*li*. С другой стороны, глагол не отразил и направления действия на *di*, отмеченного в далее следующем имени страны, 'в Биайну'.

Вообще, все приводимые примеры, поскольку они даются без звездочек, т. е. берутся прямо из текстов, как и данный пример на стр. 64, подкрепляют не автора, а тех остальных халдоведов, которые, по его словам, не уразумели структуры халдского глагола. По объяснению Н. Я. Марра, *bi* есть местоименный суффикс 1-го лица (субъективный), поэтому глагол *rag-u-bi* кончается на *bi* вне всякой зависимости от единичности или множественности объектов: 'мужчин и женщин погнал я в страну Биайну' (В 18—19), буквально: 'мужчины и женщины погнаны мною в страну Биайну'. Здесь, как и во всей халдской речи, налицо пассивная конструкция. При пассивной конструкции логический объект не совпадает с грамматическим объектом и потому излишне вообще наличие винит. пад., которого, в виде общего правила, и нет в яфетических языках, нет его и в халдском. В значении логического объекта используется неоформленный падеж, т. е., собственно говоря, именительный, и только в отдельных случаях объект, в зависимости от особенностей глагола, ставится в одном из косвенных падежей, в халдском чаще в дат. пад. на *ni*. Но это — вовсе не отступление от правил пассивной конструкции, а соблюдение особо выделяемых правил для неправильных с нашей точки зрения глаголов, т. е. для тех глаголов, которые в русском языке являются переходными, а в халдском непереходными (не требующими прямого объекта).

Понимание структуры халдского глагола и халдской речи вообще, предложенное акад. Н. Я. Марром, прекрасно иллюстрируется хотя бы на следующих примерах: *ᵒQaldin-ni immasin-ni* 'Менуа-ше 'Ишруиқи-ше *ini* дом *zadu-ni* (Sause, 24) 'богу Халду величайшему Менуа сын Ишпуина этот дом соорудил', буквально 'богу Халду величайшему (дат. пад. на *ni*) Менуей Ишпуиновым сыном (род. пад. на *ше* = логич. субъект) это здание (неоформл. пад. = логич. объект) сооружено им (глагол на *ni*)', или, другой пример *ie-ше ini ril agu-bi* (Sause, 22, стр. 10—11) 'я этот канал провел', буквально 'мною этот канал проведен' и др. Отказываться от такого понимания структуры глагола, не смотря на доводы М. Церетели, а частично может быть и благодаря им, я не имею никаких оснований.

Относительно суффикса *dī* можно отметить и еще одну особенность: непереходный глагол *ishta-a-bi* 'я направился', 'я обратился (с молитвою)' ставится всегда, когда имеется в виду обращение к одному Халду (в дат. пад. на *ni*), если же обращение направлено ко всей троице, то употребляется другой глагол с направ. суффиксом *dī*: *quti-a-dī*. Эта последняя глагольная форма интересна тем, что здесь глагол, скорее всего, не принимает на себя частицы отношения к соседящим логически с ним связанным словам, а снабжается лишь частицею направления *dī* без различия единичности или множественности мест направления. В противном случае, мы должны были бы иметь и в окончании самого глагола (при обращении ко многим богам) ту форму мн. числа от *dī*, каковую находим в халдских текстах в виде *ashte*, но только в именах существительных.

Таким образом, и в этой части еще преждевременно признание убедительности за делаемым М. Церетели построением. Конечно, указание автора (стр. 67) на то, что встречающееся в клинописном письме повторное написание гласного нельзя всегда приписывать произволу писца, безусловно верно, но в целом ряде случаев мы имеем подтверждение именно такой вольности, как бы ее ни толковать, умышленным ли растягиванием строк в письме не допускавшем переноса слов, или требованием ритма. Во всяком случае, в таких примерах, как начертание собственных имен *Is-ru-u-i-ni-e-qi*, вместо *Is-ru-i-ni-e-qi*, *Mi-i-nu-u-a*, вместо *Mi-nu-a*, *Ba-al-tu-u-ul-qi*, вместо *Bal-tu-ul-qi* (ср. Sause, 30, 45) и т. д., никаких грамматических особенностей в повторном написании гласного усмотрено быть не может. Следовательно, на тех же основаниях, и в глагольных формах могло появляться случайное повторение огласовки.

На это не обращено автором достаточного внимания, к тому же им вовсе оставлена без внимания неясность огласовки *i* и *e*, явно смущавшая халда не в одних только случаях с приводимым мною ниже именем Аргиш-

тия. Ею же объясняется написание имени Минуа через *Me-i-nu-a* и просто *Me-nu-a*, этим же объясняется в отдельных случаях написание *ḳiṣeše* и *ḳiṣše* (**ḳiṣeše*), написание той же усеченной формы *ḳi* и *ḳe*, а также, может быть, и смущающего исследователей окончания 1-го лица глаголов *bī*, *bē* и *be* (например, в глаголе *nuḳabe*, стр. 64). Иногда писец был просто вынужден делать это в тех случаях, когда в его запасе заимствованных ассирийских знаков не хватало таковых с конечным *e* или *i*, как, например, со знаком *mī* в чтении Минуа (графически *Me-i-nu-a* или просто *Me-nu-a*).

В виду изложенного, я затрудняюсь считать доказанным новое объяснение структуры халдского глагола с отклонением общепризнанного до сих пор толкования, усматривающего в суффиксах *bī*, *ni* окончания 1-го и 3-го лица аориста, в суффиксе *li* окончание 3-го настоящего-будущего, прилагательного и полных причастных форм. В предшествующих им гласных *u* и *a* усматривается характер группы времен, может быть удастся уловить в них и характер переходности (*u*) и непереходности (*a*), например *agu-u-bī* 'я увел' и *iṣṭ-a-bī* 'я направился', но суффикса лица, по предложенной автором схеме, усмотреть в этих гласных ни в коем случае нельзя.

К тому, что указывалось мною выше, именно, что М. Церетели строит свои выводы на теоретически восстанавливаемых формах, могу сейчас добавить и еще одно. Халдская речь несомненно допускала слияние гласных, например *e* и *i*: *Argiṣṭi-e-ḳi*, *Argiṣṭi-i-ḳi* → *Argiṣṭe-ḳi*, *Argiṣṭi-ḳi*. Все приведенные разновидности имеются на лицо, но, чтобы халдский язык допускал такое слияние как *a + u* → *a*, хотя бы чрез предшествующую ассимиляцию, этого на его клинописном материале не находим, между тем именно на этом и воздвигнута вся кажущаяся автору стройною его картина (**nu-na-a-u-bī* → **nu-na-a-a-bī* → *nu-na-a-bī* → *nu-na-bī* и т. д. во всех его примерах на стр. 68—69).

В связи с этим, мне кажется, что М. Церетели ошибся также и в своих заключительных словах: «Selbstverständlich konnten in diesem Anhang nicht alle Probleme des haldischen Verbums gelöst werden». М. Церетели не только не разрешил всех проблем халдского глагола, но и вообще не разрешил ни одной проблемы.

Что касается имен существительных, то, правильно отметив показатель субъекта в суффиксе *še* (стр. 29), автор совершенно не считается с этим своим же утверждением в других местах, и, как мы видели в приведенных нами первых строках летописей, усматривает подлежащее в различных построениях имен, оканчивающихся как на суффикс *še*, так и на *ni* и др. (*Ḳaldimi-ni*, *Sarduri-ni*, *Sarduri-še* и т. д.). Следовательно, и здесь

у него не чувствуется устойчивости. Приходится признать, что как в объяснении глагольных форм, так и в толковании склонения, М. Церетели не продвинул вперед сложного вопроса о толковании структуры халдского языка.

Не лучше обстоит дело и с объяснением отдельных слов, в частности с отказом от обычного понимания глагола *alı-(e)* 'говорит', толкуемого им как местоимение 'который' (стр. 29—30). Сопоставление его с *alı* (*alı-ше*, *alı-ји*) чисто случайно и не подрывает общепризнанного всеми халдоведами объяснения, подкрепляемого к тому же и параллелями из современных кавказских языков, как то сван. *kəle* 'он говорит' (при халд. *alı* ← **halı*, см. Н. Я. Марр, ЗВО, XXV, 15). Такое своеобразное понимание этой глагольной формы меняет весь смысл царских надписей, заключающих в себе обращение к богу покровителю, с которым беседует победоносный царь и которому он докладывает о своих успехах на поле брани или о своих же достижениях в области строительства.

По смыслу надписей, бог Халд действует вместе с царем или, вернее, через него, поэтому богу же нередко приписываются и военные успехи: 'покорил он (бог Халд) страну Ману' (А 1 и др.). Между тем, перевод М. Церетели нарушает весь выдержанный колорит царской речи ванской клинописи. Например, типичную фразу *Ḡaldini-ni uš maš-ni* ¹⁶*Sarduri-še Ḡargištiḡni-še alı-e* 'богу Халду величайшему Сардур сын Артиштия говорит', М. Церетели переводит так 'Величием бога Халда я есмь Сардур сын Аргиштия' (стр. 21, F 1). Здесь переиначен весь смысл, так как переводчик не вошел в сущность своеобразной конструкции прямой речи повествовательных текстов и не понял ее. Остались непонятыми им также и такие построения как *ikukani šalı pšṭini* 'вслед за тем осенью', разъясненные Н. Я. Марром по сопоставлениям из кавказских языков (см. Заметки по яфетическим клинописям, ИРАИМК, III) и переводимые М. Церетели 'в этот год моего царствования в третий раз' (стр. 7, В 26—27) и т. д. Автор, очевидно, совершенно не знаком с работами Н. Я. Марра и ограничивается лишь текстом изданных им Сардуровских летописей и объяснениями к ним. Этого, конечно, не достаточно, когда критический подход применяется к полному охвату халдского эпиграфического материала.

В части графики и чтения знаков М. Церетели крайне внимателен и вносит ряд существенных уточнений. Между прочим, им, повидимому, правильно уловлено значение идеограммы 'день' *u. me*, хотя бы контекст и говорил о сказочных по размеру цифрах, повествуя о покорении в один день сотни и даже двух сотен городов (F 9, 25). Но и здесь, в одном случае, М. Церетели не последователен. Так, читая, вопреки Леманн-

Гаупту, знак ше полностью, ему следовало бы и имя бога Тейшеба (графически Те-е-и-ше-ба, надпись Хазине-Капуси 15) читать с полным слогом ше, а не усеченно Теишба (E 4, 44, F 2, 28). Тут он, действительно, мог бы разойтись со всеми другими халдоведами и имел бы на то достаточное основание (см. мое Халдоведение, 123).

Если автор и прав в своих утверждениях о том, что в уразумении халдского языка мало помогают ассирийские билингвы Келипинской и Топсауской надписей и что путь к познанию речи Ванской клинописи лежит в ней самой, то все же избранный самим автором путь новаторского подхода, хотя бы и основанный на советах таких выдающихся специалистов как проф. Ранке и Гётце, оказался бы правильным лишь в том случае, когда самый ход построения его мыслей и подкрепляющие их примеры были бы убедительны. К сожалению, именно отсутствие последнего подрывает всю ценность новой работы.

Тут вопрос не в одной только аналитической транскрипции, в которую не захотел вникнуть автор и значение которой осталось вследствие этого ему непонятным. В упрек М. Церетели должно быть поставлено полное игнорирование кавказских языков, каковые он, казалось бы, мог знать ближе чем другие ассириологи и к каковым он обращался сам в своих же прежних работах, например, при сравнении шумерского языка с грузинским. Такого сравнения на этот раз он не сделал и подошел к халдскому языку только со стороны самого халдского и ассирийского. Благодаря этому он не учел основной особенности халдской речи — пассивную ее конструкцию, т. е. не понял всей сущности клинописного языка, явно не семитического в своей основе. Таким образом, с появлением нового труда М. Церетели продолжает оставаться в силе высказанное еще в конце прошлого столетия требование М. В. Никольского и Хюзинга о неизбежности углубленного подхода к халдскому языку со стороны кавказоведов.

Попытка же автора исправить «своеобразный» русский перевод дала в конечном своем результате действительно своеобразный перевод, но уже на немецком языке.

И. Мещанинов.

56. Fourth Pacific Science Congress. Java 1929. Excursion Guides. 35 №№. Science in the Netherland East Indies Ed. by **L. M. R. Rutten.** Amsterdam [1929].

IV Тихоокеанский Конгресс вызвал к себе большой интерес терри-торией, на которой он происходил. Он был тщательно подготовлен, и 35 путе-водителей и интересный том о «Науке в Нидерландской Индонезии»

являются ценными его результатами. Самая обстановка Тихоокеанских Конгрессов, на которые съезжаются крупные специалисты, и основательная предварительная проработка подлежащих обсуждению вопросов придают особое значение их работе.

Из 35 путеводителей нас более специально интересуют три: Prehistoric remains in Poenoeng, Sampoeng and Dander, Boro-Budur и Pram-banan. Путеводители эти краткие, но сообщают все последние данные и снабжены хорошими снимками.

Книга о науке в Нидерландской Индонезии очень ценна как попытка дать картину научных исследований и учреждений на месте, преимущественно в том, что касается всестороннего исследования страны. Для нас специальный интерес представляют главы касающиеся географии и топографии, антропологии. Сложность антропологических вопросов и важность их разрешения вызвали к жизни Национальное Индийское Антропологическое Бюро (Indian National Bureau voor Anthropologie), аналогичное голландскому. Оно ведет уже весьма интенсивную работу, от которой можно ожидать весьма важных результатов, так как проблемы населения Индонезии имеют, как известно, весьма большое общее значение.

Крупные археологические работы по древностям Явы, принадлежащие в значительной мере местным ученым, давно известны. Работа эта интенсивно продолжается и мы имеем целый ряд превосходных изданий. Сомнения вызывают только некоторые реставрационные работы, особенно веденные Брандесом, когда развалины отстраивались на ново, притом частично из новых материалов. Вряд ли такие приемы желательны. К большим работам в области исторической археологии с 1924 г. прибавились и важные работы по так называемой доисторической археологии, приобретающие все большее и большее значение.

Наибольший интерес по характеру и значению памятников вызывают памятники периода индийских влияний с богатым этнографическим материалом, меньший мусульманский и европейский. Автор статьи справедливо полагает, что понятие «доисторический» имеет в Индонезии частично условное значение, так как здесь имеются еще местности, где население не вышло из каменного века. Ввиду интереса, вызываемого «доисторическими» находками в Индонезии, им уделено значительное внимание. Статья об археологической работе в Индонезии очень ярко выделяет обширность и значение сделанного и делаемого. Можно сказать, что эти работы должны быть во многом образцом для всех археологических организаций. Археологический Комитет, руководящий работой, издает интересные отчеты (Oudheidkundig Verslag). К статье не приложено библиографии, так как

ее можно найти в прекрасном голландском издании, выпускаемом в Лейдене с 1926 г. (*Annual Bibliography of Indian Archaeology*).

Исторический очерк суммирует работы последних лет, основываясь главным образом на работах Н. Т. Colenbrander, *Koloniale Geschiedenis* (1925—1926) и N. J. Krom, *Hindoe-Jaavansche Geschiedenis* (1926).

Статья о языке и литературе останавливается главным образом на языках и дает общий очерк. Нельзя не пожалеть, что очень интересным памятникам так называемой народной словесности уделено мало внимания, причем видно, что записи ведутся, повидимому, далеко не в соответствии с новейшими методами.

Главы по этнографии и демографии и о праве дают богатый и интересный материал, выявляя большую работу, особенно последних лет.

Значение интересного обзора научных учреждений и высшей школы сильно уменьшается тем, что в большинстве случаев названия даны по-английски, а не в оригинале на голландском, так что за справками все же надо обращаться не к этой главе, а к правительственному справочнику «*Regeerings-Almanak vor Nederlandsch Indie*».

Можно пожелать, чтобы научные конгрессы, организация которых часто вызывает в настоящее время большую критику, почаще давали такие ценные издания как IV Тихоокеанский Конгресс на Яве.

Сергей Ольденбург.

57. Проф. Н. В. Кюнер. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные на II курсе Восточного Института, ныне Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета в 1918—1919 акад. году. (Введение в общую историю народов Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до начала сношений их с новыми европейскими народами.) С тремя таблицами рисунков и двумя картами. Стр. 120. 4°. Издание Н. В. Репина. Владивосток. Типография Государственного Дальневосточного Университета. 1921. Цена 2 руб. 50 коп. золотом. (Издано по старой орфографии).

Лекции и книги проф. Н. В. Кюнера являются одним из надежных и почтенных звеньев между чисто практической постановкой изучения дальневосточных языков, с большим усердием введенной при самом основании во Владивостоке Восточного института (1899), и историко-филологическим к ним подходом, необходимым для понимания дальневосточных

культур, условным выражением которых являются соответствующие им языки. Проф. Кюннер в этих своих лекциях сознается (стр. 21), что ему приходилось первое время «маскировать настоящий курс под видом введения в курс 'Новейшей истории стран Восточной Азии'. Теперь же, с преобразованием института в факультет университета, и с переходом самого автора в Ленинград, всякие маски излишни, и деятельности почтенного историка, надеюсь, ничто уже не препятствует развернуться во всей присущей ей по природе и праву шири, что, впрочем, и оправдывается весьма солидным списком быстро идущих друг за другом выпусков его лекций, статей, книг, перечень которых занял бы здесь слишком много места.

Курс лекций, являющийся предметом настоящей рецензии, трактует о китайской культуре. Задача его, само собою, громадная и каждый профессор, а тем более автор книги, будет ее решать по своему, так что подходить к состоявшемуся уже решению ее с индивидуальной точки зрения, свойственной человеку, читающему курс на ту же тему, излишне, и я буду исходить исключительно из материала и его формул, данных самим проф. Кюннером, совершенно отбрасывая соображения о том, как надо было бы это представить по моему мнению. Кроме того, хотя эта рецензия, предназначавшаяся к напечатанию еще в 1922 г., по многим причинам запаздывает, все же, хронологически автор и рецензент более совпадают, чем, если бы рецензия последнего писалась на основании, например, трудов Масперо (*La Chine Antique*), Вильхэльма (*Chinesische Kulturgeschichte*) и особенно Гранэ (*La Civilisation chinoise*), появившихся за последнее время и начинающих собою, как бы, новую эпоху.

Как и весь состав этих лекций, самое определение понятия «китайская культура» дано у проф. Кюннера весьма объективно, здраво и полно: «китайская культура, или совокупность тех культурных элементов, которые создали и определили политический и общественный строй китайского народа, семейную организацию, умственное развитие и духовный кругозор его, а также все наличие материальных ресурсов и технических знаний, обеспечивших с давнего времени житейское благосостояние китайской нации» (стр. 4). Однако, как ни точна эта формула, первое же прикосновение к предмету лекций поставило перед читающим их профессором дилемму: «взять из всей обширной темы один какой-нибудь вопрос и углубиться в его рассмотрение так, чтобы все мельчайшие детали его стали ясны: или же дать общее положение всей темы в схематическом виде, отнеся более детальный материал к отделу библиографических справок». Проф. Кюннер сделал совершенно правильно, взяв вторую исходную часть дилеммы и направив, затем, весь свой курс к «выяснению того исторического про-

цесса, который лежит в основе эволюции китайской материальной и духовной культуры с древнейших времен до момента начала сношений европейских народов с Китаем и проникновения через это в страну нового могущественного культурного фактора» (стр. 81). Но и эта задача потребовала у читавшего курс лекций ежеминутных оговорок и самоограничений, так что «схематичность» курса превратилась, собственно говоря, в беглые заметки о множестве предметов, о которых можно судить по самому перечню их. Дать последний считаю необходимым, ибо, повторяю, содержание разных курсов о китайской культуре может быть весьма и весьма одно на другое непохожим.

После вводной лекции, излагающей связь между прошлым и настоящим для каждой страны, и в частности для Китая, Кореи, Японии, лектор переходит к обзору источников и классификации вещественных памятников, сравнивая их с западно-европейскими и указывая на роль европейцев в их собирании. Далее, он говорит о современном положении дела охраны и собирания этих памятников в самом Китае и переходит к их характеристикам. Эти последние он начинает с Великой Стены и Западного Вала и, по поводу последнего, останавливается на некоторое время на сношениях Китая с Западом. В 6-й лекции проф. Кюнер трактует как об архитектурных памятниках древнего Китая (добуддийского), так и об оставленных в нем буддизмом, интересуясь исключительно содержанием, особенно бытом и иноземными влияниями. Далее речь идет о погребальных сооружениях: курганах, мавзолеях и вещественных памятниках, связанных с культом предков. Только с 8-й лекции начинается речь о медном и железном веке в Китае и, вообще, о начале китайской культуры. Бронзовые памятники трактуются почти исключительно в образе «треножников» и колоколов, как памятниках ритуальных и наиболее показательных. Переходя к памятникам эпиграфическим, лектор сосредоточивает свое внимание на наиболее раннем и наиболее интересном памятнике, так называемых «Каменных барабанах», оценивая их, как исторический материал, а также на несторической стэле и, наконец, на орхонских и туркестанских вещественных памятниках. Затем речь идет о письменности, о ее начале и развитии, и ее памятниках, рукописных и печатных: дается историческая оценка китайской литературы, как классической, так и собственно исторической. На этой теме лектор, как и следовало ожидать, останавливается довольно долго, и только, рассказав о всех главных ее слагаемых, переходит ко второй части курса, занимающейся основным его предметом: рассмотрением влияний китайского ландшафта на создание китайской культуры. Для этого он рассматривает географическое положение территории собственного Китая,

приурочивая благоприятные условия, создавшие для монгольской расы возможность высокой культуры, переходит к расовой характеристике китайцев; критикует теории происхождения их и, наконец, определяет три фактора развития китайского государства: территорию, население и власть. Эти факторы он прослеживает исторически и статистически, давая схему изменений в характере их и в цифрах. Последняя лекция посвящена вопросу политической эволюции Китая, совершившейся нормально от племенного быта к империи: вопрос о республике остается открытым. В конце курса составлен очень подробный указатель.

Таким образом, мы имеем перед собой первый на русском языке курс лекций о китайской культуре, схематичность которого вполне оправдана самим лектором, постоянно ссылающимся на свой более подробный, почти чисто библиографический «Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры, в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке» (литогр. изд. 1909 г.). Необходимость такого курса, с расширением преподавания восточных культур за пределы специальных учебных заведений, совершенно ясна, и можно только приветствовать его появление, предвосхитившее макулатуру, которая, при расширенном спросе, обычно появляется прежде достойных книг.

К достоинствам этого курса надо отнести, прежде всего, настойчивую ясность изложений и утверждений, повторные формулы, краткие и яркие примеры — все то, что требуется от хорошего курса. Усвоить себе такой курс учащемуся будет и интересно и совсем не трудно. Кроме того, весь курс освещен неуклонным оптимизмом, верой в близкое торжество науки над темными проблемами китаеведения и в слушателей, которые будут этому торжеству способствовать. Русская научная литература китаеведов к такому тону не привыкла, и его действие на учащегося не трудно угадать.

Лекции эти, изданные в 1921 г., стояли, в общем, в курсе синологии того времени. Кроме того, лектор сам ездил в Китай в 1915 г., и его свидетельство о сильном пробуждении в китайском обществе и правительстве универсально-научного духа, создавшего, например, огромный и великолепный музей древностей, справедливо и ценно, как справедливы, к сожалению, и свидетельства о позорном вандализме грубых властей всякого рода, портящих исторические памятники (Храм Неба, гроты Лунмыня).

При всех этих прекрасных качествах, нельзя не сделать автору целого ряда возражений, как со стороны более общей, так и более специальной. Не может не смутить самый план лекций, последовательность которого

трудно уловить, даже при охотных, на каждой странице встречающихся методологических разъяснениях автора. Сами эти разъяснения отнимают у автора, старающегося сэкономить пространство, и вечно в этом смысле оговаривающегося, очень много этого самого пространства. Боковики, введенные им для отчетливости изложения, очень длинны: при этом, категоричность их далеко не соответствует патронлируемому ими изложению. Так, например, под пышным заголовком «Историческая оценка китайской литературы» читаем буквально следующее:

«Благодаря тому, что в распоряжении европейского исследователя имеется столь богатый выбор китайских словесных памятников, охватывающий столетия и тысячелетия, работа его над таким ценным материалом может быть весьма плодотворной при соблюдении некоторых необходимых условий. При наличии соответствующих каталогов эта работа значительно облегчается: мы уже указывали, что для китайских вещественных памятников такие каталоги имеются и в них подробно указывается, из какого материала сделан тот или другой памятник, в чем его отличные особенности, каковы на нем надписи, если они имеются, делается попутно и оценка данного памятника. Такие же каталоги составлены китайцами и для памятников их богатейшей литературы».

Читатель, по меньшей мере, разочарован подобным неисполнением обещания, которое, вероятнее всего, было просто неудачно сформулировано, но такое явление, к сожалению, в этих Лекциях далеко не исключительно.

Стремление автора к наибольшей ясности порождает неумеренное словообилие, выражающееся в систематических повторениях, резюмэ и расплывчатых обобщениях, берущих много слов и дающих малые выводы (например, на стр. 44).

Многое в этом, принципиально экономном курсе нам казалось бы излишним, как например, ряд цифр, свидетельствующих о росте китайского населения в разные времена, и многое, многое другое, так что и в этом отношении курс порой разочаровывает.

Конечно, эти возражения не умаляют указанных выше достоинств курса, как не умалили их и многие погрешности, естественно вкравшиеся в изложение, касающиеся столь разнообразных и обширных тем.

Так, с точки зрения методологической, ясно, что, например, вопрос о «треножниках» и барабанах должен быть решен при помощи свидетельств текста из первых рук: иначе никакие выводы не будут прочны. Точно также, нельзя, как мне кажется, взять И-цзин, как исключительно этнографический материал (как книгу гаданий), а на его высокую культурную роль смотреть иронически, как на культ абракадабры (стр. 64—65). Эта точка

зрения опасна и ошибочна, ибо уничтожением фактической традиции мы отнюдь не подойдем к пониманию культуры народа.

Неполнота очень многих характеристик отнимает у них самое основное их свойство и превращает их в расплывчатые фразы. Так, на стр. 73, заявление о том, что «с точки зрения истории развития китайской философской мысли и политико-нравственных идеалов, книга Мэн-цзы заслуживает не меньшего внимания со стороны иностранного исследователя, чем остальные классические книги», — это заявление не имеет в предыдущих строках обоснования и никоим образом не относится к «характеристике Мэн-цзы», под многообещающим боковиком которой оно стоит.

Затем, вся традиция книги Чунь-Цю сведена к культуре Цзо-чжуань, ее спутника, хотя бы и калькирующего самое учение Конфуция, причем о Гуляне и Гунъяне, главных столпах основной традиции, сказано лишь в скобках и вскользь. От этого получилась вредная неполнота, ведущая к ошибочным представлениям о классике, сказавшимся, между прочим, и в суждениях самого автора курса.

В речи о редких китайских изданиях (на стр. 59) не упомянуто о выдающемся культурном явлении последних лет: о библиотеках-сериях (цуншу), приближающих наши библиотеки к полноте гораздо прямее, чем те пути, о которых говорит автор. Распространиться об этом явлении было бы очень поучительно для начинающих слушателей, ибо оно свидетельствует о действительно высоком культурном китайском сознании, самобытном и не имеющем общего с европеизмом, и дает самое важное указание будущему научному агенту и корреспонденту.

Наконец, в лекциях, предназначенных для специалистов-китаистов и японистов, следовало бы быть более щедрым на иероглифы, ибо транскрипция их начинающему ничего не дает.

Кроме неполноты, изложение лекций проф. Кюнера страдает многими неточностями. Так, весьма сомнительно, чтобы «треножки» встречались в старое время в каждом доме. Наоборот, именно то обстоятельство, что они встречались лишь в богатых домах, и сделало их редкостью, а приводимая неоднократно автором поговорка: «колокол звучит, пища в треножке» (вернее: «колокол звучит, и едят из треножных котлов») дает литературную фигуру именно богатой трапезы. Думается, что и все объяснение перехода треножников из обиходного состояния простых котлов в отвлеченное состояние носителей эпиграфики покоится на неточном археологическом представлении, из которого выручил бы только текст. Точно также мне представляется слишком расплывчатым и даже странным объяснение перехода колокола и барабана в «эмблемы духов покровителей безопасности

и процветания города». Это неточное представление легко разрушается, опять таки текстом, который, впрочем, вряд ли оправдает их, как узанную эмблему и обожествление.

В речи о китайском материале для исследования культуры Китая указывается на то, что «надписи вещественных памятников кратки и отрывочны», что неточно, ибо есть надписи, в роде Кайчен'ских плит 836 г., покрытых классическим текстом на протяжении многих десятков памятников, не говоря уже о целых больших литературных произведениях, часто покрывающих стелы. Затем, вопрос об исчезновении рукописей из литературного обихода не решается переходом их в «механические копии», ибо давно пора привыкнуть к рассмотрению ксилограммы, как клише, т. е. в своем исходном состоянии — рукописи, и таким образом выйдет, что рукописная традиция в Китае никогда не прерывалась вплоть до настоящего времени, когда эти рукописи, точно воспроизведенные на клише, все еще не вытеснены всепобеждающим набором.

Далее, в речи о классиках, являющейся наиболее уязвимою из всех прочих, лектор к своей выгоде мог бы точнее передать смысл слова цзин, европеизованного в виде «классической книги», особенно в соединении с вэй («апокриф») и присущим первому эпитетом чжэн («прямой»), и тогда было бы ясно, что «основами» (цзин), в отличие от узоров (вэй), названы эти книги, как изложение чжэн — прямого, ортодоксального понимания дао (пути высшего человека). С другой стороны, вряд ли точно сказать, вместе с большинством людей, настроенных в отношении к Китаю экзотически, что «эти книги (классики) служили для большинства китайских образованных классов, обычно также для правящих кругов, образцом, которому безусловно подчинялся весь нравственный и социальный уклад китайской жизни и которым определялась линия житейского поведения китайского народа, как высшим проявлением нравственной и социальной мудрости».

Эта «безусловность» подчинения всего народа заучиваемым наизусть строкам равносильна безусловности обаяния молитвослова и катехизиса, производимого веками на русскую жизнь. Конфуцианское учение есть учение аристократическое, и если бы его обаяние захватило массы, то буддизму в Китае нечего было бы делать, а он, как мы знаем, побеждал, не сражаясь, ибо в народе подлинного конфуцианства не было, не говоря уже о «живой силе», которую лектор приписывает этим «классическим» книгам.

Неточно, по моему, передать Ши-цзин, как «Книгу песен», ибо это относится лишь к его первой части; неточно указать на то, что оды Ши-цзина «скрывают нередко исторические намеки», ибо они часто с полною выраженностью воспевают исторические события; характеристика слога

Чунь-цю, как «стилистически необработанного и бесцветного» — сплошное недоразумение, ибо, как известно, весь смысл этой «Летописи» только в «стиле» (бифа), а не в содержании, которое есть лишь канва для проповедника конфуцианского учения (и самого Конфуция); очень непоучительно для начинающих узнать о том, что классические синтезы конфуцианского учения, Да Сио и Чжун Юн, своими понятиями создают «необходимость для китайца во всех случаях жизни наблюдать внешность, сохранять так называемое лицо, не выявляя внутреннего «я». Подобное обращение с текстами большой и высокой традиции моментально разобщает учащегося с пониманием вещей, особенно при изложении культуры, которая квалифицируется, как высокая.

При рассмотрении памятников исторической литературы неточностей тоже не мало: Сыма Цянь потерпел гонение не за «критику по отношению к династии», а за заступничество в пользу неудачного полководца; его история не сплошная компиляция, как утверждает лектор, а, наоборот, зачастую большое творчество (лечжуань: «монографии» и их заключительные части): нельзя забывать о том, что Сыма общепризнанный родоначальник не только истории, но и изящной литературы, чему было бы трудно поверить, если признать в нем только компилятора, включающего свои ингредиенты текстуально, «ничего не прибавляя от себя и не давая критической оценки чужого текста»; термины Сыма, в роде ба шу и лечжуань, переданы неточно, как «восемь искусств» и «монографии» и т. д. Говорить о «добровольном признании династии со стороны населения», не вставая на точку зрения китайской канонической идеологии, вряд ли стоит: когда это было на самом-то деле? Также не стоит повторять ходячий упрек китайцам в том, что они располагают свою историю по династиям. Легко доказать, что они правы: династия Чжоу — это совершенно новый период в китайской культуре, династия Цинь, Хань — тоже; монгольская Юань, китайская Мин, маньчжурская Цин и пр. точно также начинают собою целые эры, так что случайные, или даже хронические неудобства с другими династиями извинительны во имя многих других больших удобств, и даже для того же синолога. Наконец, вряд ли точно утверждать, что иностранные исследователи, располагающие в настоящее время связным историческим материалом, охватывающим все протяжение китайского исторического прошлого, «обязаны именно династийным историям, в лице которых из столетия в столетие ведется нить непрерывного повествования»: именно не династийным историям они обязаны, ибо таковые не переведены и не исследованы, а «Сводной Летописи» Сыма Гуана и Чжу Си (Цзы чжи тун цзянь), о которой лектор говорит на стр. 80.

Много неточностей допущено, на мой взгляд, и в оценке китайской науки. Так, утверждать, что «надпись Юя самими китайцами была принята, как подлинная», значит впасть в ошибку старых синологов, не дискриминировавших китайскую науку и смешивавших в одно лицо шаблонных пекинских «сянь-шенев» (профессиональных учителей языка, в том числе и для европейцев) с корифеями китайской археологии, каковые существовали и существуют, как крупная величина, с которою всякий европеец-исследователь обязан считаться. Точно также утверждение лектора на стр. 57 о том, что «строго и научно корреktированных изданий в Китае раньше не было», может неопытного учащегося ввести в дискредитирующее китайскую науку заблуждение, ибо даже такие филологи-историки, как Хирт, Шаванн и Пэллио, всецело стоят на китайском критицизме: и действительно, чем больше и лучше мы знакомимся с китайской филологией и археологией, тем глубже ее ценим и тем смиреннее становимся в общении с ними ряды, — предварительно, однако, у них поучась.

Из сказанного мною ясно мое отношение к таким общим утверждениям, как, например, слова на стр. 50, квалифицирующие китайскую критику, как «формальную», с пояснением, что «в их глазах является вполне достаточным, чтобы эти тексты не противоречили традиционному историческому пониманию той эпохи и тех событий и явлений, к которым относятся надписи и содержащие их памятники». Таких ультра-богословских критиков знает не один Китай (*mutatis mutandis*), но считаться с ними необязательно, и здесь настоящий синолог всегда разберется, с кем имеет дело. Таких сянь-шенев крупные синологи (Пэллио, Масперо) не слушают, и поступают совершенно правильно: незачем, значит, и ставить их во главу угла, как одиозное универсальное явление.

Кроме таких неточностей, есть абсолютно неверные суждения. Так, на стр. 68 весь абзац о новом и старом тексте Шу-цзина надо понять как раз наоборот: «старый» текст — это именно вновь найденный, но написанный старыми знаками, а «новый» — это тот, что записан за стариком Фу Шэном прежде «старого».

Кроме того, суждение о разговорном языке, как о реальном препятствии к записи текста, очень странно: ведь, кроме фонической, спорной стороны, китайский иероглифический текст всегда имел менее спорную графическую сторону, так что «диктовка» была графическая, как это легко сделать и сейчас — при посредстве кого угодно — путем описания сомнительных слов по их формантам.

Слова лектора о Конфуции, «воздерживавшемся, как это свойственно большинству его соотечественников, от резких суждений и определенных

решений по тому или иному вопросу», я не знаю, как и понять, ибо именно резкость и определенность суждений составляет основу проповеди Конфуция, приуроченной к Чунь-цю и встречающейся в Лунь-юе и других классиках. Ведь, если бы лектор был прав, и если бы «уклончивые ответы Конфуция позволяли толковать их так, как это желательно каждому, оставляя самый широкий простор в этом отношении», то очень странными могли бы показаться слова Мын-цзы: «В древности Юй смирил бушующие воды потопа, и вся страна пришла в великий мир. Чжоу-граф присоединил к династии и ее культуре варваров, собак И и Ди, прогнал диких зверей — и весь народ наслаждался покоем. Кун-цзы закончил Чунь-цю, и мятежные министры-разбойники были в испуге». Конечно, с точки зрения проф. Кюнера, это может быть слишком специфически китайским суждением, недостойным европейского исследователя, но это — абсолютная традиция, и не принимать ее — значит не воспринимать конфуцианства во всех его основах и постулатах.

Вообще, весь отдел о классиках, и в особенности ответственные главы с боковиками, в роде «Характеристика Конфуция, Мэн-цзы и др.» я желал бы увидеть в руководстве для студентов более обоснованными и удаленными от традиционного скепсиса, идущего от В. П. Васильева и его школы.

Что до историков, то и тут не мало промахов, легко исправимых по любому каталогу и справочнику. Так, утверждение лектора, что культурно-исторические обзоры типа па (надо: ба) шу (у Сыма Цяня) не привились дальше следующего за Сыма историка Бань Гу, неверно, ибо эти ч ж и есть и в истории «Младших» Ханей, и в историях Цзинь, Сун, Нань Ци и др.

Есть и мелочи, которые следовало бы исправить. Так, фамилия историка Сыма Цяню была не Сы, а Сыма; английский синолог был Лэг, а не Легге, и т. д.

Приветствуя еще раз труд почтенного историка Востока и считая его совершенно своевременным и необходимым, я хотел бы, чтобы мои возражения способствовали дальнейшему усовершенствованию следующих выпусков «Лекций», которые теперь, с появлением вышеуказанных превосходных синтезов китайской культуры, могут в них найти себе подкрепление и утверждение.

В. Алексеев.

58. M. Rostovtzeff. Professeur à l'Université de Madison (Wisconsin). L'Art Gréco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des Han. — Extrait de l'Aréthuse, Avril 1924, fasc. 3. — Стр. 14 + 4 табл.

Эта интереснейшая статья является непосредственным дополнением к английской книге того же автора об иранцах и греках на юге России (M. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford 1922, p. 197 sq.). С большим усердием, хотя, на наш взгляд, слишком односторонним, доказывает ученый автор, что греко-сарматское искусство, с одной стороны, и китайское — с другой, получив свое начало где-то в Средней Азии, развились в совершенно отличные системы Европы и Китая. Материалом для суждений является тема грифа-орла, нападающего на животных, трактуемая с большим сходством обеими ветвями человеческого искусства. В статье много темпераментной убедительности, значительно превосходящей, кажется, ясное чтение орнамента. Китайский материал воспроизведен недостаточно, как в объеме так и качественно. Автор, работавший при содействии такого выдающегося археолога-китаиста, как американский музейный деятель Лауфер, мог бы привлечь гораздо более интересные и показательные темы китайских, хотя бы, например, амулетных композиций, где борьба драконов, тигров и др. животных доселе не освещена наукой, как и многое прочее. В этой области работа синтезирующего ума, типа автора разбираемой статьи, может принести чрезвычайную пользу, вызволяя случайные работы случайных китаистов из маразма безграмотных описаний. Но для этого надо как следует знать литературу вопроса и не обходить, например, молчанием знаменитый альбом Шаванна (*Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale*), не говоря уже о прочих вещах, быстро восполняющих скудость репродукций столь ответственной статьи, оперирующей слишком узким, в отношении к размаху обобщений, материалом. **В. А.**

59. Arthur Waley. *The Temple and other poems*, translated by... With an introductory essay on early Chinese poetry, and an Appendix on the development of different metrical forms. London, 1923. George Allen and Unwin Ltd., мал. 8°. Стр. 151.

Знакомство одних европейцев и ознакомление ими других с произведениями китайской литературы происходило по осторожному принципу угождения читателю не-специалисту. Вот почему мы имеем в переводах Джайлза, Форкэ, Грубэ, д'Эрвэ Сэн-Дни фальсификаты китаизмов, превращенных, чаще всего неумело, в более чем посредственные европеизмы. Однако, на этом дело не останавливалось. Появлялись фальсификаторы низшей пробы, которые, переводя с переводов, сглаживали окончательно весь оригинальный ворс произведений, и получалось, таким образом, нечто убогое с точки

*

зрения эстетики европейца, но шедшее под китайским флагом, и потому заранее извиненное.

Кроме того, первые переводчики держались главным образом китайских хрестоматий, которые, будучи предназначены для детей среднего возраста, литературу представляли, по меньшей мере, не лучше наших хрестоматий. Все, что в хрестоматиях не значилось, не переводилось, да и сами хрестоматии, до книг Ю. М. Маргулиеса, переводились лишь в незначительных выборках.

С этой прекрасной книгой серьезного английского ученого и блестящего стилиста мы, наконец, выходим из шаблонов и фальсификаций в эпоху непосредственного воспроизведения китайской литературы. Можно приветствовать этот большой и интересный шаг вперед, который был, кстати сказать, предварен предшествующими переводами того же автора («170 Chinese poems» и «More translations from the Chinese»).

Как указывает заглавие этой книги, она содержит перевод превосходной поэмы Бо Цзюйи «Храм», написанной около 816 г. н. э., среди многих других поэм, принадлежащих более ранним авторам. Все эти поэмы, за малыми исключениями, переведены впервые и извлечены из сборников, доселе европейцами не использованных. Переведена даже одна религиозная буддийская ода из Трипитаки. Каждый из этих переводов снабжен ссылкой на источник-текст, так что всякий может данный перевод проверить.

Кроме переводов, как, между прочим, оговорено в заглавии, книга содержит вводные и заключительные главы историко-литературного характера. Во вступительном очерке прослеживается история поэтического жанра фу, передаваемого пока все еще через одес даже автором, который, казалось бы, мог несколько более углубиться в сравнение с европейскими жанрами для более точной терминологии.¹ Этот вводный очерк очень цов, поучителен и блестяще написан. Особенно хороши анализы труднейших и привлекательнейших произведений Цюй Юаня, которые впервые, кстати сказать, получают на европейском языке достойное выражение. Много нового и важного сказано о Ян Сюне, доселе загадочной фигуре с не менее загадочными произведениями.

В заключительном очерке также много нового и чрезвычайно интересного о китайской поэзии. Как историко-литературный материал, все это заслуживает большого внимания и может служить учебником для начинающих синологов.

¹ Автор писал свои строки до появления сборника переводов «фу» на французском языке, сделанных нашим соотечественником Ю. М. Маргулиесом.

Перевод од — фу рассчитан автором на чтение вслух и ритмизирован. Действительно, это превосходное чтение даже для специалиста, владеющего текстом, что уже является само по себе большим достижением, ибо фальсификаты предыдущих переводчиков в китаеведе возбуждают только одно желание: поскорее к тексту!

Нововведением является стихообразное расположение ритмических единиц, доселе переводившихся прямо в сплошную строку. Это расположение много помогает осуществлению задачи автора, указанной выше.

Однако, ритмика автора не есть ритмика китайского текста, и даже не ее отражение в пропорциях, отвечающих пропорциям моносиллабического и полисиллабического текстов оригинала и перевода. Здесь, конечно, дело в самих условиях английского языка, который, как аналитический, не обладает эластичностью (синтаксической) языков синтетических, например, русского, но, думается, автор стоит на полпути и компромиссе. Еще немного смелости к этому первому шагу, и английская ритмика будет служить переводчику с большею покорностью.

К сожалению, в смысле дословности, и, вообще, точности, переводы Уейлэ оставляют желать еще многого, и нельзя еще держаться за них иначе, как за иллюзии оригинала. Однако, поэтизмы сохранены полностью, и это самое существенное. Некоторые же замещения одних китаизмов другими, несколько неверных переводов и опечаток — явления редкие, и перед хорошим целым меркнут.

Есть, конечно, многое в этой оригинальной книге, что просится на возражение: на то она и оригинальна. Так, наиболее интересные положения автором излагаются доктринально; на самом же деле, они ему могут быть отпущены только в кредит до ближайшего, хотя бы и его собственного исследования, имеющего подтвердить их.

Почему оды Тао Цяня предназначены были к пению? Почему в основе од — фу лежит заклинание? и т. д. — вопросы, только намечаемые и не решенные. Автор не говорит даже, откуда он все это взял.

Внушает сильные сомнения первая же фраза очерка о том, что для понятия «поэзия» в китайском языке нет слов и терминов. Между тем, у поэта Ли Бо в его знаменитом «Предисловии к стихам братьев в весеннюю ночь» совершенно точно соответствует понятию «поэзии» выражение цзя-цзо («изысканное творчество»). И это не одно из них, и не первое. Можно также не поверить утверждению Уейлэ, что «китайская привычка сохранять текст традиции нетронутым предпочтительна перед европейским обыкновением громоздить ученые ремарки на текст, остающийся, в конце концов, неизвестным».

Здесь оба явления изложены неправильно, и этим самым замечание и сравнение становятся излишними.

Нельзя также утверждать (стр. 10), что в Китае народные песни собирались для политических целей исправления правителей, видевших в них отражение своей деятельности. Здесь на историческую истину наложен конфуцианский фантасм, и пока лучше ее не утверждать, как таковую.

Точно также, произвести в посредственности писателей из знаменитого сборника V — VI вв. н. э. Вэнь Сюань, хотя бы и на основании критической статьи серьезного эстета Су Ши, еще не значит приблизиться к оценке по существу этого сборника, сыгравшего, как в Китае, так и в Японии, крупнейшую роль. Этот метод историко-литературного критицизма вряд ли заслуживает одобрения.

Встречаются в книге неточности, отчасти по устарелой традиции (что Цинь Ши Хуан построил Великую Стену), отчасти, наоборот, по желанию выйти из традиции (Дэ — Приложение, Применение Дао), отчасти по непонятным причинам.

Но все эти небольшие замечания нисколько не умаляют больших достоинств этой небольшой размерами книжки, которая не только дает увлекательное чтение, но и является, скажем точно, началом большого вклада в изучение китайской литературы на Западе. Перевести эту книгу, конечно, нельзя, и остается ее рекомендовать в том самом виде, в котором она существует.

В. А.

60. Чжун Го жэньмин да цыдянь. 中國人名大辭典
(Cyclopaedia of Chinese Biographical Names. Commercial Press Ltd., Shanghai).¹ Труд 23 составителей. 1921. Стр. 1977, каждая в 4 горизонт. ряда. Более 40000 статей. Цена: мекс. долл. 8⁰⁰.

Китайская биографическая литература чрезвычайно обильна. Исключая пока речь об отдельных, частичных жизнеописаниях (например, Конфуция, Чжу Си и др.), и даже групповых (например биографии людей, не поддавшихся той или иной новой династии, и др.), их массовые собрания избылуют, и по существу доступны каждому. Так, оригинальные биографии можно читать в династических историях, жития монахов в сборниках «Высоких санга» (буддийских монахов); а сводные для всех периодов истории и для всех родов людей — в биографических словарях (например, Вань син тун пу,

¹ Английский подзаголовок, вне соответствия с текстом, который английского шрифта не содержит.

Шан ю лю) 萬姓統譜。尙友錄。 и наконец, больших энциклопедиях (последняя — Ту шу цзи чэн, XVIII в.).

Однако, пользование этим материалом затруднено, как по крайней неполноте и несовременности сведений, так и по громоздкости всех этих изданий, требующих большого помещения и очень дорогих (как например, большая энциклопедия). Кроме того, система расположения фамилий в разных местах энциклопедии (чиновники, генералы, ученые, монахи и т. п.), при крайне неудобной тонически-рифмующей схеме, мешает быстро найти желаемое. Наконец, эти биографии — своего рода литературные шедевры и читаются с трудом, тем более что для простой справки читать несколько страниц, порой без всякой пунктуации — вещь очень сложная.

Японцы, подражавшие европейцам, сообщили свои приемы китайцам и в этом направлении. Результатом последнего является разбираемый биографический словарь, изданный громадным по обороту, а также значению Коммерческим издательством Шанхая, в дополнение к изданному в 1913 г. словарю иероглифов (Цы Юань), где даны лишь немногие биографии.

Текст биографий чрезвычайно краток и компактен. Они изложены на сравнительно простом, но чисто литературном языке, без всяких следов модного «белого» (полуразговорного), и снабжены старой китайской пунктуацией.

Таким образом, впервые китаец получает возможность навести быструю справку, избегая проволочки, неполноты (количественной) и недоразумений. Этот сравнительно небольшой том доступен каждому школьнику, который благодаря ему, освобождается от прежних хрестоматийных, недостаточных и банальных примечаний и получает, хотя бы на первый случай, пищу для более самостоятельного чтения как старых, так и новых текстов. Это заслуга не малая: каждый китаец и китаевед ее оценит по достоинству.

Кроме того, один обзор источников, использованных, как указано в предисловии, коллегией составителей словаря, много говорит об их работе, хотя бы только библиографу и их непосредственному продолжателю. Они, оказывается, использовали, кроме исторических и биографических сводов, еще хроники отдельных родов, местные описания, археологические кодексы, исторические описания инородных царств со всею сложностью китайской транскрипции их иноязычных имен, биографии художников, каллиграфов, промышленников, коммерсантов, врачей и т. д., а равно и прославленных религиями подвижников обоого пола, извлекая для этой цели многое, ранее в классических трудах истории не зарегистрированное. Особо надо отметить впервые осуществленный выбор собственных имен последней, Цинской династии, который был всегда скуден, при разбросанности этих имен в самых

разнообразных сочинениях, далеко не во всякой библиотеке имеющихся. Таким образом, полнота библиографическая, хотя бы как задача, налицо.

Далее, составители потрудились над исправлением многочисленных ошибок, вкравшихся в биографические сводки прежних времен. Эти ошибки были удивительны до странности. Так, благодаря частой неотличаемости китайского собственного имени от обычного слова, и фамилий от имени, эти книги могут принять одно имя за два, два имени за одно; сделать собственным именем рядовые, значащие слова; приписать одному поступки другого; показывать неверно происхождение; дать неверную транскрипцию иностранного имени, которое, таким образом, по первому слову-слогу не может быть разыскано (Субутай и Сюзбутай) и т. д. И эта статья совместного труда должна быть поставлена коллегии в заслугу: одному человеку с проверкой всех этих неточностей было бы, конечно, не справиться.

Затем, составители возвратились к оригинальному тексту историй Ляо, Цзинь, Юань, чтобы восстановить искаженный знаменитыми Цянь Луновскими переводчиками собственных имен вид этих комплексов-транскрипций.

Они поставили также своей задачей исправить чрезвычайно многочисленные искажения, вызванные известным обычаем табу царских имен и, между прочим, Конфуция, имя которого, Цю, всегда писалось условно, вопреки всем известному оригиналу. Эта задача особенно неблагоприятна, ибо глаз ряда поколений привык к установившимся начертаниям, и их восстановление, по силе действия на читателя, равносильно искажению.

Наконец, добавочные таблицы редких фамильных имен и прозваний, литературных в особенности, столь необходимые всякому, могут быть отмечены также, как большая заслуга.

Таким образом, задачи свои составители поняли правильно. Можно теперь бросить беглый взгляд на исполнение их.

Начать с того, что ни у одного имени нет точных дат, а только название династии, при которой человек жил. Не говоря уже о том, что человек мог жить при двух, а не то и трех разных династиях, неужели составителям и издателям словаря, работающим в передовом китайском издательстве, неизвестна азбучная истина, что биография без дат — ничто?

Затем, пунктуация, несмотря на царящую теперь европейскую моду — в данном случае чрезвычайно полезную — остается чисто китайскою, так что улучшения в этом смысле мало, ибо китайская пунктуация, как известно, не точна.

Наконец, расположение всех фамилий по числу черт в иероглифе и под-секций по «ключам» — дань традиции, доселе не приемлющей известного труда

русского япониста О. Розенберга, напечатанного в виде китайско-японского словаря иероглифов и дающего точную систему. Трудность отыскания нужной биографии (особенно под такими фамилиями, как Ван, Лю, Ли, Чжао, Чжоу) при этой системе удручает.

Но это все — подробности технические. Важнее рассмотреть самое содержание статей словаря.

Здесь мы встречаемся с самым крупным разочарованием. Стремление к краткости перешло все границы и подошло к абсурду. В биографии знаменитого поэта Тао Цяня рассказано о его чиновничьих приключениях и причудливых привычках, но о поэзии кратко: «есть собрание его стихотворений». Точно то же у Ли Бо, по поводу которого, вдобавок, дан целый обличительный трактат ошибок предыдущих биографов, но о поэзии кратко: «его стихи высоки, чудесны, чисты, отвлеченны» — и это все о поэзии первого поэта Китая!

Вот все, что сказано о Пу Сунлине, авторе популярнейших в Китае рассказов: «Династии Цин. Из Цзычуань (ского уезда). Прозвание: Люсянь, другое — Люцюань. Кандидат времен Канси (1662 — 1722!). Сочиненные им «Ляо Чжаевы записи чудесных историй» в высшей степени улаждают читательский вкус. Стихи его и старинная проза называются: «Собрание сочинений Ляо Чжая». Бедная интеллигенция, подобною справкою довольствующаяся! Что, если бы о Гоголе у нас дали подобную справку!

Точно также и в биографиях политических деятелей краткость преследуется в ущерб разумности и вразумительности. Так, в биографии вождя Тайпинов Хун Сюцюаня, нет речи о борьбе с ним европейцев, и дело представлено, как исключительно китайское. В биографии Ли Хунхчжана всего 5½ строк, и местная точка зрения китайцев на его деятельность преобладает над исторической. О литературной, виднейшей деятельности Чжан Чжидуна — ни слова. Характеристика знаменитой «вдовствовавшей императрицы», Цыси Тайхоу прямо детская и, во всяком случае, исторически беспомощная. Таких примеров можно привести едва ли не столько же, сколько статей в книге.

Выходит, что подробное описание задач и трудностей, с которыми, будто бы, боролись составители, можно картинно представить себе горами, родившими смешную мышь. Сомнительно, чтобы этот словарь был оценен кем-либо, кроме школьников и практических людей, которым важно трудный текст понять, хоть кое-как, но поскорее.

Что до синолога, то ему, знавшему доселе крайне несовершенные биографические словари Мэйарса (*A Chinese Reader's Manual*) и Джайлза (*A Chinese Biographical Dictionary*), этот новый словарь полезен, прежде

всего, своею полнотою; затем, таблицей прозваний, и, наконец, доведением сведений до конца Цин. Кроме того, словарь устраняет ряд ошибок и бессмыслиц, царивших в этих пособиях, хотя бы в виде восстановления серьезной речи, испорченной анекдотическим тоном английского перевода. Наконец, он является в настоящее время единственно-доступным, ибо словарь Джайлза встречается в каталогах магазинов только, как случайность. В общем списке пособий китаеведа, как начинающего, так и более опытного, эта книга занимает очень видное место.

В. Алексеев.

61. Ин инь Сюй Гуи цуншу. Эр ши чжун: 影印續古逸叢書二十種。 Собрание древних редких книг. Библиотека-серия, заключающая 22 произведения. Продолжение предыдущей, того же названия. Фототипия Хань Фэнь Лоу, изд. Commercial Press. Шанхай. 1923. 10 ящиков, 34 тома, около 3.800 стр. Цена 80 и 60 мекс. долл. (в зависимости от бумаги).

В 1884 г. Ли Шучан, будучи китайским посланником в Токио, нашел среди неисчислимых японских книжных богатств двадцать шесть китайских сочинений, считавшихся на его родине давно потерянными, и издал их фотолитографским способом, сохранив, таким образом, в полной сохранности все особенности оригинала чисто техническим, совершенно точным путем. Туда вошло много ценнейших изданий, как например, тексты Лао-цзы и Чжуан-цзы танской рукописи и сунской печати, дающие нам наиболее близкую по традиции версию. Наш Азиатский Музей своевременно озаботился приобретением этой серии.

Теперь шанхайское Коммерческое Издательство в своем научном, синологическом отделе (в библиотеке Хань Фэнь Лоу) опубликовало продолжение серии Ли Шучана, состоящей точно также из древних текстов, считавшихся потерянными, и точно в такой же фотолитографической точности, позволяющей видеть оригинал во всей его неприкосновенности, как со стороны размера, так и со стороны шрифтов, и даже печатей коллекционеров, позволяющих установить традицию текста. Эта точность особенно важна при репродукции тщательно сделанных в свое время имитаций архаичных надписей в археологических альбомах-описаниях. Таким образом, ксилографам-имитациям былого времени, никого вполне не убеждавшим, пришел конец, и кроме того мы имеем теперь возможность составлять коллекции редких китайских книг путем простой выписки по каталогам издательства. Надо отметить, что эти каталоги (янбэнь) дают не только описание ингредиентов серии, но и точное воспроизведение некоторых страниц их, так что впечатление создается вполне точное.

В эту серию входят книги, не вошедшие в серию Ли Шучана, но по авторам иногда ее напоминающие. Таково, например, сунское издание Лао-цзы, неизвестное доселе, и ценное по своей непосредственной даосской традиции, неизвестной даже Даосскому Канону (Дао Цзан), располагавшему, казалось бы, всем богатством изданий своего классика.

Есть также издания старых поэтов, в том числе и Сыкун Ту (ум. 908 н. э.). Если бы это издание было в руках у пишущего эти строки в 1915—1916 гг., не пришлось бы, может быть, решать мучительные проблемы испорченного текста, вокруг которых китайские комментаторы создавали причудливые легенды.

Надо надеяться, что когда-нибудь, если не будет поздно, и эту серию удастся приобрести в наше книгохранилище, дающее приют науке о Китае.

В. А.

62. Лао цзе Лао. Лао-цзы Дао Дэ цзин. Цай Тингань бянь. 老解老. 道德經. 蔡廷幹編. (По Лао-цзы толкую Лао-цзы. Книга Лао-цзы о Дао и Дэ. Составил Цай Тингань). 1922. (Не продается.)

До нас чрезвычайно редко доходят свидетельства о том, как реагируют на китайскую современность, тревожимую злом милитаризма и, вообще, политической неустойчивостью, вымирающие конфуцианцы. Но для китаевода, знакомого с бесчисленными проявлениями такой реакции на протяжении веков, представляется всегда априорная возможность угадать способ выражения их негодования: эти люди, культивировавшие начитанность, будут всегда видеть в старых текстах откровение и пророчество. К таким именно книгам принадлежит и настоящая, автор которой, шестидесятилетний старец, желает в тексте Лао-цзы найти исход своему чувству горя и возмущения.

Так именно и представляет себе дело писавший дружеское предисловие к книге Цая Сунь Баоци, бывший одно время китайским посланником в Берлине и, потому, отнюдь не принадлежащий к старому типу китайского начетчика, который мог «знать о всем, что под небом, не выходя из своих дверей».

Для своих целей Сунь, вопреки элементарным требованиям знания и даже смысла, перемещает центр тяжести книги о Дао и Дэ в гл. 37, в следующей ее выборке: «Не желать (ничего) и в покое пребывать—под небом тогда будет естественная правда (= праведное правление)». Кроме того, он делает ударение на словах: «не желать» (буйой) и рекомендует тем, кто стоит на верхах, отвлечься от корыстных вожелений, и тогда, по слову Лао-цзы, все придет к покою. Кстати, не забыт и Будда, будто-бы,

вторящий Лао-цзы в мотивах квиэтизма, и этим «всюду переводящий (в нирвану) всех живых».

Таким образом, говорит Сунь, эта книга, принадлежащая человеку, проникнутому политическими заветами Лао-цзы, может и должна, по аналогии, служить зеркалом правления власть имущих.

Послушаем теперь, что говорит о своих идеалах в предисловии к книге сам автор.

«Конфуций и Мын-цзы восстали против бесчинства и смут, но, как только они сошли со сцены, появилась ересь, еще более опасная в период шатания умов. Циньский завоеватель (III в. до н. э.) искоренил этих «говорящих во что бы то ни стало» еретиков, но, разрушив заодно всю ученую традицию, он оказался бессильным что-либо построить. Но было строительство начала династии Хань, преемницы Цинь, которое, руководясь квиэтизмом Лао-цзы (!), обеспечило Китаю четыре тысячи лет (!) невозмущенного мира (!)».

«Я», продолжает Цай, «изучал книгу о Дао и Дэ целых десять лет для того, чтобы быть в состоянии ее «перевести» (на язык современности) и передать ее смысл. Этим я имел в виду дать рабам современности свидетельство их неправоты. И вдруг — что я слышу? — опять увеличение вооружений! Что же — история повторяется, и мы опять в периоде Конфуциевой Летописи (анархия, упадок человеческих основ в VIII — V вв. до н. э.), так что я кричу, вместе с Лао-цзы (гл. 31): «Оружие — зловеший предмет». Ведь, эти люди, прикрывающие себя речами о мире, в сердце своем настоящие дикари!»

«Некоторые среди нас сомневаются, чтобы девиз Лао-цзы: «Уничтожь свое действие в мире», и получающийся из него «чистый» квиэтизм (цин-цин) чему-нибудь, вообще, помогли. Бедные люди! Не понимают, что в этих словах с избытком скрыто все, что нужно нашей действительности. Ведь «не-деяние» есть только обобщающий в космическом масштабе термин, а не реально существующее поведение. Надо только уничтожить напоминание о своей особе — вот и все».

«Когда я стал изучать Лао-цзы, то, конечно, привлек к своему чтению всех комментаторов. Получилась отчаянная разногласица, затемняющая, а не разъясняющая. Тогда я их всех отбросил и стал искать смысла непосредственно в самом каноническом тексте Лао-цзы. Я, значит, открыл поры и сочленения организма книги, не прибавив ни знака. Вот что я называю: По Лао-цзы толковать Лао-цзы».

«Важно, чтобы бессмертный текст действовал, как игла опытного врача. Только тогда конфуцианский завет «великого единства» всех людей осуществится».

Уже по типу предисловия можно судить а priori, что кроме резонерства, направленного в одну сторону, от этого нового толкования на Лао-цзы ничего нельзя ожидать. И действительно, толкования Цая, только что пообещавшего нам разъяснить путаницу, те же, что и писания предшественников, только короче и распланированы иначе. Осса взгромоздилась на Пелион, — не больше того.

Цай, конечно, не читал «Историю китайской древней философии» Ху Ши (см. «Восток» № 3), напумевшую за 4 года до издания его книги. Можно сказать с уверенностью, что, даже если бы он и знал о ее существовании, то читать бы не стал: у него, ведь, задачи совершенно иные. Отсюда целый ряд банальных сопоставлений Лао с Кунем (Конфуцием) и Буддой, свидетельствующих о непонимании всех троих основателей так называемых «трех религий» Китая. Зато, по трафарету резонеров-дидактиков, Цая важно доказать, что все эти три учения-религии занимаются спасением людей от лихого безвременья, и потому во всяком таком случае к ним, вообще, и в частности, к Лао-цзы, «герою-спасителю мира», следует-де прибегать, как к путеводному началу.

В книге рассеяны мелкие характеристики, свидетельствующие о том, что автор краем уха слышал что-то о современных теориях Лао-цзы, но, конечно, упоминает о них только для того, чтобы опровергнуть сразу и без оговорок. Так, о «нигилизме» Лао-цзы он не хочет слышать, ибо, как и сказано в предисловии, видит в книге Лао-цзы лишь конкретное, практически выполнимое учение.

Вероятно, тем же стремлением подражать современным изданиям надо объяснить приложенный к книге указатель «неповторяемых» знаков, в количестве 804, — не совпадающем, между прочим, с подсчетом знаков Лао-цзы у занимавшихся этим европейцев (Mc Clagan). Однако, в таком виде подобное упражнение излишне.

Книги, в роде только что разобранных, очевидно, последние вздохи старой китайской полиграфии. Новые полиграфы, по меньшей мере, обязуются издавать, критиковать и толковать старые тексты применительно к принципам, известным им хотя бы из недавних писаний Ху Ши. А это уже сближает их с нами, позволяя читать их без отметок курьезов, в роде теорий Цая и его друга Сунь Баоци.

Но самое любопытное — не здесь, а в том, что Цай Тингань сам американизованный китаец, воспитанник, кроме того, Торпедной школы,¹ видный деятель Нового Китая (адмирал; министр иностранных дел в 1926 г.)

¹ По данным Chinese Year Book, 1927, и Who's Who in China, 3rd edition, 1925, p. 728.

и переводчик китайской поэзии на английский язык. Путаница в голове, полукитайской, полуамериканской, говорит о себе в этой книге особенно сильно, и на европейцев, писавших о Лао-цзы на английском языке, Цай, конечно, не обратил никакого внимания.

В. А.

63. Правдивое жизнеописание. Повести и рассказы. Перевод с китайского. Редакция и вступительная статья **А. Хархатова**. С послесловием проф. **В. Колоколова** (серия «Художественная литература современного Китая»). «Молодая Гвардия». 1929. Стр. 365. Ц. 2 р. 75 к. в переплете.

Наша синология при изучении современного Китая, в силу вполне понятных причин, главным и едва ли не исключительным образом оперирует политико-экономическими материалами, временно отводя на второй план изучение духовной культуры Китая. Назревшая необходимость в уяснении современного состояния этой духовной культуры индустриализованного Китая, как следствия видоизменения общественной среды на протяжении последних двадцати лет, заставляет особенно внимательно относиться к тем синологическим материалам, освещающим эту область культуры, которые пока еще столь редко появляются в печати.

Литература, являющаяся едва ли не лучшим средством к обрисовке особенностей общественной жизни страны, в Китае всегда играла выдающуюся роль, и эта роль не утрачена и при современном положении вещей. Появление в печати как ученых трудов, посвященных этому вопросу, так и переводов, знакомящих нас с достижениями и состоянием литературы современного Китая, естественно вызывает повышенный интерес.

Рецензируемая книга представляет сборник тринадцати переведенных с китайского художественных произведений современной китайской литературы, снабженных введением, послесловием и примечаниями. Переводы сделаны анонимно, однако, согласно собственным словам переводчика, редакция перевода в затруднительных случаях принадлежала проф. В. Колоколову, которым написано также и послесловие.

Основной недостаток книги — несоблюдение художественной пропорции при выборе материала. Такое смешение первоклассных произведений с макулатурой наводит на мысль о случайном подборе по принципу того что есть в наличии. Одиннадцать писателей, попавшие в сборник (в транскрипции сборника) — следующие: Ли-Цзи-Мин,¹ Лу-Сюнь, Чжан-Цзы-Пин, Ю-Да-Фу, Тэн-Гу, Джоу-Лин-Дзюнь, Чжан-Вень-Тянь, Цзянь-Сянь-Ай, Ван-Хунь-Дзу, Ли-Де-Вень, Цзинь-Гу-Ци-Гуань.

¹ Следует писать Ли Цзинь-мин **黎 昂 明**.

Последнее название сборника древних новел историко-бытового жанра, написанного в XVII в. — Цзинь-гу ци-гуань — «Удивительные картины древнего и нового времени», вероятно, случайно попало в список авторов.

Вопрос о русской транскрипции оговаривается переводчиком в примечании на стр. 348: «Не желая себя связывать ни с какими стандартными транскрипциями китайских слов (Палладия-Попова, например), мы решили изображать все звуки так, чтобы они как можно ближе подходили к пекинскому говору. Поэтому-то, наряду с транскрипцией, вполне совпадающей с транскрипцией Палладия-Попова («Чжао»), у нас есть слова, отходящие от нее (например «Сюу-цай», по Палладию — «Сю-цай» и т. д.)».

Не совсем ясно, не говоря уже о путанице, вводимой разнообразием транскрипций, почему переводчик решил приближать транскрипцию к пекинскому говору, хотя и авторы и персонажи произведений на три четверти южане. Кроме того, неясно, почему «Сюу-Цай» ближе к пекинскому произношению слова 秀才, чем «Сю-Цай», так как и то и другое — условно. И, наконец, вряд ли принятая переводчиком транскрипция в примере хотя бы с фамилией писателя — Ли-Де-Вень — ближе к китайскому произношению, чем транскрипция Палладия — Ли Дэ-вэнь.

Из вышеперечисленных писателей, вошедших в сборник, только двух можно причислить к первоклассным писателям современного Китая — Лу-синя, и Юй Да-фу, трех — к писателям второстепенным: Чжан Цзы-пин, Ли Цзинь-мин и Тэн Гу, что же касается остальных, то они или вовсе незначительны, или просто плохи, как например — Чжоу Линь-цзюнь.

Наряду с основным недостатком книги, выразившимся в смешанном подборе материала, столь же важным упущением следует считать отсутствие предварительных сведений об авторах и о характере их творчества, что, повидимому, указывает на незнакомство переводчика и редактора с литературной жизнью нового Китая.

Между тем, хотя бы самая простая классификация по школам, к которым принадлежат писатели, и краткие характеристики их творчества помогли бы читателю разобраться в материале. Ведь, если Лу-синь является чистейшим натуралистом и бытописателем, а Юй Да-фу — декадентом шанхайской группы романтиков, то Чжан Цзы-пин и Тэн Гу принадлежат к ярко выраженному типу романтиков-сентименталистов, школа которых значительна в Китае и насчитывает многочисленных подражателей, в лице хотя бы находящихся в данном сборнике Чжоу Линь-цзюня и Чжап Вэнь-тяня, представителей того нездорового течения, против которого направлял свое критическое острие глава «литературной революции» — Ху Ши.

Ощущение необходимости дать характеристику переведенному материалу и показать социальное значение произведений заставило А. Хархатова в своем предисловии, к сожалению лишь на основании переводов, попытаться обобщить и связать мотивы отдельных произведений.

Явное незнание автора предисловия с китайским языком и с состоянием китайской литературы привело к целому ряду ложных утверждений. Так, на стр. 6-й читаем: «Помещенные в настоящем сборнике единственные два выдающиеся в своем роде рассказа старой литературы: «Ученая дева» и «Найденыш» и имеют целью подчеркнуть перед читателем контраст между этой старой китайской литературой, все корни которой лежат в литературной учености, с одной стороны, и застывшем социальном и идеологическом укладе, с другой, и брызжущими тревожной и живой жизнью произведениями современных беллетристов, которые к тому же предназначают свои произведения для самых широких масс». На самом деле оба эти рассказа являются народной литературой старого Китая, никаких корней в «литературной учености» не имеют и генетически тесно связаны с современной литературой, будучи написаны на живом языке своей эпохи и являясь для своего времени протестом против литературы классической.

Не совсем соответствует действительности и утверждение о предназначении современных произведений для широких масс, так как современная художественная литература в своем настоящем состоянии является литературой модернизированной интеллигенции, и круг читателей ограничен этой же интеллигенцией.

Наряду с правильным анализом социальной значимости произведений современной китайской литературы, встречается целый ряд общих мест, объясняемых все тем же незнанием языка и страны автором предисловия, незнанием, позволяющим, например, ему характеризовать китайский язык вообще, как «философски-глубокий».

Обращаясь к послесловию проф. Колоколова «Несколько слов о китайской письменности», необходимо отметить не совсем понятное отношение такого рода статьи к сборнику переводов. Китайская иероглифика в ее современном употреблении в текстах живого языка не только в значительной мере утратила первоначальное идеографическое значение, но под влиянием европеизации и японизации все больше и больше становится в положение почти морфем, наблюдаемых в языках флективных. Тем страннее утверждение, что «китайский письменный знак резко отличается от наших букв. . . он не служит целям фиксации звука, а является скорее символом, доступным для понимания всякого, кто знаком с первоначальными элемен-

тами вошедшими в состав этого знака, и с теми идеями и той психологией, которая соединила эти элементы».

Не говоря о явной неправильности такого положения, ибо анализ отдельного знака, иногда являющегося просто морфемой, вовсе не дает понимания всего контекста, я привел бы в качестве примера простейшее слово «син-ли» багаж, состоящее из иероглифа-морфемы «ходить» и морфемы-иероглифа «слива», которые в свою очередь можно было бы анализировать по входящим в каждый иероглиф частям, причем никакое знакомство с первоначальными элементами, вошедшими в состав этих знаков, или с психологией не дает правильного понимания слова «син-ли» багаж. Таких примеров в современном языке можно дать множество.

Утверждение автора статьи, что «историки китайской литературы наталкиваются на отсутствие художественной литературы в нашем понимании...», страдает неточностью, так как если такое суждение можно было бы приложить к стилистической литературе придворного жанра, то литература фабульная, как на языке классическом, восходящая к VI в. и ранее, так и на языке живых форм, развившаяся в XIV в., в форме романа и новеллы, вполне соответствует нашему пониманию литературы belles-lettres. Об этой художественной литературе и ее истории мы имеем великолепное исследование японского ученого Сиоя (鹽谷 澁. 支那文學概論講話, а также работу проф. Чжоу Шу-жэня (Лу Синь) 魯迅. 中國小說史略.

В своей характеристике исторической жизни китайской литературы автор, не давая отчетливой картины и смешивая самые разнообразные мотивы, вплоть до театра (стр. 363), не имеющего никакого отношения к теме, утверждает, что «отдельные имена мастеров литературы собирали вокруг себя школы, которые постоянно находились во взаимной вражде». Однако, исторические факты дают нам совсем обратное представление, и достаточно вспомнить ту огромную литературу переписки, которая существовала между представителями различных жанров в различные эпохи, чтобы убедиться в прогрессивной коллаборации литературных деятелей древнего Китая. Не останавливаясь на отдельных моментах изложения статьи «о китайской письменности», в качестве примера лингвистических положений, приведу одно из них, иллюстрирующее невозможность введения в Китае алфавитного письма. Автор находит, что «антропологическое строение органов речи весьма различно в разных частях Китая, благодаря чему некоторые звуки органически не произносятся...».

Ряд подобных досадных промахов лишает статью значения, независимо от рациональности ее приложения к данной книге, и, заканчивая краткий

обзор «послесловия», я не могу не возразить против утверждения проф. Колоколова, в связи с констатированием европейских влияний в современной китайской литературе, что «в погоне за наиболее точными определениями новые авторы целиком вставляют иностранные слова на главных европейских языках, что придает колорит аристократизма и, несомненно, свидетельствует о влиянии Толстого».

Вопрос об иностранных влияниях чрезвычайно актуален, но его следует связать в первую очередь с литературой англо-американской и японской, с вопросом о социальном составе и образовании новых китайских беллетристов, меньше всего ссылаясь на Толстого.

Обращаясь к переводам непосредственно и касаясь тех ошибок, добавлений и пропусков, которые подчас искажают оригинал до неузнаваемости, следует оговориться, что в вопросе пропусков половина вины, вероятно, лежит на редакторах, к сожалению столь часто прибегающих к этим приемам, исходя из ложного расчета на «вкус читателя», и подменяя психологию читателя собственной.

Не имея возможности сличить с текстом все переводы без исключения, я проделал эту работу над четырьмя произведениями: Ли Цзинь-мин — «Мечь», Юй Да-фу — «В пути», Лу-синь — «Кун И-сы» и «Правдивое жизнеописание А — Q». ¹ Что касается двух новелл из сборника «Цзинь-гу ци-гуань», фигурирующих под названиями «Найденный сын» и «Ученая дева», то я их не касаюсь по той простой причине, что это вовсе не переводы, а отдаленные пересказы, притом только фабулы, с пропусками целых страниц и почти всех стихов, являющихся столь характерной формой для Минских новелл.

«Найденный сын» соответствует 31-му рассказу сборника, носящему полное заглавие: «Люй, старший в роде, возвратив золото, находит сына», а «Ученая дева» — 17-му рассказу под заглавием «Младшая Су трижды ставит в затруднение жениха». ²

Относительно произведений, не сличенных с текстом, следует еще раз отметить непропорциональный выбор материала и, наряду с новеллой Чжан Цзы-пина «Слезы Иова», вещи заслуживающей внимания в силу хотя бы ее характерности для китайской романтики, в силу ярко-выраженного влияния «Дамы с камелиями» (влияние этого произведения идет из Японии), наряду с выдержанным рассказом Тэн Гу «Вновь покрытый лаком идол»,

¹ 黎帛明: «復仇». 郁達夫: «一個人在途上». 魯迅: «孔乙己» «阿Q正傳».

² 呂大郎還金完骨肉. 蘇小妹三難新郎.

с типичной европеизацией мотивов, — помещена очевидная макулатура в лице Чжоу Линь-цзюня — «Скитальчество» или Чжан Вэнь-тяня «Носимый ветром желтый лист». Не входя в данном случае в оценку степени правильности перевода, хотелось бы отметить некоторые неточности. «Сюй-Ян-Ли», рекомендуемый императором Суйской династии, следует читать Суй Ян-Ди, «Сы-Ма-Лу» — не район в Шанхае, как объясняет примечание, а китайское название для улицы на Международной концессии; наложница Танского императора Сюань-цзун'а — Ян Гуй-фэй не покончила с собой вследствие невозможности бежать вместе с императором из за своих крохотных ножек (sic!), как изображает примечание, а была убита близ горы Ма-Вэй солдатами, поскольку можно доверять историческим данным (рассказ «Вновь покрытый лаком идол»), и, наконец, царедворец Цюй-юань жил не при Ханьской династии, а на четыре века ранее, в феодальный период (рассказ «В пути»). Наряду с этим язык перевода поражает руссификациями, мало поддерживающими стиль.

«С тебя могоарыч» (стр. 139), «кобенился» (стр. 241), «батька 11-й» (277), «гражданин Ху-Боцин» (277), «удаль солдафонов» (279), «вишь» (298), «зря хаять» (299), «ох, батюшки-светы» (300), «развесь уши» (303).

В некоторых местах мы имеем простое незнание вещей, так например «хозяин . . . зажег курильницы с опиумом» (255), что, вероятно, должно означать «лампу для нагревания опиума», или «монастырь Конфуция» (288), что непонятно, так как конфуцианских монастырей вообще не существует в природе вещей. Язык переводов в различных произведениях неодинаков, и интересно отметить подражание в стиле перевода рассказа Цзянь Сянь-ай'я «Ночь в начале осени», самого по себе интересного как живого наброска общественной жизни, языку серии переводов Ляо-чжай'я, изданных акад. В. М. Алексеевым.

Переходя к переводам, прослеженным текстуально, следует выделить перевод рассказа Юй Да-фу «В пути», вернее, «Один в пути», отличающийся хорошим языком и наибольшим приближением к оригиналу. Здесь мы имеем лишь два неверных места, 12 пропусков слов и 4 вставки, не меняющие существа дела.

В переводе рассказа Ли Цзинь-мин'а «Месть» к сожалению количество неверных мест превышает 50, при 35 вставках и 13 пропусках. Даю несколько примеров.

«Пагода причудливой архитектуры. . .» (17) следует читать «странная особенность этой пагоды»,¹ «Танцы с бубнами и игра с фонарями» (стр. 18),

¹ 這塔的神異.

читай: «народные певички и гулянье с фонарями»,¹ «опахивая себя одеждами» (20) значит: «опахивали веерами сквозь одежду».²

Наряду с этим пропуски целых фраз отнимают у рассказа его полноту, а сознательное изменение конструкций, соединение и перетасовка фраз не содействуют воспроизведению оригинала.

В небольшом эскизе Лу-синя «Кун И-сы» насчитывается 8 пропусков, 6 вставок и 18 неверных мест, при несоблюдении *consecutio temporum* оригинала, благодаря чему теряется местами подлинный тон повествования.

Непонимание некоторых мест приводит к курьезам. Так, например, фраза «здесь перед дверьми стояла круглая бочка, в которой была приготовлена горячая вода (105)», в действительности звучит: «повсюду были выходящие на улицу полукруглые прилавки, за прилавками же готовилась горячая вода»...³

«Разговаривал... будто набрав каши в рот» (107), означает: «говорил... целиком классическими оборотами».⁴

Фраза «кто-то написал на красной бумаге: «Высокий мандарин Кун И Сы» иероглифами, которые были понятны наполовину или вовсе непонятны; это стало его прозвищем» (107), на самом деле означает: «другие, взяв полупонятные слова с обычной надписи (букваря) «Высокий, Великий, Человек, Кун, И, Сы» последние три сделали его прозвищем», назвав Кун-И-сы...⁵

Такие ошибки, естественно, мало способствуют ознакомлению русского читателя с произведениями одного из крупнейших современных писателей Китая Лу-синя, из произведений которого главное место и вполне заслуженно отведено повести «Правдивое жизнеописание А—Q», на переводе которой я остановлюсь в заключение.

Сам переводчик говорит следующим образом (348): «Вообще при переводе нам встретилось очень много трудностей. Юмор Лу-Сюня... был одним из камней преткновения для нас. Другим затруднением были те тонкости, которые чрезвычайно трудно понять без глубокого знания языка (в борьбе с этими тонкостями нам помог проф. В. С. Колоколов)— а этого

¹ 打花鼓燈會.

² 扇着衣襟.

³ 都是當街一個曲尺形的大櫃臺櫃裏面豫備着熱水.

⁴ 滿口之乎者也.

⁵ 別人便從描紅紙上的上大人孔乙己這半懂不懂的話裏替他取下一個綽號叫作孔乙己.

довольно трудно добиться в отношении китайского языка. Нашим утешением является то, что несмотря на недостатки и промахи, естественные при переводе такого трудного произведения, мы своей работой над А — Q дали возможность русскому читателю познакомиться с этим прекрасным произведением».

На первую часть этого предисловия можно заметить лишь то, что «тонкости» в этом произведении не превышают «тонкостей» любого другого современного произведения, что же касается второй части, то при наличии 98 пропусков, 119 вставок и более 150 неверных мест (из которых половина — абсолютных) русский читатель знакомится с действительно прекрасным произведением Лу-Синя в не соответственном переводе.

Прежде всего совершенно выпущена I глава, полная сарказма, обрывки из которой частично пересказаны в примечании, и это является большим упущением, которое, однако, не ложится на совесть переводчика. Перевод заглавия повести «Правдивое жизнеописание А — Q» лучше было бы передать «Подлинная история А — Q», на что есть указание в тексте.¹

Привожу примеры непонятых мест:

«Однако, он от работы не отказывался» (35) следует читать: «не имел определенных занятий»,² «проказа» (37) — надо «парша»;³ «он стал опытниее» (38) — надо «он переменил метод»;⁴ «чувствуя себя совершенно правым» (39) надо «с чувством одержанной победы»;⁵ «бледная коса» (39) надо «рыжая коса»;⁶ «возбуждая всех своим присутствием» (40) надо «азартничая за других»;⁷ какой-то местный праздник» (40) надо «праздник в честь духа жатвы»;⁸ «ему показалось, что дело кончилось, и он, вопреки здравому смыслу, почувствовал себя несколько легче» (48) следует: «словно, в конце концов, разрешилось дело, и, наоборот, и почувствовал

¹ Лу-синь пишет, что он берет слова для заглавия — Чжэн-чжуань 正傳 из контекста обычной формулы рассказчиков «小說家所謂: 閒話休題, 言歸正傳». «Приостановим праздные слова, перейдем к подлинной истории». Английский переводчик этой повести G. Leung озаглавил ее: «The true story of A — Q».

² 也沒有固定的職業.

³ 癩瘡疤.

⁴ 變換了方法

⁵ 於是也心滿足的得勝的走了.

⁶ 黃辮子.

⁷ 替別人着急.

⁸ 賽神.

облегчение»;¹ «издеваться» (56) следует «заигрывать»;² «с пеной у рта» (60) следует «сплюнув»;³ «неспелые» (63) надо «несваренные»;⁴ «толпы мужчин и женщин были в приподнятом настроении, что тоже заставило А — Q воодушевиться» (77) следует: «это заставило испугаться деревни и было приятно А — Q»;⁵ «общественное внимание» (103) следует «общественное мнение»⁶ и т. д.

Но наиболее крупные недоразумения происходят с непониманием смысла целых предложений. Так например: А — Q, обладатель парши на голове, запрещает произносить слова, напоминающие ему о его физическом недостатке, соблюдая и сам табу. Его дразнят, и он, выведенный из терпения, говорит: — «Где тебе даже до такой...⁷ не кончая фразу, дабы не произнести ненавистного слова. У переводчика сказано: «Ничтожества! бросал он им»... (38).

Или еще пример: после потери денег, А — Q утешается тем, что бьет самого себя: «словно бил он сам, а битый им был другой он сам, потом же показалось, будто он сам побил другого».⁸ Переводчик так переводит это место: «хотя он бил лишь самого себя, но оттого, что обычно бьют других, ему уже казалось несколько времени спустя, что он побил кого-то другого» (41). На стр. 63 мы читаем: «Он полез на низкую стену, ухватившись за ствол черного дерева. Ствол был покрыт глиною, которая отпадала, шлепая на землю. Ноги А — Q дрожали мелкой дрожью». Между тем текст означает: «он стал карабкаться на низкую стену, ухватившись за какую-то лиану, но земля все осыпалась под его ногами и он соскальзывал вниз...».⁹

Наконец, последний пример: сын помещика предлагает отцу выслать из деревни А — Q, как опасный элемент. «Однако, г-н Чжао счел

¹ ...倒似乎完結了一件事,反而覺得輕鬆些.

² 調戲.

³ 嘴角上飛出唾沫來.

⁴ 未煮熟.

⁵ 未莊的一羣烏男女的慌張的神情,也使阿Q更快意.

⁶ 輿論.

⁷ 你還不配.

⁸ 似乎打的是自己,被打的是別一個自己,不久也彷彿是自己打了別個一般.

⁹ 他便爬上這矮牆去,扯着何首烏藤,但泥土仍然軟軟的掉,阿Q的脚也索索的抖.

это лишним. Он сказал, что не следует опасаться того, что А — Q будет им вредить. Тот, кто стал бы восстанавливать против себя А — Q, был бы человеком, плюющим в колодец» (73). На самом деле в тексте стоит: «Однако г-н Чжао не соглашался и заявил, что боится как бы не последовала месть, да кроме того, человек с такой профессией — все равно, что старый орел, который не ищет пищи возле гнезда».¹

Перевод этой повести также не избежал вульгаризмов, не оправданных текстом. «На всем фасаде» вместо «на лице», «эти шкуры» вместо «эти твари», или «сволочь — ругнул его вдогонку сию-дай на чистейшем мандаринском наречии» (54), вместо «ах, ты, яйцо черепахи (означает — незаконнорожденный), — выругался позади него кандидат на языке чиновников».²

Если прибавить сюда стилистическую небрежность перевода вообще и все добавления от себя, пропуски и мало-говорящие примечания, то общая картина не утешительна.

Действительно, перевод названия женского монастыря «Спокойствия и очищения» — Цзин-сю-ань, в транскрипции переводчика Дзин-Сию Ань, через «Грустный скит» звучит фальшиво, а такое пояснительное примечание, как «Лиоу-Хай-Сянь — известный отшельник, который никогда не причесывался», свидетельствует о незнакомстве с русской синологической литературой, в которой мы имеем по этому поводу целое этнологическое исследование.

Характеризуя всю книгу переводов в целом, следует сказать, что первый опыт ознакомления нас с современной китайской литературой оказался не вполне удачным.

Следует надеяться, что будет обращено внимание на скорейшее появление в русском грамотном переводе основных произведений молодого Китая.

Б. А. Васильев.

20 III 1929.

64. Ernst Kühnel. Die islamische Kunst. Sonderdruck aus Anton Springer. Handbuch der Kunstgeschichte, B. VI; Die aussereuropäische Kunst. Стр. 371—714 + 233 рис. (№ 353—586) + 5 табл. (VIII—XII). Alfred Kröner Verlag. Leipzig [1929].

¹ 但趙太爺以爲不然,說這也怕要結怨,況且做這路生意的大概是老鷹不喫巢下食。

² 忘八蛋!秀才在後面用了官話這樣罵。

Культурные народы давно изучают памятники искусства, но одни эпохи изучались преимущественно и с некоторым ущербом для других; в таком привилегированном положении были искусство древнего востока и классическое. Мусульманское искусство слишком долго оставалось пасынком науки. Полупризнаваемое еще в прошлом веке, на твердую научную почву оно стало только к XX в. Рост этой науки идет на наших глазах, буквально не по дням, а по часам. Блестящие открытия следуют одно за другим, быстро завоевывая новые области. Примером могут служить развалины Мшатты, открытые Al. Musil'ем в 1898 г. H. Saladin в своем сводном исследовании мусульманской архитектуры в 1907 г.¹ упоминал еще Мшатту вскользь. С тех пор не только Мшатта изучена, скульптурный фриз доступен обозрению в Берлине, но даже сами руины относительно достижимы, благодаря близости железной дороги. Вполне научно организованные раскопки в различных пунктах раскрывают постепенно неизвестные вопросы. Однако, признание наступило слишком поздно: многие памятники разрушились от времени или от руки человека.

Наука стремится зафиксировать что возможно. Прогресс ее обнаруживается наглядно на сравнении седьмого издания одного руководства по истории искусств,² опубликованного четверть века назад, с новейшим в интересующей нас отрасли искусства. Из небольшой главы седьмого издания³ в современном издании текст вырос колоссально, и качественно, и количественно. В отдельном оттиске он представляет солидную, блестяще изданную книгу в 343 страницы (стр. 371—714 оригинального издания, с 233 рисунками, от № 353 до 586, и пятью таблицами VIII—XII).

Две страницы вводного текста автор посвятил пояснению уклада мусульманских народов. Им характеризуется связь их на почве ислама и арабского языка, роль Корана и торговли, влияние отдельных лиц и национальности мастеров; затронуто, наконец, значение некоторых политических событий, отделивших запад (Магриб) от востока, и догматическая рознь шиитов и суннитов.

В изложении принято разделение на три исторических периода: раннемусульманский, средневековый и нового времени. В каждом из них выделены главные стилистические направления. Так, в первом — стиль омейядов и аббасидов, во втором — стиль фатимидов, сельджуков, персидско-

¹ Manuel d'Art musulman. I. L'Architecture. Paris, 1907.

² Anton Springer. Handbuch der Kunstgeschichte. II. Das Mittelalter. 7-е изд., переработанное J. Neuwirth. Lpz., 1904.

³ Op. cit., стр. 77—98.

монгольский, мамлюкский и мавританский, в третьем — стили севевидов, моголов и османов.

Такая группировка в известных отношениях удобна и позволяет, например, автору непосредственно сопоставлять искусство омейядов востока и запада, не взирая на их географическое разделение, на основании исторических и стилистических данных, и делать более широкие выводы.

В других случаях такие обобщения вызывают некоторые неудобства. Так например, нельзя не согласиться, что стили аббасидов, фатимидов и сельджуков составили эпоху. Совершенно справедливо автор подчеркивает на стр. 388 и 398 сл. пережитки сасанидских традиций у нескольких современных аббасидам династий, но к сожалению не показывает достоверных образцов их искусства (рис. 391 — бронзовый кувшин Эрмитажа, лишенный точной датировки, все же не может служить неоспоримым доказательством). Между тем, Средняя Азия сохранила интересные остатки саманидской эпохи и тут автору несомненным подспорьем могли бы служить некоторые русские работы. Стилистический подход сказался и на освещении роли эйюбидов, которые только проскальзывают в главах о сельджукском и мамлюкском стиле.

К тексту приложены две географические карты, сообразно делению мусульманского искусства на восточное и западное. Уже эти карты, вернее карта восточной части, может навести на известные размышления. Она охватывает часть Египта, Аравии и Персии на юге и оканчивается морями Черным, Каспийским и Аральским на севере, причем из помеченных пунктов предельными в этом направлении являются Константинополь, Ани и Самарканд. Все, что лежит севернее этого пояса, в действительности ни в карту, ни в текст не вошло. Так, остатки мусульманского искусства в бассейне Волги и в Крыму совершенно не затронуты, то и другое имя отсутствует в указателе и только один раз в тексте (стр. 439) косвенно упомянуты татарские погребения Крыма. Что касается средне-азиатских памятников, постройки тимуридского периода и их керамическое убранство освещены лучше, хотя перечень их не велик: Гур Эмир, постройки Ригистана, Шах Зинда, минарет в Бухаре, дворец в Кеше — и только.

Мы сами главные виновники таких умолчаний, запаздывая со сводными работами по исследованиям мусульманских памятников в пределах Союза и издавая их слишком экономно. Но отдельные отчеты об интересных открытиях, изысканиях, описания и исследования появлялись в печати. Привлечение их несомненно дополнило бы набросанную автором картину. Так, новейшая русская литература о мусульманских памятниках Крыма дала бы возможность полнее и правильнее осветить вопрос о роли

сельджукского искусства вообще и сельджукского портала (стр. 447) в частности, показав распространение его к северу. Не меньших результатов можно было бы достигнуть в главе о Синане и его школе, при учете влияния ее на Крым (стр. 527).

Книга Е. Kühnel'я с ее связным и легким языком дает цельное впечатление. Сжатость изложения обусловлена ее назначением, как части большого руководства по истории искусства. Превосходное использование западно-европейской литературы чувствуется всюду. Автор умело выделяет существенное, не затушевывая своих индивидуальных взглядов (например, на стр. 395 — пережитки скифского звериного стиля в орнаментике Самарры) и часто дает новое освещение спорных вопросов.

Почти полное отсутствие упоминаний авторов отдельных исследований в тексте восполнено библиографическим списком (стр. 546—548). Он очень сжат, но дает лучшее и необходимейшее. При непрерывном росте изучения мусульманского мира очень быстро назреет потребность в дополнениях к этой работе Е. Kühnel'я, помимо оговорок относительно русской литературы. Даже в настоящую минуту можно в отдельных вопросах указать новые исследования, например по поводу рибатов (к стр. 380),¹ но явление это нормально и неизбежно и мы должны быть признательны автору за прекрасное разрешение его задания.

В. Крачковская.

¹ Jaime Oliver Asín, *Origen árabe de rebato, arroba y sus homónimos*. Madrid, 1928.

Цена 5 руб.